Исторический роман в двух книгах.
Автор Люттоли (Луи Бриньон). Почта: azenkur@gmail.com

Глава 1

Любовник королевы Франции

Наше повествование начинается с 10 сентября 1407 года. Но, прежде чем начать наше повествование, бросим лёгкий взгляд на Париж.

В то время Париж был разделен на две части. Старый город и новый город.

Старый город по всему периметру окружала стена Филиппа Августа. Здесь находился центр Парижа, Собор Парижской Богоматери, университет Сорбонна, госпиталь, церковь святой Катерины, аббатство святой Магноир и много других, не менее известных мест. В самой середине старого города протекала Сена. Через нее были переброшены три моста, соединяющие правый берег с левым. Вторая стена, построенная Карлом V, охватила более обширную территорию. Она окольцовывала Париж, на западе заканчиваясь у берега Сены, возле Лувра, и соединялась малой стеной со старым городом. На востоке она также заканчивалась у берега Сены, невдалеке от Бастилии, и соединялась со старым городом.

Первая внутренняя стена напоминала формой овал, вторая – незаконченный шестиугольник. Взобравшись на холм в близлежащих окрестностях Парижа, люди могли наблюдать полную картину лежавшего перед ними города, который своими формами весьма

напоминал человеческое лицо со шляпой на голове. Шесть массивных ворот, у которых денно и нощно дежурила многочисленная стража, служили выездом и въездом из Парижа.

Вечером многочисленные узкие улицы Парижа погружались во мрак. Редкие светильники, прикрепленные на небольшой высоте к деревянным столбам, весьма слабо освещали ночной город. Он словно в одночасье вымирал, ибо горожане опасались выходить по ночам из домов по причине большого количества грабителей, промышлявших на улицах Парижа. Лишь городская стража, охранявшая покой горожан, разъезжала по ночным улицам. Они предупреждали о своем появлении громкими криками:
- Берегись, стража!
Если кто и бодрствовал, кроме стражи, так это священники. Они оставляли двери церквей открытыми и всякий желающий помолиться или раскаяться, а возможно просто почувствовать дуновение божественного проведения, мог прийти в надежде получить понимание и сочувствие.
Однако не все отсиживались по домам в эту ночь. Одинокий всадник, облаченный в богатые одежды и вооруженный мечом, неторопливо ехал по одной из улиц Парижа. На попоне золотыми нитками был вышит герб всадника – королевские лилии.
Герцог Орлеанский, а это был именно он, остановился возле двухстворчатых железных ворот с кованой резьбой, кои украшали вход во дворец Барбет, или как его еще называли, малыми покоями королевы. Герцог не стал заезжать во дворец с главного входа. Он обогнул дворец с левой стороны и, через несколько минут подъехал к неприметной на вид калитке. Когда герцог спешился, он услышал скрип отворяемой калитки. Обернувшись, он увидел молодую женщину, стоявшую в проеме двери. На ней было простенькое платье и незамысловатая накидка. В руках женщина держала горящий светильник.
Молодая женщина поклонилась герцогу Орлеанскому. В тишине прозвучал приглушённый голос.
- Ее величество ждет, ваше высочество!
Герцог Орлеанский привязал коня к дереву раскинувшему ветви совсем рядом с калиткой, а затем без излишних слов последовал за своей провожатой. Молодая женщина дождалась, когда герцог Орлеанский войдет внутрь. После этого она заперла калитку на засов и повела герцога по одной из аллей сада к зданию дворца. Пламя светильника освещало им путь. Они вошли во дворец, и сразу попали в длинный, безлюдный коридор. Молодая женщина провела герцога Орлеанского до конца коридора, в котором не было ни дверей, ни окон, и они оказались в тупике. Молодая женщина подошла к стоящей перед ними каменной стене, шириной не более чем в два шага, и уверенно нажала рукой на один из камней. Стена слева от нее открыла узкий проход к основанию крутой лестницы. Они поднялись по лестнице наверх и оказались на небольшой слабоосвещенной площадке с одной-единственной дверью. Здесь она оставила герцога Орлеанского одного и ушла. Герцог Орлеанский уверенно отворил дверь и вошел в покои королевы.

Везде царил полумрак, но даже он не умалял обстановки, царившей в комнате. Полы устилали мягкие ковры, на стенах меж канделябров висели картины, посередине стоял круглый стол с красивыми резными ножками. Он был уставлен яствами. Несколько богато украшенных резьбой кресел стояли возле стола. Но самой примечательной в комнате была кровать, широкая, с белоснежным пологом, покрытая шелковым постельным бельем. На ней лежала очень красивая полуобнаженная женщина в воздушном одеянии из тончайшего батиста. Пальцы женщины были унизаны перстнями из драгоценных металлов. Взгляд, как и обстановка комнаты, выражал некое таинственное обещание.

Отбросив шляпу и на ходу стаскивая перчатки с рук, герцог Орлеанский опустился на край кровати рядом с королевой. С неподражаемой грацией королева протянула руку, усыпанную кольцами. Герцог один за другим медленно перецеловал все ее изящные пальчики и при этом не сводил страстного взгляда с королевы. Королева недовольно сморщила лицо.

- От вас просто веет холодом, - в её словах одновременно зазвучали разочарование и кокетство.

- Оскорбляя меня, любовь моя, вы должны быть готовы к возможным последствиям.

Герцог Орлеанский сбросил одежду и бросился на королеву, впиваясь ей в губы.

- Уже лучше, - прошептала королева, - но недостаточно убедительно.

Её слова заставили герцога издать возглас негодования. Он стал покрывать тело королевы быстрыми поцелуями. Не желая дольше терпеть, королева прижала двумя руками голову герцога к груди.

Любовные игры королевы и герцога Орлеанского продолжались более двух часов. Когда они, наконец, насытились плотскими утехами, обнажённая королева осталась нежиться в постели, а герцог Орлеанский, всегда испытывающий голод после занятий любовью с королевой, незамедлительно уселся за заранее приготовленный для него стол, на котором лежал обильный ужин и бутылка вина.

Герцог Орлеанский отдал должное и ужину и прекрасному вину. Пока он поглощал пищу, королева из - под опущенных ресниц следила за ним. Едва дождавшись, когда герцог Орлеанский покончит с ужином, королева деланно-равнодушным тоном произнесла:

- Знаете кузен, я видела утром его величество во дворце Сен-Поль!

Слова королевы прозвучали весьма неуместно. Герцог Орлеанский слыл человеком щепетильным, и не любил, когда королева упоминала о короле во время любовных встреч, тем самым напоминая ему, что его любовница ни кто иная как супруга его собственного брата. Притворившись, будто слова королевы ничуть не задели его, герцог равнодушно поинтересовался:

- Как чувствует себя мой венценосный брат?

- Отвратительно! Он вновь пытался избить меня, как сделал это в прошлый раз,- пожаловалась королева, - слава богу, ему не позволили сделать это.

- И кто же посмел воспротивиться моему брату? - герцог Орлеанский задал вопрос с искренним удивлением.
- Эта девица…Де Одинер. Король в последнее время только её и допускает к себе. Терпеть не могу эту девицу, - королева поморщилась,- король назвал меня шлюхой, а Дофина - ублюдком. Он заявил, что кроме Екатерины у него нет детей. Бедный мальчик, он присутствовал там и слышал все слова, которыми поносил его король. Дофин с такой ненавистью смотрел на меня, что мне стало не по себе. Дофин даже не пытается скрывать свою ненависть ко мне. Я даже думать боюсь о том, как он со мной поступит, когда наследует престол Франции.
- Не принимайте близко к сердцу, любовь моя, - посоветовал герцог Орлеанский,- Дофину всего шесть лет. С возрастом он изменится.
- Не думаю, мой друг, - возразила королева, - Дофин уже в столь юном возрасте определил отношение к своему окружению. Знаете ли вы, кузен, кем он восхищается? Графом Д,Арманьяк.
- Что же в этом странного любовь моя?- удивился герцог Орлеанский, - граф Д,Арманьякодин из достойнейших людей, которых я когда-либо знал. Он честен, храбр, великодушен и многие почитают за честь дружбу с ним, в том числе и ваш покорный слуга.

Будь герцог Орлеанский повнимательней, он бы заметил, как недовольно нахмурились королева. Некоторое время после слов герцога Орлеанского королева словно раздумывала. У неё был вид человека, который не знает, стоит ли говорить слова, которые она всё же произнесла:

-Вы, наверное, не слышали, какие нелицеприятные слова произнёс в мой адрес граф? Знаете ли вы, что он себе позволил? Граф прилюдно назвал меня «похотливой стервой, готовой затащить в постель любого». Он сказал, что голова короля не в состоянии уместить количество рогов, которые, я ему поставила. Так же он обозвал меня…я даже не хочу повторять эти отвратительные слова и добавил, что я приношу Франции больше вреда, чем принесла битва при Кресси,- приняв оскорблённый вид, королева продолжала гневным голосом, - графу нет оправдания, ибо вся Франция знает, что меня не интересует политика. Я не вмешиваюсь в дела моего супруга и вовсе не намерена терпеть наглые и бесцеремонные выпады графа.

В эту минуту герцог Орлеанский совершил роковую ошибку. Вместо того чтобы обрушится с гневной тирадой на недопустимое поведение графа, чего и ожидала от него королева, он лишь равнодушно пожал плечами.

- Граф и мне высказывает в лицо всё что думает. Ему не нравится наша связь и дело вовсе не в том, что я женат на его сестре. Граф считает нашу связь неприемлемой и богопротивной. Он честен и не выносит ухищрений, к которым склонны другие.
- Иными словами кузен, вы намерены спустить ему с рук слова, которые были сказаны в мой адрес? Он поливал меня нечистотами, а вы принимаете это как должное? - в голосе королевы прозвучала скрытая ненависть, которая укрылась от герцога Орлеанского.

- Отнюдь любовь моя,- возразил Герцог Орлеанский, - я непременно отправлюсь в Осер и поговорю с графом.
- Будет ли он наказан?
- Не забывайте любовь моя, граф один из двенадцати нотаблей входящий в королевский совет. И только королевский совет в полном составе может вынести ему наказание.
-Как всегда вы правы кузен, - королева натянуто улыбнулась и тут же испустив тяжёлый вздох приложила ладонь внешней стороной ко лбу, - кажется опять начинается мигрень - пожаловалась королева. Надеюсь, вы меня простите?!
- Любовь моя,- герцог Орлеанский подошёл к королеве и легко поцеловал в губы, - я провёл чудесные мгновения рядом с вами и желал бы продлить их, но, поскольку вам нездоровится, мне придётся откланяться.

Претворяя слова в действия, герцог Орлеанский поклонился, взял шляпу, перчатки и вышел. Королева долгое время с откровенной злобой смотрела на дверь, через которую он вышел. Затем, громко позвала служанку.
- Жюли!

Преданная служанка королевы немедленно явилась на зов. Королева встала с постели, подставляя своё обнажённое тело под проворные руки Жюли, которая в течение следующей четверти часа одела и причесала королеву. Едва туалет королевы был закончен, как вновь прозвучал повелительный голос;
- Никола Фламеля …я хочу видеть его сию минуту.
- Мадам! – Жюли покинула опочивальню королевы и вскоре вернулась в сопровождении немолодого мужчины, одетого в серую одежду. Мужчина был высок и худощав с выступающими скулами на лице. Оставив его наедине с королевой, Жюли удалилась.

Не сводя взгляда со своего астролога, королева задала вопрос.
- Что говорят звёзды сударь?
- То же что и в прошлый раз, - с поклоном ответил астролог, - они предвещают смерть герцогу Орлеанскому в эту ночь!
- Твоё предсказание не может быть ошибочным?
- Нет, моя королева!
- Ну что ж,- королева зловеще усмехнулась, - не нам простым смертным мешать божественному проведению.

Глава 2

Убийство

Возвращаясь, домой, герцог Орлеанский раздумывал над словами королевы. Все прекрасно знали, что из себя представляет королева, но открыто никто не высказывался за исключением короля, который имел на то право и графа д,Арманьяка.

Следует поговорить с ним, - подумал герцог Орлеанский. Однако при всей своей решимости обуздать графа, он не был уверен в положительном исходе разговора. Ему прекрасно была известна особенная черта характера графа. Граф никогда не отказывался от

своих слов. В общем - то, именно это качество внушало уважение к графу. Как бы то ни было, герцог не собирался доводить дело до ссоры. Они с графом Д,Арманьякявлялись не только родственниками но и единомышленниками.

По привычке герцог стал напевать какую-то песенку. На пути домой он почти не встречал прохожих. Время было позднее, за полночь. Лишь раз ему навстречу попался отряд стражников из шести человек. Они следовали по улицам Парижа с горящими факелами. Узнав герцога Орлеанского, они почтительно приветствовали его высочество. В ответ герцог Орлеанский благосклонно улыбнулся и спокойно продолжил путь домой.

Герцог Орлеанский свернул на старую храмовую улицу. Когда до дома оставалось не более двухсот шагов, он заметил четверых прохожих, которые двигались со стороны его дома по направлению к нему. Герцог Орлеанский почти не придал значения этому обстоятельству. Он почти поравнялся с ними, когда услышал топот ног за своей спиной. Герцог Орлеанский обернулся через плечо и увидел, как четверо незнакомых людей бежали за ним следом. Думая, что это грабители герцог Орлеанский пришпорил коня, но он опоздал. Его схватили те четверо, что находились перед ним. Лошадь, рванувшись, ускакала, оставляя герцога Орлеанского в руках грабителей. Восемь человек одновременно схватили его и, прижали спиной к стене.

- Я герцог Орлеанский!- громко сказал брат короля Франции. - Уберите прочь от меня свои грязные руки!

В темноте засверкали лезвия кинжалов. А следом раздались роковые для Герцога Орлеанского слова:

- Герцог Бургундский просил передать поклон!

- А, а… - герцог Орлеанский мгновенно побледнел, - так вы убийцы…

Больше он ничего не успел сказать. Восемь рук с кинжалами замелькали в воздухе, поочерёдно втыкая смертоносные лезвия в тело герцога Орлеанского. Кровь брызнула во все стороны. В течение одной минуты было нанесено не менее четырёх десятков ударов. Убедившись, что герцог Орлеанский мёртв, они бросили сына Карла Y и брата Карла YI в луже его собственной крови, как последнего смерда.

- Расходимся братья,- тихо сказал один из убийц, тот, который говорил с герцогом Орлеанским. - Дело сделано, наш враг мёртв.

Все убийцы одновременно подняли левую руку. Тремя растопыренными пальцами, большим, указательным и средним они очертили перед собой круг и тотчас растворились в ночных, улицах Парижа.

Через четверть часа в двух кварталах от старой Храмовой улицы, в невзрачный с виду дом вошёл одинокий прохожий, закутанный в плащ. В доме находились не менее двух десятков вооружённых людей. Они молча пропустили незнакомца. Не останавливаясь, ночной гость направился к угловой комнате находящийся в конце коридора. При его появлении мужчина средних лет в богато украшенной одежде вскочил со своего места. Всем своим видом он изображал вопрос.

-Он мёртв, монсеньор!

Герцог Бургундский порывисто обнял человека, сообщившего ему эту радостную новость.
-Ты будешь щедро вознаграждён Лануа!- пообещал ему герцог Бургундский, - ты избавил меня от опасного врага.
Гилберт де Лануа поклонился.
- Нельзя медлить монсеньор! Не забывайте, у вас остался ещё один враг, много опаснее герцога Орлеанского. Если он заподозрит вас в смерти герцога Орлеанского, может произойти несчастье.
- Проклятые Д,Арманьяки! - Герцог Бургундский произнёс последнее слово так, словно выплёвывал его. - Тот день, когда я избавлюсь от них, станет днём моего величия.
- Положитесь на меня, монсеньор, и не медлите более. Скоро весь Париж узнает о том, что произошло. Я останусь в Париже, и буду постоянно докладывать вам о происходящих событиях.
- Мой верный друг!
Герцог Бургундский пожал ему руку и вышел. Через несколько минут герцог Бургундский в сопровождении двух десятков рыцарей уже покидал дом. Убедившись, что герцог Бургундский уехал, Гилберт де Лануа сел за стол, где лежали письменные принадлежности. Взяв чистый лист бумаги, он обмакнул перо в чернильницу и начал быстро писать.

«Монсеньор! Невольно я подслушал разговор герцога Бургундского с человеком, чье имя мне не известно. В разговоре речь шла об убийстве герцога Орлеанского. Вначале я не придал значения услышанному, но узнав, что герцога Орлеанского подло убили, я принял решение немедленно сообщить вам о некоторых подробностях подслушанного мной разговора. Герцог Бургундский сказал: «Убейте герцога ночью, когда он будет возвращаться от королевы!» Я не могу назвать вам свое имя по причине опасения за свою жизнь, но скажу, что являюсь лицом, приближенным к герцогу Бургундскому. Вы - единственный человек, способный покарать убийцу. Именно это обстоятельство заставило меня обратиться к вам.

Ваш преданный слуга!

P.S. Если монсеньор сомневается в искренности моих слов, сообщаю вам, что в настоящий момент герцог Бургундский покинул Париж и направляется во Фландрию».

Гилберт де Лану сложил письмо и написал сверху: «Лично в руки графа Д,Арманьяк».
- Вот и свершилось, - пробормотал Гилберт де Лануа, засовывая письмо в карман. – Только чудо способно остановить войну между герцогом Бургундским и Д,Арманьяками.

Глава 3

Орден Лионских бедняков

Не прошло и часа с момента отъезда герцога Бургундского, как дом покинул и Гилберт де Лануа. Едва оказавшись на улице, он плотнее укутался в плащ. До него донеслись крики взбудораженных горожан. Из чего он заключил, что тело герцога Орлеанского обнаружено.

После получаса ходьбы, он миновал стену Филиппа Августа, окружающую старый город кольцом. На пути попадались несколько раз конные стражники, в смятении спешившие к старой Храмовой улице. Лануа не обращал на них никакого внимания, впрочем, как и они на него. Он целенаправленно двигался в сторону кладбища «Невинно убиенных младенцев». У входа на кладбище, под аркой валялся нищий. Лануа перешагнул через него, при этом настороженно оглядываясь по сторонам. Улица была совершенно пустынной, не считая нищего и легкого ветерка, с шелестом кружившего опавшую листву. Внутри кладбища, слева от входа, была расположена целая галерея картин, на которых были изображены все сословия французского королевства. Начиная от папы римского, короля Франции, дворянства, духовенства и заканчивая крестьянами и ремесленниками. Лануа крадучись двинулся по узкому проходу между галерей и могилами. Чуть ли не ежеминутно Лануа останавливался, прислушиваясь к черной темноте мрачного кладбища. Не услышав ничего подозрительного, Лануа продолжал свой путь. Так продолжалось довольно долго. Он успел дважды обойти кладбище, твердо убедившись, что опасности нет. Лануа подошел к одноименной могиле, которая находилась где-то посередине кладбища. На надгробии были выведены четыре слова латинскими буквами: «Верному сыну от Анатас!». Рядом с надгробием возвышался крест. Лануа ухватился двумя руками за него и, сделав небольшое усилие, начал поворачивать. Крест начал поворачиваться против часовой стрелки. Могила со скрипом сдвинулась на несколько футов в сторону, открывая перед Лануа, слабо освещенную лестницу, уходящую далеко под землю. Спустившись вниз ровно на шесть ступенек, Лануа нащупал скрытую пружину, которая служила механизмом открытия и закрытия прохода изнутри. Лануа нажал её. Механизм вновь пришёл в действие, могила над головой Лануа сомкнулась вновь на прежнем месте. Лануа миновал не менее ста ступенек, прежде чем оказался в холодных и сырых сводах подземелья. Лануа невольно вздрогнул, когда перед ним возник словно ниоткуда, человек в монашеской рясе с надвинутым на лицо капюшоном.

– Отец Вальдес ждёт тебя!

Не ожидая ответа, монах направился по одному из четырёх коридоров подземелья. Факелы на стенах смутно освещали им путь отбрасывая призрачные тени на стены подземелья. Монах двигался уверенно, видимо прекрасно разбираясь в лабиринтах подземелья. Лануа торопливо двигался за монахом. Вот они вошли в одну комнату с овальными каменными сводами, в которой не было другого выхода за исключением того, через который они только что вошли. Монах приблизился к стене. Лануа не видел действий монаха, но стена, словно по волшебству отворилась перед ними. Они оказались в длинном подземном коридоре, вдоль которого вились ряд замысловатых арок поддерживаемые тонкими каменными колоннами.

Достигнув конца коридора, они попали в просторный зал. Посередине стоял колодец наполненный водой. Монах сунул руку в воду и сразу после этого вода в колодце начала убывать, открывая взгляду Лануа небольшую лестницу. Через минуту вода ушла настолько, что боковой проход, вырубленный в стене колодца, оказался свободным от воды. Лануа вслед за монахом спустился в колодец. Пройдя по боковому проходу, они достигли подножья другой лестницы, по которой забрались наверх. Комната была точь в точь такой же, как и предыдущая. Когда они вышли из второго колодца, монах снова привёл в действие механизм, наполняя колодец водой. Пройдя две небольшие, но совершенно пустынные комнаты, они попали в огромный зал с каменными колоннами, на которых висели зажжённые факелы. Посередине зала стоял длинный узкий стол. Во главе стола, на высоком деревянном стуле восседал старец с длинными седыми волосами. Правой костлявой рукой он поглаживал голову карлицы, уродливый как сам старец. Карлица, оскалив кривые зубы, без стеснения рассматривала Гилберта де Лануа. Двое монахов выглядевшие в точности как проводник Лануа, стояли за спиной старца. Скрестив руки, они из - под надвинутых на лицо капюшонов пристально наблюдали за происходящим в зале.

Стеклянный взгляд старца впился в Гилберта де Лануа. Он оторвал руку от головы карлицы и протянул её в сторону Лануа. Лануа поспешно бросился на колени перед старцем и с благоговением поцеловал протянутую руку.

- Жив ли наш враг, сын мой?- скрипучим голосом спросил старец.

- Он мёртв, отец Вальдес!- не вставая с колен, ответил Гилберт де Лануа.

Перед старцем на столе лежали три деревянные фигурки. Две большие, одна поменьше. Старец взял со стола одну большую фигурку и с неожиданной силой для такого с виду немощного старика переломил её пополам.

- Один наш враг умер! Но остались ещё двое! Один умер- остались двое! Они должны быть умерщвлены!

- Они умрут отец Вальдес!- Лануа произнёс эти слова как клятву,- мне удалось внушить герцогу Бургундскому что ему грозит опасность со стороны д,Арманьяков. В настоящее время он направился во Фландрию, где будет собирать силы для войны с ними, на случай, если она начнётся.

- Ты им поможешь сын мой, ты очень умён! Такой человек достоин стать моим преемником!

- Я не пожалею и жизни для вящей славы ордена!- с пылом воскликнул Гилберт де Лануа.

- Тебя проводят обратно!

Старец махнул рукой проводнику Лануа.

Поцеловав ещё раз руку старца, Лануа в сопровождение монаха удалился. Старец взял в руку оставшиеся две фигурки.

- Скоро вы умрете! - прошептал он.

- Во имя Анатаса! Да сбудутся мои слова! – стеклянные глаза старца зловеще мерцали.

Из двери, противоположной той, через которую прошел Лануа, появились два человека, в сопровождении другого монаха. Первый

из них – Кабош, глава гильдии Парижских мясников, невзрачный низенький толстяк. Второй - Николя Фламель – лекарь и алхимик, особа, приближенная к королеве Франции. Оба опустились на колени и по очереди поцеловали руку старцу.
- Дети мои! Недалек день, когда начнется война между самыми могущественными кланами Франции – «д,Арманьяками» и «Буригиньонами». Мы поможем герцогу Бургундскому уничтожить д,Арманьяков. Ты, сын мой, - старец ткнул пальцем в Кабоша, - должен настроить горожан против д,Арманьяков. По моему знаку Париж должен восстать и выступить на стороне бургундцев.
- Если такова воля отца нашего, д,Арманьяки будут уничтожены!
- Такова воля моя и воля отца моего – Анатаса!
Кабош согнулся еще ниже. Старец очертил над головой Кабоша круг одной рукой, другой осенив в шести местах.
- Иди, во имя Анатаса!
Кабош, пятясь, удалился. Старец вперил взгляд в Николя Фломеля.
- Королева довольна тобой, сын мой?
- Полностью, отец Вальдес! Как вы и приказывали, я предсказал смерть герцога Орлеанского в эту ночь!
- Предсказание сбылось! Королева еще больше уверует в твои способности!
- Я лишь покорный слуга моего господина!
- Оставайся им и впредь, сын мой! Я хочу, чтобы ты внушил королеве неприязнь к д,Арманьякам. Предскажи ей гибель этого клана, и скажи, что она потеряет власть, если станет им помогать. И не забывай давать королеве зеленый эликсир.
Николя Фламель покорно кивнул головой.
- Иди, сын мой, во имя Анатаса!
Как и все его предшественники, Николя Фламель еще раз поцеловал руку старца и сразу удалился.

Старец протянул правую руку карлице. Карлица крепко сжала ее коротенькими пальцами. Отец Вальдес с карлицей покинули зал через третью дверь, которая вела к жертвенному алтарю. Слева от жертвенной, в центре стены внизу была сделана ниша, в которой горел огонь. Над огнем висело на цепях изображение каменного идола с тремя короткими рогами и зловеще оскаленным ртом. Бормоча непонятные слова, отец Вальдес поклонился идолу. Карлица присела возле огня, следя за действиями старца. Закончив бормотать, старец подошел к узкому столу, который был намного короче того, что стоял в большом зале. На столе лежала обнаженная девушка. Она не была привязана к столу, однако, не шевелилась. Тусклый взгляд юной особы выражал полнейшее равнодушие. Она, несомненно, была всё ещё жива, однако не подавала никаких признаков жизни. Рядом с ней на столе лежал короткий кинжал, рукоятка которого была украшена головой идола с тремя рогами. Отец Вальдес взял в руки кинжал и занес высоко над головой.
- Кровь юной девственницы поможет мне!

Отец Вальдес снова начал бормотать заклинания. Голос старца то затихал, то взлетал высоко, он то бормотал, то начинал говорить отчетливо, и все время описывал круги вокруг жертвы. Наконец,

отец Вальдес остановился. Он встал над головой жертвы и произнес одно слово.
- Совесть!
Вслед за этим старец уколол клинком лоб жертвы. На лбу девушки показались капли крови. Отец Вальдес смочил выступившей изо лба кровью кинжал, подошел к изображению идола. Кровью с кинжала он смазал первый рог, бормоча при этом.
- Да сгинет святой дух! И да воцарится царствие твое, Анатас!
После этого старец вновь вернулся к жертве и уколол ее в левую грудь.
- Сердце!
Снова смазав выступившими каплями крови кинжал, старец смазал ею второй рог, бормоча при этом.
- Да сгинет сын! И да воцарится царствие твое, Анатас!
Затем старец сделал надрез на правой груди девушки.
- Душа!
Бормоча, он подошел и смазал этой кровью третий рог.
- Да сгинет отец! И да воцарится царствие твое, Анатас!
Отец Вальдес вновь вернулся к жертве. Начиная от шеи, заканчивая пупком, он очертил кровавый круг по телу жертвы, и еще один маленький круг он очертил в самом центре круга.
- Линия девственности!
Отец Вальдес прочертил кровавую линию от пупка к внутренней стороне маленького круга.
- Линия порока!
Он прочертил вторую кровавую линию от шеи к маленькому кругу.
- Линия жизни!
Он прочертил кровавую линию с правого плеча.
- Линия смерти!
Он прочертил кровавую линию с левого плеча.
- Линия тьмы!
Он прочертил кровавую линию с левого бока.
- Линия света!
Он прочертил кровавую линию с правого бока.
Все кровавые линии сходились в центре маленького круга.
- Прими ее душу, Анатас, и позволь мне увидеть будущее!
Издав резкий крик, отец Вальдес изо всех сил воткнул кинжал в центр круга и сразу вытащил его обратно из тела жертвы. Несмотря на очень глубокую рану, крови не было. Отец Вальдес несколько мгновений следил за начертанными им линиями. На левом плече жертвы показались несколько капель крови. Постепенно кровяной поток усиливался, и вскоре из раны на левом плече кровь брызнула во все стороны. Ни одна из остальных пяти линий не кровоточила. В течение нескольких минут отец Вальдес следил за струйками крови, вытекающими из левого плеча. Затем подошел к идолу и, ликуя, воскликнул.
- Имя твое велико! И да погибнет клан Д,Арманьяков!
В отличном расположении духа, отец Вальдес покинул жертвенную комнату. После его ухода карлица медленно подошла к лежавшей на столе жертве. Девушка ещё дышала, но менявшийся на глазах цвет лица указывал на то, что ей осталось недолго жить. Карлица потрогала рукой рану, потом по очереди начала обводить пальцем

жертвенные линии. Едва она хотела, коснутся линии жизни на правом плече, как оттуда начала вытекать тонкими струйками кровь. Карлица в смятение отдёрнула палец, однако несколько капель всё же брызнули ей на руку. Карлица переводила потрясённый взгляд с крови на руке, на кровь, выделяющую из раны.
- Кто-то останется в живых,- пробормотала карлица,- и наши судьбы будут связаны.
Теперь у карлицы была тайна, о которой не знал даже всемогущий отец Вальдес.

Глава 4

Д, Арманьяки

Родовой замок графа Арманьяк находился на юге Франции, чуть поодаль Орлеана, в небольшом городке Осер. Замок был отделен от города рвом, заполненным водой. Единственный путь к нему лежал через мост, который приводился в действие огромным колесом, расположенным в одной из сторожевых башен на стенах замка. Замок находился на окраине Осера и в то же время как бы внутри него, но при этом он жил своей отдельной жизнью. Замок представлял собой большое каменное сооружение- состоящее из трёх этажей с круглыми башнями по углам. Он, как и город был окружён стеной, на которой днём и ночью дежурила стража. Сразу при въезде в замок через массивные ворота, находился огромный двор. Здесь была кузница, караульное помещение, конюшня, прачечная и многое другое. Рядом с замком находилось одноэтажное деревянное строение, построенное для прислуги замка. В самом замке имелось несколько десятков комнат, часть из них пустовала. Основные помещения находились на первом этаже. Это и оружейная, и столовая, большой зал для приёмов, личный кабинет графа и много других, менее значимых помещений. На втором и третьем этажах, к которым поднимались деревянные лестницы, располагались покои хозяина замка - графа Д,Арманьяки его ближайшего окружения. Так же здесь находились покои для гостей. Замок был построен прадедом нынешнего графа Арманьяк, после того как он получил земли Осера в награду за храбрость на полях сражений- от короля Франции Филиппа «Красивого».
Справа от ворот замка, устроили небольшую площадку, где с утра до позднего вечера, рыцари упражнялись в мастерстве владении мечом. Около двадцати рыцарей разбившись на пары с упорством достойным восхищения, вели ожесточённые схватки.
Именно сюда направлял свои шаги граф Д,Арманьяк. Ему едва перевалило за сорок лет. Это был человек с гордым профилем и обаятельными чертами лица. В руках он держал два деревянных меча. По пятам за ним следовал двенадцатилетний мальчик, как две капли воды похожий на него самого. При его появлении рыцари на время остановили поединки и поклонились.

Улыбнувшись в ответ, граф сделал жест рукой, который означал, чтобы они продолжали свои занятия и не обращали на него внимания.

Граф встал в позицию. Подождав пока то же самое сделает мальчик, граф протянул ему один из деревянных мечей. Мальчик принял этот жест как должное. Взяв меч в правую руку, он с весьма серьёзным видом встал в защитную позицию.

- Ты готов Филипп?- спросил граф у мальчика.

- Готов! - последовал уверенный ответ.

Граф сделал выпад, целясь в грудь Филиппа, но мальчик сумел отбить удар и тут же не раздумывая бросился в атаку на своего отца, но натолкнулся на острие деревянного меча, приставленное к его животу.

- Прежде чем нападать - научись защищаться!- нравоучительно заметил сыну граф Д,Арманьяк.

- Мне не нравится защищаться!- недовольным голосом ответил Филипп, предпринимаю новую попытку атаковать.

Рыцари оставив свои упражнения сгрудились вокруг них и улыбаясь следили, как граф Арманьяк со смехом отбивал беспорядочные удары своего сына. Его меч всё время касался тела Филиппа в разных местах. Филипп злился на свою беспомощность и предпринимал всё новые атаки. Бросив защищаться, граф перешёл в атаку, вынуждая Филиппа занять полностью оборонительную позицию. Филипп побагровел от напряжения. Ему никак не удавалось уклониться от ударов, они всё время достигали цели. Граф часто останавливал поединок, подробно объясняя сыну, почему тот пропустил тот или иной удар, затем схватка продолжалась. Филипп запоминал всё, что ему говорил отец и вскоре граф с удовлетворением отметил, что Филипп не совершает одну ошибку два раза подряд. Очередной колющий удар в бок, ранее достигший цели, на сей раз её не достиг. Филипп отбил выпад, в свою очередь, предпринимая аналогичную атаку. Отбивая атаку, граф невольно подумал о том, что вскоре ему придётся нелегко сражаться с Филиппом. У мальчика имелась сила, напор и неуёмное желание победить. Овладев мастерством владения меча, он мог стать весьма опасным противником. Эта мысль порадовала графа.

- А сейчас я выбью меч из твоих рук! - предупредил граф Д,Арманьяк.

Сделав обманный выпад, он обвёл меч Филиппа таким образом, что рукоятки мечей оказались рядом. Едва он собирался сделать последнее движение, чтобы выбить из его рук меч, как Филипп левой свободной рукой изо всех сил ударил графа по запястью руки, державшую меч, а правой, одновременно с этим перехватил движение, и в итоге вырвал меч из его рук.

Вокруг них грянул хохот.

Филипп салютовал мечом побеждённому противнику, а рыцарям, следившими за поединком, отвесил несколько поклонов. Филипп торжествовал. Наконец-то он одолел отца.

- Так нельзя поступать!- укорил его отец.

- Почему?- искренне удивился Филипп.

- Запомни, мой сын, нет чести в победе добытой обманом!

Слова отца задели Филиппа. Он бросил на отца хмурый взгляд.

- Как же я смогу тебя победить? Ты сильнее меня!
Граф не смог сдержать улыбки. Филипп наверняка считал, что у него отнимают честно добытую победу.
- И всё же не повторяй того, что ты сделал,- твёрдо повторил граф,- рыцарь обязан соблюдать правила боя и сражаться честно.
Филипп подбежал к одному из рыцарей, смуглому на вид и ровеснику его отца.
- Ги, рассуди нас,- попросил Филипп, обращаясь к нему.
Рыцарь потрепал Филиппа по голове.
-Твой отец прав, мой друг!
- Ты тоже на его стороне,- вздохнул Филипп и тут же спросил у обоих, - в таком случае, может, ответите, что делать, когда у вас сто рыцарей, а у противника в десять раз больше?
- А он не любит сдаваться,- Ги де Монтегю переглянулся со своим другом, графом Д,Арманьяк, который и ответил на вопрос.
- Умереть с честью в бою!
-А как бы ты поступил?- спросил у Филиппа Ги де Монтегю.
На губах Филиппа появилась озорная улыбка.
- Как с отцом!- последовал ответ, приведший к общему хохоту.
- Похоже, сегодня вы не собираетесь обедать, - раздался рядом с ними недовольный голос графини д,Арманьяк.
Рыцари разом замолкли при появлении молодой женщины в черном платье с накинутым на голову темным платком. Почтительно расступившись, они пропустили графиню к сыну. Филипп с явным недовольством взирал на свою мать.
- Нет! – отрезал Филипп. – Я не голоден.
Повернувшись к матери спиной он собрался было заговорить с Ги де Монтегю, но в этот момент граф взял его за ухо и повернул лицом к матери.
- Изволь вежливо разговаривать со своей матерью!
Кривясь от боли, Филипп скороговоркой произнес:
- Дорогая матушка, я не голоден. Так лучше?
- Намного, - признал граф, - однако, пообедать тебе все же придется.
Граф легонько подтолкнул сына в спину. Не смея прекословить отцу, Филипп поплелся за матерью. Едва граф собрался возобновить тренировку с Монтегю, как со стены, окружающей замок, раздался голос одного из стражников.
- Гонец от герцогини Орлеанской!
Граф обменялся недоумённым взглядом с Ги де Монтегю, не понимая, что могло заставить сестру направить гонца, затем, чуть помедлив, громко крикнул.
- Откройте ворота. Впустите гонца.
Пока граф в недоумении тер затылок, пытаясь разгадать причину появления гонца, ворота отворились, пропуская запыленного всадника. Гонец остановил коня в нескольких шагах от графа. Спрыгнув с коня, он твердым шагом подошел к графу и, преклонив одно колено, протянул запечатанное письмо.
- Монсеньору от герцогини Орлеанской.
Граф Д,Арманьяксломал печать, развернул письмо и начал читать. По мере того, как он читал, лицо его становилось все мрачнее. Монтегю с тревогой наблюдал за ним, догадываясь, что граф

получил неприятное известие. Когда граф закончил читать, его лицо напоминало грозовую тучу. Граф свернул письмо и обратился к гонцу.

- Вам дадут денег, и свежую лошадь. Немедленно отправляйтесь обратно в Париж и известите герцогиню Орлеанскую о моем скором приезде. Она ничего не должна предпринимать, пока мы не встретимся. Передайте все на словах.

Гонец поклонился.

- Слушаюсь, монсеньор.

Граф Д,Арманьякотвел Монтегю в сторону на расстояние, достаточное, чтобы их не слышали остальные. Поведение графа не на шутку обеспокоило Монтегю.

- Что случилось? – встревожено спросил он.

Еще раз перечитав письмо, граф молча протянул его своему другу. Ги де Монтегю внимательно изучил содержание письма. Лицо его после чтения письма мало чем отличалось от лица графа.

- Я не понимаю, - Монтегю протянул письмо обратно графу, - как такое могло случиться? Брат короля! Нотабль! И зарезан, словно бездомный нищий! Случайность?

- Не знаю!

Граф сосредоточенно размышлял.

- Я пытаюсь понять, каким образом могло произойти это несчастье. Герцог Орлеанский был весьма значимой личностью во Франции. Принц крови, вряд ли кто-либо осмелился бы его убить. Во всяком случае, я таких людей не знаю. Потом, само убийство… таким образом убивают ничего не значащих людей, но не принцев. Возможно, его просто не узнали. Чем еще можно объяснить это подлое убийство?

Ход рассуждений графа был прерван новым криком стражника.

- Гонец!

- Еще один, - пробормотал себе под нос граф Д,Арманьяк, - да что, черт побери, происходит в Париже? Впустите его.

Всадник въехал в ворота, передал письмо одному из стражников, и тут же, развернув коня, поскакал обратно. Охваченный нетерпением, граф сам бросился к стражнику и чуть ли не вырвал письмо из его рук. На письме не имелось печати. Повертев его в руках, граф вскрыл письмо. Ему понадобилось меньше минуты, чтобы прочитать письмо неизвестного. Закончив чтение, граф издал вопль ярости.

- Подлец! Грязный убийца!

Ги де Монтегю взял из его рук письмо, содержание которого мы приводим ниже.

«Монсеньор! Невольно я подслушал разговор герцога Бургундского с человеком, чье имя мне не известно. В разговоре речь шла об убийстве герцога Орлеанского. Вначале я не придал значения услышанному, но узнав, что герцога Орлеанского подло убили, я принял решение немедленно сообщить вам о некоторых подробностях подслушанного мной разговора. Герцог Бургундский сказал: «Убейте герцога ночью, когда он будет возвращаться от королевы!» Я не могу назвать вам свое имя, но скажу, что являюсь лицом, приближенным к герцогу Бургундскому. Вы - единственный человек,

способный покарать убийцу. Именно это обстоятельство заставило меня обратиться к вам.

Ваш преданный слуга!

P.S. «Если монсеньор сомневается в искренности моих слов, сообщаю вам, что в настоящий момент герцог Бургундский покинул Париж и направился во Фландрию».

Граф Д,Арманьякместе со своим другом детства и ближайшим соратником прошли в кабинет. Оба прекрасно осознавали, насколько серьёзно складываются обстоятельства после убийства герцога Орлеанского. Положение во Франции могло измениться в худшую для них сторону со дня на день. Герцог Орлеанский возглавлял партию д,Арманьяков. Убив его герцог бургундский не мог не осознавать, что тем самым объявляет войну всем д,Арманьякам. Все эти мысли пронеслись в голове графа в течение нескольких мгновений.
- Я хочу выслушать тебя Ги,- граф привыкший делить всё со своим другом, и сейчас ждал совета, - что ты обо всём этом думаешь?
Ги де Монтегю поджав губы сосредоточенно размышлял.
- Если письмо правдиво,- после короткого молчания заговорил Ги де Монтегю,- тут и думать не о чем. Убийца должен понести заслуженное наказание.
- Оно правдиво. Посуди сам, кто ещё кроме герцога Бургундского способен на убийство герцога Орлеанского? Лишь один обладает достаточной властью и силой для того чтобы думать, что это убийство сойдёт ему с рук. К тому же, ни для кого не секрет что мы давно враждуем с Бургундией. И последнее обстоятельство. Герцог Орлеанский стоял на пути герцога Бургундского, который только и мечтает заполучить регентство и стать единоличным правителем во Франции.
- Всё сходится,- не мог не согласится Монтегю,- и теперь когда герцога Орлеанского больше нет, а король представляет собой весьма жалкое зрелище- путь для герцога Бургундского свободен…
- Если мы не помешаем!
Слова графа вызвали у Монтегю понимающую улыбку.
- Сто рыцарей достаточно?
- Достаточно! Через два дня отправляемся Париж. Я заставлю всех признать герцога Бургундского убийцей, и потребую наказания для него,- граф Д,Арманьяквыдержал паузу и продолжил более мрачным голосом, - ну а если меня не поддержат…будет война. Я не оставлю это убийство безнаказанным.
Филипп почти закончил обедать, когда в столовую вошёл его отец. Филипп редко видел отца таким мрачным. Он заметил и вопросительно - испуганный взгляд матери.
- Послезавтра отправляемся в Париж, - коротко сообщил граф Д,Арманьяк и повернувшись вышел.
Не говоря ни слова графиня Д,Арманьяк встала со своего места из-за стола и пошла вслед за мужем.

Глава 5

Юные рыцари

Филипп остался в одиночестве. Мысль о том, что он скоро отправится в Париж со своим отцом, наполнила мальчика гордостью. Ему не терпелось поделиться этой новостью со своими друзьями. Филипп выбежал из столовой в большой холл замка, а оттуда бросился во двор.

За то короткое время что он обедал, обстановка резко изменилась. По двору в спешке сновали слуги. Рыцари бросив тренировку о чём горячо спорили. Всюду вокруг Филиппа царила суматоха. Филипп побежал к конюшне. Первое что бросилось ему в глаза- были конюхи, которые несли мешки с овсом. Филипп подпрыгнул от радости. Значит, отец не шутил. Они действительно отправляются в Париж. Усиленное питание коней- верный признак скорого отъезда. Филипп забежал в конюшню и, пройдя мимо длинного ряда могучих боевых коней, которые внушали ему неподотчётный страх, вывел из стойла невысокую кобылицу рыжеватого оттенка. Через несколько минут он уже покидал стены замка. Стража, привыкшая к таким поездкам, проводила его молчаливыми взглядами.

Едва переехав через перекидной мост, Филипп пустил лошадь лёгкой рысью. Он с весьма важным видом ехал по маленьким улочкам Осера. Проезжая мимо харчевни, он степенно, подражая отцу кивнул группе горожан, которые встретили его появление поклонами. Горожане любили наследника д,Арманьяков. Всюду, по пути, он встречал благожелательность и добрые улыбки горожан Осера. Миновав церковь «святого Франциска», Филипп выехал к городскому рынку. Вокруг него царила суета. Здесь продавали всё, что только можно было приобрести во Франции. Привязав лошадь к жерди, прислоненной у стены, Филипп подтянул штаны и направился к длинному ряду торговых лавок, возле которых сновали горожане. В воздухе раздавалась брань и ругань. Слышны были громкие споры. Одним словом, торговля шла вовсю. Филипп миновал прилавки с одеждой, при этом поминутно оглядываясь по сторонам, словно ища кого-то. И тут его внимание привлёк безногий калека. Он лежал на голой земле, голова была прислонена к стене. В руках у калеки был кинжал, который он протягивал каждому прохожему с протяжной мольбой;

- Купите кинжал! С голоду помираю!

Филипп подошёл к калеке. Пошарив в кармане, он вытащил все медные монеты которые у него имелись.

- Бери,- Филипп протянул горсть медных монет калеке,- бери и купи себе еды.

Филипп высыпал горсть монет в подставленные ладони калеки, которые дрожали, то ли от волнения, то ли от радости. И собирался, было уходить, но калека схватил его за руку.

- Возьми нож милосердный д,Арманьяк,- калека второй рукой протягивал Филиппу, длинный кинжал.

Филипп удивлённо воззрился на калеку.

- Ты меня знаешь?
- Лишь Д,Арманьяк способен дать нищему калеке богатство, когда тот просит всего лишь куска хлеба,- послышался ответ калеки,- возьми кинжал и пусть он оберёжет тебя в минуту опасности, как сегодня спас меня ты… от голодной смерти.
В глазах калеки было столько мольбы, что Филипп молча принял кинжал и не рассматривая сунул за полу кафтана.
- Филипп!- внезапно раздался громкий крик за его спиной.
Филипп резко обернулся. При виде двух мальчиков его возраста, он приветливо помахал им рукой. Он направился к ним и вскоре все трое весело болтали. Они не замечали, что загородили проход покупателям. Тем, чтобы пробраться к прилавкам, приходилось их обходить.
Немного поболтав, к огромному облегчению продавцов, мальчики освободили проход, и направились к лошади Филиппа. Филипп сел первым на лошадь. Позади него на круп лошади взгромоздились оба его друга. Втроём на одной лошади они двинулись в путь. Вскоре они выехали из города и направились к Бретюнскому лесу.
Вдоль края леса бежала дорога на Париж. Дорога была пуста. Лишь где-то вдалеке слышался отдалённый грохочущий шум. Ничуть не пугаясь того, что густые ряды деревьев тянутся почти к облакам, мальчики смело въехали под их густую тень. Ряды деревьев были настолько густыми, что почти не пропускали ярких солнечных лучей. Лишь лёгкий ветерок шевелил их ветви. Мальчики ехали по лесу в полной тишине. Тропинка временами разветвлялась, но мальчики уверенно продолжали свой путь. Они ехали по лесу менее часа, когда показались развалины старого монастыря с единственным оставшимся в целости крестом. Филипп уверенной рукой направил лошадь, огибая развалины с левой стороны. Едва они оказались у западной полуразрушенной стены, их взгляду открылось маленькое озеро. На берегу озера горел костёр, возле которого сидели два мальчика. Завидев их, они принялись махать руками и кричать.
-Филипп! Одо! Антуан!
В ответ с лошади Филиппа раздалось ответное приветствие.
-Таньги! Гийом!
Через мгновение все пятеро мальчишек обнимались шумно хлопая друг- друга по плечам. В воздухе зазвенел мальчишеский смех. Едва первое впечатление прошло, мальчишки чинно расселись вокруг костра, как делали не раз, сбегая из дома. Между ними завязался оживлённый разговор. Первым заговорил Филипп.
- У меня есть такие новости, не поверите,- возбуждённо рассказывал Филипп своим друзьям,- отец направляется в Париж и меня с собой берёт. Я увижу короля и королеву, говорят она очень красивая,- добавил Филипп, подразумевая королеву.
- И ещё она развратная,- добавил худенький мальчик с горбинкой на носу, Таньги дю Шастель, - я сам слышал как наш кюре это орал.
- Кюре как выпьет, так всех, развратниками, и богохульниками обзывает, но королева достойна уважения, хотя и не стоит того. Так говорит мой отец! - важно заметил Филипп.

- А ты надолго уедешь Филипп? - спросил Одо де Вуален. Он из всех пятерых, был самого маленького роста, и поэтому всегда становился на носки, находясь рядом со своими друзьями.
- Надолго,- важно ответил Филипп, который на самом деле и понятия не имел, что ответить на этот вопрос,- может на несколько лет, а может и больше,- добавил он для пущей важности.
- Но ты ведь обещал! - закричал Антуан де Вандом. Он был одного роста с Филиппом, но немного полнее него.
- Да, ты обещал!- повторил Гийом Ле Крусто, самый высокий из всех, с бледным лицом.
Ты обещал, обещал,- мальчики со всех сторон набросились на Филиппа.
-Хорошо, хорошо,- Филипп замахал руками, отбиваясь от назойливости своих друзей, - я обещал и как человек чести, выполню своё обещание.
- На колени! - скомандовал Филипп.
Все четверо бросились на колени и устремили торжественные взгляды на Филиппа. Филипп поднял с земли ветку и подошёл к первому из четырёх коленопреклонённых мальчиков. Возникла короткая тишина. Все пятеро мальчиков осознавали торжественность момента. С важностью, которой, несомненно, позавидовал бы и сам граф д,Арманьяк, Филипп начал церемонию посвящения в рыцари.
- Мы на поле боя. Каждый из нас возглавляет сотню рыцарей. Нас всего пятьсот, а англичан пять тысяч. Врагов в десять раз больше, но наша храбрость и отвага настолько велики, что мы одерживаем великую победу. И в честь этой победы, - я ваш сеньор, граф д,Арманьяк, де Родез, де Фацензак, герцог де Немур,- Филипп положил ветку на плечо первого мальчика, - тебя – Антаун де Вандом посвящаю в рыцари!
- Тебя, Гийом Ле Крусто посвящаю в рыцари!
- Тебя, Одо де Вуален посвящаю в рыцари!
- Тебя, Таньги дю Шастель посвящаю в рыцарю!
Тишину Бретюнского леса, разорвал стройный и громкий хор мальчишеских голосов.
-Гордость и Честь!
-Слава и Доблесть!
-Бесстрашие и Отвага!
-Вот девиз д,Арманьяка1

Глава 6

Париж справляет мессу

Ровно через три дня после описанных событий, граф Д,Арманьякв сопровождении супруги и сына, а также сотни рыцарей прибыл в Париж. Разместив семью и своих людей в доме на улице святой Виктории, граф без промедления отправился с визитом к своей сестре.
Граф застал свою сестру в гостиной в весьма плачевном состоянии. К моменту прихода графа она разговаривала с

незнакомой ему женщиной. Увидев долгожданного гостя, герцогиня Орлеанская бросилась ему в объятья.
- Дорогой брат, ты не представляешь, как я рада твоему приезду!
- Я приехал сразу же, как только получил от тебя известие, - граф Д,Арманьякобнял сестру и поцеловал ее в лоб.
- Бернар, я в растерянности. Мы с ним находились не в очень хороших отношениях, ты это знаешь не хуже меня. Но его смерть стала для меня потрясением. Все произошло так неожиданно и настолько ужасно. Я не знаю, что мне делать, Бернар.
Граф усадил сестру в кресло, подвинул стул и сел рядом. Поглощенный беседой с сестрой, он не заметил, как беседовавшая с герцогиней незнакомая женщина незаметно оставила их.
- Расскажи подробно, что произошло, - попросил граф свою сестру.
- Вечером он, как обычно отправился к королеве. В последнее время они даже не пытались скрывать свою связь. Я не стала дожидаться его возвращения и отправилась спать. Через несколько часов после его ухода слуги нашли его мертвым недалеко от дома. Они занесли тело в дом. Ах, если бы ты видел, Бернар?! - глаза герцогини были полны слез. - Что убийцы с ним сделали?! Он был изрезан весь, в теле почти не осталось крови. Ужасное зрелище. Только закрою глаза, вижу все снова и снова. - Герцогиня закрыла лицо руками и тихо заплакала.
- Убийца будет наказан, не сомневайся, - заверил сестру граф.
- Оставь, Бернар, не вмешивайся, - вытирая слёзы краем платка, попросила герцогиня Орлеанская, - ты не представляешь, сколько всего изменилось за эти дни. Я недавно вернулась из дворца. Королева не скрывает радости по поводу смерти моего супруга. Она уже собрала королевский совет, чтобы избрать нового регента…ты куда, Бернар? – вырвалось у герцогини, когда она увидела, как граф направился к двери.
- Неотложное дело! – торопливо бросил граф Д,Арманьяки быстро вышел.
Покинув сестру, граф Д,Арманьякотправился во дворец Сен-Поль, где обычно проходили заседания королевского совета. Графа Д,Арманьякбеспрепятственно пропустили во дворец. Граф легко взбежал по ступенькам на второй этаж. Когда он вошел в зал заседания королевского совета, все уже собирались расходиться. Присутствовали все нотабли, за исключением герцога Бургундского. Королева возглавляла совет, восседая в большом кресле.
- Ваше величество, монсеньоры, - граф Д,Арманьякпоклонился. Он, как ни в чем не бывало, занял свое место за длинным столом.
- Я бы хотел знать, что здесь происходит? - холодно поинтересовался граф Д,Арманьяк, окидывая нотаблей ледяным взглядом, - а также узнать причину, по которой меня не соизволили пригласить.
На вопрос графа ответила королева Франции.
- У нас не имелось достаточно времени. Как видите, герцог Бургундский также отсутствует. Как вы, наверное, знаете, мы потеряли дорогого всем нам человека. Мы скорбим о герцоге Орлеанском, но дела государства, прежде всего. Новый регент

должен быть избран немедленно. Король – супруг мой, болен и не всегда справляется с возложенными на его плечи тяготами.
- И на чьи плечи хотят переложить эти тяготы? – насмешливо поинтересовался граф Д,Арманьяк.
Герцог Бурбонский встал со своего места.
- Совет решил назначить ее величество королеву регентом. Надеюсь, у вас нет возражений?
Молчание графа затягивалось, поэтому королева решила использовать личное обаяние, дабы убедить графа принять ее сторону.
- Монсеньоры, я бы хотела поговорить с графом наедине, если вы не возражаете?
Нотабли и так собирались уходить. Приход графа задержал их. Они попрощались с королевой и оставили их наедине. Королева обратилась к графу Д,Арманьякс очаровательной улыбкой.
- Граф, я всегда сожалела, что не вижу вас в числе моих близких друзей. Я искренне хочу стать вашим другом. Вы всегда привлекали мое внимание честностью и прямотой. Увы, многим не хватает ваших качеств. Но если вы не желаете быть мне другом, по крайней мере, мы могли бы заключить соглашение.
Граф Д,Арманьяк бросил откровенно презрительный взгляд на королеву.
- Не упражняйтесь, мадам, в красноречии! Вам известно мое мнение относительно вашей особы. Я не принимаю дружбу людей, которых не уважаю, а вы именно к таким и относитесь. Однако, я не буду возражать против вашего регентства, но с одним обязательным условием: вы поможете мне воздать заслуженное наказание убийце герцога Орлеанского! Подумайте над моим предложением, мадам.
Граф Д,Арманьяквстал и отвесил королеве изящный поклон.
- Мадам! – граф оставил королеву и вышел.
- Ты пожалеешь, ничтожество! – прошипела королева ему вслед.

На заупокойную мессу герцога Орлеанского в усыпальницу Сен-Дени прибыла вся знать, находившаяся в Париже. Отметим лишь некоторых из них: герцог Бурбонский, герцог Алаксонский, герцог Баррский, герцог Беррийский, все они стояли в окружении королевы, напротив тела герцога Орлеанского. У изголовья покойного стояла герцогиня Орлеанская вместе со своим братом-графом д,Арманьяк. Всего из знати присутствовало не менее ста человек. Все они, соответственно трагическому событию были облачены в траурные цвета одежды. Отдельно от всех, на клиросе, в нескольких шагах от гроба с телом покойного герцога Орлеанского, находилось высшее духовенство. Среди них,- Ринальдо Орсини, кардинал, папский нунций во Франции. Мелеструа- епископ Нантский. Ангерран Монтереле - епископ Дижона и Бургундии. Пьер Кошан - епископ Парижский. Мессу проводил Реньо де Шартр-архиепископ Реймский, главное духовное лицо во Франции.
Месса герцога Орлеанского длилась около двух часов. В полной тишине звучал монотонный ровный голос архиепископа, призывающего принять в свою обитель одного из лучших сынов его. Архиепископ перечислял добрые дела покойного, его достоинства, называл герцога Орлеанского, что вызвало незаметную усмешку, у некоторых

присутствующих из числа высшей знати. Лицо королевы Франции закрывала чёрная вуаль. Во время мессы, она не раз, подносила платок к глазам и трудно, было разобрать, искренне ли она печалится о смерти кузена, или все её действия всего лишь игра. Архиепископ закончил мессу. Хор молодых мальчиков- учеников монастырской семинарии при аббатстве Сен- Дени, затянули было заупокойную молитву, но в это время, граф Д,Арманьяк поднял руку призывая их к молчанию. Все присутствующие на мессе с беспокойством заёрзали на местах и устремили настороженные взгляды в сторону мрачного графа д,Арманьяка.

- Прошу прощения за то, что прерываю мессу - в полной тишине, негромко но твёрдо заговорил граф,- я делаю это, отнюдь, не из неуважения к праху покойного, а единственно из желания воздать заслуженную кару убийце герцога Орлеанского. Всем вам известно, как был убит герцог Орлеанский. Его зарезали и бросили на улице, слово бездомного нищего. Подлое убийство должно быть справедливо наказано! И сейчас, здесь, перед прахом покойного герцога Орлеанского, я требую от имени его супруги, от своего имени, от имени его друзей и родственников покойного, и от имени тех, кто дорожит своей честью - наказать убийцу! Имя этого человека вам всем хорошо знакомо,- граф Д,Арманьяквыдержал небольшую паузу и закончил,- убийца герцог Бургундский!

Р ечь графа произвела ошеломляющее впечатление на присутствующих. Лёгкие вздохи перемешивались с растерянными взглядами, которыми присутствующие обменивались друг с другом. Взгляды и вздохи, и больше ничего. Молчание затягивалось, а никто ни единого слова не вымолвил в осуждение герцога Бургундского. Едва глаза графа останавливались на ком-нибудь, тот поспешно отводил взгляд в сторону. Граф повернулся к королеве, но она сделала вид, будто всё её внимание поглощено платком, который она теребила в руках. Молчание могло означать одно. Никто не хочет иметь такого могущественного врага, как герцог Бургундский. Граф Д,Арманьякостался в полном одиночестве.

С нескрываемым презрением он посмотрел на королеву, а потом обвёл взглядом присутствующую знать. Его голос зазвучал, под стать взгляду.

-А я и не подозревал, что нахожусь в обществе трусов. Я накажу убийцу или умру, слово чести Д,Арманьяка.

Едва снова зазвучали слова молитвы, как возле графа раздался едва слышный шёпот.

- Сегодня вы нажили себе много врагов!

Граф едва заметно повернул голову в сторону безмятежно стоявшего епископа Мелеструа.

Тело покойного герцога Орлеанского поместили в усыпальнице Сен-Дени, рядом с телом его отца- КарлаУ. Во время этой церемонии королева встала рядом с графом Д,Арманьяки герцогиней Орлеанской, желая подчеркнуть что она поддерживает его в тяжёлые времена. Но королева молчала, когда следовало, заклеймить убийцу и тем самым встала на сторону герцога Бургундского. Вызов, хотя и молчаливый, был ею брошен. И граф как всегда резко ответил на вызов. Над сводами усыпальницы прозвучал отчётливый голос графа д,Арманьяк.

- Я чувствую себя оскорблённым, когда рядом со мной стоит шлюха!
Королева сильно вздрогнула. В мгновенье, все вокруг замерли, услышав столь неприкрытое оскорбление. Слова графа могли означать только одно - он объявил войну герцогу Бургундскому и всем тем, кто его покрывает. Все это отчётливо понимали.

Глава 7

Заговор зреет

Через несколько дней после похорон герцога Орлеанского, у калитки, через которую имел обыкновение проходить во дворец Барбет- покойный, поздней ночью состоялась встреча Гилберта де Лануа и Николя Фламеля.
- Послание?- коротко спросил Гилберт де Лануа.
Николя Фламель молча передал ему свиток. Гилберт де Лануа сунул его за пояс и не прощаясь вскочил на коня. От Николя Фламеля, Гилберт де Лануа отправился к мэтру Кабошу на улицу Мясников. Привязав коня возле дома, он восемь раз постучал в дверь. Дверь открыл сам мэтр Кабош держащий в руке горящую свечу. Освещая ею путь, он провёл Гилберт де Лануа в одну из комнат. Когда они вошли в комнату, мэтр Кабош запер дверь. Он поставил свечу на стол, рядом с горящим светильником и сел напротив Гилберта де Лануа.
- Как обстоят дела, брат мой?
- Плохо,- признался Кабош,- мы пытаемся настроить горожан против д,Арманьяков, но эти сволочи ничего не хотят слушать. После того, как зарезали нашего герцога, все словно взбесились. Подавай им бургундцев. Этих прикончат без уговоров.
- Следует изменить положение в обратную сторону!
-Легко сказать,- Кабош почесал лысую голову,- попробовали бы сами походить, послушать, что они говорят про бургундцев. А тут ещё слух пошёл, будто граф Д,Арманьяккоролеву шлюхой назвал. Так они после этого и вовсе готовы его на руках носить. Нет! Ничего не выйдет!
- Любой вопрос можно решить, следует лишь напрячь ум!
Кабош разозлился.
- Ну если вы такой умный, сами и решайте. Говорю вам, не получится, значит не получится. Я сам горожанин. Возглавляю гильдию мясников, меня все уважают, не то что вас, или другую знать. Но всё одно не хотят слушать. Уж если кто из нас вобьёт себе что в голову, это криком не выбьешь.
Некоторое время Гилберт де Лануа напряжённо размышлял, разглядывая мерцающее пламя свечи.
- Отец Вальдес будет недоволен,- наконец произнёс он.
Кабош побледнел, услышав эти слова.
- Я всё что угодно сделаю во имя ордена и отца Вальдеса, но как мне уговорить целый город восстать против д,Арманьяков?

- Я помогу!
- Поможете?- недоверчиво переспросил Кабош.
- Помогу,- подтвердил Гилберт де Лануа, в голове которого внезапно созрел дьявольский план,- есть люди, которые известны всему Парижу и пользуются уважением горожан?
- Я!
- Мы выберем кого- нибудь из уважаемых горожан и убьём его,- пояснил свою мысль Гилберт де Лануа.
- Зачем?- не понял Кабош.
- Обвинив в преступлении Д,Арманьяков и заставим город пойти против них.
- А если они не поверят?
- Предоставь это мне. Твоя задача наметить жертву и в нужный момент убить её!
- В таких делах я мастер,- хихикнул Кабош,- есть у меня один на примете кое- кто, денег взаймы у него взял на прошлой неделе.
- Раз мы всё решили,- Гилберт де Лануа поднялся со своего места, - готовьтесь и ждите сигнала к нападению.
Кабош проводил его обратно до двери.
- Во имя Анатаса!- Гилберт де Лануа поднял вверх три пальца.
- Во имя Анатаса!- повторил за ним Кабош, отвечая тем же знаком.
Покинув Кабоша, Гилберт де Лануа поскакал к выезду из города. У него на руках имелся пропуск, подписанный королевой, и стража беспрепятственно выпустила его из города. Выехав из Парижа, Лануа пришпорил коня, направляясь по дороге в Амьен. Он скакал почти не останавливаясь и через два дня достиг Амьена. Там он поменял коня на свежую лошадь, наскоро перекусил в придорожной харчевне, а затем расспросив у местных жителей дорогу на Турне, отправился дальше. В следующие два дня он без хлопот миновал графство Артуа. В Турне, Гилберт де Лануа снова сменил лошадь и после небольшого отдыха, продолжил путь. К концу пятого дня, он достиг городских ворот Гента. Перед воротами города он увидел отряд всадников, на плащах которых красовались Андреевские кресты. Такие знаки носили лишь те, кто принадлежал к числу сторонников герцога Бургундского. Среди всадников одно лицо показалось Гилберту де Лануа знакомым. Он направил коня в сторону рыцаря. Тот почти сразу же заметил приближающегося всадника и поскакал ему навстречу.
- Гийом!
- Гилберт!
Оба брата спешились с лошадей и крепко обнялись. Они не виделись больше года и сейчас придирчиво оглядывали друг друга.
- Ты возмужал,- заметил Гилберт де Лануа.
Ещё недавно его младший брат был безусым юнцом а сейчас это был молодой человек в расцвете сил.
- Ещё бы чёрт возьми,- расхохотался Гийом де Лануа,- пока ты писал письма братец, я участвовал в боевых стычках. Монсеньор лично благодарил меня за отвагу.
- Рад за тебя,- искреннее поздравил брата Гилберт де Лануа,- у меня спешное дело к монсеньору. Поговорим позже.
- Монсеньор занят выяснением отношений с бургомистром,- весело ответил Гийом де Лануа,- видишь ли братец, бургомистру не по

душе, то что мы обижаем добрых горожан Гента. А мы всего- то проткнули парочку сверх упитанных толстяков.
- Проводи меня в Ратушу!
- Как скажешь братец!
Гийом де Лануа проводил брата к Ратуше. Как раз в то мгновение, когда они подъехали к Ратуше, из неё выходил взбешенный герцог Бургундский.
Увидев Гилберта де Лануа, герцог мгновенно преобразился.
- Монсеньор, важные новости из Парижа!- с поклоном сообщил Гилберт де Лануа.
- Следуй за мной,- коротко приказал ему герцог бургундский.
- Я найду тебя,- шепнул брату Гилберт де Лануа, отправляясь вслед за герцогом Бургундский к особняку возле Ратуши, который герцог снял на время пребывания в Генте.
О чём шла речь в разговоре герцога Бургундского и Гилберта де Лануа, мы вскоре узнаем.

Глава 8

Предсказание

В глубинах подземелья, скрытого под кладбищем «Невинно убиенных младенцев» около ста членов ордена «Лионских бедняков», в монашеских одеяниях, стояли в уже знакомом нам зале, перед лицом всемогущего отца Вальдеса.
Среди гробового молчания, раздавался скрежещущий голос старца;
- Более двадцати веков назад, одним из величайших астрологов- Пеллином, было предсказано: «На земле появятся тайные силы, недоступные простым смертным. Они сокрушат власть королей. Они уничтожат лжепророков и тех, кто служит им. Тот, кто был богом, низвергнется в пучину забвения и мрака. Другой же, восстанет из них. Они будут править миром, от имени восставшего из мрака. Но они должны опасаться тех единственных, кто может помешать им. Особенного одного из них. Того, который воссоединит в себе корни двух могучих деревьев. И не допускать рождение другого, который насильственно воссоединит в себе корни трёх могучих деревьев и станет неминуемой погибелью для них. Бойтесь врагов, имя которым Д,Арманьяки!
Отец Вальдес прошёлся пронзительным взглядом по членам ордена.
- Дети мои! Настал час Анатаса! Д,Арманьяки - наши злейшие враги и нынешней ночью, все они должны быть умерщвлены. К утру в Париже не должно остаться ни одного из в живых. Убивайте друзей, родственников и даже тех, кто сочувствует им. Убивайте отпрысков, ибо завтра они могут стать во сто крат опаснее своих отцов! Убивайте матерей, ибо они могут породить опасность. Убивайте всех, кто может стать угрозой нашему ордену! Идите, и да сопутствует вам, отец наш Анатас!
- Во имя Анатаса!- хором повторили члены ордена.

Приблизительно, в то же время, граф Д,Арманьяк находился в своём доме. Вместе с Ги де Монтегю и своим сыном Филиппом. Они обсуждали повседневные дела и вопросы, связанные с набором войска. Ги де Монтегю только что вернулся из провинций, где полным ходом создавались отряды будущей армии д,Арманьяков. В самом разгаре разговоре, он неожиданно был прерван. Графу доложили, что его хочет видеть один человек, не пожелавший назвать своё имя.
- Кто бы это мог быть?- граф посмотрел на Монтегю.
- Будь внимателен Бернар,- предостерёг Монтегю, - в такое время всё возможно. Не исключено, что это убийца, посланный герцогом Бургундским.
- Как бы то ни было, я должен знать, о цели его визита. Приведите его! - приказал граф. А затем обращаясь к сыну добавил. - Будь всё время у меня за спиной.
После этого, он встал напротив двери и взялся за рукоятку меча. Человек, который вскоре появился перед ними, был в длинном плаще, с широкой надвинутой на глаза шляпой. Незнакомец снял шляпу, открывая своё лицо.
Граф Д,Арманьяк издал изумлённый возглас.
- Ваше преосвященство!
Епископ Мелеструа был чрезвычайно серьёзен.
- Вы должны немедленно покинуть город!
- Церковь требует от меня покинуть Париж?- недоверчиво спросил граф Д,Арманьяк.
- Не церковь, а я! И не требую, а прошу. Если хотите, умоляю. Уезжайте!
- Я обескуражен, ваше преосвященство! Могу я узнать, чем вызваны ваши слова?
- По городу ходят группы людей, которые настраивают горожан против вас. Я обладаю и другими сведениями, которые не могу раскрыть, ибо они касаются церкви и её служителей, но прошу верить мне. Вы в опасности!
- Ваше преосвященство, у меня в Париже сто рыцарей. С такими силами, я разбросаю любой сброд. Если я покину город, то не раньше, чем буду готов отправиться во Фландрию за преступником. К тому же Париж ненавидит герцога Бургундского. Жители Парижа предложили мне свою помощь. Они готовы набрать ополчения для предстоящего похода во Фландрию. Париж поддерживает меня. Если я покину его, кто может поручиться, что за время моего отсутствия, обстановка не изменится? Да и какие причины я приведу? Человек, обвиняющий в трусости других, сам бежит неизвестно отчего?
- И всё же я настаиваю. Вы должны покинуть Париж!
- Прошу прощения, ваше преосвященство, но я вынужден отклонить ваше предложение!
- И ничто не может убедить вас в обратном?
- Честь велит мне остаться,- твёрдо ответил граф Д,Арманьяк.
- Хорошо,- вынужден был согласиться епископ,- в таком случае, позвольте забрать вашего сына. В аббатстве, он будет в большей безопасности.
- Я останусь с отцом!- непреклонно заявил Филипп.

- Храбрый сын своего отца,- епископ с особым чувством произнёс эти слова, - подойди ко мне…
Филипп подошёл к епископу. Тот осенил мальчика крестом, а затем, надел на его шею маленький крест, вдетый в тонкую, волосяную верёвку. Затем, он поцеловал мальчика в лоб.
- Пусть благословение господне оберегает тебя в минуту опасности!- И повернувшись к графу добавил. - Вы один из немногих, кто заслужил моё глубокое уважение! Прощайте!
Епископ удалился так же внезапно, как и появился, оставив после себя немало вопросов.
- Странный визит!- пробормотал граф Д,Арманьяк
Ги де Монтегю кивнул головой, соглашаясь с ним.
- Очень странный! Епископ посвящён во многие тайны. Он не стал бы предупреждать нас, не будучи уверенным. Мне кажется, стоит прислушаться к его совету.
- Возможно,- в голосе графа звучала неопределённость,- сделаем вот как. Завтра поутру, ты отвезёшь Филиппа и графиню, обратно в Осер. Усилишь охрану в городе. Никто без особого разрешения, не должен покидать стен города. А я, тем временем, попытаюсь выяснить, о каком заговоре идёт речь, и что за люди восстанавливают горожан против меня. Если они действительно существуют, я уничтожу их. К тому времени, наши отряды будут готовы. Сможем сразу двинутся на Фландрию.
- Хороший план!- одобрил Ги де Монтегю.
- Вот и прекрасно,- подытожил граф,- а теперь пора отдыхать. Завтра всем нам предстоит нелёгкий день.
Граф Д,Арманьяк отправился в спальню, где его ждала графиня. Филипп вышел вслед за отцом, но вместо того, чтобы отправится в свою комнату, поднялся на крышу дома. Несмотря на холод, он уселся, поджав ноги возле края карниза, на небольшом выступе, откуда просматривались все близлежащие, к святой Виктории- улицы и часть города. Филипп скрестил руки, стараясь не думать о холоде. Он твёрдо решил не спать в эту ночь. Если отцу угрожает опасность, он должен защитить его.

Покинув подземелье,- «Лионские бедняки» разбились на несколько групп, которые , вскоре разбрелись по городу. Одну из таких групп, возглавил Гилберт де Лануа. Он сразу же направился в дом Кабоша, который с десятью подручными дожидался его.
-Кто?- спросил Гилберт де Лануа, едва он со своим людьми вошёл в дом Кабоша.
-Жорж Гранье,- ответил Кабош, понимая что имеет ввиду Лануа.
- Где он живёт?
- В четверти часа ходьбы отсюда!
Гилберт де Лануа опустил голову на грудь, погружаясь в молчание.
- Нападаем,- спросил его Кабош.
Ждём!
Около тридцати человек, считая Гилберта де Лануа и Кабоша, расположились в маленькой комнатке, которая служила чуланом в доме. Никто не проронил ни слова, пока часы не отбили 11 часов. Едва отзвучал бой часов. Как в дверь раздался условный стук. Прибывшим оказался не кто иной, как Гийом де Лануа.

-Мы стоим у ворот,- сообщил он.
- Сколько вас?- спросил брата Гилберт де Лануа.
- Около трёхсот. И пятьдесят рыцарей!
- Отлично!- Гилберта от удовольствия потёр руки, - стража без слов впустит вас в город. У них приказ королевы. Так что это обстоятельство не внушает беспокойства. Так что у тебя одна задача Гийом. Разделишь отряд на две части. Первая должна подойти к Д,Арманьякам с улицы святого Жакуйя, вторая - через аббатство святой Виктории. Д.Арманьяков около сотни. Если сумеешь незамеченным пробраться к ним, получишь реальную возможность решить исход этой ночи в нашу пользу. Атакуй не раньше, чем оба твоих отряда соединятся. К тому времени и я со своими людьми приду к тебе на помощь. А вместе, мы разгромим Д,Арманьяков.
- У меня тройной перевес в силе. Я и без твоей помощи уничтожу Д,Арманьяков!
- Не будь глупцом,- резко осадил брата, Гилберт де Лануа,- я сражался с Д,Арманьяками. Каждый из них стоит трёх любых твоих людей. Так что единственное твоё преимущество внезапность. Они не ждут нападения. Ты всё понял Гийом?
- Всё,- с изрядной иронией ответил Гийом де Лануа,- не сомневайся, к твоему приходу, в доме будут лишь мёртвые Д,Арманьяки.
- Избавь себя от самоуверенности, иначе к моему приходу ты уже будешь мёртв,- предупредил его Гилберт де Лануа.
- Клянусь честью, я докажу, ты ошибаешься!
После ухода брата, Гилберт де Лануа повернулся к Кабошу.
- Пора!
Они бесшумно вышли на улицу. Кабош приказал своим людям не разговаривать, пока они не доберутся до дома Гранье. И спросил Гилберта де Лануа, куда подевались остальные члены ордена.
- Все на своих местах,- последовал ответ,- они ждут наших действий.
В полной тишине они подошли к дому Жоржа Гранье. Все тридцать человек заняли позицию, прижавшись к стенам, а Кабош, предварительно убедившись что ночная улица безлюдна, громко застучал в дверь.
Через некоторое время, в одном из окон дома, появился тусклый свет, а затем раздался голос;
-Кого ночью нелёгкая принесла?
- Это я Жорж, Кабош!
- Чего ты припёрся в такой поздний час?
-Долг хочу вернуть. Не стал ждать до утра,- обманчиво спокойным тоном, ответил Кабош.
- А..а, благое дело и время не ждёт,- одобрительно отозвался Жорж Гранье. А вслед за этим раздался скрип отворяемых засов. В дверях появился Жорж Гранье, в тапочках, ночном Халате и ночном колпаке.
- Входи,- он отвернулся от Кабоша, собираясь проследовать внутрь дома, но Кабош мгновенно настиг его. Зажав левой рукой его рот, правой он несколько раз ударил кинжалом в спину Жоржа Гранье.

Жорж Гранье, почти сразу же испустил дух. Кабош тихо опустил мёртвое тело на деревянный пол и пнул его ногой.
- Я расплатился с тобой, Жорж,- злобно бросил трупу Кабош.
Лануа с людьми Кабоша, вошли в дом. На улице по-прежнему было безлюдно, что как нельзя лучше способствовало их планам.
Раздался голос госпожи Гранье, зовущий мужа.
- Успокойте её,- приказал Гилберт де Лануа,- а заодно и остальных обитателей этого дома.
Подручные Кабоша разбрелись по дому в поисках жертв, а сам он отправился на голос госпожи Гранье. Женщина удивлённо захлопала глазами при виде Кабоша.
- Что вы здесь делаете?
- Сейчас объясню,- Кабош быстро подошёл к женщине и бросив на её лицо подушку, начал душить. Из под подушки раздались, приглушённые вопли. Госпожа Гранье начала отчаянно сопротивляться, выворачиваясь всем телом. Ей удалось дотянутся рукой, до лица Кабоша и разодрать щеку, от глаз до подбородка. Кабош завыл от боли.
- Будь ты проклята стерва,- в бешенстве закричал Кабош, и отбросив в сторону подушку, начал вонзать в её тело кинжал. Он делал это до тех пор, пока женщина не затихла. Кабош вытащил тело женщины из спальни и бросил рядом с телом мужа. Вскоре, подручные приволокли ещё три тела, детей Гранье. Старшему, едва исполнилось десять лет.
- Что дальше? - вытирая кровь со щеки, спросил Кабош.
- Мы уйдём и спрячемся за углом, а ты вопи как можно громче, стучи во все дома и говори всем, что видел как из дома выбегали Д,Арманьяки!
- Понятно!
Гилберт де Лануа из-за угла наблюдал, как артистично действовал Кабош. Его истошные вопли, разбудили всю улицу. Из соседних домов, начали выходить люди с обеспокоенными лицами. Когда набралось человек сорок, Кабош с трагическим видом обратился к ним:
- Братья и сёстры! Добрые люди Парижа! Подлые д,Арманьяки совершили убийство ни в чём, ни повинных людей. Мой друг, Жорж Гранье, убит злодеями. Всю его семью зарезали, словно свиней. Смотрите,- Кабош распахнул входную дверь дома Гранье.
Горожане застыли при виде пяти мёртвых тел, лежавших в крови.
Кабош опустился на колени перед телами и начал причитать.
Горожане безмолвствовали. Гилберт де Лануа решил, что настала пора и ему вмешаться. Он вышел из укрытия и приблизившись к группе горожан, спросил, что происходит?
Те, указали на трупы. Гилберт де Лануа подошёл к Кабошу и спросил; что здесь произошло?
- Страшное убийство,- не переставая причитать, ответил Кабош.
- Ты видел, кто это сделал?
- Это были д,Арманьяки, я видел их,- закричал Кабош,- это они убийцы. Смерть им. Смерть убийцам невинных людей.
Гилберт де Лануа обернулся к толпе горожан, которых с каждой минутой становилось всё больше. Привлечённые шумом, сюда начали стекаться, люди, с соседних улиц.

- Д,Арманьяки не уважают нас! Они ненавидят и презирают нас! Они безнаказанно убивают нас! Неужели, мы не должны отомстить, а должны молча терпеть? Нет! Мы отомстим за наших братьев! Убийц ждёт смерть!
Гилберт де Лануа поднял вверх руку, сжатую в кулак.
- Смерть Д,Арманьякам!
- Смерть Д,Арманьякам! - вслед за ним закричал Кабош потрясая руками.
Несколько мгновений горожане колебались. Толпа с каждой минутой увеличивалась. Наступал решительный момент. Всё зависело от того, как поведёт себя толпа. Толпа колебалась. Но вот раздался один робкий голос, за ним последовал второй, третий, а вскоре вся толпа яростно ревела:
- Смерть Д,Арманьякам!
- Вперёд, братья, убьём подлых изменников! - закричал Гилберт де Лануа
- Убить д,Арманьяков! Убить! Убить! Убить!- эхом прокатилось по толпе.
- За мной братья! - Кабош бросился бежать по улице, толпа ринулась за ним.
- Кому под силу остановить морские волны?!- пробормотал Гилберт де Лануа, глядя вслед обезумевшей толпе.

Глава 9

Ночь Дьявола

Мысль, о тёплом одеяле, не раз мелькала в голове Филиппа. Пронизывающий ветер пробирал Филиппа до дрожи. Он, как верный страж, сидел на крыше, зорко оглядывая все близлежащие улицы. Холод становился всё нестерпимей и Филипп по зрелому мышлению решил, что ничего страшного не случится, если он покинет свой пост на несколько минут и сходит за тёплым одеялом. Придя к такой мысли, Филипп поднялся со своего места, разминая затёкшие колени. Только он собирался спуститься, как вспыхнувшие вдалеке отблески яркого пламени, привлекли его внимание. Где-то, между улицами святого Жакуйя и святого Жана, близ набережной Сены… разгорался сильный пожар. Спокойные воды Сены, отражали языки пламени, отчего казалось, будто горит сама река. Забыв о холоде, Филипп, словно зачарованный смотрел на пожар. Слева, где-то между улицей святого Жакуйя и Лувром, вспыхнул ещё один пожар. Третий, вспыхнул, вблизи улицы святой Катерины. Затем, Филипп увидел ещё один, уже с левого берега Сены, близ торгового моста и улицы Сен- Дени. Пожары, вспыхивали, один за другим. Филипп насчитал их более двух десятков. От пламени пожаров, небо стало кровавого цвета. Огонь притягивал Филиппа. Он решил, во что бы то, ни стало, посмотреть вблизи на это зрелище.
А вдруг, он сможет кому- то помочь? Последняя мысль преисполнила Филиппа гордостью. Ему уже виделось, как он спасает людей и как отец его хвалит.

- Отец! - спохватился Филипп, он ни в коем случае не должен узнать о том, что я собираюсь сделать, иначе меня попросту запрут в комнате.

Филипп буквально скатился с крыши в узкое отверстие. Оказавшись, на чердаке дома, Филипп торопливо спустился по деревянной лестнице в коридор. Оттуда, он побежал в свою комнату. Ему понадобилось всего несколько минут, чтобы облачится в лёгкие доспехи, которые отец велел изготовить специально для него. Филипп опоясался коротким мечом, засунул купленный у калеки кинжал в сапоги, верхние края которых, доходили ему значительно выше колен. Набросил на плечи тёплый плащ, который был несколько великоват для него и оттого, он никак не мог застегнуть пряжку на груди. Наконец, справившись с пряжкой, Филипп выскочил из своей комнаты, начисто забыв, что кроме всего прочего, ему следовало прихватить с собой шляпу. Филипп, крадучись миновал опочивальню своих родителей и вздыхая с откровенным облегчением, спустился во двор. Во дворе, в него упёрлись четыре удивлённых взгляда, отбывающих ночное дежурство подле ворот, стражей.

Филипп напустил на себя важный вид и отважно направился к строю боевых коней, привязанных здесь же, у одной из стен. Громадные животные, вызвали у него неподотчётный страх. На таких лошадях, ему ни разу не приходилось, не то что ездить, а даже сидеть в седле. Но Филипп и глазом не моргнул, отвязывая боевую лошадь своего отца, от изгороди. Не подавая и виду, что он боится лошадь, которую взяв за уздцы и вёл к наружным воротам, Филипп, громко и чётко приказал стражам:

- Отворить ворота!

А вслед за этими словами, он взобрался на круп коня, чем заслужил и собственное уважение и, несомненно, уважение стражей, которые хотя и были удивлены поведением Филиппа, но ворота всё же открыли. Радость переполняла Филиппа. Лошадь беспрекословно повиновалась его командам, стража тоже… Филипп пустил лошадь рысью. Копыта гулко застучали по мостовой, удаляя Филиппа от дома.

Тем не менее, не всё было столь гладко, как думал Филипп. После его отъезда, один из стражей решил доложить Монтегю о том, что произошло. Но Филипп этого не знал. Он не понимал все возможные последствия своего необдуманного поступка. И едва ли осознавал, какой опасности себя подвергает. Вдыхая полной грудью, воздух ночного Парижа, он скакал навстречу, взимавшимся, невдалеке, отблескам пламени. Улицы были пустынны. Филипп почти без помех добрался до Сены. Вблизи, на другом стороне реки, показались купола Сен- Дени. Не раздумывая, Филипп направил коня на безлюдный мост. Он перебрался на другой берег Сены, которая в этом месте разветвлялась, отделяя остров Сите, от западной и восточной части Парижа.

Филипп быстро приближался к огромному зареву. Оставив, Сен-Дени, справа от себя, он во второй перебрался через Сену по «торговому мосту» или как его ещё называли «Мосту Менял». Едва Филипп оказался в восточной части Парижа, на улице святого Жакуйя, как всё в одно мгновение, изменилось. Филипп находился

в опасной близости от пожаров, но не это его насторожило, ибо он остановил коня, чутко к чему-то прислушиваясь. До него доносились душераздирающие крики. Люди погибают в огне, - подумал Филипп, собираясь тронуть коня, но тут, с права от того места, где он находился, со стороны улицы святого Жакуйя, показалась толпа вооружённых людей. Они с дикими криками преследовали какую - то женщину. Присмотревшись внимательней, Филипп заметил, что женщина прижимает к груди ребёнка.
- Что они хотят от этой женщины?- мысли Филиппа пришли в смятенье. Он осознавал угрозу, которая таила эта толпа вооружённых людей, но не знал, как следует поступить.
- Смерть Д,Арманьякам! Смерть убийцам!- неожиданно издала вопль толпа, бежавшая за женщиной.
Филипп вздрогнул, словно от удара.
Так эта женщина… не раздумывая более, он тронул лошадь, пуская её с места в галоп.
Преследователи были не более, чем в десяти шагах от своей жертвы. Филипп умело обогнув женщину с криком: «Да здравствуют Арманьяки»!- врезался в передние ряды преследователей, которых, было не менее двух десятков. Мощная грудь боевого коня, буквально разделила толпу пополам. Двое, после дерзкого натиска Филиппа, остались стонать на мостовой, остальные с криком: «спасайся Д,Арманьяки» бросились врассыпную.
Лишь один человек из толпы, злобным взглядом следил за Филиппом. Это был Кабош. Лицо его покраснело от злости.
- Проклятье, куда вы бежите? - заорал Кабош на своих подручных,- разве вы не видите, что он всего лишь один?! К тому же это ребёнок.
Филипп, делавший в это время разворот, понял, что враги нападут на него в ближайшие мгновения. Обернувшись назад, он увидел, что оттуда, двигается толпа вдвое больше той, на которую напал он. Нечего было думать о том, что это могут быть друзья. Поэтому, Филипп принял единственно верное решение, он пришпорил лошадь и полетел вперёд, где его уже ждал обозлённый Кабош с тремя подручными.
- Хватайте его - завопил Кабош, протягивая руки, и стараясь ухватить лошадь за седло.
Хотя Филипп сделал манёвр и бросил лошадь влево, Кабошу, единственному из четверых удалось одной рукой зацепится за Филиппа. Филипп резко натянул поводья, осаживая лошадь и тем самым, спасая себя от падения. Он чудом остался в седле, но рука Кабоша вцепилась в него мёртвой хваткой. И к ним уже подбегали подручные Кабоша. Не раздумывая, Филипп выхватил короткий меч и со всей силы нанёс удар по руке Кабоша, державшей седло. Кабош взвыл от боли, мечась с окровавленным обрубком руки, ибо Филипп отсёк его кисть руки. Почувствовав, что его больше не держат, Филипп пришпорил коня. Помедли он, ещё мгновенье и руки убийц схватили бы его. Лошадь перешла в галоп, оставляя за собой поле недавнего сражения, откуда неслись проклятья, в адрес Филиппа.
Облегчённо выдохнув, Филипп оглянулся вокруг. Женщины с ребёнком, нигде не было видно. Она спаслась,- уверенно подумал Филипп, и эта мысль принесла ему, едва ли не большую радость,

чем мысль о собственном спасении. Филипп решил немедленно известить отца о том, что происходит на улицах Парижа, и собирался было въехать на мост, как до его слуха донеслись призывы о помощи. Кричала женщина где- то неподалёку. Филипп развернул лошадь и помчался по улице Жакуйя, в сторону улицы святой Катерины, оставляя преследователей, справа от себя. Меньше чем, через минуту, он остановился у небольшого дома, входные двери которого, были настежь отворены. Именно из окон второго этажа этого дома, доносились крики о помощи. Буквально, в двадцати шагах от Филиппа полыхал дом. Но, не обращая внимания ни на дом, ни на возможную опасность, Филипп спешился и с мечом в руках вошёл в открытые двери. Его едва не стошнило, когда прямо в прихожей, он увидел три мёртвых тела, лежащие друг на друге. Два тела принадлежали пожилым мужчинам, а одно принадлежало молодой женщине. Превозмогая тошноту, Филипп взбежал по ступенькам на второй этаж. Первая комната оказалась пуста. Во второй комнате, он увидел картину, которая потрясла его до глубины души. На полу лежала обнажённая девушка, которая видимо и взывала о помощи. На ней лежал какой- то мужчина и с диким хохотом целовал её. Второй мужчина сидел на корточках и держал девушку за длинные волосы. Время от времени, он бил несчастную жертву по лицу.

Злость и ярость перекосила лицо Филиппа. Он бросился к первому насильнику, тому что лежал на девушке, и воткнул меч в его спину. Охнув, тот вначале упал на обнажённую девушку, а потом скатился с неё на пол и раскинув руки, застыл.

- Ах ты зверёныш! – второй насильник, отпустив волосы девушки, выхватил кинжал и с криком «Умри» бросился на Филиппа.

Уроки отца… Филипп отлично усвоил их. И в тот миг, когда казалось кинжал неминуемо должен поразить его, Филипп ловко уклонился вправо и сделал резкий выпад, вонзая насильнику, меч в правый бок. Тот охнул, и упав на колени, схватился за рану. Не давая ему опомнится, Филипп воткнул меч в его шею. Из раны на Филиппа брызнула кровь. Насильник с предсмертным хрипом повалился на пол. Филипп вытер перчаткой кровь с лица, а затем подошёл к девушке и помог ей подняться. Девушка, содрогаясь от рыданий упала на грудь Филиппа. Филипп растерялся, не зная как ему поступить с девушкой.

Он понимал, что ни у него, ни у неё, нет времени. Убийцы, которых он избежал вначале, могли преследовать его. И если так, то они могли оказаться, совсем рядом.

- Кто ты? И почему вас убивают,- спросил Филипп, пытаясь как- то остановить поток горьких слёз девушки.

- Жаннет Жерве,- послышался ответ сквозь рыдания, - благослови тебя господь, мой господин…. Ты спас мою жизнь…и мою … честь.

Филипп отстранил от себя девушку и глядя ей в глаза, сказал.

- Плакать нет времени Жаннет. Сюда могут прийти другие…

- Они убивают всех Д,Арманьяков!

Филипп недоверчиво посмотрел на Жаннет, слова которой вызвали у него сильное сомнение. Девушка двумя руками утирала рукой слёзы, и как могла пыталась успокоится.

- Ты принадлежишь к Д,Арманьякам?

- Мой отец состоял в партии сторонников Арманьяков. Убивают не только Арманьяков, но и тех, кто сочувствует им и поддерживает. Я сама слышала это.
- Спрячься где- нибудь,- посоветовал Филипп, девушке.
Им овладела сильнейше беспокойство. Следовало немедленно предупредить отца. Оставив девушку, он бросился вниз, но едва он хотел выйти, как снаружи раздались голоса. Филипп быстро развернулся и бросился обратно на второй этаж. Спрятавшись за стеной, он выглянул из-за угла и увидел, как напротив дверей остановились два человека, вооружённые до зубов.
- Ты готов?- спросил первый.
- Да! - последовал ответ.
- Отлично,- снова заговорил первый, - ты разделишь три сотни пополам. Окружите улицу святой Виктории с двух сторон, чтобы Д,Арманьяки не смогли вырваться. Но не атакуйте! Дождитесь, пока я не подойду со своими двумя сотнями. Поторопись Гийом, ибо шум может насторожить Д, Арманьяков, а этого допустить нельзя.
- За мной!- расслышал Филипп.
Бросившись к окну, он увидел стройные ряды Бургундцев, которых сразу же узнал по Андреевским крестам на плащах. Вся улица была забита бургундскими копейщиками, которые совершенно бесшумно двигались в направлении, откуда недавно прискакал Филипп.
- Я должен опередить их!
Филипп с нетерпением выждал, пока бургундцы прошли мимо дома. Выскочив на улицу, он с радостью увидел свою лошадь. К счастью Филиппа, никто ею не воспользовался. И никому в голову не пришло поинтересоваться, чья лошадь стоит возле дома. Удача в эту ночь благоволила к Филиппу. Он понимал, что опередить бургундцев, он в лучшем случае, сможет на острове Сите. Филипп взобрался на лошадь. Во избежание встречи с убийцами, он решил не следовать за бургундцами, а обогнуть улицу святого Жакуйя. С этой целью, он помчался вперёд, на улицу святой Катерины. По пути, ему попадались отдельные люди, вооружённые, то вилами, то топорами, но Филипп старательно их объезжал. В его голове билась единственная мысль. Он должен успеть раньше бургундцев.
Добравшись до улицы святой Катерины, Филипп свернул направо, и через несколько минут подъехал к площади, что находилась, перед церковью святой Катерины. До той минуты, пока он не въехал на площадь, Филипп не представлял себя масштабы трагедии, свидетелем и участником, которой он стал. Повсюду, впереди него, полыхали дома. Создавалось ощущение, что наступил день, так ярко освещались, неровно уложенные камни мостовой, покрывавшие улицу святой Катерины. Но не это поразило Филиппа. Нет. Он не отрываясь смотрел на огромную толпу людей, которые с плачем и рыданием, стучали в овальные, двустворчатые двери церкви «Святой Катерины», которая в этот момент выглядела, словно осажденная крепость. Просторная паперть, все ступени перед церковью, да и сама площадь были заполнены испуганными людьми. И все они пытались попасть в церковь. Но двери церкви оставались наглухо закрытыми.
Мольбы людей, разрывали Филиппу душу. В это мгновение, он почувствовал, что ненавидит церковь и её служителей, которые

отказывались протянуть руку, отчаявшимся людям. Филипп пришпорил лошадь, проносясь мимо скопления людей. Он обогнул улицу святого Жакуйя и поминутно оглядываясь, заехал на мост. Он сумел, незамеченным, добраться до острова Сите. Там, он погнал лошадь во весь опор. Предполагая, что бургундцы, направятся ко втором мосту прямиком, Филипп свернул налево, в сторону Сен- Дени. Обогнув Сен- Дени, он к величайшему своему облегчению, первым въехал на мост. И уже через несколько минут, подъехал к воротам дома, которые были настежь отворены. Филипп на полном скаку влетел во двор. Первое, что он увидел - это были отец и Монтегю, которые беседовали со стражами. Филипп увидел, как при его появлении, лицо отца нахмурилось. Не дожидаясь, пока лошадь остановится, Филипп спрыгнул с крупа лошади. Граф едва не вскрикнул, бросаясь к сыну, но увидев, что тот благополучно приземлился, нахмурился ещё больше.
Граф ожидал, что сын подойдёт к нему, но каково было его удивление, когда Филипп подошёл к одному из стражей, несущих ночное дежурство и коротко приказал;
- Всех рыцарей поднять, немедленно!
Страж растерянно посмотрел на графа, который не сводил мрачного взгляда со своего сына.
Ты… - начал было граф отповедь, но был остановлен Филиппом.
- Потом отец!- Филипп снова обратился к стражнику, да таким голосом, что привёл отца и Монтегю в изумление.
- Вы слышали приказ?
- Да - стражник, уже не оглядываясь, побежал выполнять приказ.
- Отец,- Филипп подошёл к отцу. Тот, увидев, насколько серьёзен Филипп, невольно весь поддался вниманию, - его преосвященство был прав.
- Мелеструа? Ты о чём Филипп?- не понял граф.
- Париж восстал. Они убивают всех, кто принадлежит к нашим сторонникам, - коротко сообщил Филипп.
Граф вначале улыбнулся, но, увидев, насколько серьёзен Филипп, не выдержал и спросил;
- Откуда ты можешь знать?
- Я своими глазами видел, как убивают наших сторонников!
- На сегодня для меня достаточно твоих выдумок, - граф махнул рукой на сына, - иди спать, утром поговорим.
- Подожди Бернар,- Монтегю подошёл к Филиппу и взял его за руку, что- то рассматривая.
Убедившись, что это именно то, о чём он подумал, Монтегю показал руку Филиппа графу.
- Не хочешь взглянуть?
Граф подошёл и внимательно осмотрел руку, а вернее перчатку, на которой была кровь.
- Откуда у тебя кровь на перчатке?
Филипп молча достал меч из ножен. Он был весь в крови. Граф вздрогнул, увидев меч.
- Я убил двоих, а одному отсёк руку. Они хотели убить женщину. Отец, клянусь всем, что мне дорого, я говорю правду. Поверьте мне. В Париже убивают всех наших сторонников. Я видел собственными глазами отряд бургундских копейщиков, которые

направляются сюда и с минуты на минуту могут напасть на нас. Я едва смог опередить их.
- Бургундцы? Бред какой- то,- граф тряхнул головой, словно освобождаясь от наваждения, - они не могли попасть в Париж.
- Они рядом отец, клянусь вам!
- Закройте ворота! - скомандовал Монтегю.
Трое стражников бросились выполнять приказ. Они закрыли ворота на массивный засов. Из дома начали выходить заспанные рыцари. Они ничего не понимая, протирали глаза.
Едва они выстроились во дворе, как Монтегю обратился к ним с короткой речью.
- На нас готовятся напасть бургундцы. Всем готовится к бою.
Рыцари вокруг них забегали, готовя вооружение и коней, а граф смотрел на Монтегю и взгляд его выражал сомнение.
- А если всё это, не более чем выдумка Филиппа?
- А если правда?- ответил вопросом на вопрос Монтегю.
- Сударь,- с оскорблённым видом обратился Филипп, к своему отцу, назвав меня лжецом, вы оскорбили меня.
- Будь я проклят - пробормотал граф, изумлённо глядя на сына, в то время, как Монтегю тихонько посмеивался.
- Вам следовало бы поблагодарить меня,- продолжал в том же тоне Филипп, - а вы ведёте себя совершенно недопустимо в сложившейся обстановке. Я бы назвал такое поведение «преступным», ибо от вас зависят наши жизни и жизни сотен людей. Я требую, чтобы вы верили мне, потому что, я не только ваш сын, но и воин, который доказал этой ночью своё право на место, рядом с остальными рыцарями. Ну а если мои слова, всё же вызывают у вас по прежнему сомнения, следуйте за мной и вы всё увидите собственными глазами!
Закончив речь, Филипп не глядя на совершенно озадаченного отца, направился в дом.
Пожав плечами, граф и Ги де Монтегю отправились за ним. Филипп отвёл их на крышу. При первом же взгляде, граф увидел, что Париж в огне. Но что ещё хуже, слова Филиппа подтвердились. Все трое увидели бургундцев, которые неслышно появились с двух сторон улицы. Их было довольно много.
- Сколько их?- спросил, было, граф у Монтегю, но на этот вопрос ответил Филипп, ибо он знал точное число.
- Триста!
Граф обнял сына, прижимая его к груди.
- Сегодня, ты нас всех спас Филипп!
Все трое поспешно спустились во двор. Там они увидели, что все рыцари в сёдлах и готовы к бою. В стороне стояла графиня и с беспокойством смотрела на своего мужа.
Граф посмотрел на сына, Филипп понял этот взгляд.
- Дюше! - обратился Филипп к одному из рыцарей, - вам надлежит отвести мою мать в безопасное место… к…
- В дом герцогини Орлеанской! - подхватил граф, слегка помогая сыну. Тот в ответ бросил на отца благодарный взгляд.
- Всем остальным, выстроится в пять рядов, напротив ворот! - громко скомандовал Филипп.
- Лучше бы и я не смог! - улыбнулся граф.

Тем временем, сбитая с толку графиня. Подошла к мужу и спросила: что происходит. Граф что- то прошептал ей на ухо. Все услышали лишь последние слова графа. «Жди у моей сестры».
Через минуту все разговоры среди Д,Арманьяков стихли. Сто рыцарей образовали четырёхугольник и ждали только приказа к началу боя. Граф, несмотря на протесты Филиппа, поместил его посередине отряда, рядом с матерью. А сам он возглавил отряд. При нападении бургундцев, он первым принял бы на себя удар. Минуты текли, одна за другой. Пока ничего не происходило. Взгляды всех Арманьяков были направлены на ворота. Граф в очередной раз оглянулся, чтобы проверить все ли на местах. Лица всех рыцарей натянулись от напряжённого ожидания.
Приблизительно, через четверть часа ожидания, они явственно различили движение у ворот. Они различили приглушённые голоса. По-видимому, враги были уверены, что они спят. Несмотря на то, что Д,Арманьяки ждали Бургундцев, удары потрясшие ворота, стали для них неожиданностью. Настолько, осторожен был враг. Несколько мощных ударов и ворота, слетев с петель, упали на землю.
С криками «Слава Бургундии», «Слава святому Андрею», во двор хлынули Бургундцы.
Но крики сразу же оборвались, едва они увидели перед собой, крупный отряд рыцарей, ждавших их во всеоружии. Бургундцы замешкались.
- Вперёд Арманьяки! - зычно вскричал граф Арманьяк, первым врезаясь в ближайшего к нему бургундца.
Арманьяки дружно заработали мечами, расчищая себе путь к выходу. Бургундцы, ошеломлённые натиском Арманьяком, хлынули назад, давя друг - друга.
- Назад, назад,- кричал хриплым голосом Гийом де Лануа, - их мало…что вы делаете трусы.. назад, атакуйте их..
Но его мало кто слушал. Попытка пробиться вперёд, тоже не увенчалась успехом. Гийома де Лануа буквально вынесло на улицу, толпа отступавших Бургундцев.
Пока он пытался привести в порядок свой отряд, чтобы снова ударить по Д,Арманьякам. Те преспокойно выбрались из дома. Убив, около двух десятков бургундцев и не потеряв при этом ни одного человека, Д,Арманьяки вырвались из окружения.
Отряд галопом поскакал по улице святой Виктории. Достигнув первого перёкрёстка, граф остановил отряд. Они оторвались от пеших бургундцев. Не было и речи, что те смогут нагнать их. Граф собирался, было повернуть отряд налево, но послышался громкий голос Филиппа.
- Дюше, сопровождайте графиню! Все остальные, к церкви святой Катерины!
Филипп подъехал к отцу.
- К святой Катерине! - повторил граф, с гордостью глядя на сына.
На сей раз слова сына, не вызвали ни малейшего сомнения. Отряд Д,Арманьяков, предводимый отцом и сыном, которые теперь скакали бок о бок, понёсся по улицам Парижа. Не сбавляя скорости, они переехали через оба моста. Они двигались, по проделанному ранее, Филиппом, пути. Не раз на их пути попадались озверевшие горожане, которые рыскали в поисках очередной жертвы.

Д,Арманьяки не обращали на них внимания. А те в свою очередь узнавали Д,Арманьяков по белым перевязям, и с криками: «Д,Арманьяки, спасайся, кто может», прятались везде, где только могли. Но Д,Арманьяки не останавливались. Они спешили, но куда, знал только Филипп. Наконец, после получаса скачки, Д,Арманьяки достигли площади, перед церковью святой Катерины. У них вырвался звериный рык, при виде того, как людей, которые, в основном состояли из женщин, стариков и детей, и которые, в безотчётном страхе прижимались к каменным стенам церкви, убивала озверевшая толпа, предводимая монахами.
Д,Арманьяки на полном скаку врезались в толпу озверелых горожан, нещадно убивая любого, кто оказывался в пределах их досягаемости. Рубка длилась не боле пяти минут. Этого времени хватило, чтобы разогнать толпу убийц. Оставив, часть людей на площади, мёртвыми, убийцы с криками ужаса и воплями, разбежались по сторонам. Арманьяки, не стали их преследовать.
Обречённые люди, потерявшие надежду на спасение, подбегали к рыцарям и со слезами на глазах, целовали им руки. Граф Д,Арманьяк и Ги де Монтегю, вытирая струившийся пот с лица, молча наблюдали в стороне за происходящим.
- Ещё немного - Монтегю выразительно посмотрел на графа, заканчивая недосказанное, взглядом.
Граф с гордостью посмотрел на Филиппа, которого, в это мгновение, обнимала пожилая женщина.
- Ты прав Бернар. Филипп отважен и храбр! - понимая взгляд друга, признал Монтегю.
- Бесспорно - согласился граф, - любой отец гордился бы таким сыном, однако…- граф спешился, и легко взбежав по ступенькам, постучал рукояткой меча в запертые двери церкви. На всю площадь прогремел голос графа.
- Я граф Д,Арманьяк! Немедленно отворите двери! Здесь люди, которые нуждаются в помощи и защите церкви!
- Не могу! - раздался из-за двери, страдальческий голос, - его преосвященство запретил открывать двери церквей этой ночью.
Граф Арманьяк разразился проклятиями.
- Будь проклят Пьер Кошон - в сердцах закричал граф, - вместо того, чтобы оберегать людей. Спасать их жизни, он отправляет монахов, чтобы они убивали. И это церковь? И это слуги божьи? Проклятье!
Все люди, стоявшие перед церковью, а их было несколько сотен, исключая Д,Арманьяков, затаив дыхание, следили и смотрели за главным из Арманьяков.
А граф, словно не замечая сотен направленных на него взглядов, вслух размышлял о происходящих событиях.
- Клянусь честью это заговор! Самый настоящий заговор, в котором, замешан не только герцог Бургундский, но и духовенство. Проклятье! Дело наверняка не обошлось без участия королевы, иначе как бургундцы могли проникнуть в Париж? И как, чёрт побери, они настроили город, против нас? Впрочем, рассуждать будем после, а пока следует вывести этих людей из Парижа, иначе всех их убьют. Проклятье!

Граф решительно и быстро начал отдавать приказы. Филипп с восхищением следил за действиями отца. Он велел всем безоружным людям, собраться на площади. Более получаса ушло на то, чтобы люди выполнили это распоряжение графа. После этого, граф велел своим рыцарям окружить толпу людей, по всему периметру. Когда это было выполнено, беззащитные ранее люди, оказались в кольце, которое охраняли Д,Арманьяки. Таким образом, и только под охраной, они могли быть выведены из Парижа. Все это прекрасно понимали.
Но в ту минуту, когда Д,Арманьяки собирались двинутся, удача сопутствующая им всё это время, отвернулась. На углу улицы святой Катерины, появились первые ряды бургундцев, возглавляемые Гийомом де Лануа. При виде Д,Арманьяков, у бургундцев вырвались крики радости.
Граф Д,Арманьяк, мгновенно оценил ситуацию. Они с лёгкостью могли избежать столкновения, но в таком случае, толпа безоружных людей, оставалась в руках бургундцев. Исход судьбы этих людей был бы предрешён. Граф Д,Арманьяк ни на мгновение не усомнился в том, какая участь ждёт его сторонников, в случае, если он покинет их. Поэтому, у Д,Арманьяков оставалось единственный выход. Они должны были принять неравный бой. Иного спасения не было.
- Всем у кого нет оружия, кто не может сражаться, прижаться к стенам церкви! - громко скомандовал граф Арманьяк.
Пока люди поспешно поднимались по ступеням, Д,Арманьяки выстроились перед бургундцами, становясь преградой между ними и беззащитными людьми.
- Друзья мои, - негромко обратился граф к рыцарям, - за нами безоружные люди. Падём мы – их всех убьют. Сегодня ночью все против нас, но мы докажем, что мы – Д,Арманьяки!
Граф поднял руку с мечом.
- Гордость и Честь!
Рыцари в один голос, громко повторили;
- Слава и Доблесть!
- Слава и Доблесть!
- Бесстрашие и отвага!
- Бесстрашие и отвага!
- Вот девиз Д,Арманьяка!
Едва отзвучало эхо голосов Д,Арманьяков, как Гийом де Лануа, словно озверелый бросил свои силы в атаку. Завязалась жестокая битва. Бургундцы сразу же предприняли попытку, оттеснить Д,Арманьяков назад, но Д,Арманьяки отбили атаку. Гийом де Лануа постарался шире развернуть наступление своего отряда, чтобы сполна воспользоваться численным превосходством. Он предпринял новую атаку, обрушиваясь на Д,Арманьяков, положение которых внезапно осложнили прибывшие на подмогу бургундцам - горожане. Отступившие вначале, они появились слева от Д,Арманьяков и сразу же набросились на них. Д,Арманьяки, вынуждены были расширить место сражения, что для них являлось крайне нежелательно.
Д,Арманьяки стойко держались, отбивая атаку бургундцев. В общей суматохе сражения, раздался голос графа.
- Ги, как только наступит передышка - отбрось их!

Монтегю понял, что граф имел в виду горожан.
Граф врезался в гущу бургундцев, изо всех сил орудуя мечом. Д,Арманьяки с дикими криками последовали за ним. Контратака Д,Арманьяков, застала бургундцев врасплох. Оставив более 15 человек убитыми, они отступили. Воспользовавшись передышкой, Монтегю с частью отряда бросился на горожан, которые незамедлительно почувствовали на себе, что такое ярость Д,Арманьяков. Монтегю хватило нескольких минут, чтобы обратить горожан в бегство. Давя друг- друга, они бежали с поля битвы.
- Вояки! - весело бросил им вслед Монтегю.
- Всё ещё впереди! - коротко ответил граф Д,Арманьяк. Он поискал взглядом сына. Лишь увидев его недалеко от себя живым и здоровым, граф повернулся в сторону бургундцев.
- Скольких мы потеряли?
- Девять! - ответил Монтегю.
- А они не меньше сорока человек! Справимся?
- Никаких сомнений! - весело ответил не унывающий Монтегю, - будь я проклят, если в ближайшие четверть часа, не увижу, как улепётывают бургундцы.
- Тогда вперёд! - скомандовал граф.
Д,Арманьяки предприняли яростную атаку на бургундцев, заставляя их отступить. Основной удар Д,Арманьяков пришёлся по центру бургундцев. Им сразу же удалось вклинится в середину бургундцев и продвинутся немного вперёд. Душераздирающие крики, смешались с треском разрубаемых костей. Мечи мелькали в воздухе, пробивая доспехи и обрушиваясь на головы пеших воинов. Граф не видел никого, кроме стоявшего перед ним противника. Он убивал и убивал, не давая никому пощады. Бургундцы, предприняли попытку окружить Арманьяков, но Монтегю разгадал этот манёвр и тут еж пресёк его. Казалось ещё немного и противник обратится в бегство. Д,Арманьяки уже видели свою победу, когда раздался громкий крик Филиппа;
- Отец, назад!
Граф резко оглянулся на голос сына. Слева, вместо бежавших горожан, приближался хорошо вооружённый отряд бургундцев, предводимый Гилбертом де Лануа.
- Назад! - зычно скомандовал граф Д.Арманьяк.
Арманьяки отступили на прежние позиции. Они выстроились полукругом, перед церковью в ожидании следующей атаки бургундцев. Д,Арманьяки потеряли во время последней атаки около 20 рыцарей. Бургундцев же осталось едва ли половина из того, что было вначале. Но увидев подкрепление, они воспаряли духом. Следующую атаку Д,Арманьякам пришлось отбивать с двух сторон. Им приходилось очень тяжёло. Ряды понемногу редели, но они бились насмерть с нечеловеческой яростью. Враги отхлынули. Ряды Д,Арманьяков поредели ещё на десять человек.
- Что будем делать?- тяжёло дыша спросил Монтегю.
- Защищаться! Иного выхода нет!- граф Д,Арманьяк призвал рыцарей, плотнее сомкнуть ряды.
Пока Бургундцы готовились к новой атаке, он лихорадочно продумывал все возможные исходы сражения. Против них был пятикратный численный перевес противника. Шестидесяти

Д,Арманьякам, противостояло около трёхсот Бургундцев. Единственно, что немного обнадёживало, рыцарей среди них не было. Были только копейщики и ландсхеты. Граф Д,Арманьяк осознавал, что они должны либо умереть, либо совершить невозможное и выстоять. Хотя одно не исключало другого. Он во главе тридцати рыцарей защищал правый фланг, Монтегю с остальными тридцатью, левый фланг. В таком расположении они и приняли следующий удар бургундцев. Посыпались искры от скрещиваемых мечей. Бургундцы, подбадривая друг- друга криками попытались оттеснить Д,Арманьяков назад, прижать их к стенам церкви, смешать с безоружными людьми, тем самым сковав их движения. На этот раз атака была более яростной, чем все остальные, но всё же Д,Арманьяки и на сей раз выстояли. Повсюду на площади валялись трупы. Стоны тяжелораненых повисли в воздухе. Никто даже не пытался им помочь. Д,Арманьяки снова перегруппировались, смыкая ряды. Бургундцы готовились к атаке, бросая на них злобные взгляды. Д,Арманьяков становилось всё меньше и если бургундцам удастся, вклинится в их ряды- они погибли. Новая атака обрушилась на Д,Арманьяков. На сей раз даже нечеловеческие усилия, которые они предпринимали, не помогали. Бургундцы приняли решение сражаться до конца и больше не отступать. В самом начале, граф Д,Арманьяк немного выдвинулся вперёд. Заметив это, бургундцы отсекли его от основных сил. Граф Д,Арманьяк сражался в окружении трёх бургундцев. Казалось, ещё немного и он падёт, но в это время один из нападавших, охнув упал. Филипп поразил его сзади в спину. Второй вынужден был отвлечься. Он бросился на мальчика.

- Берегись Филипп! - закричал граф Д,Арманьяк нанося мощный удар по лицу противника.

Нападавший бургундец явно недооценил Филиппа. Он видел перед собой ребёнка, и вероятно, поэтому решил одним ударом покончить с ним. Едва меч поднялся над головой Филиппа, тот изловчившись, воткнул меч снизу в горло противника. Подбежавший отец, лишь облегчённо вздохнул. Сделав короткую передышку, граф Д,Арманьяк оглядел кипящее вокруг него сражение. Неподдельное изумление и гордость почувствовал он, при виде своих рыцарей, которые не только не отступили, но и начали теснить бургундцев. Издав дикий рык, он с новыми силами бросился на бургундцев. Филипп сражался бок о бок со своим отцом. Рубка продолжалась более получаса. Д,Арманьяки стояли, словно изваяние из камней. Они отступали лишь тогда, когда умирали. Не выдержав столь яростного сопротивления, бургундцы вновь отступили, оставив на поле битвы не менее ста человек. Д,Арманьяков едва набралось бы тридцать, но бургундцы почему-то медлили с атакой и не нападали на них.

- Посмотри на бургундцев, Бернар – Монтегю, со лба которого сочилась кровь, ибо он был легко ранен, смеясь, указал на них, - они больше не верят в свою победу.

И действительно, бургундцы, что- то яростно обсуждали. Раскол в их рядах был совершенно очевиден.

- Возможно, нам удастся совершить чудо! - пробормотал граф. Он ласково и с любовью посмотрел на сына.

- Сегодня ты стал настоящим воином Филипп. Ты спас мою жизнь в настоящем бою. На колени виконт Д,Арманьяк.
Ещё не веря происходящему, Филипп преклонил колено перед отцом. Граф Д,Арманьяк положил край окровавленного меча на плечо сына и торжественно произнёс.
- Посвящаю тебя в рыцари, сын мой!
Но тут его речь была прервана звуком труб, при котором бургундцы завопили от восторга. В конце улицы появился крупный конный отряд.
- Бургундская гвардия! Всё кончено! - граф усталым взглядом посмотрел на Монтегю.
- Мы погибли!
- Но мы ещё можем спасти жизнь Филиппа!- последовал ответ.
Граф воодушевился. Он наклонился к Филиппу и прошептал;
- Как только начнётся бой, беги Филипп!
Филипп кивнул в знак того, что понимает всё.
Бургундцы предложили Д,Арманьякам сдаться, но они гордо отказались.
- Тогда умрите! - закричали бургундцы, бросаясь на Д,Арманьяков.
Пешие воины под прикрытием двух сотен рыцарей ринулись в атаку. В течение четверти часа, почти все Арманьяки погибли. В живых остались только граф Д,Арманьяк и Монтегю. Их окружили плотным кольцом, обезоружили и повалили на землю. Гилберт де Лануа находился среди тех, кто собирался нанести поражающий удар, когда раздался голос маркиза Д,Антраг, капитана бургундской гвардии.
- Не убивать, брать живьём!
Гилберт де Лануа подскочил к капитану бургундской гвардии и закричал.
- Их нельзя оставлять в живых, их надо умертвить!
Капитан холодно посмотрел на Лануа.
- У меня приказ герцога Бургундского!
Лануа, кусая губы, отступил.
Графа Арманьяка и Ги де Монтегю бросили, связанными в повозку. Чуть позже туда бросили и связанного Филиппа. Отец и сын встретились взглядами. Филиппа тихо прошептал:
- Я не смог бросить тебя отец!
Ещё, перед тем как их увезли, Филипп увидел, как убивают безоружных людей, обагряя их кровью стены святой церкви.

Глава 10

Заточение

Начавшись 25 сентября 1407 года, резня Арманьяков в Париже, длилась десять дней. За это время, весь Париж залили кровью Д,Арманьяков. Счёт убитых шёл на сотни и сотни. Мостовые и стены

домов были в крови. Многие дома сожжёны. Ночь дьявола проявилась во всей своей зловещей сущности. Убийства, грабежи и насилие, стали в эти дни, обычным явлением. Казалось, ничто не насытит кровожадную толпу, рыскающую по городу в поисках очередной жертвы. Встречаясь друг с друг, горожане, только и говорили о том, сколько Д,Арманьяков убил каждый из них. При этом в их голосах звучало такое торжество, словно они совершали богоугодное дело, а не братоубийство. Спроси кто- нибудь горожан, что плохого сделали Арманьяки, они наверняка бы затруднились ответить на этот вопрос. Впрочем, вопросы в эти дни не имели значения, ровно и ответы, которых и вовсе не было, да и не могло быть. Единственные, у кого они были и которые знали и не только, а и направляли все эти дни резню Д,Арманьяков, подогревая ярость парижан - были члены ордена «Лионских бедняков». Возглавляемые Гилбертом де Лануа и Кабошом, который всякий раз показывал перевязанную руку, на которой отсутствовала кисть и похвалялся тем, что потерял её в схватке с Д,Арманьяками, возле церкви святой Катерины. Члены ордена находились все эти дни, неизменно на улицах Парижа. Они бдительно следили за тем, чтоб никто из Д,Арманьяков не ушёл от расправы и были самыми яростными из убийц. К исходу десятого дня, им это полностью удалось. Убийства, пошли на убыль, по той простой причине, что не осталось в живых ни одного из Д,Арманьяков, или их сторонников. Все кто выжил, покинули стены Парижа, ибо город нёс для них в своих объятиях, смертный приговор.

В отличие от горожан, которые пребывали, в отличном расположении духа, ибо словно звери, пресытились человеческой кровью, на «Старой Храмовой» улице, в доме покойного герцога Орлеанского, царила глубокая печаль.

Графиня Д,Арманьяк ломая руки, ходила по гостиной. Герцогиня Орлеанская лишь грустно наблюдала за ней. А что ей оставалось? Она ничем не могла помочь несчастной женщине, которая вот уже десять дней, не имела вестей о супруге и сыне.

Губы графини Д,Арманьяк всё время шептали:

- Господи, господи, не дай им погибнуть….господи, господи… спаси их! Я всю жизнь проведу в молитвах, благословляя твоё имя.

Увидев вошедшего в гостиную Дюше, графиня тотчас бросилась к нему и схватив его за руки, голосом идущим из глубин души, спросила:

- Что?

Они живы!

Ответ Дюше заставил графиню Д,Арманьяк расплакаться. Но то были слёзы счастья. Она обняла Дюше, принёсшего благую весть, повторяя:

- Благодарю вас сударь, благодарю..

- Сударыня…

Графиня тотчас посмотрела в глаза Дюше, которые он опустил, не в силах смотреть на графиню. И прежде, чем, Дюше сказал, то чего невозможно было утаить, графиня поняла, что услышит нечто ужасное.

- Они в Шатле. Завтра утром они будут прилюдно казнены!

- Мой мальчик? Филипп?
- Он тоже приговорён к смертной казни!
Графиня отшатнулась, а затем рухнула на колени и почти сразу после этого потеряла сознание. Дюше взял графиню на руки и уложил на софе. После этого он поклонился и негромко сказал адресуя свои слова герцогине Орлеанской.
- Если я понадоблюсь, позовите!
Опечаленный тем, что принёс страшную новость, Дюше вышел. Герцогиня Орлеанская и двое слуг захлопотали над графиней, пытаясь привести её в чувство. Это продолжалось недолго. Графиня пришла в себя. Едва она открыла глаза, как немедленно вскочила с софы и бросилась к двери.
- Милая сестра моя, куда ты направляешься? - окликнула графиню, герцогиня Орлеанская.
- К отцу! - не оборачиваясь, ответила графиня, - я должна спасти их.
Дюше выскочил на улицу, вслед за графиней Д,Арманьяк, которая даже накидка не взяла с собой. Несмотря на холод, она в одном платье, с распущенными волосами, которые развевались на ветру, торопливо пошла по направлению к дворцу герцога Бурбонского, который находился в двух кварталах от Старой Храмовой улицы. Дюше едва поспевал за графиней. На улицах Парижа было всё ещё небезопасно, а он дал слово охранять графиню. Не более чем через четверть часа, графиня в сопровождение Дюше, достигла ворот дворца. Стража у ворот, хотя и смотрела на них с крайним удивлением, тем не менее отворила ворота и пропустила их внутрь. Не чуя ног, графиня побежала по широкой дорожке, ведущей к внутренним воротам дворца. А ещё через несколько минут, она уже стояла перед кабинетом герцога Бурбонского. Сделав короткую передышку, графиня открыла дверь и вошла внутрь. Дюше остался ждать за дверью. В кабинете, за столом сидел герцог Бурбонский, мужчина лет шестидесяти и выговаривал что- то молодому человеку, стоявшему рядом с ним, с виноватым лицом.
Графиня прошла несколько шагов и упала на колени, протягивая руки к герцогу Бурбонскому. Голос её прерывался, когда она умоляющим голосом произнесла;
- Спасите отец!
Герцог Бурбонский хмуро смотрел на дочь.
- Вспомнила об отце, непокорная дочь?
- Я никогда не забывала о человеке, который был в моей жизни всем! Отец, ваша дочь умоляет вас, стоя на коленях. Заклинает именем матери и той любовью, которую питали ко мне - вы. Спасите моего супруга! Спасите моего сына!
- Твой супруг выбрал свою судьбу сам, бросив вызов герцогу Бургундскому,- безжалостно ответил герцог Бурбонский, - он был слишком горд, чтобы склонить голову, так пусть теперь склонит голову перед палачом. Вопреки моей воле ты вышла замуж за Д,Арманьяка, но это ещё полбеды. Ты своим отказом унизила герцога Бургундского, моего друга. Ты предпочла Д,Арманьяка-бургундцу, что ж, теперь пожинай плоды своего поступка. Я же и пальцем не пошевелю в защиту твоего супруга.

- Мой сын… спасите Филиппа… он ничего плохого не сделал – графиня заломила руки, в голосе послышались едва сдерживаемые рыдания.
- Выродок Арманьяков! - вскричал герцог Бурбонский, - пусть он умрёт, ибо для меня он никогда не был внуком. Он заслуживает смерти, не меньше, чем его отец, только тем, что появился на этот свет. Пойди прочь непокорная дочь. Самое большое что я сделаю, это поеду завтра на казнь, чтобы посмотреть, как прольётся кровь твоего супруга и твоего сына.
Дюше, слышавший каждое слово, произнесённое герцогом Бурбонским, не выдержал и ворвался в кабинет. Он поднял обессиленную графиню Д,Арманьяк, и придерживая за плечи повёл к двери. Бедняжке ничего не оставалось, кроме как покинуть дом отца, где она не нашла, ни понимания, ни сочувствия. Уже выходя, Дюше негромко бросил.
- Монсеньор, я от всей души надеюсь, что не наступит тот день, когда один из Д,Арманьяков придёт к вам вернуть долг, за оскорбление графини, ибо тогда этот день станет для вас, ещё более худшим, чем сегодняшний день, стал для миледи, вашей дочери.
Не дожидаясь ответа, Дюше вывел графиню на улицу.
Некоторое время, они простояли возле ворот дворца. Дюше отдал бы всё на свете, чтобы избавить графиню от той глубокой печали, которая владела всем её существом и ясно читалась в каждой чёрточке её лица.
- Я пойду к королю!- неожиданно сказала графиня.
- Миледи! Король вот уже несколько месяцев не принимает. Он болен. К тому же, он давно перестал интересоваться делами государства.
- Я знаю, знаю - у графини вырвался всхлип, но что мне ещё сделать, как им помочь,- графиня упала на грудь Дюше и разрыдалась.
- Проклятье - прошептал Дюше, пытаясь утешить графиню, я предпочёл бы быть на месте вашего супруга, а не на вашем, ибо вы страдаете неизмеримо больше.

Оставим на время графиню и Дюше. Обратим свой взгляд на Шатле, крепость - тюрьму, построенную для содержания государственных преступников.
Именно сюда, на верхний этаж поместили графа Д,Арманьяк, Филиппа и Ги де Монтегю. С первых минут своего заточения, мысль о побеге не покидала узников, однако они находились в Шатле, а это значило, что нечего было даже мечтать о побеге. Высокие каменные стены и железные двери, не оставляли никакой возможности для побега. К тому же, охрана на этаже, во внутреннем дворе и на стенах, бдительно следила за поведением заключенных. Существовала надежда, что можно будет договориться с охраной, подкупить её, но она настолько враждебно относилась к узникам, что они вынуждены были и эту мысль отбросить. Всё что им оставалось - это ждать. Что они и делали.
Камера была довольно просторной. На полу лежала большая охапка сена, на которой почти всё время полулежали граф Арманьяк и Ги

де Монтегю, размышляя о всевозможных способах побега. Филипп, не участвовал в разговорах, больше того, он не произнёс ни слова, с момента ареста. Целыми днями напролёт, он, прижавшись лицом к решёткам маленького окошка смотрел на Сену. Все попытки заговорить с ним, заканчивались неудачей. Филипп упорно молчал. Но подавленным отнюдь не выглядел. Скорее это можно было назвать равнодушием. Если Филипп и был ко всему равнодушен, граф ломал голову. Он искал выход, чтобы спасти жизнь сына. О своей жизни он не думал. Но к его глубокому отчаянию, выхода не существовало. Они все, в том числе и Филипп, были обречены. За день до казни, Филипп по прежнему смотрел не отрываясь в окно, а его отец с Ги де Монтегю в тысячный раз перебирали все возможности побега. Они вели приглушённую беседу, но Филиппа совершенно не интересовала эта беседа. Стража, с утра вела себя непозволительно наглым образом. То и дело слышались оскорбления в адрес арестантов, которые приводили последних в ярость. Они вскакивали с места и подскакивая к двери, громко кричали;
- Дайте нам меч и мы покажем вам, чего стоят ваши насмешки! Подлецы! Мерзавцы!
На один из таких порывов, охрана с хохотом ответила:
- Лучше взгляните на своих друзей, они как раз проплывают мимо!
Услышав слова стражи, Филипп впервые отошёл от окна и присел на корточки в углу камеры, скрестив руки. Граф Д,Арманьяк и Ги де Монтегю бросились к окну. У них почти одновременно вырвался крик ярости. Течение Сены несло мимо них несколько мёртвых тел.
- Они плывут, все эти дни! - раздался тихий голос Филиппа.
Граф опустился на колени перед сыном.
- Господи, Филипп, все эти дни ты смотрел ….- слов не хватало, граф обнял сына. Филипп крепко обнял отца.
Монтегю тоже опустился на колени и воздев руки, прошептал;
- Господи, не за себя прошу, а за Филиппа. Спаси ему жизнь, спаси…молю тебя, ибо только тогда я умру зная, что ни один из врагов наших не уйдёт от наказания.
Утро казни неумолимо наступало. Отец и сын о чём то тихо беседовали. Монтегю поглощённый, собственными мыслями о вечности, не слышал их. В одиннадцать часов, двери камеры со скрипом отворились, пропуская священника, в сопровождении стражи.
- У вас ровно один час,- предупредил стражник, затворяя за собой дверь.
Священник пристально оглядел приговорённых к смерти. Взгляд священника чуть дольше задержался на Филиппе. Через некоторое время после прихода священника, раздался его негромкий голос:
- Я отец Себастьян, прислан исповедовать вас, перед долгой дорогой, к отцу нашему небесному. Дети мои, для вас настал час исповеди. Облегчите свои души, перед длительной дорогой, дабы создатель наш всемогущий, открыл перед вами двери царства своего и принял в свои объятия.
Ги де Монтегю опустился на колени перед священником.
- Раскайся в грехах своих, сын мой, облегчи душу, прими господа нашего в своё сердце. Благословляю тебя от его имени. Во имя отца! Сына! И святого духа!

Священник осенил Монтегю, чем немало удивил его.
- Я ведь ещё не начинал исповеди, святой отец!
- Ты чист душой и сердцем, сын мой! И господь видит это!
- Надеюсь, - пробормотал Ги де Монтегю, начиная исповедь, - отец я грешен. Я убивал людей, но никогда из личных выгод. Я изменял своей бедной жене, и в эту минуту раскаиваюсь в содеянном. Я был плохим отцом моему сыну. Я оставил его одного, перед лицом коварных и могущественных врагов и это тяготит меня, ибо я не смогу более служить ему защитой.
- Господь защитит! Продолжай.
- Мне нечего добавить святой отец. Я прожил тридцать пять лет и прожил достойно.
Священник перекрестил Монтегю.
- От имени и во имя господа нашего, отпускаю грехи твои сын мой. Пусть мир и спокойствие воцарятся в твоей душе. Умри без страха сын мой, ибо господь пошлёт своих ангелов навстречу тебе. Благословен будь. Именем господа нашего, Иисуса Христа,- священник вновь перекрестил Монтегю.
Монтегю поцеловал руку священника и уже усаживаясь рядом с Филиппом, пробормотал себе под нос;
- Странный священник, клянусь честью!
-Во имя отца, сына и святого духа- священник перекрестил графа Д,Арманьяк.
- Святой отец- мучительно заговорил граф Арманьяк,- я грешен, ибо обрекаю своего единственного сына на смерть. Я один буду виновен в его смерти. И я потерян. Я не знаю, что мне делать. Смерть не страшит меня, но груз вины за моего сына невыносим. Меня гнетут и сотни других жизней, погубленных по моей вине. Я тот человек, который должен был защитить их. Но я не смог. Кровь безвинных на моих руках.
Священник выслушал откровение графа.
- Отпускаю грехи твои сын мой. Господь всё видит. Ты не повинен в том, что безвинные люди погибли. Ты не повинен в том, что сын твой единственный ждёт смерти, ибо поступил как истинный католик, верующий в Бога. Ибо сделал всё возможное, пытаясь спасти жизни безвинных, жертвуя своей жизнью и жизнью сына своего. Это ли не высшая добродетель? Господь всё видит и воздаст тебе по заслугам, в доме своём. Пусть мир и спокойствие воцарятся в твоей душе! Во имя отца, сына и святого духа! Отпускаю все твои грехи!- священник вновь перекрестил графа.
Граф отошёл, уступая место Филиппу, но тот не сдвинулся с места, окидывая священника холодным взглядом.
- Подойди, сын мой! - позвал Филиппа священника.
- Исповедоваться следует не мне, а таким как вам. Лицемерам в монашеской одежде, - резко ответил Филипп.
- Филипп, ты богохульствуешь - прикрикнул на него отец,- поцелуй руку святого отца и прими благословенье божье.
- Поцеловать руку?- Филипп устремил гневный взгляд на священника, - такая же рука закрыла дверь перед сотнями людей, обрекая их на смерть.
Священник печально улыбнулся.

- Самое страшное в твоих словах то, что они правдивы. Это я был за дверью церкви Святой Катерины. Взобравшись наверх, я наблюдал сражение. Каждый из вас, ежеминутно совершал чудеса, неподвластные человеческому разуму, во имя спасения безвинных людей. Вы жертвовали своими жизнями, когда мне надо было, всего лишь отворить дверь церкви. Я видел, как вас связали и увезли, но вы не видели, что происходило потом на ступенях святой церкви. Блажены дети, которые не увидели смерть своих матерей. Блажены матери, которые не увидели смерть своих детей. Стоны невиноубиенных до сих пор стоят у меня в ушах. Я позволил им свершить это злодеяние. И за это, ни господь, ни я сам, себе не прощу. Я единственный грешник среди вас. Я покидаю лоно церкви сегодня, ибо мира в моей душе и прежней веры нет. Будьте благословенны!
Священник перекрестил всех и покинул заключённых.

Глава 11

Казнь

На улицах Парижа творилось нечто невообразимое. Тысячи горожан, вышедшие в то утро из своих домов, исступлённо выкрикивали:
- Смерть Д,Арманьякам! Слава герцогу Бургундскому!
Казнь должна была состояться на площади Пилори, где проводились казни чаще всего. Площадь находилась в непосредственной близости от Шатле.
За день до казни, на площади соорудили деревянный помост. В середине помоста поставили плаху. Вокруг помоста, полукругом, соорудили длинные деревянные скамьи, которые имели в высоту несколько рядов. Таким образом, каждый следующий ряд возвышался над предыдущим. Сделано это было для того, чтобы высшая знать, для которой и соорудили эти скамьи, могла свободно наблюдать за казнью. В середине этого сооружения, поместили два кресла- для короля и королевы. Мало кто верил в то, что король Франции, заточивший себя во дворце Сен- Поль, и не покидавший его стен, несколько месяцев, приедет на казнь. Тем не менее, кресло для него было приготовлено.
Уже к семи часам утра, близлежащие улицы к площади, были забиты народом, который в эти дни буквально сходил с ума, выражая свою преданность герцогу Бургундскому. Все лавки Парижа, в которых продавалась красная, или лиловая ткань - опустели. Парижане покупали всё, что даже отдалённо напоминало цвета Бургундии. Множество людей находящиеся на улицах в это утро были облачены в одежды ярко - красно покроя. Немало людей прикрепили к своим плечам живые цветы. У других на груди красовались Андреевский кресты. Все эти детали равно воздавали дань восхищения новому властителю Парижа, да и наверно большей части Франции, ибо не было более могущественного человека, нежели герцог Бургундский. Весь народ с нетерпением дожидался полудня, назначенного времени для казни.

Ближе к одиннадцати, когда в тюрьме Шатле, осуждённые начали исповедоваться, к площади начали съезжаться кареты со знатью. Знать немедленно занимала места вокруг помоста. Народ слабо приветствовал знать. Знать их не интересовала.

Появление королевы и что совершенно удивительно, короля Франции, было встречено приветственными криками. У короля, по всей видимости, настало временное просветление, которое чередовалось с приступами безумия. Мало кто ожидал его появления и меньше всех королева. И тем не менее, с её уст не сходила счастливая улыбка. Королева выглядела так будто безмерно счастлива присутствием его величества.

Король первым вышел из кареты и не оглядываясь на королеву, что выглядело несколько грубовато, в сопровождении небольшой свиты, прошёл к своему месту. Один из придворных короля - Буа-Бурден, предложил королеве руку, на которую она и опёрлась, выходя из кареты. Он же проводил королеву до её места рядом с королём. И только после того, как она села, удалился.

Едва королевская чета заняла свои места, как раздался мощный взрыв приветственных криков.

- Да здравствует герцог Бургундский!
- Слава Бургундии!
- Слава великому герцогу!

Герцог Бургундский ехал на белом коне, облачённый в блестящие доспехи, на которых был выбит крест святого Андрея. Андреевский крест лилового цвета так же был вышит на плаще, прикреплённого к плечам сзади. Герцога сопровождали двадцать рыцарей, роскошное облачение которых намного превосходило облачение королевской свиты.

Приветствуя парижан благосклонной улыбкой, которая почти не сходила с губ Герцога бургундского и под несмолкающие крики, он спешился и направился на отведённое ему место, рядом с королевой Франции.

- Ваше величество! - герцог поклонился королю, тот в ответ кивнул.
- Мадам! - герцог Бургундский поцеловал протянутую руку королевы, задержав её, чуть дольше положенного. В этом был весь герцог. Он считал, что ему положено немного больше нежели всем остальным смертным.

Королева сделала попытку покраснеть, но у неё не получилось. Герцог Бургундский сел справа от королевы, чуть ниже её.

- Я у вас в долгу! - шепнула ему королева, - вы избавили меня от этого несносного Д,Арманьяка.
- Надеюсь, Мадам, - герцог Бургундский устремил на королеву страстный взгляд, - вы найдёте способ отблагодарить меня?
- Я думаю над этим! - королева кокетливо улыбнулась герцогу Бургундскому.
- Я слышал, вы были в плену кузен?! - не вовремя раздался голос короля, - крестовый поход закончился плачевно. Турки разбили вас под Никополем. Надеюсь, вы не слишком страдали в плену, у турок?

Герцог Бургундский, был явно озадачен словами короля.

- Я пробыл в плену менее года, Сир. К тому же эти события имели место одиннадцать лет назад.

- Время скоротечно кузен!- король вздохнул, погружаясь в обычное состояние полного безразличия.
Никто из тех, кто слышал слова короля, так и не понял, что он имел в виду.
По новому взрыву криков и проклятий, все поняли, что осуждённые покинули Шатле. И действительно, ровно без четверти двенадцать, повозка, запряжённая двумя чёрными быками, в которой, стоя везли заключенных, покинула стены Шатле.
Впереди заключенных, следовала небольшая процессия. Вся процессия была облачена в престранные одежды. У всех на головах были венки из роз. Процессия пела какую то весёлую песню. В общем, создавалось впечатление, будто затевается некое торжество, а не казнь. Повозку с заключёнными сопровождали десять стражников, ехавших по обе стороны. Люди, сыпля проклятиями в адрес осуждённых нехотя расступались перед процессией. Проклятия сыпались на заключенных не переставая, отчего в воздухе повис, непрекращающийся гул. Но люди не ограничились одними проклятиями. У многих в руках оказались гнилые помидоры и яйца, которые тут же были пущены в ход.
- Смерть подлым Д,Арманьякам! Смерть изменникам!
Все трое сохраняли невозмутимый, а правильнее сказать - равнодушный вид. Ни яйца, ни гнилые помидоры, ни многочисленные проклятия, никак не сказывались на выражении их лиц. Лишь граф Д,Арманьяк изредка бросал на сына обеспокоенный взгляд. Филипп держался с непоколебимой твёрдостью. Со стороны казалось, будто он вообще ничего не замечает.
Всё верхнее одеяние осуждённых состояло из белой рубашки, на которой после попадания яиц и помидоров то и дело оставались следы желтоватого и красноватых оттенков.
Осуждённые, под непрекращающийся град проклятий, достигли площади Пилори. Их вывели из повозки и подвели к помосту с плахой. Огромного роста палач, с крепкими ручищами, в которых легко умещалось древко топора, стоял на помосте и следил за осуждёнными.
Гилберт де Лануа, распорядитель казни, поднялся на помост и коротко бросил палачу;
- Приступай!
- Среди них ребёнок!- последовал неуверенный ответ палача, - мне не приходилось казнить детей.
- Придётся! - коротко ответил Гилберт де Лануа, покидая помост.
Палачу не понравились эти слова. Сквозь прорезь маски, глаза палача с неприязнью следили за мрачной фигурой Гилберта де Лануа.
Герцог Бургундский встал со своего места и взмахнул белым платком.
Ги де Монтегю поднялся на помост. Прочитав короткую молитву и бросив последний взгляд на своего друга, он встал на колени и положил голову на плаху.
Палач одним уверенным ударом, отсёк ему голову.
- Прощай мой друг! - тихо прошептал граф Арманьяк, - скоро мы вновь увидимся

Он снял со своего пальца перстень - символ дома Д,Арманьяков и протянул Филиппу.
- Пусть недолго, но ты станешь графом Д,Арманьяк!
Отец с сыном крепко обнялись.
- Прости меня! - прошептал граф, когда подручные палача повели его на казнь.
Огромная толпа замолчала, в ожидании того, как падёт голова, главного из Д,Арманьяков.
Граф Арманьяк встал на колени и собирался положить голову на плаху, когда услышал голос сына:
-Монсеньор, для меня было честью жить рядом с вами. Для меня будет честью умереть рядом с вами!
Светлая улыбка осветила лицо графа. Не колеблясь, он положил голову на плаху.
- Бернар, муж мой! - раздался душераздирающий крик.
Женщина с растрёпанными волосами пыталась пробиться к плахе, но стража её не пускала. Палач опустил топор, на глазах рыдающей графини и на глазах Филиппа. Толпа приветствовала смерть графа Д,Арманьяк восторженными криками. Филипп, не ожидая когда его поведут на помост, легко вскочил на него и пока убирали тело его отца, гневно закричал в толпу.
- Замолчите, слышите вы, все замолчите. Имейте уважение если не к графу Д,Арманьяк, который в жизни не сделал ничего плохого, так хотя бы к сыну потерявшему отца.
Филипп стоял на помосте, в крови собственного отца и весь его облик пылал гневом и яростью. Он смотрел прямо в толпу. И люди, поражённые необыкновенной смелостью и непредсказуемым поведением мальчика, невольно один за другим замолкали. Дождавшись, когда наступит полная тишина, Филипп повернулся к палачу и с твёрдостью, поразившую свидетелей этой сцены, бросил:
- Я в вашем распоряжении мэтр!
Герцог бургундский встал, собираясь подать сигнал к казни, но был остановлен графиней Д,Арманьяк. Несчастная женщина бросилась к ногам герцога Бургундского.
-Пощадите моего сына, пощадите, - умоляла женщина. - Великодушный герцог, пощадите его,
Герцог Бургундский поднял за плечи графиню Д,Арманьяк. Её тут же оттащил в сторону. Графиня ни на миг не переставала молить о помощи.
Герцог Бургундский выждал короткое время, а потом громко заговорил.
- Жители славного города Парижа, я не хочу стать детоубийцей. Поэтому я согласен пощадить последнего из Д,Арманьяков, хотя он собственноручно убил пятерых бургундцев,
При этих словах, Гилберт де Лануа обменялся беспокойными взглядами с Кабошем, который более всех предвкушал смерть Филиппа, потому что узнал в нём того, кто лишил его части руки.
- Если этот мальчик поклянётся мне в верности, я пощажу его! - закончил герцог Бургундский, совершенно довольный собой.
- Клятву! Клятву!- раздался нестройный хор голосов.
Филипп видел горестное лицо матери и слышал её слова.
- Клянись Филипп, клянись!

Филипп поднял правую руку. Всё вокруг него мгновенно затихло. Люди с нетерпением ждали, когда он заговорит. Филипп не заставил себя долго ждать.
- Клянусь! - громко и отчётливо заговорил Филипп, - клянусь вам, герцог Бургундский, если вы помилуете меня.. Филипп сделал паузу, глядя на довольную улыбку герцога Бургундского, - клянусь, где бы вы не были, где бы не прятались, я настигну вас и убью, не дав времени на покаяние, - голос Филиппа взлетел высоко. - Гордость и Честь! Слава и Доблесть! Бесстрашие и Отвага! Вот девиз Д,Арманьяка! А теперь делайте то что должны, мэтр! - Филипп встал на колени и положил голову на плаху. Потрясённые зрители не верили происходящему. Столько мужества было в Филиппе, что все вокруг просто растерялись. Все за исключением герцога Бургундского, который с перекошенным лицом взмахивал белым платком, к великой радости Лануа и Кабоша.
- Филипп, мой мальчик, Филипп….. рыдающую графиню никак не могли оттащить от помоста.
Время шло, но палач почему-то медлил. Он не подходил к осуждённому. Видя медлительность палача, герцог Бургундский снова взмахнул белым платком, подавая сигнал к началу казни. И тогда Париж увидел нечто неподдающееся никакому воображению. Палач выпустил из рук топор. Потом медленно снял с головы маску, скрывающее его лицо и опустившись на колени, протянул руки в сторону короля, произнося всего одно слово:
- Милости!
Толпа взорвалась.
- Слава Капелюшу!- кричала толпа. - Слава Парижскому палачу!
- Приказываю казнить Д,Арманьяка - заорал во всё горло герцог Бургундский.
- Замолчите кузен!- раздался спокойный голос короля Франции, - палач не к вам обращается!
Никто не ожидал этих слов и менее всего герцог Бургундский. Король встал.
- По закону славного города Парижа, палач единожды за всю свою жизнь имеет право просить помилования для осуждённого на смерть. И никто, даже король Франции, не вправе отказать ему. Палач воспользовался своим правом, мы же воспользуемся своим. Поднимитесь с колен, граф Арманьяк, де Фацензак, де Родез, герцог де Немур! Отныне вы свободны!
- Да здравствует король!- толпа восторженно приветствовала слова короля, ибо нет для парижанина, ничего дороже законов города. По этой причине слова короля нашли глубокий отклик в сердцах у горожан. В этот миг, Д,Арманьяки перестали быть врагами Парижан, впрочем они ими никогда и не были .
Герцог Бургундский мрачно поглядывал на короля, который унизил его прилюдно. Такого герцог Бургундский никому не прощал. Филипп протянул руку палачу, спасшего ему жизнь. Тот с необычайным благоговением пожал протянутую руку, словно это было рука короля или принца крови, впрочем, знатностью граф Д,Арманьяк не уступал ни тем ни другим. Все зрители наблюдали, как посреди помоста с плахой, мальчик пожимал руку палача и все услышали слова, которые он произнёс:

- Я прощаю вас за смерть моего отца. А за то, что вы дали возможность, отомстить за него, я буду благодарен вам, всю свою жизнь,- и уже спускаясь с помоста, Филипп добавил,- я вернусь за телами моего отца и Монтегю.
Едва Филипп сошёл с помоста, как сразу же попал в объятия своей матери, которая беспрестанно целовала его, а затем, взяв за руку потащила за собой.

Глава 12

Палач

Насколько проводы одного из Д,Арманьяков отличались от встречи. Многие добродушные матроны, да и некоторые почтенные горожане, прослезились, увидев мать с сыном вместе. Грустно вздыхая, они приговаривали:
- Досталось беднягам, настрадались мать и сын. Но слава господу, теперь для них мученья закончились.
Многие на площади Пилори думали о том же. Многие, но только не палач. Капелюш, не до конца осознавший для себя, почему он так поступил. Он спас жизнь мальчика, но погубил собственную. Не могло быть и речи о дальнейшем пребывании в роли палача. К тому же он подвёрг свою жизнь опасности, потому что, родственники казнённых им людей наверняка видели его лицо и могли отомстить.
Палач прервал свои невесёлые размышления. Он заметил то, что укрылось от всех остальных. Гилберт де Лануа вёл молчаливый диалог с неким толстяком, в котором палач сразу признал главу гильдии Парижских мясников - Кабоша.
Обмен взглядами длился всего несколько мгновений, но от Капелюша не укрылся истинный смысл этого немого разговора. До того, как Кабош кивнув головой начал пробираться из толпы, Капелюш понял, что жизнь мальчика снова в опасности. Бросив взгляд ненависти на герцога Бургундского, Капелюш поднял брошенный топор и стал искать в толпе Кабоша.
Неожиданно, черты лица Капелюша исказила злоба. Он увидел Кабоша, а с ним ещё четверых мужчин в чёрных плащах, которые шли следом за Филиппом и графиней Арманьяк.
- Не бывать этому! - пробормотал Капелюш.
Спрыгнув с помоста, с топором в руке, он начал пробираться сквозь толпу. Все вокруг пытались дотронуться до Капелюша, ибо впервые им довелось оказаться рядом со знаменитым парижским палачом. По причине этих задержек, Капелюш потерял драгоценные минуты. Когда, наконец, он выбрался из толпы, мужчины и мальчик с матерью пропали у него из виду.
- Дьявол! - вырвалось у Капелюша, - если они только посмеют тронуть мальчика, я собственными руками вырву сердце у герцога Бургундского.
Капелюш побежал так быстро, как только мог, отпугивая своим безумным видом и сжимающим в руке топором, многочисленных прохожих, которые попадались по пути. Он обегал все близлежащие улицы, но те, кого он искал словно исчезли. Капелюш почти

отчаялся, когда до него донёсся слабый крик. Крик доносился с набережной Сены, которая была не более, чем в пятидесяти шагах от того места где стоял Капелюш.
Только бы успеть - подумал Капелюш мчась в сторону доносивших криков, которые с каждым мгновением становилось всё отчётливее. Капелюш добежал до конца улицы. И едва она закончилась, как он одновременно увидел всех тех, кого искал. Они стояли в двух шагах у кромки реки, возле разбитой лодки. Двое мужчин держали Филиппа, а Кабош, левой здоровой рукой, которая сжимала нож, пытался убить его, но на нём висела графиня, которая кусала и царапала Кабоша, не давая ему приблизиться к сыну. Ещё двое пытались отодрать графиню от Кабоша и видя что им это не удаётся, стали вонзать в её тело кинжалы. Капелюш взревел от злости и подняв топор бросился на убийц. Он подоспел в тот момент, когда Кабош свалился на землю вместе с графиней Д,Арманьяк. Спасая сына, графиня получила около десятка ранений, но даже в таком состоянии она крепко вцепилась в Кабоша. Кабош с громкой бранью пытался от неё отцепиться. Двое других собирались расправиться с сыном, точно так же как с матерью, но топор Капелюша достиг первого, опускаясь ему на голову. Второй вынужден был повернуться лицом к Капелюшу, иначе рисковал последовать за своим сообщником. Между ним и Капелюшем завязалась борьба. Двое из тех кто держал Филиппа, выпустили его из рук, для того, чтобы помочь своему сообщнику. Капелюш сумел достать топором ещё одного, который замертво рухнул на землю, но в это время, поднявшийся с земли Кабош, воткнул Капелюшу нож в спину.
- Беги! - теряя силы, закричал Филиппу, Капелюш.
Филипп бросился наверх, к площади, но путь ему преградил злобно усмехающийся Кабош.
- Сена - твоё единственно спасение! - в этот крик Капелюш вложил остатки своих сил.
Филипп раздумывал лишь одно мгновение. Он находился в окружение трёх убийц и не было иного выхода кроме как броситься в реку. Разбежавшись, благо путь к воде был свободен, ибо убийцы не ожидали от него подобного, Филипп бросился в Сену и быстро поплыл.
Все трое убийц подбежали к кромке воды и злобными взглядами следили за плывущим Филиппом.
- Да он сдохнет в холодной воде! - Кабош захохотал при виде того, с каким трудом даётся Филиппу каждый гребок, - пошли отсюда.
- Подождём, пока он умрёт!
- У меня другое мнение, - раздался рядом с ними голос Гилберта де Лануа.
Соскочив с лошади, он взял притороченный к седлу арбалет и вложив стрелу, подошёл к кромке воды, вставая рядом с Кабошем. Филипп плыл не щадя своих сил, но всё же находился достаточно близко от берега. Гилберт де Лануа внимательно прицелился. Арбалет двигался за Филиппом. Гилберт де Лануа выпустил стрелу, почти сразу же после этого издав крик восторга, как впрочем и все остальные. Стрела попала в Филиппа и он сразу ушёл под воду.

- Ну, вот и всё братья! - Гилберт де Лануа мрачно усмехнулся, - Д,Арманьяка больше нет. Отец Вальдес будет доволен.
Прежде, чем уйти, Кабош нагнулся над Капелюшем. Вначале, он выколол глаз палачу, а затем исполосовал всё его лицо кинжалом. Ну вот, теперь его никто не узнает!
Голова Филиппа показалась над водой. Грудь поспешно набирала воздух, которого Филипп был лишён в течение долгого времени. В левом плече торчала стрела. Он терял кровь. А самое худшее из всего состояло в том, что он больше не мог плыть. Филипп посмотрел назад. На берегу никого не было. У него не осталось выбора. Если даже убийцы поджидают его, он должен вернуться, ибо здесь в холодной воде, раненный, он долго не протянет. Филипп, орудуя лишь одной правой рукой, поплыл к берегу. Всё тело сводили спазмы, плечо почти перестало слушаться. Огромным усилием воли он заставлял себя плыть. Он добрался до берега, когда почти потерял сознание от боли и сковывающего тело холода. Цепляясь руками за землю, он выполз на берег и почти сразу после этого, впал в небытие.
Филипп не знал, сколько часов он провёл в бессознательном состоянии, но пришёл в себя от того, что увидел над собой лицо какой- то женщины, которая нагнувшись, внимательно рассматривала его. Филипп выпростал из под себя правую руку, чем напугал женщину, которая приняла его за мёртвого, как и остальные два тела. Рука почти не подчинялась Филиппу. Она одеревенела. Гримаса боли исказило лицо Филиппа, когда он всё же сумел снять с себя крест и протянуть женщине:
- Прошу, отдайте это - женщина наклонилась к голове Филиппа, но даже в таком положение едва различала его шёпот, - его преосвященство Мелеструа…аббатство Сен - Дени. - Филипп снова потерял сознание.

Глава 13

май 1418 года

Необычайно красивое зрелище - представляло собой, восходящее на горизонте солнце. Словно невидимая, оранжевая стена, оно заслонило собой весь горизонт, отбрасывая свои блестящие и переливающие блики на спокойные воды Средиземного моря. Зрелище поистине потрясающее по своей красоте. На сотни миль вокруг, отражение солнца следовало за кораблями, носившимися, по Средиземному морю, как сейчас оно следовало за одномачтовым фрегатом, словно пыталось догнать его. Фрегат двигался не очень быстро, хотя попутный ветер и возможности фрегата, позволяли довольно заметно ускорить ход. Однако, этого не происходило и тому была причина. Проделав большую часть пути из Испании, фрегат приближался к Марселю. Фрегат принадлежал Кастильскому королевскому дому. Все они, имеется ввиду королева

Кастилии и Арагона- Иоланта Арагонская и её двое детей- герцог Барский и Мария Анжуйская, а также племянница королевы- Мирианда Мендос, дочь герцога Мендос, находились на борту этого судна. Покинув родные края, они направлялись во Францию, где собиралась присутствовать на празднествах в честь совершеннолетия Дофина. События весьма важное и значительное, учитывая то обстоятельство, что наследник французского престола, ещё не был женат. И, несмотря на то, что положение Дофина являлось весьма непрочным., многие королевские дома лелеяли мечту породниться с ним, ибо корона Франции во все времена была самым лакомым кусочком. Слегка приоткрыв истинную цель поездки Кастильской королевской семьи во Францию, мы не станем останавливаться и познакомимся с ними.
В данную минуту, когда фрегат слегка покачиваясь разрезал носом, воды средиземного моря, в одной из десяти кают корабля, которая была десять шагов в ширину и четыре в длину, и где кроме деревянного стола и нескольких стульев, почти ничего не было- вели оживлённую беседу трое молодых людей. Первый, молодой человек весьма небольшого роста, с невыразительными чертами лица, которые ещё более портил глубокий шрам разделявший его нос на две, почти ровные части, и который обладал удивительно живыми, чёрными глазами, был герцог Барский. Рядом с нм сидела, его родная сестра, Мария Анжуйская. Ей исполнилось 16 лет. Мария Анжуйская также была невысока ростом. У неё были чёрные глаза, которые скрывались за плотным рядом густых ресниц. Мария Анжуйская была неплохо сложена и не лишена обаяния, которая выражалось в данный момент, в мимолётной улыбке, обращенной к брату, который, в свою очередь, увлечённо, что- то высказывал своей кузине- Мирианде Мендос. Мирианда Мендос, была, всего на год старше своей кузины и превосходила её во всём. Она была выше ростом и, без всякого сомнения, являла собой образ южной красоты. Так же как кузина, Мирианда была обладательницей смуглой кожи, впрочем, свойственной почти всем южанам. У неё были карие глаза с сероватым оттенком, длинные ресницы и тонкие выгнутые брови. Безукоризненный овал лица обрамлял тонкую шею. Маленький рот с длинным рядом белоснежных зубов, открываясь, всякий раз, выражал столько обаяния, что невольно возникало чувство восторга и желание смотреть вечно на эту чудесную улыбку. Одежда молодых людей, отличалась роскошью и утончённым вкусом, как и манеры, которыми они обладали с детства. Однако, нам стоит на время оторваться от описаний и послушать, о чём говорил герцог Барский постоянно жестикулируя руками и почему, слыша его речь, Мария Анжуйская улыбалась, а Мирианда Мендос , то бледнела, то внезапно покрывалась пунцовым румянцем, то опускала глаз, не в силах смотреть на своих кузена и кузину.
- Ах кузина, - говорил вздыхая герцог Барский, словно он получил некое печальное известие, однако при этом его выражение лица, которое совсем не вязалось с его голосом, а также частое подмигивание Марии, говорили о совершенном обратном.- ах кузина, видит бог, я искренне сочувствую вам, хотя вы и не желаете открыться нам, вашим лучшим друзьям. Но всё же, поверьте, мы отнюдь не слепые. А ваше чувство, клянусь душой

моего отца, лишь слепец не заметит. Как я вам завидую кузина, как завидую. Вы познали чувство, к которому я стремлюсь всей душой, однако, мне в отличие от вас, не суждено его испытать. А ведь моя любовь находиться недалеко, я в этом убеждён,- герцог Барский едва сдержал улыбку и бросив озорной взгляд на Марию и придав голосу глубокую меланхолию и грусть, продолжал,- так же, как я убеждён, что ваш избранник….. Санито де Миран…. При упоминании этого имени, Мирианда побледнела, потом резко покраснела, её ресницы, вспорхнули, словно испуганные птички, она заморгала и сразу же опустила глаза, не в силах ни отвечать кузену, ни смотреть на него.
- Вот ты и попалась дорогая кузина- герцог Барский и Мария весело захохотали, перебрасываясь при этом озорными взглядами.
- Мирианда никогда не признается, так что не старайтесь понапрасну, любезный брат,- лукаво заметила Мария.
- Ты ошибаешься кузина! - пылко возразила Мирианда, чем привела и брата и сестру в изумление, ближе вас, у меня нет никого и, вам я могу признаться…
Мирианда доселе избегающая прямых взглядов, подняла пылающий взор и с голосом, в котором слышалась неприкрытая печаль и глубокое отчаяние, продолжала:
- я влюблена, безумно влюблена. Господь да простит меня за эти слова, но лишь один его взгляд и мне кажется, будто я умираю, будто душа моя возноситься к небесам. При виде его, я, неспособна думать, я неспособна мечтать, разве только о нём, как каждый день, каждую минуту, которые пролетают как незаметные мгновения рядом с ним и превращаются в вечность, вдали от него. О кузен, о кузина, я в смятении, моя душа, моё сердце, принадлежат ему, только ему одному. И это не изменить, ибо он властвует надо мной, сам того не понимая. Вы мне скажете, что моя любовь всего лишь глупая мечта. Всего лишь, бессмысленная надежда,- с невыразимой грустью, от которой лицо её стало более одухотворённым, продолжала Мирианда,- что Санито де Миран, всего лишь безвестный дворянин, который никогда не станет мне супругом, ибо мы с ним далеки по своему положению друг от друга. Настолько далеки, что эту пропасть ничем не заполнить. Но я без раздумий, с огромной радостью и счастьем, отдала бы всё своё богатство, положение, в обмен на его любовь, за право назвать его своим супругом
После того, как Мирианда выговорилась, открыв перед ними своё сердце, возникло неловкое молчание, ибо, подшучивая над своей кузиной, герцог Барский и не подозревал, насколько глубоки её чувства. Что касается Марии, она просто обняла свою кузину, чувства которой вызвали у неё живейшее сочувствие. Пока обе девушки застыли в нежном объятии, герцог о чём- то напряжённо раздумывал. Через минуту, его размышления вылились в крик восторга, который напугал обеих девушек. Разомкнув объятия, одна с укором, а другая несколько обиженно смотрели на торжествующего герцога.
Мария Анжуйская показала язык брату.
- Вот чего ты заслуживаешь более всего!

- Вот как? - герцог изобразил обиженный вид, - как желаете. А ведь у меня появилась прекрасная идея, которая могло бы помочь дражайшей кузине, однако если вам это неинтересно, я,- герцог Барский сделал вид, будто собирается подняться.
- Очень интересно! - вырвалось у Марии, в то время как у Мириады на лице появилось новое облачко грусти, ибо она считала, что кузен вновь насмехается над ней.
- Мы заключим союз! - торжественно объявил герцог.
- Какой союз?- не поняла Мария.
- Да какой ещё может быть союз, как не тот, который поможет кузине получить своего возлюбленного?! - удивился герцог Барский.
На красивом челе Мириады мелькнула тень надежды.
- Только не говори мне, что собираешься помочь Мирианде,- с явным недоверием в голосе бросила Мария.
- Вот тебе и благодарность святой Педро,- обиделся герцог Барский, - я бы не помог Мирианде, ни за что на свете в любом другом случае, но этот исключение.
- И почему, скажите на милость?- полюбопытствовала Мария Анжуйская.
Мириада едва успевала переводить взгляд с кузины на кузена, которые обсуждали её судьбу так, словно она здесь вообще не находилась.
- Да потому святая наивность, - довольным голосом ответствовал герцог,- что Санито де Миран, вовсе не похож на остальных. Да он безвестный дворянин, но в нём столько достоинства и гордости, что даже я, к стыду моему должен признаться, что завидую ему. Он некоторое время находился рядом со мной, или я рядом с ним, считайте как угодно. Так вот этот человек образец мужского достоинства. У него нет недостатков, за исключением того, что он мало разговаривает и никогда не улыбается… проклятье,- герцог удивлённо вслушался в собственные слова,- а ведь и правда, я не видел, чтобы он, когда - либо смеялся. Его постоянно гложет некая печаль, это видно, однако,- продолжал герцог, возвращаясь к прерванной мысли, - я считаю его вполне достойным внимания моей кузины и…
Обе девушки затаив дыхания, смотрели на герцога. Тот не замедлил закончить.
- Я клянусь сделать всё возможное, дабы соединить два любящих сердца.
- Кузен, брат- два голоса, один радостный, другой счастливый, раздались одновременно.
- И начну действовать немедленно- с загадочной улыбкой на устах, герцог поднялся со своего места.
- Что вы намерены сделать?- живо спросила Мария.
Предложить руку моей кузины, счастливцу, которого я видел не более как час назад. Он стоял на корме и вглядывался в горизонт. Вероятно, разглядывая образ кузины в причудливых облаках.
- Королева не позволит - упавшим голосом вымолвила Мирианда, - благодарю вас, но….
Герцог Барский с необычайной пылкостью перебил кузину.

- Уж не думаете ли вы кузина, что я не смогу убедить собственную мать? Надейтесь, ибо я дал вам слово и сделаю всё, для того чтобы ваша мечта сбылась.
С этими словами герцог покинул каюту, оставив бедную Мириванду в состоянии близкого, к полному отчаянию и робкой надежде.
Видя по лицу кузины, как она переживает происходящее, Мария постаралась приложить все усилия к тому, чтобы успокоить её.
Они провели два часа в душевной беседе, в которой слышались попеременно, то возгласы отчаяния, то шёпот надежды, то смех счастья.
Когда герцог Барский возвратился, на нём не было лица.
Чрезвычайная бледность покрывала каждую его чёрточку.
- Королева отказала?- казалось, обе девушки высказали этот вопрос, хотя слетел он с губ Марии.
- Согласилась! - негромко ответил герцог и не выдержав взорвался, - он отказался, это ничтожество…отказался. Подумать только, он посмел отказаться от партии, которая сделала бы честь любому, включая принцев крови, а этот наглый выскочка посмел отказаться. Мне вначале показалось, что я ослышался. По моему мнению, этот дворянишка, должен был прыгать от радости, и я решил ещё раз объяснить, что ему предлагаю, так он и слушать не стал. И не только отверг твою руку кузина, но и сделал это с таким видом, будто он по меньшей мере ровня нам… выскочка, негодяй… так оскорбить… я научу вежливости этого изнеженного молокососа. Да, научу…
Мириванда, не став дальше слушать, бросилась вон из каюты.
- Мириванда - окликнула, было, её Мария, но та уже выбежала на палубу.
Мириванда сразу увидела предмет своих вожделений. Санито де Миран, стоял на корме и вглядывался в горизонт.
С замирающим сердцем и бурно вздымающей грудью, Мириванда остановилась в нескольких шагов позади него. Санито де Миран, был немного выше среднего роста и на редкость хорошее сложён. Это было заметно по статной фигуре, которую плотно облегала, не богатая, но опрятная одежда. Поперёк спины вилась перевязь, на которой висела шпага. Мириванда задержала взгляд на длинных волосах, которые доходили ему до плеч и скатываясь волнами, закрывали затылок. У Мириванды сердце заныло. Вот он здесь такой близкий и в то же время такой чужой.
Словно почувствовав её, незнакомец обернулся.
Да… нетрудно было понять Мириванду, ибо незнакомец обладал такой красотой и физической притягательностью, что мог кого угодно влюбить в себя, при этом, не прикладывая ни малейших усилий. Глубокая печать грусти, отражённая на его лице, застывшая в его светло зелёных глазах, придавала ему некую таинственность и особое очарование.
При виде Мириванды, Санито де Миран, легко поклонился. Когда он выпрямился, на его лице мелькнула тень отчуждения, которая не укрылась от Мириванды.
- О, прошу вас сеньор,- голос Мириванды слегка дрожал, когда она заговорила с тем, кто стал для неё дороже самой жизни, - прошу вас, не принимайте мою настойчивость за попытку навязать вам

что- либо. Я пришла единственно из- за того, чтобы попросить прощения за моего кузена. Прежде, чем предлагать мою руку, следовало спросить вас, какие чувства…- у Мирианды, словно комок застрял в горле при этих словах, но она справилась с собой ценой огромных усилий и продолжала почти ровным голосом, - какие чувства испытываете по отношению ко мне - вы. Простите ещё раз и позвольте надеяться, что у вас не останется по отношению к нам, неприязни или неловкости.
По мере того как она говорила, взгляд де Мирана стал меняться. Он с участием смотрел на Мириванду. И едва она повернулась, чтобы уйти, раздался его голос, тихий и мягкий.
- Это я должен попросить прощения, сеньора!
Мирианда резко обернулась и живо возразила;
- Нет сеньор!
- Вы страдаете, я вижу!
- Вы ошибаетесь!
- Вы лжёте сеньора, ибо я вижу ваши страдания, так же ясно, как читаю в ваших глазах и вашем сердце…
- Что вы себе позволяете? - раздался резкий голос герцога Барского, который не выдержав, вышел вслед за кузиной и слышал слова де Мирана, но истолковал их по своему.
- Как смеете вы упрекать мою кузину во лжи? Вы дважды оскорбили кузину, вам нет прощения… доставайте шпагу сеньор, и мы посмотрим, настолько ли хорошо вы умеете орудовать ею, или же лишь ваш язык способен на уколы.
Герцог Барский выхватил из ножен шпагу, занимая позицию. К нему бросилась Мирианда.
- Кузен, клянусь вам, вы ошиблись…
Отойдите кузина, клянусь честью, этот наглец ответит мне за все - вскричал разгневанный герцог, одной рукой отодвигая Мириванду, которая стояла между ним и де Мираном, - доставайте шпагу сеньор или клянусь честью я подумаю, что вы испугались…
Возле них начала собираться небольшая толпа матросов. Мария Анжуйская, привлечённая шумом вышла из каюты и стала свидетельницей вызова, который бросил де Мирану- её брат. Никто не заметил в пылу назревавшей ссоры появление высокорослого человека. Человек, обладающий довольно внушительным ростом и сложённый словно Геркулес, был отвратительно уродлив. Лицо этого человека, являлось сплошным месивом, ибо несколько десятков глубоких шрамов придавали ему столь чудовищный вид, что оно могло внушить ужас, даже самому смелому человеку. К тому же, он обладал всего лишь одним глазом. Вместо второго зияла белая пустота, отчего его лицо внушало ещё больший ужас. Так вот этот человек незримо появился рядом с де Мираном, словно его ангел хранитель. Но никаких слов он не изрёк, ожидая, что ответит сам де Миран. И тот ответил.
- Сеньор! - с уважением в голосе ответил де Миран, обращаясь к герцогу Барский, - я прошу прощения за мои слова. Клянусь вам, что вы неправильно истолковали их истинный смысл.
- Доставайте шпагу! - закричал герцог, - с меня хватит разговоров

- Прошу прощения сеньор, но я не стану с вами драться, что бы вы обо мне не думали. Я извинился перед вашей кузиной, если этого недостаточно, я ещё раз попрошу прощения
- Вы трус! - закричал ему в лицо герцог Барский.
Рука де Мирана не произвольно схватилась за шпагу. В глазах на мгновение вспыхнул мрачный огонь, но тут же погас.
- Считайте, как вам угодно сеньор!
Де Миран отвернулся от герцога и вновь стал рассматривать горизонт.
Небольшая волна накрыла корабль. Все вокруг задвигались, хватаясь за предметы, способные удержать их на месте.
- Боже кузина и такое ничтожество внушило вам такие возвышенные чувства? – Герцог Барский сопроводил свои слова презрительным взглядом в сторону де Мирана. - Пойдёмте отсюда и послушайтесь доброго совета кузина - забудьте этого ничтожного труса.
Де Миран резко обернулся. Взгляд его вспыхнул таким мрачным огнём, что присутствующие неосознанно стали отступать назад.
- Остерегитесь ещё раз повторить это слово сеньор!
В его голосе слышалось нечто такое, что не позволило герцогу далее оскорблять де Мирана.
Герцог повернулся и пошатываясь от качки, направился в свою каюту. Мирианда хотела заговорить с де Мираном, но он вновь отвернулся, и ей ничего не оставалось, как последовать вслед за герцогом Барским и Марией. В каюте их ожидала обеспокоенная королева.
- Что произошло, хотела бы я знать?- в упор, глядя на сына испытывающим взглядом, спросила она.
- Ничего матушка, ровным счётом ничего! - ответствовал герцог Барский.
А на корме, великан, которого отныне мы будем называть Коринет, единственным глазом, в котором читалось одобрение, поглядывал на де Мирана.
- Я поступил так, как считал правильным,- не оборачиваясь к нему, обронил де Миран.
- Я знаю! - Коринет обладал весьма грубоватым голосом.
Де Миран молча кивнул головой, а чуть погодя, вглядываясь в бескрайний горизонт, прошептал:
- Завтра утром, мы будем во Франции! Мы будем дома!

Глава 14

Около восьми часов утра следующего дня, фрегат принял на борт лоцмана и через два часа без всяких осложнений пришвартовывался в порту Марселя. В порту стояли десятки судов, тысячи людей сновали по пристани, отчего её вид больше напоминал муравейник. Сотни разнообразных товаров грузились и разгружались на корабли. Пристань была забита грудами бочек и мешков. Среди всего этого шума и беспорядка, де Миран и Коринет сошли на берег. Благо, они приехали налегке, почти без багажа, чего нельзя было сказать о

королевской семье. Им понадобилось около четырёх часов, чтобы слуги вынесли весь багаж с корабля и погрузили его в кареты. Де Миран, не мог уехать, не выразив благодарности королеве, которая милостиво разрешила ему плыть на корабле. По этой причине, он вместе с Коринетом, стали дожидаться появление королевы Кастилии, дабы поблагодарить и попрощаться с венценосной особой.

Де Миран нашёл укромное местечко на пристани. Устроившись на мешках среди груды бочек, неподалёку от места, где шла разгрузка корабля, он, чтобы занять время, стал следить за работой портовых рабочих, которые по широкому трапу закатывали тяжеленные бочки на борт одного из кораблей. Около часа его занимало это занятие, но потом всё изменилось. Внимание Де Мирана привлекли два человека среднего возраста. Они стояли в пятидесяти шагах от места, где он сидел, и смотрели так же как он, на разгрузку корабля, с которого он сошёл. Оба человека носили форму копейщиков, а Андреевские кресты на плащах ясно указывали на принадлежность этих людей к Бургундскому дому. Они оживлённо разговаривали, стоя возле кареты, у которой была отворена дверца. Один из двоих носил отличия капитана копейщиков. Де Миран не сводил с них взгляда, который мрачнел всё более и более. Разглядывая пристально капитана бургундских копейщиков, де Миран неожиданно напрягся, словно что- то вспоминая, а потом вскочил с места, словно собираясь бежать к нему, но был остановлен могучей рукой своего спутника. Де Миран бросил на него такой взгляд, что Коринет не только убрал руку, но и отодвинулся на приличное расстояние. С минуту де Миран что- то обдумывал, а потом направился в сторону людей, привлёкших его внимание. Он не пошёл прямо, а начал петлять среди груды мешков, разного рода утвари и всего прочего, которого здесь, в порту лежало навалом. Пока он приближался, возле трапа корабля появилась Мария Анжуйская. Спутник капитана бургундских копейщиков бросился к трапу и подав руку, помог сойти принцессе. Появилась Мирианда Мендос. Де Миран ускорил шаг. Навстречу Мирианде Мендос двинулся капитан копейщиков. Едва, он собирался подать руку Мирианде Мендос, для того чтобы помочь ей сойти с трапа, как рядом с его рукой оказалась рука де Мирана. Оба протягивая руки, ожидали на какую именно обопрется герцогиня. Стоит ли говорить, какие чувства испытала Мирианда, увидев руку де Мирана. Не в силах скрыть яркий румянец на щеках, она вложила свою руку, в руку де Мирана, испытывая при этом головокружительную радость, ибо почувствовала как её руки касается другая рука- рука де Мирана. За этой сценой наблюдали несколько человек. Герцог Барский, стоявший возле трапа и собирающийся спуститься. Мария Анжуйская, которая стояла рядом с человек, который так любезно помог ей и которая не могла скрыть удивления по поводу действий де Мирана и в конце концов, сам капитан бургундских копейщиков, который взирал на де Мирана с явной не дружелюбностью и который сразу окликнул де Мирана, едва тот проводил обомлевшую Мирианду до Марии Анжуйской.

- Сударь!

- Вы меня имеете ввиду?- в голосе де Мирана послышался лёгкий испанский акцент, когда он обернувшись, ответил капитану копейщиков.
- Не находите ли вы, что поступок ваш чрезвычайно смел, если не дерзок?
- Прошу прощения! - приняв удивленный вид ответил де Миран.
- Опять он просит прощения! - пробормотал вконец разочаровавшийся герцог Барский.
- Я говорю о том, сударь,- продолжал гневно капитан бургундских копейщиков, - что вы оскорбили меня при даме и полагаю, оскорбили умышленно.
Все ожидали извинений от де Мирана, но ответ, который дал де Миран, капитану копейщиков удивил тех, кто услышал его.
- Именно сударь. Не могу отрицать, что вы правильно расценили мой поступок. Я оскорбил вас намеренно!
- Юнец - презрительная улыбка скривила губы капитана бургундских копейщиков, - раз тебе хочется умереть,- он вытащил из ножен шпагу, занимаю позицию в десяти шагах от пришвартованного корабля, рядом со спущенным трапом.
Герцог Барский буквально скатился по трапу, занимая место среди маленькой толпы зрителей, которые уже начали собираться, предчувствуя скорую дуэль, и занял место, между сестрой и кузиной.
Толпа портовых рабочих не прекращала работу, но их головы всё чаще и чаще поворачивались в сторону разгоравшейся ссоры.
- Останови дуэль, он же погибнет! - прошептала умоляющим голосом Мириандa обращаясь к герцогу Барскому.
- И не подумаю, даже если б смог! - буркнул в ответ герцог Барский, не сводя взгляда с де Мирана. Де Миран спокойно вытащил шпагу и занял позицию напротив капитана бургундских копейщиков.
- Ты молился Лануа?
Капитан копейщиков, едва не выронил шпагу от удивления. Он по-новому посмотрел на своего соперника.
- Ты меня знаешь? Откуда? Я не припомню тебя…
- О, ты меня не узнаёшь, но я тебя никогда не забывал!
- Кто ты?
- Санито де Миран! - последовал ответ.
- Так умри, Санито де Миран,- закричал Гийом де Лануа, а это был действительно он, бросаясь в атаку.
Прямой удар в грудь, де Миран парировал без усилия. Лануа, взбешенный этой неудачей, а ещё более словами де Мирана, бросил все силы на подавление его защиты. Но чем быстрее и упорнее наседал Лануа на де Мирана, тем спокойнее фехтовал последний. Казалось, он почти не прилагает усилий к тому, чтобы вести защиту. Лануа нанёс хитрый, обманный удар, конечная цель которого была шея де Мирана. Молниеносно отбив этот удар, де Миран атаковал. Лануа не успел отскочить назад и вследствие этого на его щеке появился глубокий разрез, из которого обильно потекла кровь. Противники на время остановились.
- Будь я проклят! - прошептал герцог Барский, который неотрывно следил за поединком, - Санито превосходно фехтует и прими он мой вызов, ещё неизвестно, чем бы всё закончилось.

Тем временем поединок возобновился. Лануа покрылся потом , отбиваясь от атак де Мирана, который не только фехтовал, но ещё и успевал разговаривать во время поединка.
- Не желаете ли помочь своему другу? - спрашивал де Миран, обращаясь к спутнику Лануа. - Я не против обнажить шпагу, против вас двоих одновременно. Признаться, мне даже скучно фехтовать с вашим другом. Сейчас я проткну ему плечо… вот видите. Я же говорил…- это восклицание вырвалось у де Мирана после того, как его шпага сделав целый каскад обманных движений вошла в левое плечо Лануа. Тот отступил. Из плеча, как из щеки полилась кровь. Лануа почувствовал, что слабеет.
Де Миран вновь повернулся к спутнику Лануа.
- Я убью вашего друга, если вы не поможете ему! - предупредил он.
- Будь ты проклят! - вскричал в ярости бургундец и достав шпагу, бросился на де Мирана.
- Кузен! - вскричала Мирианда при виде этой несправедливости.
- Он сам желал этого!
- Его убьют кузен, он неминуемо погибнет, сделайте же что-нибудь- взмолилась Мирианда.
Что- то мне подсказывает, что ты ошибаешься кузина, - пробормотал герцог Барский.
Не успели отзвучать эти слова, как на их глазах облик де Миран преобразился. Вместо насмешливого и равнодушного человека, перед ними предстал другой.
Глаза его горели столь мрачным огнём, что свидетели этой сцены невольно содрогнулись. Весь облик пылал гневом и ненавистью, но едва он снова вступил в бой одновременно, против двоих и его облик и движения стали похоже на дьявольский огонь. Который то вспыхивает, то гаснет, но лишь потому, что должен вспыхнуть ещё ярче.
Его шпага замелькала с такой быстротой и он показал столь безумную скорость движений. Что меньше чем, через минуту, спутник Лануа пал мёртвый от прямого удара в грудь, который пронзил его сердце. Ещё через мгновение, острие шпаги де Мирана вошла в горло Лануа. А вышла из шеи. Он выдернул шпагу и достав из кармана платок, вытер её, а затем уже чистую вложил в ножны.
- Бог ты мой - прошептал потрясённый герцог Барский, - да в этом человеке воплощены все силы ада. Кроме великолепного мастерства и безумной отваги у него есть нечто… которое даже меня приводит в ужас.
- Сеньор! - окликнул де Мирана, герцог.
Де Мирана, уже с обычным выражением лица подошёл к герцогу.
- После того, что я видел, мне остаётся попросить прощения за свои слова!
- Это излишне! - отозвался де Миран.
- И всё же, почему вы не приняли мой вызов?
- А разве вы не пытались помочь вашей кузине?- негромко спросил де Миран, - разве вы не пытались, как вам казалось сделать меня счастливым? Возвысить безвестного дворянина до герцогини?
- Хотел! - признался герцог, - но у меня ничего не вышло.

- Не потому, что герцогиня не заслуживает любви! – Де Миран бросил красноречивый взгляд в сторону Мирианду. - Она прекрасна и лишь безумец, или глупец откажется от счастья назвать ее своей супругой.
- Но вы ни тот и ни другой?!
- Нет! Будьте любезны передать её величеству мою самую искреннюю благодарность и заодно позвольте откланяться!
Де Миран отвесил лёгкий поклон герцогу Барскому и два более глубоких Мирианде Мендос и Марии Анжуйской, затем повернулся и не оглядываясь зашагал прочь.
- Он меня не любит, он меня не любит, - Мирианда закрыла руками лицо и уткнулась лицом в плечо Марии Анжуйской, которая как могла пыталась утешить её.
- Разве?- вопрос герцог Барского был направлен Мирианде,- я услышал другое.
- И что же ты услышал?- спросила Мария Анжуйского у брата.
- Что он полюбил бы если смог! - негромко ответил герцог барский. - Впрочем, для меня ясно одно, вернее две вещи. Первое - он мог принять мой вызов, а судя по тому, что мы видели, он мог не сомневаться в победе. Человек способный вызвать на дуэль, одновременно двоих, к тому же военных, то есть людей, которые всю жизнь проводят в сражениях… и он же выносит оскорбления в свой адрес,- герцога Барского словно озарило, он так посмотрел на своих кузин, что они невольно попятились от него назад.
- Он не хотел меня убивать! - воскликнул герцог Барский, - и желание сохранить мою жизнь было столь велико, что он вынес оскорбления. Вот тебе святой Педро! И что же из этого следует? Что я у него в долгу, раз,- герцог загнул один палец, потом поскрёб затылок, - проклятье, что же ещё…ах да…мы ему вовсе не безразличны и … он оставил множество вопросов на которых, увы у меня нет ответа.
- Бедный брат - засмеялась Мария Анжуйская, - судьба Санито де Мирана, занимает вас едва ли не больше, чем дражайшую кузину. Берегитесь! Ещё немного и она начнёт вас ревновать!
Все трое расхохотались над словами Марии.
Вскоре после этого разговора, они отправились в гостиницу, где провели ночь. На утро, в сопровождении слуг и небольшой охраны, они выехали по направлению в Париж.

Глава 15

Запыленный всадник натянул поводья у деревянной калитки, служившей малым входом в женский монастырь. Клюни, что находился в Бургундии, являлся не одной лишь обителью, которая принимала в своё лоно страждущие души девушек и женщин, жаждущих посвятить свою жизнь господу богу. В монастыре так же жили воспитанницы, девочки в основном от шести до семнадцати лет. Девочки в основном являлись детьми знатных семей, составляющих

основу бургундского дома. Здесь они получали воспитание и знания до достижения ими совершеннолетия, или же достижения брачного возраста, что чаще всего случалось раньше достижения совершеннолетия. После этого они покидали стены монастыря и дальнейшая их жизнь протекала соответственно положению, которое занимала семья при дворе, или же семья будущего супруга.

В монастыре Клюни, обитали около тридцати воспитанниц и почти четыреста монахинь, включая и тех, кто нашёл временный приют в монастырских стенах. Сам монастырь занимал довольное, большое по территории пространство. Он был расположен у подножья горы на небольшой возвышенности. К нему вела всего лишь одна дорога, не считая узкой тропинки, которая спускалась с горы, прямиком к монастырю. Таким образом, любой, кто появлялся возле монастырской двери, бывал заблаговременно замечен. И прежде чем рука тянулась к молотку.

На сей раз, возле двери спешился запыленный всадник. Дверь монастыря открылась и оттуда показалась монахиня со сложенными руками.

Всадник приблизился к монахине и после того, как почтительно приветствовал сестру, сообщил, что у него неотложное дело к настоятельнице. Без лишних вопросов монахиня проводила его до часовни монастыря, где благочестивая мать-настоятельница возносила молитвы господу богу.

Пришедший дождался, пока настоятельница закончит молитву, а затем молча протянул запечатанный свиток. Настоятельница приняла послание и распорядившись накормить гонца, отправилась в свою келью, где со всей внимательностью прочитала его. Письмо расстроило настоятельницу. Глаза были полны слез, когда она закончила читать. По этой причине, мать-настоятельница некоторое время просидела в келье, а затем лишь успокоившись, отправилась в монастырский сад, где чаще всего проводили время монастырские воспитанницы.

Внезапное появление настоятельницы, которое отнюдь не имела привычки появляться в саду, застало врасплох воспитанниц. Около пятнадцати девочек, совершенно разного возраста, разбившись на группы щебетали в саду. Иначе не скажешь. Настолько гармонично они выглядели на фоне цветников и деревьев, с веток которых перелетали маленькие птички, чем то напоминающие их самих. В стороне от всех, две совершенно разные девочки, которым едва минуло шестнадцать лет, кружились в непонятном танце. Обе были облачены в платье с незатейливыми узорами. Первая была высокая, черноволосая девушка 17 с довольно выразительным лицом. Вторая белокурая, с ангельским лицом и мягкой улыбкой. Зеленоватые глаза сверкали, словно две чарующие звёздочки. Луизе напоминала бутон дивного цветка, который вот-вот должен раскрыться и поразить всех вокруг своей красотой. Все её движения были легки и плавны. Она словно порхала в танце. Девушки постоянно выдавали различные «па» и при этом так заливисто смеялись, что и настоятельница не сдержала улыбки. Некоторое время она, замеченная всеми остальными воспитанницами, кроме этих двоих наблюдала за ними, а потом, прервала веселье девушек.

- Шарлота! Луиза!

Девушки едва не упали, внезапно услышав голос настоятельницы. Они перестали танцевать и встав рядом, приседая в реверансе, одновременно ответили;
- Да матушка!
- Герцог Бургундский, твой почтенный отец прислал письмо! - мягко произнесла настоятельница.
В голосе настоятельницы прозвучала лёгкая грусть, но девочки не заметили этого. Они переглянулись между собой и столько надежды было в их взглядах, что настоятельница не стала оттягивать разговор, а коротко сообщила.
- Дитя моё, твоё воспитание в монастыре закончилось! Отец призывает тебя в Париж!
- Матушка!- Луиза бросилась на шею настоятельницы от радости. Отстранив от себя Луизу, настоятельница с укором взглянула на неё.
- А я и не думала, что жизнь в нашей обители настолько тяготит тебя.
- Что вы матушка?- Луиза покраснела, чувствуя стыд за своё поведение, - ближе вас и Шарлоты у меня никого нет. Все эти годы, вы были рядом со мной.
- Знаю дитя мое! - мягко ответила настоятельница, - знаю и понимаю твои чувства. Мирская суета притягивает многих, однако, я не всё сказала. Меньше, чем через два месяца в Париже состоятся празднества в честь 18-летия Дофина. Во время этих празднеств, состоится твоя свадьба Луиза. Герцог Бургундский отдал твою руку герцогу Бедфорду. Джон Ланкастер приходится кузеном королю Англии и занимает высокое положение при дворе. Ты станешь одной из первых дам Англии, после королевы разумеется. Завтра тебе надлежит отправиться в Дижон. Оттуда ты отправишься в Париж, где и состоится твоя свадьба. Позже я навещу тебя в келье и мы поговорим перед твоим отъездом, дитя моё.
После ухода настоятельницы, девушки обнялись весело хохоча. У Луизы кружилась голова от такого количества новостей. Воспитанницы, с нескрываемой завистью смотрели на неё. Все, за исключением Шарлоты, которая радовалась переменам в жизни Луизы, едва ли не больше, чем она сама.
После вечерней молитвы, настоятельница монастыря, почтенная аббатиса пришла в келью Луизы. Справедливости ради, надо заметить, что комната Луизы отличалась богатым убранством в сравнении с остальными кельями монастыря, в которых обитали монахини и послушницы. Здесь имелась кое-какая мебель, включая шкаф для одежды. Аббатиса села на единственную кровать, стоявшую под маленьким, четырёхугольным окошечком, а Луиза сразу же примостилась у её ног. Неторопливыми движениями, аббатиса начала расчёсывать длинные, белокурые пряди, время от времени поглаживая их рукой. Аббатиса испытывала грусть от мысли, что придётся расстаться с Луизой. Но она всегда знала, что такой день наступит. Луизу привели к ней шестилетней девочкой. Все эти десять лет, аббатиса лично следила за воспитанием Луизы. Наставляла, поддерживала, сидела по ночам у изголовья постели, когда девочка болела. За эти годы, аббатиса привязалась к ней, и

не могла, не замечать, что Луиза платит взаимностью. Аббатиса так же понимала, что несмотря на привязанность, Луиза стремиться к новой жизни. И её долг дать последние наставление Луизы перед расставанием.
- Дитя мое! - негромко заговорила аббатиса.
- Да матушка! - сразу откликнулась Луиза.
- Тебя впереди ждёт жизнь, совершенно отличная от той, что ты видела в обители. В мирной суете много соблазнов. Искушения бывают иногда слишком велики. Не всегда удаётся выстоять, не поддаться ему. Человек так слаб, дитя моё. И вера- единственное, что может защитить нас от греха.
- Я не понимаю вас матушка!
- Запомни, дитя моё, твоя душа принадлежит господу, а тело супругу, предназначенного тебе отцом.
- Я знаю, матушка!
- И никто не должен помешать тебе, выполнить свой долг - стать хорошей супругой и хорошей матерью. Твоя честь принадлежит супругу. Поступишься ею - оскорбишь и супруга, и отца своего, лишишь их чести.
- Вы имеете в виду измену, матушка?
- Святая дева Мария! - аббатиса всплеснула руками,- я не хотела произносить это богопротивное слово, однако именно это я имела в виду.
- Клянусь вам матушка! И призываю в свидетели святую Деву Марию. Клянусь в том, что моим телом будет обладать лишь мой супруг и никто более. Пусть я умру, но клятвы своей не нарушу. Никогда!
- Не пристало юному созданию говорить о смерти,- назидательно начала было аббатиса, но потом внезапно улыбнулась и с нежностью погладила рукой по голове Луизы,- я безмерно рада, ибо правильно воспитала тебя.
Луиза обернулась к аббатисе и с глубокой признательностью произнесла;
- Я никогда не забуду вашей доброты матушка. За эти годы, вы стали мне самым близким человеком. Я горячо полюбила вас и считаю вас, своей матерью. Клянусь вам матушка, вы никогда не услышите обо мне ничего, что может разочаровать вас. Клянусь вам, я буду достойна ваших стараний, ваших ожиданий и вашей любви.
Аббатиса вернула голову Луизы в прежнее положение, ибо меньше всего на свете желала, чтоб Луиза видела, как она расчувствовалась после её слов.
Луиза с полуслова поняла аббатису, как впрочем, и всегда. Между ними, никогда не возникало непонимания. Закончив, расчёсывать волосы Луизы, аббатиса встала. Луиза поднялась вслед за ней. Глядя с материнской нежностью в глаза Луизы, аббатиса протянула ей золотой медальон, на котором, рукой умелого чеканщика была изображена- святая дева Мария с новорождённым Иисусом Христом на руках.
- Этот медальон освещён самим Папой. Ему более пятисот лет. В тебе я уверена дитя моё, но есть ещё Провидение, а оно не

всегда благосклонно к нам. Святая дева Мария будет оберегать тебя.
Аббатиса перекрестила Луизу и лишь после этого, повесила ей на шею медальон.
- А теперь постарайся выспаться, дитя моё, утром тебе предстоит дорога.
- Матушка! - Луиза обняла аббатису,- не забывайте меня!

Глава 16

На следующий день, когда Луиза Бургундская покидала стены монастыря, в садах, примыкающих ко дворцу Сен- Поль, царило необычное оживление. Королева решила прогуляться по саду и вследствие этого обстоятельства почти все придворные ринулись без промедления в сад. Благо погода стояла тёплая. На небе не было ни единого облачка, что несомненно способствовало пешим прогулкам, что в свою очередь доставляло удовольствие королеве, а следовательно и двору. Да и кто бы отказался от прогулок между аллей, наполненных благоуханием цветов. Аллей с причудливыми зигзагами и укромными скамеечками, спрятанными меж ветвей густых деревьев. Придворные, разбившись на группы, горячо обсуждали последние новости. А самой последней новостью, был приезд Кастильской королевской семьи, которая прогуливалась здесь же, по одной из аллей. Придворные бросали украдкой взгляды на троицу, которая медленно двигалась по алле и иногда останавливалась, чтобы оценить достоинства особо понравившегося цветка. О чём они беседовали? Видимо, это обстоятельство весьма волновало двор, ибо с первой минуты своего приезда, это троица не разлучалась и постоянно о чём то шепталась. А иногда и столь горячо спорила, что голоса становились слышны окружающим. Но понимая, что суть их спора не должно стать общеизвестным, они тут же замолкали и продолжали ещё тише обычного, чем возбуждали более чем непомерный интерес придворных. Поглощённые наблюдением за таинственной беседой этой в высшей мере странной троицы, почти никто не заметил появление герцога Бургундского, который был весьма раздражён. Не получив привычные знаки внимания, которыми его оказывал двор всякий раз, как только он появлялся, герцог Бургундский и вовсе разозлился. Однако, долго его плохое настроение не продержалось. Заметив в конце аллеи, по которой он шёл, край зелёного королевского платья, герцог довольно улыбнулся и немедля отправился вслед за королевой. Однако, хорошее настроение, едва появившееся у герцога, вновь покинуло его, когда он дошёл до конца аллеи и увидел королеву, восседающую на белой скамейке, что стояла в укромной беседке. Рядом, слегка наклонившись, стоял герцог Бедфорд и говорил видимо нечто очень приятное. Герцог Бургундский сделал этот вывод, когда увидел, что королева улыбается герцогу Бедфорду.

Вновь ощутив раздражение, герцог Бургундский направился к ним. Предварительно, не забыв, изобразить на лице улыбку.
- Я польщён,- говорил герцог Бедфорд,- позвольте и мне сказать, слухи о вашей красоте выглядят весьма скромными, по сравнением с тем, что осмеливаются лицезреть мои глаза.
Кстати сказать, герцог Бедфорд ничуть не льстил королеве, ибо достигнув 45 лет, она ещё считалась одной из самых красивых женщин, и не только во Франции.
- Вы мне льстите герцог,- королева расправила складки своего платья, занимая более удобное положение и кокетливо улыбнувшись добавила. - А вот и герцог Бургундский!
Герцог Бургундский поклонился королеве и обменялся поклонами с герцогом Бедфордом.
- Вы выглядите неотразимо Мадам,- герцог Бургундский как то по особенному произнёс эти слова.
- То же самое говорил милорд Бедфорд!
- Вот как?- герцог Бургундский хмуро посмотрел на своего будущего зятя.
Тонко почувствовав, что он вмешивается в сугубо личные отношения, Бедфорд изменил тему разговора.
- Король поручил мне определить дату бракосочетания с Екатериной Валуа. Он желает ускорить события и предлагает конец этого месяца.
- Наш кузен, Генрих, всегда был излишне нетерпелив,- заметила вскользь королева, - однако мы ничего не имеем против такого оборота событий. Не так ли монсеньор?- королева неспроста обратилась с этим вопросом к герцогу Бургундскому. Его мнение играло чуть ли не главную роль.
Герцог Бургундский кивнул головой.
- Полагаю, мы можем пойти навстречу его величеству. Однако, возникает немало вопросов, связанных с предстоящим бракосочетанием его величества и принцессы Екатерины. В особенности, я бы отметил два из них, наиболее важные. Вопрос регентства и вопрос земель. И я желал бы обсудить эти вопросы, до заключения брака.
- Прежде чем приступить к обсуждению этих, весьма серьёзных вопросов,- осторожно заговорил герцог Бедфорд, - хочу напомнить некоторые факты. Прежде всего, наша армия в настоящее время осаждает Руан. С его падением, мы получаем всю Нормандию и свободную дорогу на Париж. Излишне говорить о том, что знает каждый. Во Франции нет сил способных остановить наше продвижение. Впрочем, если такие попытки будут иметь место, они закончатся так же, как завершилось сражение при Азенкуре. Следовательно, даже весьма поверхностный анализ показывает, что Франция слишком слаба, чтобы оказывать сопротивление нашей армии, значит и условия выставлять она не должна. Но это вовсе не означает, что король отказывается вести переговоры,- тут же поправил себя Бедфорд, краем глаза наблюдая за выражением лица герцога Бургундского.
Герцог Бургундский взглянул на королеву. Она дала понять, что он может говорить и от её имени. Они не раз обсуждали брак Екатерины и придерживались одного мнения.

- Высказывайтесь яснее, милорд! Его величество намерен обсудить с нами интересующие нас вопросы, или нет?
- На этот вопрос сложно ответить монсеньор!- Бедфорд ушёл от прямого ответа,- от его величества зависит не так много, как вам кажется. Возможно, он смог бы помочь в решении вопросов, о которых вы упоминали. Однако, существует Дофин. Король не может игнорировать наследника престола.
Скрытый смысл, содержащийся в словах Бедфорда поняли и королева, и герцог Бургундский.
- А если предположить, что Дофина не существует?
- Думаю, его величество пойдёт вам навстречу! Но это всего лишь предположение. Дофин существует. Мадам!- Бедфорд поцеловал руку королевы и уже покидая их сказал, обращаясь к герцогу Бургундскому.
- Надеюсь, монсеньор, в ближайшее время представиться вашей прекрасной дочери!
Бедфорд покинул их, давая возможность обсудить то, о чём никто не сказал, но тем не менее все думали.
- Я никогда его не любила! - заметила вслед уходящему Бедфорду, королева.
-О ком вы мадам?- не понял герцог Бургундский.
Я думаю, вы знаете, ответ на этот вопрос! - последовал ответ королевы. Поднявшись, она взяла герцога Бургундского под руку и произнесла обычным голосом, словно предыдущего разговора и не происходило.
- Придворные ждут нашего появления. Не будете ли вы столь добры, любезный друг, проводить меня до нашей любимой скамеечки, что возле фонтана?
- Мадам! - герцог Бургундский не мог скрыть довольной улыбки, - с превеликим удовольствием.
Ответ герцога Бургундского прозвучал двусмысленно, ибо непонятным оставалось, на какой же вопрос королевы он отвечал. Герцог бургундский, не торопясь, проводил королеву до её любимой скамеечки, где уже собирались придворные. Он с учтивостью придворного, помог королеве удобно устроиться и лишь после этого отпустил её руку, вставая рядом.
Принимая поклоны от многочисленных придворных, герцог Бургундский первым приветствовал появление герцога Барского с принцессами Марией и Мириандой. Они раскланялись и произнесли несколько подобающих случаю слов, которых требовала учтивость. Королева благосклонно взирала на короткий диалог могущественного друга с Кастильским принцем и принцессами крови. Когда обмен любезностями завершился, королева пригласила их сесть. Герцог Бургундский устроился рядом с королевой, а наша троица расположилась, справа от скамейки королевы. Придворные тут же окружили королеву и герцога Бургундского, осыпая их потоками лести и завязывая лёгкий ничего не значащий разговор, который по своей сути не имел смысла, но безусловно тешил самолюбие королевы и герцога Бургундского.
Всякий в Париже и за его пределами знал, какие отношения связывают эту пару. Герцог Бургундский занял место последнего любовника королевы, покойного Буа- Бурдена. Два года назад,

король Франции, которого временно оставили приступы умопомрачения, навестил королеву. Несчастный король, болезнь была несомненно более привлекательна для него, ибо он застал в объятиях своей неверной супруги, Буа- Бурдена. Разгневавшись, король приказал посадить Буа- Бурдена в мешок. После того, как его приказание было выполнено и вышеозначенный оказался в мешке, король собственноручно сделал надпись на мешке, которая гласила «дорогу королевскому правосудию». После этого беднягу бросили в Сену. В дальнейшей его судьбе не приходиться сомневаться. Заняв место покойного Буа- Бурдена, герцог Бургундский мог со спокойствием встречаться с королевой, ибо даже король Франции был не в силах наказать его, одного из самых могущественных людей, хозяина Парижа и многих провинций. С мнением, которого считались, императоры и короли. Вот таков был герцог Бургундский, принимавший с милостивой улыбкой комплименты и поглощённый своим величием настолько, что не заметил собственного канцлера.

Гилберт де Лануа, отвесив поклоны, встал чуть в стороне, ожидая, когда герцог бургундский обратит на него внимание. За прошедшие одинандцать лет он почти не изменился. Лишь несколько морщин пролегли возле глаз, придавая его внешности более отталкивающее впечатление и разве скулы на лице немного обострились.

Глаза канцлера Бургундии были слегка прищурены, а взгляд быстрый и острый, выхватывал мгновенно любую деталь из протекавшего разговора.

Герцог бургундский, наконец, заметил присутствие канцлера.

- А, любезный Лануа пожаловал! - воскликнул герцог. - Видимо что- то произошло. Лануа никогда не приходит, за исключением серьёзных случаев. Раскрывайте ваши карты сударь, нам любопытно, что вас привело.

Лануа поклонился.

- С вашего позволения монсеньор, я хотел бы обратиться с нижайшей просьбой к герцогу Барскому!

- Ко мне?- герцог Барский уловив своё имя, удивлённо посмотрел на Лануа, которого видел впервые в жизни.

- Я совершенно забыл! - герцог Бургундский говорил обращаясь к герцогу Барскому,- видите ли кузен, в Марселе был убит мой капитан, который доводился родным братом нашему канцлеру. Не могли бы вы, прояснить картину произошедшего, чтобы могли судить о том, случайность ли это или преступление за которое следует строго наказать виновного.

При этих словах, Мириванда Мендос так сжала руку своего кузена, что он едва не вскрикнул от неожиданности. Он прекрасно понимал насколько взволновали эти слова кузину и не глядя на неё почти не сомневался, что она побледнела.

- Это была дуэль кузен! - невозмутимо с некоторой развязностью ответил герцог Барский. - Я сам был тому свидетелем. Вызов исходил от вашего капитана. К тому же справедливости ради, я не могу не сказать, что если кто и виноват, то это безусловно ваши люди, которые вдвоём напали на Санито де Мирана. К счастью - продолжал герцог Барский, не замечая мрачный взгляд Лануа,

- ему удалось одолеть двух противников. И эта дуэль, несомненно, делает ему честь.
- Дуэль,- герцог Бургундский с сочувствием посмотрел на канцлера, - вам сударь стоит заказать мессу и забыть об этой истории.
- Милорд! - Лануа поклонился герцогу Барскому, - позволено ли будет мне задать вопрос вашему высочеству?
- Спрашивайте сударь, я к вашим услугам!
- Санито де Миран? Так, кажется, ваше высочество его назвали? Герцог Барский кивнул головой.
- Скажите ваше высочество. Это молодой человек лет 20- 25, со светлыми волосами и статной фигурой. К тому же необыкновенно хорош лицом?
- Вы его знаете?- герцог Барский не смог скрыть удивления, - я и не подозревал, что он прежде бывал во Франции.
Гилберт де Лануа в упор посмотрел на герцога Барского, на его губах заиграла зловещая усмешка.
- Благодарю вас ваше высочество,- сказал Гилберт де Лануа и продолжал, обращаясь к герцогу Бургундскому, - монсеньор, сегодня в семь часов по утру, человек с такой внешностью был замечен на улице мясников.
- Ну и пусть, нам то какое дело - отмахнулся герцог Бургундский, он не…
- Монсеньор, этот человек казнил Кабоша - главу гильдии Парижских мясников!
Герцог Барский встал со своего места и с презрением глядя в лицо Гилберту де Лануа бросил;
- Это наглая ложь. Санито де Миран –дворянин с ног до головы. Он не мог совершить убийства.
Но слова канцлера уже вызвали живейший отклик у придворных. Все потихоньку перешёптывались между собой, в то время как герцог бургундский напряжённо размышлял, а королева вертела в руках веер. Она опасалась вызвать неудовольствие герцога Барского, который столь рьяно защищал этого дворянина, хотя слова «хорош лицом» немного заинтриговали королеву.
- Следует разобраться в произошедшем - сказал, наконец, герцог Бургундский, - но прежде, мне бы хотелось услышать подробности этого убийства. Только этого нам не хватало. Это убийство всколыхнёт весь город.
Гилберт де Лануа был удовлетворён тем, какое направление принял разговор и поэтому не преминул затянуть петлю на шее Санито де Мирана.
- Кабошу отсекли голову возле порога его собственного дома!
Слыша столь неслыханное обвинение в адрес своего, как он считал друга, герцог Барский не стерпел и с гневной речью обратился к Гилберту де Лануа.
- Я понимаю ваш гнев сударь, однако мстить за смерть своего брата столь низким способом, не делает вам чести. Я совершённо убеждён, что Санито де Миран не из тех людей, которые убивают беззащитных горожан. Он из тех людей, которые в одиночку бросаются на врага, не считая сколько их. Он храбрец! И всякий кто скажет обратное - солжёт!

- Благодарю вас! - раздался возле уха герцога Барского шёпот Мирианды, которая каждой частичкой своей души переживала этот разговор и также как её кузен, была совершенна убеждёна в невиновности человека, которого любила всем сердцем.
Герцог Барский не заметил, как после его слов напрягся взгляд Гилберта де Лануа. Его молчание он расценил, как признание своей ошибки. Но ему и невдомёк было, с каким человек он имел дело. Пока Лануа молчал, а герцог Бургундский размышлял, как ему следует поступить, появилось новое действующее лицо. Вернее, их было двое. Первым был капитан гвардии герцога Бургундского- маркиз д,Антраг, второй- один из его подчинённых солдат. Герцог Бургундский с нескрываемым удивлением принял его поклон. Маркиз не любил показываться при дворе. И всячески избегал балов и пиров, если только его не призывал герцог Бургундский.
- Ваше величество, ваши высочества, монсеньор,- маркиз говорил неторопливо но ясно и бесстрастно,- только что было совершено нападение на моих гвардейцев. Убиты трое. Я прошу разрешения начать немедленные поиски убийцы.
- Кто посмел?- вскричал разгневанный герцог Бургундский, - моих солдат убивают в Париже? О клянусь, моей месть будет жестокой. Кто это сделал? Кто?
-Санито де Миран!- раздался спокойный голос Гилберта де Лануа. Все присутствующие обернулись к нему. На лицах многих было написано удивление. Откуда канцлер мог знать, кто напал на гвардейцев.
Герцог Бургундский с явной укоризной посмотрел на канцлера.
- О, теперь я не сомневаюсь в вашем желание отомстить за брата. Стыдитесь сударь, обвинять человека, не зная обстоятельств произошедшего и…
- Позвольте монсеньор!
Канцлер подозвал стоявшего позади маркиза д,Антрага - гвардейца. Тот поминутно оглядываясь и кланяясь, подошёл.
Где вы были, когда случилось убийство?- коротко спросил канцлер.
- Возле церкви святой Катерины! - слегка заикаясь, ответил гвардеец.
- Расскажите, что произошло! - приказал канцлер.
- Ну, ваша милость, мы вышли из харчевни…
- Кто мы?
- Я и трое других гвардейцев,- с готовностью ответил рассказчик, и продолжал,- мы слегка выпили и собирались вернуться в казарму. Мы обратили внимание на человека, который сидел на корточках и гладил ступени церкви. Мы подумали, что он не в себе и решили подшутить над ним.
- Что вы ему сказали?
- Что на этих ступенях кровь подлых Арманьяков и если он будет с таким почтением относится к этому месту, то и его могут принять за одного из них и прикончить. Ваша милость, когда он выпрямился и взглянул на нас, мне не стало не по себе. Этот человек смотрел словно дьявол собиравший поглотить нашу душу. И дрался точно так же. Прежде, чем я успел вытащить шпагу, он заколол двух моих товарищей. Одного шпагой, другого кинжалом. Мы

вдвоём бросились на него. Я надеялся, что нам удастся одолеть его, но через мгновение он убил моего товарища, а затем словно выбил мою шпагу из рук, прислонил кончик своей шпаги к моему горлу и сказал такие слова, такие слова…прости меня господи, я не могу повторить.
- Говори! - закричал на него герцог бургундский.
- Он сказал,- гвардеец почему то заговорил шёпотом, отчего всем пришлось напрягаться, чтобы расслышать его слова, - передай этому убийце герцогу Бургундскому, что дьявол вырвался из преисподние и скоро придёт забрать его проклятую душу!
Герцог Бургундский побледнел. Королева пришла в ужас, а Гилберт де Лануа спокойно спросил.
- Как выглядел человек, который на вас напал?
- Высокий. Хорошо сложён. У него русые волосы и зелёные глаза, которые превращаются в чёрные и
- И?
- у него красивое лицо…
- Ещё вопросы?- Гилберт де Лануа обвёл присутствующих торжествующим взглядом, может ваше высочество хочет высказаться?
- Нет! - выдавил из себя герцог Барский.
Герцог Бургундский резко поднялся с места.
- Найдите его! А когда найдёте - принесите его голову!

Глава 17

Через два часа, после вышеописанных событий, Гилберт де Лануа переодевшись, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, отправился в подземелье, что находилось под кладбищем «невинно убиенных младенцев», и которое по прежнему служило главным убежищем ордена «Лионских бедняков». Он, без каких либо происшествий добрался до подземелья. Проделав, уже известный нам путь по глубинам подземелья, Гилберт де Лануа предстал перед могущественным оком отца Вальдеса. Рядом с главой ордена по-прежнему находилась карлица, а позади двое людей в монашеских капюшонах. Отец Вальдес находился в том же зале, откуда послал братьев ордена на избиение Арманьяков.
Отец Вальдес долго смотрел на Гилберта де Лануа, сохраняя при этом полное молчание, которое никто не осмеливался нарушить. Гилберт де Лануа склонился, в ожидании, когда отец Вальдес заговорит. И лишь когда послышался голос главы ордена, Лануа позволил себе выпрямиться и посмотреть прямо в остекленевшие глаза всемогущего старца.
- Что привело тебя, сын мой?
- Отец наш!- и поза и голос Гилберта де Лануа выражали полное смирение, - я пришёл покаяться перед орденом.
- Покаяться?- старец слегка повернул голову, но не сводя при этом испытывающего взгляда с Гилберта де Лануа, - ты один из лучших братьев ордена, которые долгие годы трудился во славу ордена, пришёл покаяться?

- Да, отец! Я виноват! Мне нет оправдания!
Отец Вальдес медленно покачал головой.
- Невозможно! Ты не можешь причинить вред ордену, ибо любишь его не меньше меня. Ты тот, кто станет следующим главой ордена. Ты мой преемник!
- Отец мой, наш враг жив!
- О ком идёт речь, сын мой?
Гилберт де Лануа склонился почти до каменного пола, едва не касаясь его головой.
- Угроза нашего ордена. Последний из наших врагов! Граф Арманьяк!
- Что?- отец Вальдес вскочил с кресла, стеклянные глаза задвигались, рука со всей силы вцепилась в шевелюру карлицы, которая едва не закричала от боли,- жив? Не ты ли 11 лет назад, стоя здесь перед мной, говорил, что он мёртв?
- Я всадил в него стрелу и видел собственными глазами, как он ушёл под воду. Однако, всё указывает на то, что нашему врагу, всё же удалось выжить.
- Что указывает?- завизжал вне себя отец Вальдес.
- Человек, выдающий себя за Санито де Мирана,- сохраняя хладнокровие, отвечал Гилберт де Лануа, - убил моего брата в Марселе. Через несколько дней он убил одного из братьев нашего ордена- Кабоша. Затем, он убил троих гвардейцев герцога Бургундского, у входа в церковь святой Катерины.
- Слишком много совпадений, - пробормотал отец Вальдес, возвращаясь обратно в кресло, - невозможно, чтобы он выжил, однако многое указывает на него.
- Отец мой! - вновь заговорил Гилберт де Лануа, - несколько лет назад, мне довелось услышать очень странную историю. Мне рассказали, что один из братьев нашего ордена укрывал у себя раненного мальчика. Тогда, я не придал этому значению, но сейчас,- Гилберт де Лануа сделал паузу и видя, что отец Вальдес очень внимательно его слушает, закончил,- я почти уверен, что только благодаря этому человеку, наш враг спасся.
- Предатель, среди наших братьев? - голос отца Вальдеса, мог привести в ужас любого.
- Да! - уверенно сказал Гилберт де Лануа, и если Санито де Миран и есть граф Арманьяк, он непременно посетит его.
- Проследи за предателем!
Гилберт де Лануа поклонился.
- Десять наших братьев находиться вблизи. Едва появиться наш враг, они оба будут убиты!
- Во имя Анатаса! Пусть возмездие настигнет предателя!
Покинув подземелье, Гилберт де Лануа отправился обратно во дворец. Он надеялся услышать новости о Санито де Миране. В то время, когда Гилберт де Лануа входил в покои герцога Бургундского, в правом крыле дворца, в покоях отведённых для Марии Анжуйской происходил весьма нелёгкий разговор между ней самой и её кузиной- Мириандой Мендос. Однако мы вернёмся во дворец немного позже, а сейчас нам следует проследить путь Санито де Мирана, которого мы на время потеряли из виду.

Глава 18

В Париже, на весьма известной улице, которая имела довольно странное название «улица бобов», примыкающая к улице Сен- Дени, которая находилась в непосредственной близости от большого торгового моста, на котором в дневное время шёл постоянный обмен товарами, да и не только. Здесь можно было приобрести всё что угодно. От лошадей, до драгоценных изделий. Так вот, именно на улице Бобов, находилась не менее известная харчевня под названием «Золотой рог». Небольшая по своим размерам и укромному расположению, а это было полуподвальное помещение. Харчевня заслужила свою известность кухней, где готовились, чуть ли не самые лучшие блюда во всём Париже. Именно в этой харчевне находился Санито де Миран. За исключением двух столов, все остальные были заняты посетителями. За первым, у стены сидел Санито де Миран. Перед ним стояла кружка наполненная вином. Время от времени, он отпивал несколько глотков, при этом он почти не сводил взгляда с двери. За вторым, уставленным обильной пищей, сидел Коринет и уплётывал за обе щеки. Вся поза Санито де Мирана, его взгляд и некоторое, едва ощутимое волнение, показывали, что он кого то ждёт. И этот кто- то появился. При появлении в дверях харчевни очередного посетителя, это был молодой человек лет двадцати пяти, Санито де Миран слегка приподнялся со своего места, потом вновь опустился. Спустившись, по скрипучей деревянной лестнице, молодой человек направился прямиком к столику, за которым сидел Санито де Миран. Едва он приблизился, как де Миран, которого мы отныне будем называть его настоящим именем, граф Арманьяк поднялся навстречу. Через мгновение, молодые люди крепко обнялись. В ту же минуту, рядом с ними раздался шёпот Коринета;

- На вас смотрят!

Прибывший с недоверием посмотрел на Коринета, но после слов Филиппа: «Не беспокойся, это друг», успокоился и сел за стол. Филипп сел напротив него. Они заказали ещё бутылку вина и кое-что из еды. Когда всё это оказалось на столе, вино разлили в кубки. Молодые люди безмолвно подняли кубки и разом опорожнили содержимое.

- В память безвинно погибших!- прошептал Филипп.

- Ты жив, жив, господи мне не верится, – так же шёпотом заговорил тот, кого отныне будем называть Антуаном де Вандом, потому что, это действительно был друг детства Филиппа, с которым они не виделись более одинадцати лет, с той последней встречи в лесу.

- Я получал твои письма, но клянусь честью, сомневался до последней минуты, что увижу действительно тебя, - голос Антуана был наполнен радостью, которую он и не пытался скрыть, - Филипп ты ли это друг мой? Или всё это мне сниться? Если так, то я не желаю просыпаться!

- Антуан! - перебил его Филипп, у которого серьёзное выражение не сходило с лица, хотя чувствовалось, что он радуется встрече не меньше, чем его друг, - мы успеем обо всём поговорить

позже. Я расскажу тебе обо всём. Но сейчас в Париже слишком опасно. Меня ищут.
- Это ты?- Антуан с восхищением посмотрел на друга, - это ты убил гвардейцев? Об этом кричат на всех улицах города. Я был уверен, что это мог сделать только ты. Вот уже одинадцать лет в Париже, не убивали гвардейцев герцога Бургундского
- Антуан,- вновь перебил его Филипп, - мне необходимо знать, всё ли сделано, как я просил?
- Отряд ждёт!- с готовностью ответил Антуан де Вандом.
- Сколько человек набралось?
- Около пятисот! У всех есть лошади и отличное вооружение!
- То, что нужно! Где вы расположились?
- В Бретюнском лесу, на нашем месте!
- Прекрасно! – Филипп, с глубокой благодарностью сжал руку своего друга, - я и не ожидал от тебя другого!
- Могу я узнать, что ты задумал?- негромко поинтересовался Антуан де Вандом.
- В своё время, ты всё узнаешь, а теперь нам следует расстаться - Филипп напрягся при виде шестерых бургундских гвардейцев, которые спускались по лестнице, - поезжай в лес и жди меня. У меня осталось ещё одно дело в Париже, после которого я примкну к вам.
Антуан де Вандом кивнул головой в знак того, что всё понял и уже собирался уходить, но его остановил голос Филиппа:
- Бургундцы!
Антуан де Вандом резко обернулся и сразу же упёрся взглядом в глаза переднего гвардейца, который находился в двух шагах от него и осматривал четырёх мужчин за соседним столом.
- Выше среднего роста, зелёные глаза. Хорош собой, - довольно громко сказал гвардеец, - нет, эти явно не подходят.
Взгляд гвардейца скользнул по Антуану де Вандом.
- Этот лицом не вышел! - пробормотал гвардеец
Антуан де Вандом едва не вспылил, но мысль о том, что Филипп рядом и находится в опасности, удержала его.
- Всем внимательно слушать! - гвардеец поднял руку, призывая посетителей харчевни к молчанию. Любому парижанину форма бургундских гвардейцев внушала безоговорочное послушание и по этой причине, тишина воцарилась сразу же. Гвардеец довольно хмыкнул.
- Все вы, наверное, слышали о том, что близ церкви святой Катерины убиты трое гвардейцев нашего всеми любимого герцога Бургундского. Человек, совершивший, это убийство подлежит немедленному задержанию, или смерти на месте. Он высок, с зелёными глазами и красив лицом. Всякий, кто увидит его и не сообщит нам - будет считаться виновным, а значит, будет жестоко наказан.
Едва гвардеец закончил говорить, хозяин харчевни поднёс гвардейцам по кружке вина. Окидывая присутствующим презрительными взглядами, гвардейцы, стали потягивать вино, даже не считая нужным поблагодарить хозяина. Внимание к своей особе, они считали явлением неотъемлемым и обязательным для всех.

Антуан де Вандом внезапно услышал умоляющий шёпот спутника Филиппа.
- Ради всего святого, не делай этого!
Удивлённый этими словами, де Вандом увидел, как Филипп, в чьих глазах полыхал огонь глубокой ненависти, откинул край плаща, обнажая шпагу. А в следующую минуту раздался спокойный голос Филиппа.
- Знаете любезный, я не знаю, стоит ли мне считать себя оскорбленным? Вы прошли мимо меня, не замечая, что я точно подхожу под описания человека, которого ищут!
Антуан де Вандом весь напрягся, в то время как Филипп, как ни в чем, ни бывало, отпил глоток вина.
- Шутник, однако, - говоривший гвардеец засмеялся, за ним последовали его товарищи, - за такие шутки, приятель, ты можешь кончить на виселице.
Филипп медленно поднялся, несмотря на предостерегающие знаки Коринета и молчаливое предупреждение де Вандома. Поднявшись, он так же неторопливо подошёл к гвардейцу.
- Я никогда не шучу сударь! Никогда! В особенности, когда вопрос касается бургундцев, – голос Филиппа звучал совершенно, невозмутимо, - по этой причине, я настоятельно советую вам, присмотреться ко мне. Что- то мне подсказывает, что я именно тот человек, который вам нужен!
Гвардейцы привлечённые разговором, стали подтягиваться к своему товарищу, пробираясь сквозь столы.
- Вы же не станет отрицать, что я высок ростом - спокойно продолжал Филипп, - у меня зелёные глаза…
- Послушай-ка, приятель - перебил Филиппа, гвардеец, - если ты ищешь неприятностей, так и скажи. Но не морочь мне голову своими шуточками, будто ты тот человек, которого мы ищем.
- Следовательно, вы мне не верите?
- Нет! - насмешливо ответил гвардеец.
- А зря! - взор Филиппа блеснул молнией, а в следующее мгновение он выхватил кинжал и воткнул в горло гвардейца. Издав хрип и захлёбываясь в собственной крови, гвардеец рухнул на пол.
- К оружию! - громко закричали гвардейцы, бросаясь на Филиппа. Филипп, молниеносным движением перевернул ближайшие к себе столы, перевернул стулья, соорудив некий заслон на пути к себе. Посетители с криками пытались отбежать от разъяренного Филиппа, в то время как гвардейцы расталкивая людей, с обнажёнными шпагами рвались к нему. Всюду в харчевне царил шум, переполох и толкотня. Филипп перебросил свое тело через несколько перевёрнутых стульев и отбив, нацеленный удар одного из гвардейцев, быстро увернулся от второго, в то же время запустив окровавленный кинжал на третьего гвардейца, который уже был готов нанести удар. Кинжал вонзился в грудь гвардейца. Филипп нырнул под падающее тело и воспользовался им как щитом. Одновременно двое бургундцев нанесли удар. Лезвие их шпаг вонзили в мёртвое тело, а Филипп воспользовавшись лёгким замешательством бургундцев, выдернул кинжал из груди мёртвого гвардейца и отшвырнув тело в сторону двух противников, которые отскочили. Но недостаточно быстро. Филипп настиг первого ударом

в правый бок, а второй гвардеец отбил удар направленный в грудь, но тут же попался на обманный манёвр, с помощью которого, Филипп сперва отвёл его шпагу в право, показывая что наносит удар в грудь, но едва гвардеец прикрылся, как шпага змеёй обвилась вокруг его запястья а в следующую минуту вошла по рукоять в живот. Расправившись с четвёртым гвардейцем, Филипп быстро огляделся. Остальные двое гвардейцев также были мертвы. Возле одного из них с обнажённой шпагой, стоял Антуан де Вандом, возле второго, что лежало, раскинув руки на столе, стоял с окровавленным топором, Коринет. Все, с каким- то ужасом смотрели на Филиппа, включая и Антуана де Вандома.
- Добавим ещё шестерых бургундцев к оплаченному долгу - совершенно хладнокровно бросил Филипп. Он вытер шпагу и кинжал кафтаном, одного из мёртвых бургундцев.
- Сударь, сударь, - раздался, чей то шёпот.
Филипп резко повернулся на голос.
Хозяин харчевни махал им рукой. Лицо у него было обеспокоенное.
- Скорее, вам надо бежать. Сюда направляется гвардейцы. Скорее.
Ещё не стих голос хозяина харчевни, как дверь отворилась, и на пороге показались гвардейцы герцога Бургундского. Судя по шуму, их было очень много.
- Бегите! - закричал Коринет, подбегая к лестнице. Несколькими мощнейшими ударами топора, он сломал обе подпорки, на которой держалась лестница. Гвардейцы повалились вниз, некоторые, цепляясь за отставший порог, выбирались наружу.
Филипп, Антуан, выбежали вслед хозяином на соседнюю улицу, на которой по счастью никого из гвардейцев не оказалось.
- Бегите к мосту сударь, там много людей и вы сможете легко затеряться среди них.
Филипп протянул руку хозяину харчевни.
- Кого нам благодарить, метр?
- Крюшо, меня зовут Крюшо. Можете всегда рассчитывать на меня. А теперь ради бога бегите, иначе вас убьют.
Показался Коринет. Он был не на шутку встревожен.
- Там около полусотни гвардейцев!
Встретимся завтра!- негромко бросил Филипп, пожимая руку Вандому. После этого, они с Коринетом побежали в сторону моста, а Антуан де Вандом бросился в противоположную.
Коринет ежеминутно оглядывался. Шум позади них, явственно говорил о близости погони. Следовало немедленно что- то предпринять. Но что? Они со всей возможной скоростью приближались к площади, за которой начинался торговый мост. Вдруг невесть откуда появилась карета, которая едва не сбила их. Кучер резко натянул поводья и уже им вслед заорал во весь голос:
- Смотреть надо, что твориться перед носом!
- Что случилось?- раздался изнутри кареты женский голос.
- Ничего, ваша светлость, двое полубезумных мужчин носятся по Парижу! Мы едва не задавили их.
Бордового цвета занавесь откинулась с дверцы кареты, а вслед за этим раздался лёгкий женский вскрик. Дверца кареты отворилась.

Мириандa Мендос вышла из кареты. Прижав руки к груди, она следила за бежавшими мужчинами.
Большой торговый мост, имел в ширину более 20 шагов и в длину более пятисот. И несмотря на это, мост был полностью забит покупателями и теми, кто во весь голос предлагал свой товар.
Филипп остановился у края моста и бросил Коринету.
- Здесь разделимся. Я пойду через мост, а ты спрячься. Они тебя искать не будут. Встретимся в полночь у аббатства Сен- Дени.
- Я не брошу тебя!- с твёрдостью ответил Коринет.
- Бургундцы, нет времени. Делай, что велено!
Филипп бросился к мосту, а Коринет чуть помедлив, побежал налево, смешиваясь с небольшой толпой горожан, которая возвращалась, сделав удачные покупки.
- Что тебя взволновало? - Мария Анжуйская вышла из кареты вслед за кузиной. Она посмотрела туда, куда в волнение всматривалась кузина, но увидела лишь толпу торговцев.
Ты меня пугаешь кузина! Что произошло?
- Санито де Миран! Он на мосту! - выдохнула Мириандa. Она едва не упала в обморок, когда мимо неё пробежали около полусотни гвардейцев с криками;
- Это Санито де Миран, убийца. Ловите его!
Мириандa рванулась вперёд с такой силой, что Мария едва удержала её.
- Отпусти меня, - взмолилась Мириандa, я должна помочь ему, я
- Бедняжка - сочувственно произнесла Мария, ты ничем ему не поможешь. Если он действительно на мосту, ему никто не поможет. Смотри!
Мария Анжуйская была права. С другой стороны моста приближалась большая группа гвардейцев. Ловушка захлопнулась. Оба выхода были закрыты. Торговцы, видя гвардейцев и предчувствуя скорую драку, стали быстро покидать мост. Их отпускали, лишь после того, как убеждались, что это не тот человек, которого они ищут. Через несколько минут, на мосту остались лишь два человека. Первый был, Филипп. Он стоял посередине моста и смотрел на приближающихся к нему с двух сторон, бургундских гвардейцев. Второй был, единственный оставшийся на мосту торговец, который не мог покинуть мост по той причине, что недалеко от него гарцевал, переминая ногами, великолепный жеребец, чёрной масти, который был накрепко привязан к деревянным перилам моста. По-видимому жеребца ему помогли привести сюда. Сам он боялся подходить к нему, но и покинуть не мог. Такой жеребец, стоил целого состояния. Вот и стоял несчастный торговец, глядя со страхом, то на Филиппа, то на приближающих гвардейцев. Филипп сбросил плащ с себя и выхватив шпагу, занял оборонительную позицию, с презрением наблюдая за приближением врагов.
- Он собирается драться, трижды безумец! - воскликнула Мария Анжуйская.
- Как мне его спасти? - чуть ли не рыдая, воскликнула Мириандa.
- Он сам о себе побеспокоится! - раздался возле них голос.
Обе девушки обернулись посмотреть, кто произнёс эти слова, и сразу же узнали грозного спутника Санито де Мирана. Коринет приблизился к девушкам.

- Не надо меня утешать, - горько молвила Мирианда, - я знаю, его убьют. Если это случится - я тоже умру, мне без него незачем жить
- Он сильный. Ему под силу выбраться…боже - руки и голос Коринета дрожали, когда он увидел, что между Филиппом и гвардейцами расстояние сократилось до сорока шагов.
Среди гвардейцев, раздался грозный окрик:
- Всем стоять на месте!- вслед за этими словами, из группы гвардейцев появившихся с противоположной стороны моста, вперёд вышел маркиз д,Антраг.
- Сударь,- обратился он к Филиппу, - не вы ли тот человек, которого называют Санито де Миран?
- Именно я сударь! - громко ответил Филипп.
- В таком случае, я должен арестовать вас, по приказу герцога Бургундского, за убийство трёх гвардейцев, что произошло возле церкви святой Катерины!
- Сожалею сударь! - на губах Филиппа заиграла едва заметная усмешка, - но ваши сведения устарели. Четверть часа назад, я убил ещё четверых.
Д,Антраг, нахмурился.
- Сударь, я капитан гвардейцев. Мне весьма неприятно слышать ваши слова, но я не могу, не признать, что вы очень храбрый человек. Сдавайтесь, и клянусь честью, я гарантирую вам жизнь, а впоследствии и справедливый суд.
- Справедливый суд?- вскричал Филипп, теряя хладнокровие, - мне хорошо знакомы суды бургундцев. Справедливость вам неведома, ровно как и понятия о чести, иначе вы бы не продали Францию - Англичанам. Изменники, предатели, убийцы - вот слова которых вы заслуживаете.
- Сударь! - вскричал д,Антраг, хватаясь за шпагу, но тут же словно резко передумав, спокойнее добавил, - сдавайтесь или умрите. У вас ровно одна минута на раздумье.
-Прекрасно! - Филипп отвернулся от д,Антрага и неторопливо направился к торговцу, который прижался к перилам и с ужасом смотрел на приближающего Филиппа.
Покопавшись, Филипп вытащил кошелёк с деньгами и протянул торговцу.
- Я у вас покупаю лошадь!
- Простите! - пролепетал торговец.
- Разве вы не продаёте лошадь?
- П…продаю!
- А я покупаю!- Филипп под взглядами сотен людей, которые неотрывно следили за каждым его движением, неторопливо подошёл к жеребцу и так же неторопливо отвязал уздечку. Д,Антраг, с недоумением следил за его действиями. С каждой стороны стояло не менее полусотни гвардейцев. Лишь безумец, мог надеяться прорваться сквозь такие силы.
- Осторожно, он дикий! - закричал торговец, когда жеребец встал на дыбы.
- Прекрасно! - прошептал Филипп, гладя рукой морду коня, которую тот норовил убрать подальше, мы с тобой одинаковые. Ты станешь мне другом?

Филипп вскочил в седло. Жеребец бил копытом мостовую, но никаких попыток сбросить Филиппа не предпринимал. Словно он понимал, что говорил Филипп.
- Что вы решили?- спросил д,Антраг, - лошадь вам не поможет. Примите совет, сдавайтесь!
- Сожалею сударь, но как- нибудь в следующий раз, - ответил с усмешкой Филипп, а затем, нагнувшись к шее коня, прошептал:
- Ну что мой друг, ты готов бросить вызов стихии?
- Взять его! - раздался приказ д,Антрага.
Филипп намотал на руку уздечку и тронул коня. Жеребец подъехал к противоположным перилам. Филипп развернул его и со всей силы пришпорил.
- Вперёд! Только вперёд!
Перед самым носом гвардейцев, чёрный жеребец рванулся и через несколько мгновений, перемахнув через перила, полетел с моста в Сену.
Единый вздох ужаса вырвался у окружающих. Перила моста в одно мгновение буквально облепили сотни людей. Сюда прибежали и Мирианда с Коринетом. Все, все смотрели на большие круги, которые расходились в том месте, где всадник и конь ушли под воду. Одно мгновение, другое, третье и… показалась чёрная грива жеребца, который, громко фыркая, поплыл по течению в сторону Лувра. А ещё через мгновение показалась голова Филиппа. Он обхватил шею жеребца руками. Жеребец понёс его вниз по течению. Зрители приветствовали его появление возбуждёнными криками полными радости, гвардейцы - проклятиями.
- Клянусь честью! - пробормотал д,Антраг, - я предпочту иметь такого врага как де Миран, чем такого друга, как Лануа. К тому же, он во многом прав. И мне самому не по душе союз с Англией.
Странно, но, упустив преступника, маркиз выглядел совершенно, довольным. И со стороны могло показаться, что он умышленно бездействовал, дав преступнику сбежать.
Мирианда охваченная радостью, обняла Коринета.
- Что вы делаете?- поразился Коринет.
- Вы поедете со мной,- схватив его за руку, она потащила Коринета к карете.

Глава 19

Мирианда находилась в том лихорадочном возбуждении, которое обычно бывает с людьми обречёнными, потерявшими надежду и вновь, волею желания Господа или просто счастливому стечению обстоятельств, обретшим не только её, но и нестерпимое желание жить, наслаждаться каждым мгновением жизни. О, жизнь, как ты изменчива. Отбирая надежду, ты возвращаешь её вместе с острым чувством беспредельного счастья. Кто же осмелиться винить бедняжку за то, что весь путь до дворца она не умолкала ни на мгновение, восторгаясь человеком, которого она любила всё больше и больше. Она не умолкая твердила о его храбрости, отваге, уме и многих других достоинств, при этом часто

повторяясь. Дело дошло до того, что Коринет, который сам был безумно рад счастливому спасению Филиппа, не выдержал её словообилия и дождавшись удобного случая, выскользнул из кареты. Впрочем, он и не собирался отправляться во дворец. Он подчинился Мириандe, единственно из соображения собственной безопасности. Карета с принцессами крови, служила отличным прикрытием, в случае если его заметили. Странно, что Коринет подумал о себе, только после того, как уверился, что Филипп в безопасности. Находясь на мосту, он даже не подумал о том, что его могут схватить. Как бы то ни было, Мириандa поглощённая собственным разговором, ибо Мария Анжуйская лишь улыбалась, слушая её нескончаемую речь, так и не заметила, что Коринет покинул карету, во время одной из остановки. Что, несомненно, доказывает, насколько сильно её занимали мысли о произошедших событиях. Она не переставала говорить даже тогда, когда они сошли с кареты. Когда они направились в свои покои, где их уже ждал обеспокоенный герцог Барский.

Едва увидев кузена, Мириандa бросилась к нему и взяв за руки закружила по комнате. Из её губ беспрестанно лился счастливый смех. Наконец она отпустила руки ошарашенного кузена и покружившись по комнате, упала на широкую кровать раскинув руки. Она замолкла, видимо погрузившись в свои грёзы.

Слава богу - подумала Мария. Увидев, что брат собирается заговорить с Мириандой, она стала изображать недвусмысленные знаки, означающие, чтобы он этого не делал. Но поведение кузины настолько заинтриговало герцога, что он не обратил внимания на предупреждения сестры и спросил Мириандy о причине столь возбуждённого состояния.

-О, кузен - Мириандa вскочила с постели и снова взяла его за руки, а её глаза при этом, впрочем, как и весь облик излучали счастье,- вы не представляете, что произошло. Я увидела его, я увидела Санито, я видела, как он убегал.. правда, он едва не попал под колёса нашей кареты, но это мелочи по сравнению с тем, что произошло потом. Представляете, он в одиночку сражался с шестью гвардейцами. Он сумел победить в этой схватке. Но за ним бросился в вдогонку целый полк гвардейцев. Я была свидетельницей тому. Они его окружили на мосту. Он стоял один с гордо поднятой головой. Бесстрашный и.. красивый. Враги предложили ему сдаться, но он презрительно отвёрг это предложение. Мы все считали, что он сошёл с ума. Я мысленно молила господа, внушить моему Санито - сдаться. Сражаться против целого полка - означало верную смерть. Но нет, мой Санито не сдался. Он не стал сражаться. Он словно древнегреческий герой, бросился в воды Сены с моста, верхом на чёрном коне. За ним следили сотни людей, и все как один были на его стороне, потому что, схватка была слишком неравной. Все бросились на мост. Я охваченная тревожным чувством облокотилась о поручни и смотрела на расплывающие круги над водой. Я надеялась, надеялась… о кузен,- Мириандa отпустила его руки и закружилась по комнате, заливаясь счастливым смехом, - вы не представляете, что я испытала, когда на поверхности показалась голова моего Санито. Когда он обхватил шею своего коня, который понёс его по реке. Это было непередаваемо. Люди

приветствовали его, словно он не был простым дворянином, а являлся принцем, героем… боже, боже, боже, боже, я знала, я чувствовала сердцем, что он необыкновенен, не похож на остальных. Он обладает всеми качествами, он чудовищно красив, он безумно отважен и…
- Он убийца! - прервал её герцог Барский, немного резковатым голосом.
Мириада остановившись в смятении посмотрела на кузена.
- Что вы говорите кузен? Санито не таков, он…
- Убийца» - ещё раз твёрдо повторил герцог, - мне жаль кузина говорить вам эти слова. Санито и мне нравился, однако его поведение вызывает, мягко говоря - неприязнь. Убийство гвардейцев, ещё можно понять и оправдать, но убийство беззащитного горожанина? - герцог осуждающе покачал головой, - это поступок отвратительный и характеризует его, как весьма мрачную личность, у которой нет ни сердца, ни жалости. Вспомните кузина, как он отверг ваши чувства, вспомните, какое у него было лицо. Когда он сражался в Марселе, вспомните и вырвите свои чувства из сердца. После того, что произошло, ни её величество, ни я, никогда не позволим даже приблизиться к вам этому человеку.
- Кузен! - бледнея, прошептала Мириада.
- Примите это кузина,- высокомерно заявил герцог Барский, - примите и не делайте более попыток встретиться с этим человеком. Также, я попрошу избавить меня от разговоров на эту тему и вообще не упоминать имя Санито де Мирана в моём присутствии. Этот человек получил клеймо убийцы. И никто, и ничто, что имеет отношение к нашей семье, не должно даже в малейшей степени, иметь отношение к этому человеку. Надеюсь, вы сделаете правильные выводы.
Герцог Барский вышел из покоев, оставив Мириаду рыдать в объятиях Марии Анжуйской. Как переменчива судьба. Несколько мгновений назад, Мириада была счастлива, а, теперь лишившись последней надежды, она пребывала в глубоком отчаянии, уповая лишь на всемогущего Господа, пути которого неведомы ни одному из смертных.

Глава 20

Ночь опустила своё тёмное покрывало, накрывая им Париж. Время близилось к полуночи, но несмотря на позднее время, по городу разъезжали отряды конных гвардейцев, которые не прекращали поиск беглеца. Почти все ночные прохожие, попадающиеся на пути гвардейцев, подвергались тщательному осмотру. Город, словно оказался в военном положении. Горожане роптали, приговаривая, что один человек, явно не стоит таких усилий, но видимому гвардейцы так не считали, рьяно рыская по городу, в поисках человека, за голову которого была обещана крупная награда. Несмотря, на весьма опасное положение, Филипп не отказался от своей затеи. После весьма впечатляющего купание в Сене, он

выбрался без помех на берег и провёл остаток дня, вместе со своим новоиспеченном другом, который без преувеличения спас ему жизнь. Он сидел всё это время в стареньком полуразвалившемся сарае, который нашел невдалеке от того места, где выбрался на берег. За несколько часов передышки, Филипп успел высушить одежду и отдохнуть. День был наполнен событиями, но несмотря на это Филипп чувствовал необычайную лёгкость и новый прилив сил. Происшествие, едва не окончившиеся, для него печальным образом, ничуть его не образумило. Предполагая, что его везде ищут, он тем не менее покинул безопасное убежище за час до полуночи. Ему необходимо было проделать немалый путь до аббатства, но это его не остановило. Искусно маневрируя, Филипп старательно избегал ночной стражи. Не раз он находился на волоске от гибели, но удача явно сопутствовала ему в этот день и когда часы на площади начали отбивать двенадцать ударов, Филипп подъехал к воротам аббатства Сен- Дени.
Коринет успел раздобыть лошадь и ждал его у ворот. Появление Филиппа он встретил с величайшим облегчением. Вокруг аббатства стояла мёртвая тишина. Слышен был лишь лай собак и шуршание лёгкого ветра.
- Слава богу, ты жив! - пробормотал Коринет, приветствуя приблизившегося Филиппа, который в темноте казался почти невидимым. Тёмного покроя камзол и чёрный жеребец, надёжно скрывали его в ночи. Блестела, лишь рукоятка шпаги, которая была сделана из серебра. Может благодаря своему жеребцу и одежде, ему удалось избежать весьма нежелательной встречи с гвардейцами. Видимо, его просто не заметили в темноте.
- Оставайся здесь, - шёпотом приказал Филипп, я один войду в аббатство!
Хорошо - покорно согласился Коринет и продолжал таким же тихим голосом как Филипп, но прежде, чем ты уйдёшь, я хочу кое- что сказать.
- Говори быстрее! - раздался нетерпеливый голос Филиппа.
- Это меня не касается, но я должен - нерешительно начал Коринет и продолжал уже более уверенно,- речь идёт о герцогине Мендос. Она переживала за тебя сегодня. Она сказала, что умрёт, если с тобой случится беда. Она любит тебя и только говорит, что о тебе… я решил, что ты должен знать.
- Хорошо! - по тону Филиппа, невозможно было определить, что он чувствует.
Филипп сошёл с коня и оставив уздечку, в руках у Коринета, направился к воротам. Ворота были заперты. Филипп громко застучал. Коринет, на всякий случай отъехал за угол улицы. Оставаясь в тени, он отлично видел всё, что происходило перед воротами аббатства. Так он увидел, как ворота закрылись и Филипп исчез за дверьми. Вокруг было тихо, но Коринета мучило смутное беспокойство. Он напряжённо следил за воротами и вдруг, он увидел, что от одной из стен отделились несколько теней и направились к воротам. На них было одеяние монахов, но они вызвали у Коринета, странное чувство- опасности. Сперва, он решил, что слишком сильное впечатление на него произвели сегодняшние события, но когда ворота аббатства отворились и до

ушей Коринета донёсся приглушённый голос, который произнёс два слова: «Он здесь». Коринет понял, что Филипп попал в западню, расставленную, чьим то хитрым умом.
Филипп молча следовал за монахом, который медленно шёл впереди него со склонённой головой. Они миновали монастырский двор и остановились перед часовней аббатства.
- Сюда, брат мой! - пригласил монах.
Филипп медленно вошёл внутрь часовни. Обернувшись, он увидел, что монах остался снаружи. Часовня слабо освещалась горящими свечами, которые стояли на маленьком столе, покрытым красной материей. Впереди, во весь рост, у передней стены, стояла статуя Иисуса Христа. Четыре ряда скамеек, тянулись по обе стороны от прохода, по которому он шёл. Внезапно, заскрипела дверь. Филипп резко повернулся вправо. Из- за низенькой боковой двери, согнувшись, выходил пожилой епископ. На его сан указывала красная мантия. Лицо, покрытое глубокими морщинами, удивлённо вытянулось при виде молодого человека, невесть откуда появившегося перед епископом.
- Кто ты сын мой? И что привело тебя?- старческий голос епископа звучал негромко и слегка хрипло, как у человека, который страдает кашлем.
Филипп подошёл к епископу и молча протянул зажатую в кулак руку. Епископ, с возрастающим удивлением смотрел то, на бесконечно грустное лицо молодого человека, то на его кулак.
Что? - начал было епископ, но тут кулак раскрылся. Глаза епископа сразу наполнились слезами, веки задрожали. Дряхлые руки потянулись к молодому человеку, на ладони которого лежал крест, вдетый в волосяную нить.
- Филипп, мой мальчик!
Внезапно, лицо епископа изменилось. В глазах появился страх. Он отдёрнул руки, почти коснувшиеся Филиппа и обеспокоено оглядел часовню.
Филипп не понимал, что обеспокоило епископа, но последовал его примеру и оглядел часовню.
- Иди за мной! - прошептал епископ и повернувшись пошёл к маленькой исповедальне, что стояла в нескольких шагах от алтаря. Войдя внутрь, епископ задёрнул за собой занавесь. Филипп не понимая по прежнему, поведения епископа, всё же повиновался и последовал в соседнюю кабинку и так же как до этого сделал епископ- задёрнул занавесь. Перегородка между кабинами опустилась. Они могли видеть друг друга, через маленькое зарешечённое окошечко.
- Дай на тебя наглядеться мой мальчик,- прошептал с любовью епископ Мелеструа. - Один Господь ведает, сколько бессонных ночей я провёл в молитвах, умоляя творца о дозволении увидеть перед смертью ещё раз моего мальчика.
- Ваше преосвященство, - чувства переполняли Филиппа, - многие годы я мечтал о встрече с человеком, который стал мне, как родной отец. Вы единственный человек, к которому в моём истерзанном сердце осталась крупица любви, ибо всё остальное место, занимает ненависть к врагам.

- Враги! - прошептал епископ, голосом полным страха, - берегись их мой мальчик, берегись. Они протянули свои щупальца повсюду. Они днём и ночью копают могилу, в которую собираются опустить Францию. Они губят всё на своём пути. Они очень опасны, ибо невидимы и наносит удар тогда, когда его никто не ждёт. У них в руках власть над жизнью и смертью
- О ком вы, ваше преосвященство?- не понял Филипп.
- О них! - последовал ответ. - И помни мой мальчик. В тебе одном заключена сила, способная противостоять…
Раздался болезненный крик епископа и возглас: «Берегись Филипп»!
Филипп вскочил со своего места, прижимаясь к окошку и это спасло ему жизнь. Он услышал шум и увидел, как из тонкой дощатой перегородки, показалась острие кинжала.
Филипп отдёрнул занавесь и оказался перед монахом с искажённым лицом, который собирался воткнуть в него кинжал. Филипп понял, что не успеет защититься. Исповедальня была узка. В этот монах охнул, хватаясь за голову, с которой ручьями потекла кровь. Он рухнул перед Филиппом. Коринет вытер со лба струившийся пот. Он едва успел.
- Берегись! - закричал Филипп, выбегая из исповедальни, он оттолкнул Коринета, в которого был направлен кинжал ещё одного монаха, целившегося ему в спину. Филипп молниеносно сделал выпад и поразил монаха.
- Да сколько их? - пробормотал ошеломлённый Коринет, при виде восьмерых монахов, которые медленноокружали их, стоявших перед исповедальнёй. У всех монахов были искажены лица. В руках блестели лезвия кинжалов. Не оставалось сомнений в том, по какой причине они находятся в часовне.
- За мной!- крикнул Филипп бросаясь в свободный проход. Коринет побежал за ним. Филипп прыгнул на ближний ряд скамеек, затем на следующий и прижимаясь к стене, побежал до места, где был небольшой выступ, который мог надёжно защитить их с тыла. За Коринетом бежали по пятам монахи. Филипп выжидал, сжимая шпагу в руке, он зорко следил за происходящим. Ещё мгновение и он сделал то, чего убийцы совершенно не ждали. Филипп бросился им навстречу и пользуясь преимуществом которое давала длина шпаги, нанёс несколько рубящих ударов, один из которых попал в цель, распоров у одного из монахов лоб. Пользуясь сумятицей. Возникшей в среде убийц, Филипп крикнул:
- Прикрывай мою спину!- и мгновенно отскочив, пробежал по скамейкам, оказавшись слева от убийц.
- Проклятье, я не успею! - закричал Коринет, которого убийцы на время оставили в покое. Один из убийц пытался протереть глаза, которые после удара Филиппа закрыла льющаяся со лба кровь. Остальные семеро бросились на Филиппа, который наносил удары и сразу же отпрыгивая, мчался по скамейкам, перепрыгивая через ряды. Убийцы гнались за Филиппом, не в силах его поймать, потому что он всё время бегал по часовне, увёртываясь от ударов. А Коринет за убийцами, которые казалось совершенно забыли о его присутствии. Но он напомнил о себе, когда потеряв терпение, запустил топор в спину одного из убийц. Тот рухнул, не издав, ни

стона. Убийцы остановились, на мгновение, повернувшись к Коринету. Филипп мгновенно атаковал их. Находясь между первым и вторым рядом скамеек, он сделал прыжок, достигнув прохода, где стояли убийцы и нанёс удар наотмашь по ближайшему. Тут же уклонившись от выпада его товарища, он пригнулся и выбросил шпагу вперёд, чувствуя, как она входит в тело убийцы. Оставшиеся четверо убийц, разделились на две части. Двое бросились на безоружного Коринета, а двое остались против Филиппа. Филипп снова бросился на убийц. Размахивая шпагой, он обеспечил безопасное расстояние между собой и убийцами, но увидев, что Коринет схватился в рукопашную с одним из убийц, а второй только и ждёт, чтобы воткнуть в него нож, он понял, что всё решают мгновения. Его шпага, сделав полукруг хлестнула по руке убийцы, а затем вошла в живот. Делая этот манёвр, он едва увернулся от кинжала, который прошёл на расстоянии волоска от его шеи. Уворачиваясь, Филипп спотыкнулся о край скамьи и полетел кувырком к столу. Убийца с диким визгом радости, бросился за ним. Шпага выпала из рук Филиппа, когда он упал. Кинжал убийцы был совсем рядом. Филипп, приподнявшись схватил со стола массивное железное распятие Христа. Монах убийца нанёс кинжалом удар, который поразил плечо Филиппа.В ответ, Филипп ударил распятием по голове монаха. Тот рухнул замертво на Филиппа. Филипп сбросил с себя тело и вытащив кинжал из своего плеча, поднялся. Коринет всё ещё боролся. Он постоянно крутился из сторону в сторону, крепко сжимая своего противника. Тем самым, не давая его товарищу воспользоваться кинжалом. Филипп метнул кинжал в стоявшего над Коринетом- убийцу. Кинжал вонзился в спину. Увидев, что второй враг повержен, Коринет издав рык приподнялся, поднимая и своего противника, которого, он сразу бросил на каменный пол. Тот охнул. Коринет придавил коленом его грудь. И схватив двумя руками шею противника, без видимых усилий задушил его. Затем, он поднялся и подобрав топор подошёл к последнему, оставшемуся в живых монаху, который ничего не видел из- за крови и постоянно крутил головой. Руки его оттирали кровь с глаз. Лёгкий размах Коринета и голова последнего из убийц, покатилась на пол, оставляя кровавую полосу. Зажимая текущую кровь из плеча рукой, Филипп бросился к исповедальне. Он сорвал занавесь и тут же отпрянул мгновенно побледнев. Епископ Мелеструа лежал, прижимаясь к стенке исповедальне. У ног собралась лужа крови, которая стекала с кинжала, торчавшего в его боку. Но епископ все ещё был жив. Глаза у него были открыты. Он прерывисто дышал. Коринет осторожно вынес его из исповедальни и отнёс на скамейку, где бережно уложил епископа. Филипп снял с себя камзол и приподняв голову епископа, подложил под неё. Он схватился за кинжал, собираясь его вытащить, но едва слышный голос епископа, остановил его.

Нет… я умираю… подними меня…

Филипп здоровой рукой помог епископу приподняться. Тот оглядел поле битвы и его голос зазвучал с гордостью:

- Ты победил…. Они мертвы… я верю… ты сможешь одолеть их.

Филипп опустил епископа обратно. В глазах умирающего светилось счастье.

- Мой мальчик… в молодости… я совершил чудовищную ошибку…
- Тише, - остановил его Филипп, с нежностью гладя голову епископа, - вам следует беречь силы.
- Нет! - прошептал епископ, - времени мало, а я многое должен сказать… помни самое главное- избавься от ненависти… она убивает твою душу… и … помогает им.
- Вы говорите о герцоге Бургундском?- склонившись над епископом спросил Филипп.
- Нет, они гораздо… страшнее…Филипп, мой мальчик… избавься от ненависти.. и береги её… береги… они постараются убить её… только ты сможешь её спасти… - рука епископа упала. Вместе с последними словами, душа покинула его тело.
Филипп прижал безжизненное тело к своей груди.
- Отец, отец и вы меня покинули! - шептал он горестным голосом. Филипп.
Коринет положил руку ему на плечо.
- Мы не можем оставаться здесь, это слишком опасно, нам надо уходить.
Филипп оставил тело епископа и поцеловав его в лоб, в последний раз, покинул часовню вслед за Коринетом. Они беспрепятственно покинули аббатство. Коринет помог Филиппу взобраться на лошадь и они уже собирались отъехать, когда Коринет услышал печальный голос Филиппа.
- Отец, кого я должен оберегать, кого?

Глава 21

Мария Анжуйская до поздней ночи оставалась рядом с Мириандой, которая хотя и не плакала больше, но замкнулась в себе и ни с кем не разговаривала. Она даже не подняла голову, когда к ним заглянул герцог Барский. Герцог попытался заговорить с Мириандой, но та упорно молчала. Пробормотав что- то касающееся женского упрямства, герцог удалился. Мария тоже пыталась заговорить с Мириандой, но даже ей, не удалось прервать молчание кузины. Мириандa, почти всё время сидела на постели, сложив руки на коленях. Бледность, столь несвойственная Мириандe, покрывала её лицо. Грусть словно тёмное облачко отражалось в глазах Мириандy. Время от времени у неё вырывались вздохи, которые, несомненно указывали на то, что Мириандy занимали печальные мысли. В конце- концов Мария не выдержала этого безмолвного упрёка кузины.
- Признай, наконец, что брат прав, оберегая тебя от этого человека. К тому же, если быть искренним до конца, ты не можешь, не понимать, что де Миран отверг тебя… он тебя не любит.
- Но я его люблю! - Мириандa прервала наконец своё молчание и голосом гордым и печальным продолжала, - я люблю его и умру мечтая о нём.
Мария не на шутку обеспокоило состояние Мириандy. Кузина отличалась весьма скромным нравом и её упрямство, удивляло и раздражало Марию. Она ясно понимала, что у Мириандy не было

надежды на взаимность. А если б, де Миран всё же осмелился полюбить её… такой брак стал бы невозможен. Мириандa, не могла не понимать всего этого. Её любовь обречена, но по какой-то непонятной Марии причине, Мириандa упорствовала. А ведь чего доброго, кузина способна и выполнить свою угрозу. Последняя мысль привела Марию в ужас. Она собиралась вновь попытаться воздействовать на кузину, но её намерение прервал стук в дверь.
- Войдите! - громко сказала Мария.
Мириандa даже не подняла голову, когда в комнате появилась горничная. Это была пожилая женщина. Лицо женщины выражало серьёзную обеспокоенность. Она поклонилась принцессам
- Могу я поговорить с вашей светлостью? - робко спросила женщина.
- Моя кузина не в духе! - ответила Мария, понимая, что вопрос адресован Мирианде.
- Прошу прощения, ваша светлость, я так и передам этому страшному человеку!
Мириандa внезапно встала с постели и быстро подошла к горничной. Не в силах скрыть волнения в голосе, она спросила:
- Что вам велели передать?
Горничная оглянулась на Марию Анжуйскую.
- Прошу прощения ваша светлость, но этот человек, строго настрого велел сказать это только вам!
- Это моя кузина, можете открыто говорить при ней. Вас послал Коринет?
- Если ваша светлость имеет в виду одноглазое чудище, то да, - ответила горничная.
Мириандa которую охватывало волнение всё сильней и сильней, бросила взгляд на Марию, которая прекрасно понимала о чём или о ком может пойти речь и по этой причине осуждающе покачала головой, но потом пожала плечами, словно разговор её ничуть не интересовал.
- Рассказывай! - голос Мирианды задрожал.
- Вот ваша светлость- горничная достала откуда то из под складок записку и протянула Мирианде, которая буквально выхватила её из рук горничной.
Мириандa отошла в сторону и развернула сложенную вчетверо записку. Чтение продолжалось лишь одно мгновение. Мириандa вскрикнула и пришла в состояние нервного возбуждения. Она забегала по комнате в поисках чего-то.
- Что там написано?- не выдержала Мария, видя бурную реакцию Мириандa.
Заламывая руки, Мириандa бросилась к ней.
- Он ранен. Ему нужна моя помощь. Я не знаю, не знаю, как ему помочь… кузина что мне делать.
- Господи! - пробормотала Мария, - приведите его к себе и вылечите. Что же ещё?
- Но как? Как?- чуть ли плача спрашивала Мириандa, - у ворот охрана. Его везде ищут.
- Ваша светлость! - подала голос горничная, - у меня есть ключик от калитки, что в саду, я могу его привести во дворец

- Добрая душа,- Мирианда бросилась к шкатулке, лежавшей на комоде, возле кровати и взяв первое попавшееся кольцо, отдала горничной. - Бери и приведи его, только скорей..
Горничная в замешательстве посмотрела на Мирианду.
- А вдруг его заметит дворцовая стража?
-Я сейчас! - Мария Анжуйская вышла из покоев и вскоре вернулась с плащом и шляпой своего брата.
- Идём,- бросила она горничной, первой покидая комнату.
Мирианда молитвенно сложила руки, вознося свой голос к небесам. Несложно было догадаться о чём она просит всевышнего. Минуты стали злейшими врагами. Мирианде казалось, что с момента ухода Марии прошла целая вечность, хотя прошло не более получаса. Она почти отчаялась, когда, наконец, дверь отворилась и в комнате появилась Мария Анжуйская, а вслед за ней Коринет, который поддерживал раненного Филиппа.
- Санито! - Мирианда рванулась со всей поспешностью, на которую только была способна.
Филипп смущённый столь горячей встречей Мирианды, сделал попытку отстраниться, но не тут то было. Мирианда сумела даже Коринета оттеснить. Обняв его за плечо, она проводила Филиппа в комнату, смежную с её спальней, которая служила покоями, для личной прислуги Мирианды. Она помогла Филиппу снять с себя плащ. Сама сняла с него шляпу и вернувшись в свои покои, бросила всё это на кресло. Затем, она побежала обратно. Коринет молча наблюдал. Мария же не сдержавшись, последовала за ней. Войдя, она увидела, как Мирианда стягивает белую рубашку Филиппа, которая была наполовину в его собственной крови. Мария собиралась сказать кузине, что она поступает неприлично, но сообразила, что её слова не образумят Мирианду. Поэтому, всё что оставалось сделать Марии, так это закончить начатое. Тяжёло вздыхая, она начала помогать Мирианде. Она сняли рубашку общими усилиями, уложили Филиппа на кровать и начисто обмыв рану, накрепко перевязали. Все действия заняли не более четверти часа. Не раз за это время, Филипп порывался отказаться от помощи, но нежные пальчики Мирианды, всякий раз ложились на его губы, приказывая замолчать. Мирианда с такой нежностью и заботой прикасалась к Филиппу, что ему явно становилось не по себе. Филипп не хотел, чтобы его появление расценили неправильно. Он обратился за помощью к друзьям и ничего более. Но Мирианда думала иначе, и он понимал это. Мирианда в сотый раз потянулась, чтобы поправить подушку под головой Филиппа, когда Мария подхватила её за руку и вывела из комнаты, не забыв затворить за собой дверь.
- Ему нужна помощь! - возмутилась, было Мирианда, но Мария с твёрдостью возразила
- Ему нужен покой более всего!
-Он не умрёт?- с тревогой спросила Мирианда
Коринет не выдержав, расхохотался, Мария рассмеялась вслед за ним. Оба при этом сочувственно смотрели на Мирианду. Мирианда поняла, что вопрос прозвучал весьма глупо. Рана была лёгкая и никак не могла отразиться на здоровье раненного. Но ведь она

беспокоилась, а они этого не понимают. Мириандa обиженно бросила.
- Смейтесь, сколько угодно, но я его не оставлю до тех пор, пока не буду убеждена что его здоровью ничего не грозит.
Хохот усилился. Мария буквально рухнула в кресло, заливаясь смехом. Коринет прикрывал рукой свой рот, но тем не менее не мог сдержать порывы смеха.
- Что смешного в моих словах? - возмутилась, было Мириандa, но заразительный хохот кузины подействовал и на неё. В следующую минуту, Мириандa залилась счастливым смехом. Веселье продолжалось недолго.
- А у вас, похоже, весело! - голос герцога Барского был подобен ледяной воде. Все сразу замолчали.
Коринет низко поклонился герцогу. Мария и Мириандa взирали на него со страхом.
- Кто мне скажет, что делает этот человек в ваших покоях?- резко спросил герцог, указывая на Коринета.
- Я уже ухожу, ваше высочество! - Коринет поспешно повернулся, собираясь выйти, но его остановил голос герцога, прозвучавший резко и повелительно.
- Останьтесь!
Коринет повиновался.
Герцог некоторое время молчал, переводя взгляд с сестры на кузину, а затем приблизился к Коринету и в упор спросил:
- Вы так же участвовали в убийстве его преосвященства епископа Мелеструа?
Коринет растерялся. Чего, чего, а обвинять его в убийстве епископа Мелеструа, этого он явно не ожидал. Его молчание было расценено герцогом, как признание.
- Вот и ваш Санито де Миран! - воскликнул с презрением герцог барский, - я говорил, что он убийца, а вы кузина мне не верили. Не далее как несколько часов назад, он проник в аббатство Сен - Дени и убил несчастного старика. Всеми уважаемого епископа Мелеструа, а заодно и больше десятка несчастных монахов, вина которых была в том, что они дали приют этому…
- Остановитесь! - вскричал Коринет, с испугом глядя на дверь, за которой находился Филипп, - клянусь, вы ошибаетесь..
- Замолчи подлый убийца - вскричал герцог Барский, - я позабочусь о том, что к утру, ты болтался на дереве и…
- Не давайте обещаний, которых вам не выполнить! - послышался спокойный голос Филиппа. Обнажённый по пояс, с перевязанным плечом, он стоял на пороге и мрачно смотрел на герцога Барского.
- Прекрасно! - герцог Барский угрожающе покосился на Мириандy и Марию, - вы дошли до того, что, совершив злодеяние, прячетесь за женщинами. Низкий и бесчестный поступок. Но ничего, я позабочусь о том, что к утру ваша гнусная душа, покинула ещё более гнусное тело. Как ты осмелился убить епископа? Как ты мог поднять руку на беззащитных монахов. Ты грязный убийца! Твоё место на виселице, рядом с твоим уродливым другом.
-Вы,- Филипп сделал шаг вперёд, но внезапно покачнулся, и мгновенно покрылся бледностью, - что со мной? - прошептал

Филипп, взгляд его стал бессмысленным, а в следующую минуту он рухнул бы на пол, если бы Коринет не подхватил его.
Пока Коринет укладывал Филиппа на постель, герцог Барский направился к двери и едва собрался открыть её, как Коринет оставив Филиппа, бросился за ним и железной рукой удержал дверь.
- Нет! - коротко изрёк Коринет.
- Ты будешь мне указывать? - в бешенстве заорал герцог Барский, - мерзкий уродливый убийца, ты не более чем через четверть часа будешь в подземелье, а твой друг, окажется в руках гвардейцев, которые только и ждут …
Герцог Барский не договорил. Коринет схватил его за шиворот и швырнул на пол с такой лёгкостью, словно перед ним был не взрослый мужчина, а ребёнок. В следующее мгновение, он навис над герцогом с топором в руке. Его единственный глаз выражал решимость.
- Я убью любого, кто осмелиться приблизиться к нему!
- Нет! - Мирианда бросилась к своему кузену, но Коринет схватил её за руку.
- Отойдите в угол,- скомандовал Коринет грозным голосом.
Мирианда, а вслед за ней Мария Анжуйская, безропотно последовали этому приказу. Когда, они оказались в углу, Коринет схватил за шиворот герцога Барского и отнёс к ним.
- И это сударь, ваша благодарность? – спросила у него Мирианда.
Коринет поклонился Мирианде, но голос звучал непреклонно.
- Вашему брату стоило поблагодарить человека, который пощадил его. А вместо этого, он хочет предать его смерти.
- Он достоин смерти, как и вы,- с ненавистью бросил герцог барский, - и не будь здесь моих кузин, вы бы поняли с кем имеете дело. Я собирался передать вас в руки палача, но после того, как вы обращались со мной, я решил собственноручно убить вас. Лишь так я избавлю себя от ваших грязных прикосновений.
- Вы можете убить меня прямо сейчас, в обмен на обещание - спасти моего господина!
- Не стану я давать никаких обещаний! - огрызнулся герцог Барский.
Коринет ничего не сказал. Не спуская взгляда с герцога Барского, он присел рядом с Филиппом и пощупал ему лоб. Он горел. Филипп был охвачен сильным жаром. Из уст Коринета вырвалось проклятье.
- Ему плохо?- Мирианда подбежала к постели и села рядом с Филиппом, несмотря на угрожающий взгляд Коринета.
- Если только, вы осмелитесь причинить ему вред, клянусь, я убью вас, несмотря на глубокое уважение, которое к вам питаю - предупредил Коринет.
- Замолчите! - гневно ответила Мирианда, - да как вы смеете говорить мне такие слова? Если я стерпела ваше отношение к моему кузену, то лишь только потому, что видела в них ваше желание спасти Санито. Неужели вы и вправду думаете, что я способна причинить ему вред?
Коринет не нашёлся, что ответить. Он встал с постели, давая возможность Мирианде устроиться поудобней. Коринет заметил взгляд герцога, который оглядывал комнату, видимо в поисках какого- либо оружия, которое он применить против своего врага.

- Ради вашей же безопасности, не пытайтесь бороться со мной - почти попросил Коринет, - я не хочу стать вашим палачом, но так случиться, если вы причине ему вред. Потерпите немного, и мы покинем дворец.
Мария Анжуйская умоляюще взглянула на брата. Тот некоторое время колебался, потом кивнул головой.
- Хорошо, убить вас, я всегда успею! Надеюсь, нам с сестрой позволено сидеть в вашем присутствии? - насмешливо поинтересовался герцог Барский.
Коринет лишь молча поклонился. Герцог помог сестре сесть в кресло, стоящее рядом с постелью, а потом уселся сам и поднял на Коринета глаза.
- Признаться, ваша преданность Санито де Мирану удивляет меня – снова бросил, но уже более спокойным голосом герцог Барский, - в наше время, слуги столь неблагодарны. Интересно, где он вас нашёл?
- Недалеко отсюда! - коротко ответил Коринет, и тут же спросил Мириванду о состояние Филиппа?
- С кузиной, нам предстоит весьма долгий разговор,- снова подал голос герцог Барский, - по поводу того, как избавиться от весьма дурной наклонности- помогать убийцам.
- Будь они теми, кем вы их считаете,- негромко ответила Мириванда, не переставая хлопотать над раненным, - вы были бы давно мертвы. Если вы не понимаете этого, то мне от всей души жаль вас.
- Вот как вы заговорили кузина?!- герцог недобро усмехнулся, - так почему бы вам не спросить этого уродливого виллана о том, как они убили епископа и устроили кровавую бойню среди монахов?
- Я не стану спрашивать. Мой Санито не мог так поступить!
- Вы слишком доверчивы кузина. К тому же общеизвестно, что женщины, влюблённые женщины, становятся, крайне глупы.
- Она не глупа,- вмешался Коринет, - это вы слепец.
- Оскорбляйте меня. Можете и дальше меня оскорблять - почти весело бросил герцог Барский, - перед смертью всё дозволено.
- Хорошо. Вы умны, не чета нам, ваше высочество.
- Ваше высочество?,- перебил Коринета, герцог Барский, - предупреждаю, после всего что вы сделали, лесть вам нисколько не поможет.
- Я и не собирался льстить, - возразил Коринет, я лишь хотел предложить вашему высочеству вопрос.
- Времени у нас много, так почему бы и нет? Вы захватили нас в плен. Так что прошу вас не стесняйтесь, распоряжайтесь нами по собственному усмотрению.
Коринет сделал вид, что не замечает ярко выраженной иронии. Впервые он отложил топор и глядя прямо в глаза герцога, спросил:
- Вы были свидетелем схватки моего господина с двумя бургундцами. Скажите, сколько уколов он получил?
- Ни одного! - не задумываясь, ответил герцог Барский.
- Именно. А теперь взгляните на рану моего господина и ответьте, какой из «безобидных монахов, давших нам приют» мог такое сделать?

- Да он мог получить рану в стычке с гвардейцами, или ещё как-нибудь. Благо врагов у него хватает и… - герцог Барскийосёкся, потому что дверь отворилась и в комнате появилась женщина лет 45 в чёрном платье, с длинным шлейфом. Это была королева Кастилии-Иоланта Арагонская.
- Что здесь происходит? - королева обладала весьма незаурядным умом и почти сразу же оценила угрозу, исходящую от одноглазого великана. Великан поглядывал на не менее внушительный топор, прислонённый к стене рядом с ним. Мириандa, Мария Анжуйская и герцог Барский встали и молча ожидали дальнейших событий. При этом, герцог пристально следил за Коринетом, готовый в любое время остановить его, если он вздумает причинить вред королеве.
- Кто этот человек?- королева указала на лежавшего в постели, Филиппа.
- Санито де Миран, ваше величество,- ответила бледная Мириандa.
- Понятно,- королева ещё раз оглядела присутствующих, а затем бросила повелительным голосом, обращаясь к Коринету.
- Сударь, будьте добры, отойдите к двери и проследите, чтобы никто не вошёл в эту комнату!
Коринет молча повиновался.
- Что вы говорите матушка?- возмутился, было герцог Барский, - следует вызвать стражу…
- Замолчите,- перебила его королева, - привести сюда человека, которого ищет весь город, было непроходимой глупостью. А вызвать охрану - значит совершить ещё большую глупость. Мы поможем этому молодому человеку, и никто никогда не вспомнит, что произошло этой ночью.
- Ваше величество,- Мириандa бросилась в ноги королеве.
- Встань непослушное дитя,- королева приподняла её за плечи, - посмотри мне в глаза Мириандa и пообещай, что ты никогда более не попытаешься встретиться с ним. Только в обмен на это, я позволю позаботиться о нём.
- Я согласна. Ваше высочество! - едва слышно произнесла Мириандa, - только спасите его.
- Вот и хорошо!
Королева удалилась из комнаты. Никто не издал не звука, пока королева вновь не возвратилась в сопровождение пожилого человеке в ночном халате, который усиленно протирал глаза.
- Посмотрите его рану сударь,- королева указала на плечо Филиппа. Повязка на нём, была сплошь пропитана, проступившей из раны кровью.
Лекарь неторопливо снял повязку и стал рассматривать рану. Кровь по прежнему выделялась из раны. Лекарь вытер её снятой повязкой, со всей тщательностью осмотрев рану, он повернулся к королеве и, пожимая плечами, сказал:
- Рана не глубокая, но у молодого человека жар, что крайне удивительно. Если только, - лекарь осёкся и помедлив мгновение вновь склонился над раненым, осматривая на этот раз язык, а затем и зрачки. Со зрачков, лекарь вновь тщательностью обследовал рану и когда он снова обернулся к королеве, лицо его выражало полную беспомощность. Лекарь развёл руками.

- Я не в состоянии ему помочь. Ещё до наступления рассвета, он умрёт.
Коринет побледнел, услышав эти слова, Мирианда издала слабый крик.
- Вы уверены?- спросила королева.
- Не знаю чем ранили этого молодого человека, но вне всякого сомнения, этот предмет был предварительно обмазан сильнодействующим ядом, который распространяется по всему телу. Сожалею, ваше высочество, но его нельзя спасти.
Мирианда рухнула, лишившись сознания. Над ней склонилась Мария Анжуйская.
- Вы понимаете, что ему нельзя здесь умирать!
Коринет едва нашёл в себе силы, кивнуть головой королеве.
Через час начнётся смена караула, - продолжала королева, - мы поможем вынести его из дворца, а дальше вы будете предоставлены самому себе.
Коринет посмотрел на лежавшего Филиппа, грудь которого бурно вздымалась, и выдавил из себя единственное слово.
-Хорошо!

Приблизительно, в то же самое время, в подземелье ордена « Лионских бедняков», в огромном зале, около двухсот братьев ордена склонив голову, слушали отца Вальдеса. Собрание было собрано после того, как ордену стало известно о произошедшем в часовне аббатства. Главная новость о том, что враг ордена жив, что он сумел избежать опасности и сейчас находится в Париже, взбудоражила всех братьев.
- Наш враг, наш злейший враг жив,- скрипучим голосом бормотал отец Вальдес, братьям приходилось напрягать слух, чтобы слышать его слова,- как такое возможно? Мы сделали всё, чтобы уничтожить Арманьяков, но он несмотря ни на что остался в живых. Угроза ордену возросла. Брат Мелеструа наверняка рассказал ему о нас, а значит он опасен вдвойне, втройне.. роковое предсказание.. насилие.. оно произойдёт 9- го числа. Трижды три - девять. Девять проклятое число.. остановите его - внезапно закричал страшным голосом отец Вальдес, не дайте свершиться насилию, найдите его. Обыщите весь город, каждую улицу.. найдите и убейте это порождение угрозы ордену.. убейте Арманьяка, иначе свершиться насилие.. идите дети мои, идите и возвращайтесь только, когда наш враг будет мёртв. Идите во славу ордена!
- Наш враг может находиться во дворце, отец наш,- раздался из толпы братьев, голос, герцог Барский защищает его и возможно сейчас, когда его ищет вся бургундская гвардия, он укрывается у него.
Старец протянул вперёд иссохшую руку.
- Вы слышите дети мои? Идите и убейте его!
Никто из братьев ордена не заметил, как карлица выскользнула из зала. Члены ордена посовещались ещё около четверти часа, обговаривая между собой, в какую часть Парижа отправиться каждый из них, а потом направились к выходу из подземелье.

Глава 22

Пока происходили все эти события, время ожидания истекло. Королева Кастилии сдержала своё слово. Коринету помогли вынести Филиппа из дворца, преданные ей люди. Коринет вышел, держа на руках беспамятного Филиппа из той же самой калитки, через которую они вошли. Оказавшись на улице, Коринет поднял глаза к богу, а затем с бесконечной нежностью прижал Филиппа к своей груди и прошептал:
- Чтобы ни случилось, я последую за тобой мой господин! Ты не будешь, одинок в своём пути!
- Он ранен?- голос, раздавшийся рядом с Коринетом, заставил его вздрогнуть. Он оглянулся. На его лошади сидела уродливая карлица, в цветастом платье и огромными серьгами в ушах.
- Они ранили его?- в голосе карлицы звучала серьёзная обеспокоенность.
- Кто ты?- с всё возрастающим удивлением Коринет смотрел на карлицу.
- Отвечай!
- Да!
- Следуй за мной, если хочешь, чтоб человек, который лежит у тебя на руках остался в живых!
Что- то в голосе карлицы было особенное. Коринет решил прислушаться к ней, хотя не верил её словам. Но что ему ещё оставалось делать. Он не знал куда идти.
Коринет положил Филиппа поперёк седла его чёрного жеребца, который был привязан рядом с его лошадью, к железной ограде, окружающий дворец. Затем, он отвязал жеребца и взобрался седло.
- Торопись, иначе мы все умрём!- карлица коротенькими ногами застучала по бокам лошади, которая нехотя, но пошла рысью. Придерживая Филиппа одной рукой, Коринет последовал за ней. Слова карлицы не могли его испугать. У него на руках был умирающий Филипп, и ему было всё равно, что его ждёт.
Более часа, карлица петляла по улицам Парижа, постоянно озираясь по сторонам, с таким видом, словно ожидала какой- то опасности. Коринет безропотно следовал за ней, даже не думая о том, куда они направляется. Ему было безразлично, чего нельзя было сказать о карлице, которая целенаправленно вела их к какому- то месту. Коринет плотнее накрыл Филиппа плащом, безмолвно следуя за карлицей. Поднялся слабый ветер, стало прохладней, но Коринет погружённый в тяжкие мысли, не замечал ничего, кроме спины Филиппа которая равномерно покачивалась от езды. Вдали показались величественные стены ,замка «святого Антуана» которые выглядели ещё более мрачно, в свете наступающего утра. Через некоторое время они достигли замка. Не останавливаясь, они проехали дальше к небольшому лесочку. На опушке леса был разбит цыганский лагерь. Десятки повозок стояли полукругом, ограждая любопытные взоры от многочисленных палаток разбитых посередине опушки. Ветер усилился. А через некоторое время начал накрапывать дождь. Поток воды с каждой минутой

усиливался и превратился в настоящий ливень, когда они подъехали к ближайшей от дороги повозке. Несмотря на сильный дождь, несколько бородатых мужчин стояли и смотрели на их приближение. Когда карлица подъехала к ним, мужчины сняли широкие шляпы, а один из них с глубоким уважением произнёс;
- Мы всегда рады тебе, Мемфиза!
Он помог карлице слезть с лошади. Она что- то шепнула ему и не оглядываясь отправилась в сторону палаток. Цыган подошёл к Коринету и глядя на него снизу вверх, ибо тот всё ещё восседал верхом, сказал;
- Сегодня, ты наш гость. Мемфиза хочет, чтобы ты шёл за ней!
Коринет лишь бегло оглядел цыган. Затем слез с жеребца и сняв Филиппа, понёс его на руках, направляясь вслед за карлицей. Цыган взял за уздечку жеребца и повёл за собой в укрытие, где под навесом стояли ещё несколько десятков лошадей.
Коринету пришлось пригнуться, когда вслед за карлицей, он с Филиппом на руках вошёл в цыганскую палатку. Коринет бегло огляделся. Сразу бросилось в глаза широкое ложе, сооружённое прямо на земле из шкур животных. Стены палатки, были устланы цветастыми тканями. Всюду были различные предметы, нужные и ненужные. В палатке стояло несколько сундуков. Ни стола, ни стульев не было.
- Положи его!- голос карлицы врезался в сознание Коринета.
- Зачем?- безразлично поинтересовался Коринет, - что ты хочешь сделать?
- Спасти его! - последовал ответ карлицы. Она открыла один из сундуков и выбрасывала из него разные вещи. Наконец, она нашла то, что искала. Когда карлица снова повернулась к Коринету, в её руках лежал пузырёк с голубоватой жидкостью.
- Ты не знаешь, - начал было Коринет, но карлица резко перебила его.
- Я знаю, что на вас напали в часовне аббатства Сен- Дени. И я знаю, что люди, напавшие на вас, ранили его отравленным кинжалом, яд которого распространяется сейчас по всему телу.
- Откуда ты знаешь?- равнодушие Коринета испарилось, он в смятение посмотрел на карлицу,
- Этого ты знать не должен! - ответила карлица. - А теперь делай, что я говорю, и поторопись, иначе он может умереть!
- Если ты спасёшь его, я стану твоим рабом до конца жизни,- прошептал Коринет в душе которого, затеплилась слабая надежда.
Он уложил Филиппа на шкуры.
- Сними с него одежду! - приказала карлица, и когда Коринет выполнил её приказ, она опустилась на четвереньки рядом с головой Филиппа, который не подавал никаких признаков жизни. Карлица попыталась открыть его рот, но зубы Филиппа были намертво стиснуты.
- Открой ему рот,- приказала карлица, откупоривая пузырёк с жидкостью.
Коринет опустился с другой стороны возле Филиппа и попытался сделать то, что не удалось карлице. Но, несмотря на недюжинную силу, он так и не смог это сделать.

- Челюсти свело судорогой - пробормотала карлица, - осталось мало времени, нужно торопиться,- она поднялась и вышла из палатки. Вскоре, она вернулась и заняла прежнее место. Отложив в сторону пузырёк, карлица сказала Коринету.
- Я раздвину зубы, а ты попытайся открыть его рот!
В руках у карлицы был нож с очень острым лезвием, за которым она ходила. Она сунула лезвие между зубов Филиппа, и кивнула Коринету. Напрягая все силы, Коринет с трудом раздвинул рот Филиппа. Карлица без промедления отложила нож и взяв открытый пузырёк, влила часть содержимого в рот Филиппа. Лишь убедившись, что Филипп проглотил жидкость, она сказала Коринету, чтобы тот отпустил рот Филиппа. После этого карлица внимательно оглядела всё тело Филиппа. Непонятно было, что она ищет, но после осмотра, она приказала Коринету держать Филиппа.
Коринета удивили слова карлицы, ведь Филипп вообще не шевелился. Тем не менее, он опёрся коленом о землю и прижал одной рукой голову Филиппа, второй его грудь.
- Держи крепче! - снова приказала карлица.
Она отложила пузырёк с жидкостью и снова взяла в руки нож. Карлица нагнулась над раной. Узкий след от кинжала воспалился. Вокруг него кожа покраснела и вздулась. Карлица сделала несколько глубоких надрезов вокруг раны. Филипп еле слышно застонал.
- Держи крепче! - снова повторила карлица и положив руки на плечо Филиппа, рядом с раной, изо всех сил надавила. Филипп закричал диким голосом и начал судорожно дёргаться. Из раны и надрезов закапала кровь вместе с зеленовато- жёлтой жидкостью. Карлица начала, не переставая давить на плечо Филиппа. Её руки постоянно перемещались, оказываясь то возле одного надреза, то возле другого. Филипп дико кричал и с такой силой вырывался, что Коринету приходилось применять неимоверные усилия, чтобы удержать Филиппа. Карлица выдавливала яд из тела, пристально следя за выделяющейся кровью, которая постепенно принимала нормальную окраску. Мучения Филиппа продолжались около четверти часа, пока кровь, выделяющаяся из ран, не стала ярко красного цвета. Карлица отстранилась от Филиппа, и облегчённо вздохнув, улыбнулась Коринету.
- Он вне опасности!
Филипп стонал, не переставая, но уже не пытался вырваться. Карлица, достала ещё какую- то жидкость и влила ему в рот. Прошло несколько минут, и Филипп перестал стонать. Бледность на лице исчезала. Дыхание стало спокойным и размеренным. Коринет не до конца осознавший, что сотворила карлица, рухнул перед ней на колени. Даже стоя на коленях, он почти на голову возвышался над карлицей. Опустив голову, он прижался к маленькой ручке этого необычного создания. Карлица принимала благодарность Коринета с величием королевы. Дождь по прежнему лил во всю. В палатку вошёл мокрый цыган. Бородатый мужчина лет сорока, что приветствовал их по приезде. В руках у него был кувшин и два кубка. Он поставил всё это на землю, возле одиноко мерцавший свечи и безмолвно удалился.

- Налей вина, Капелюш! - попросила карлица. Она подошла к палатке и откинув полог, смотрела на крупные капли дождя, пролетающие мимо неё. На улице стало совсем светло, а за спиной карлицы воцарилась полная тишина, которую нарушил голос потрясённого Коринета.
- Как ты меня назвала?
Карлица обернулась.
- Ты всё ещё не налил вина?
Коринет поспешно схватил кувшин и наполнил оба кубка. Один он протянул карлице, а второй сжимал в руке, не в силах отвести взгляда от умного лица Мемфизы
- Нам с тобой предстоит долгий разговор Капелюш! - она снова повторила это имя, затем указала рукой на шкуры лежавшие в углу. Коринет безропотно последовал за ней. Карлица легла с одного края и подложив руку под голову, взяла отложенный кубок с вином и отпила глоток. Она кивнула Коринету, приглашая сесть напротив. Коринет сел, повертев в руках кубок, он залпом осушил его.
- Не спрашивай меня, откуда мне известно твоё настоящее имя, - негромко заговорила карлица, - не спрашивай меня, откуда я знаю, что молодой человек лежащий перед нами- глава могущественного клана Арманьяков.
Коринет выронил пустой кубок. Единственный глаз был полон неподдельного ужаса. Мемфиза горделиво улыбнулась.
- Я знаю очень много, но я не колдунья. Поэтому перестань смотреть на меня с таким ужасом. Или я не доказала, что друг тебе и твоему господину?
Коринет покорно опустил голову.
- Я могу только преклоняться перед тобой Мемфиза - пробормотал он, - откуда Господи? Откуда ты всё это знаешь? Откуда ты знала, что мы окажемся возле дворца? Откуда ты могла знать, что Филипп отравлен? Откуда ты узнала моё имя? Откуда ты узнала кто такой Филипп? Как ты смогла помочь Филиппу, когда в моём присутствии королевский лекарь сказал, что его нельзя спасти? Какими силами ты владеешь, если видишь прошлое и будущее, так, как я вижу кубок лежащий в моих руках?
- Я не колдунья,- повторила Мемфиза загадочно улыбаясь, - но мне многое ведомо.
Коринет снова склонил голову. Мемфиза же поднялась со своего места и наскоро осмотрела Филиппа, потом снова вернулась на своё место и голосом серьёзным и торжественным сказала;
- Выслушай меня Капелюш, выслушай хорошенько и запомни каждое моё слово. Граф Арманьяк находится в страшной опасности и не потому, что его ищет весь Париж и гвардия герцога Бургундского…
- Монахи,- Коринет внезапно побледнел, увидев, что Мемфиза кивнула.
- Люди, напавшие на вас, являются членами могущественного ордена,- Мемфиза заговорила негромким голосом, - Мелеструа так же состоял в ордене, но он предал его, когда спас наследника Арманьяков. За это его и убили. Чудо, что вы уцелели. Орден действует быстро и беспощадно. В вашем спасении, я вижу руку божественного провидения, ибо до сего дня, ни одному человеку,

ни удавалось уйти живым. Орден, - продолжала Мемфиза, обладает разветвлённой сетью убийц, который фанатично преданы ему. В нём состоят самые могущественные люди королевства, включая и духовенство. Я говорю это для того, чтобы ты ясно понимал. Граф Арманьяк - это злейший враг ордена. Орден не успокоиться, пока не убьёт его. По его следу уже отправлены сотни убийц, а завтра их будут тысячи. Во Франции вы не найдёте места где спрятаться. Они настигнут вас везде.
- Но почему, почему он?- прошептал Коринет впитывающий каждое слово Мемфизы.
- В своё время, ты и это узнаешь,- уклончиво ответила Мемфиза и продолжала, не сводя с Коринета пристального взгляда, - граф Арманьяк ещё слишком слаб, чтобы бороться с могуществом ордена, но даже если он сможет вернуть то, что потерял его отец - он не сможет противостоять ордену. Рука ордена невидима, она может нанести удар в любой момент.
- Что же нам делать?- Коринет в смятение оглянулся на безмятежно спящего Филиппа.
- Охранять его, и уповать на помощь всемогущего Господа - ответила Мемфиза сверкая глазами. - Ты должен стать невидимым защитником Филиппа. Ты не должен ни на минуту смыкать глаз и не отходить от него более чем на пять шагов. Помни, орден может использовать против него всё. Смерть может ожидать Филиппа в тёмном углу улицы, среди бела дня, среди кругу друзей, в шляпе, которую он наденет на голову, в рукоятке шпаги, за которую он возьмется, в пище, в воде, в уздечке лошади, за которую он возьмётся, чтобы взобраться в седло. Орден может использовать против него десятки различных ядов, он может использовать оружие, может использовать огонь, или заманить в ловушку, дьявольской хитростью
- Господи Иисусе,- только и мог выговорить Коринет, с каждым словом Мемфизы, он бледнел ещё больше, отчего шрамы на лице растягивались и становились менее заметными.
- Запомни ещё кое-что,- говорила Мемфиза, - путь Филиппа предопределён свыше. Чтобы он ни делал, каким бы странным это не покажется, не останавливай его. Твоя задача состоит в том, чтобы оберегать его. Со всем остальным, он должен справиться сам. И ещё, он ничего не должен знать о том, что узнал ты. Это очень важно. Когда настанет нужный момент, мы ему расскажем, но не раньше. Ты хорошо понимаешь, то, что я тебе говорю?
Коринет кивнул головой. Ещё бы не понимать. Опасность, угрожающая Филиппу, была столь велика, что ему казалось, будто он чувствует её запах.
- Уже рассвело,- прервала его мысли Мемфиза, - вам следует незамедлительно покинуть Париж. Здесь вам не удастся дожить до вечера. Я позабочусь о том, чтобы вы беспрепятственно покинули город, но я должна знать, куда вы направитесь. Где я смогу найти вас?
- В Бретюнском лесу,- с готовностью ответил Коринет, - там разбит лагерь. Туда я и отвезу Филиппа.
- Хорошо,- Мемфиза одобрительно закивала, - отвезёшь его в лагерь. Пусть остается там, пока не поправится полностью. И

последнее. Когда ты получишь от меня весточку - выполни слово в слово всё то, что там будет написано без промедления, ибо речь может идти о минутах, которые спасут жизнь Филиппа. И есть одна просьба,- Мемфиза на мгновение замолкла, но потом снова продолжила,- близ монастыря Клюни, есть маленькая деревня. Найди там человека по имени Пьетро Виниджи. Ты должен забрать его из деревни. Год назад я спасла его от мести ордена, но они уже напали на его след. Его смерть лишь вопрос времени. Если Пьетро будет находиться с вами, он сможет избежать опасности. Ко всему прочему, этот человек весьма сведущий лекарь и там, где другие будут бессильны что- либо сделать, он сможет помочь.
- Я сделаю, как ты говоришь,- ответил Коринет, и чуть помедлив, спросил. - Ты не знаешь, что имел в виду епископ Мелеструа, когда перед смертью велел Филиппу кого- то беречь?
- Знаю!- коротко ответила Мемфиза и, поднявшись с места, закончила, - но не буду говорить. Со временем, ты сам поймёшь слова Мелеструа. Ну а теперь, не нальёшь ли ты мне ещё вина?
Они проговорили ещё около часа, обговаривая между собой незначительные мелочи. А ближе к полудню, Филиппа поместили в крытую повозку, которой правил цыган. Попрощавшись с Мемфизой, Коринет привязал свою лошадь и жеребца Филиппа к повозке, а сам влез внутрь, устраиваясь рядом с ним, на охапке сена. Ещё через два часа, цыган предъявил, страже у южных ворот пропуск с печатью герцога Бургундского и без излишних хлопот повозка покинула пределы Парижа.

Глава 23

Юный Дофин, которому ещё не исполнилось 18 лет, с волнением следил из окна своей спальни за двумя девушками. Держась за руки, девушки прогуливались по дворцовому парку. Одна из девушек была облачена в зелёное платье с широкой золотой каймой. Они и привлекала всё внимание Дофина. Это была Мария Анжуйская. Рядом с ней шла Мирианда облачённая в чёрное траурное платье. Мирианда молча оплакивала смерть своего возлюбленного, с которым она даже проститься не смогла. Но вернёмся к Дофину.
Дофин с замирающим сердцем наблюдал, как предмет его внимания наклонился к цветам, и сорвав один, прикрепила его к волосам своей спутницы, которая безропотно позволила ей это сделать.
- У тебя появилась дурная привычка подсматривать, Карл!
Дофин вздрогнул от неожиданно прозвучавшего голоса. Он обернулся, хотя и без того знал, кому принадлежат эти слова. В одном из кресел, развалившись, сидел молодой человек лет 25 и насмешливо смотрел на него. Дофин нахмурился.
- Опять ты!
- А ты надеялся, что придёт Мария Анжуйская?- не без ехидства поинтересовался молодой человек.
- Не смей упоминать её имени,- грозно предупредил Дофин.
- Хорошо, поговорим о твоей матушке!

- Оставь мою матушку в покое, Таньги,- раздражённо произнёс Дофин, - почему бы тебе ни поступить как все остальные? Пойди в город, зайди в харчевню, напейся, найди женщину лёгкого поведения…
- Карл, только ты один не знаешь того, что известно всей Франции. После приезда твоей досточтимой матушки, все женщины лёгкого поведения покинули Париж. Увы,- Таньги дю Шастель развёл руками, - а что им оставалось несчастным? Твоя матушка оставила их без работы.
- Таньги, как ты смеешь говорить такие гадости про королеву Франции?- поинтересовался Дофин.
- Я?- Таньги дю Шастель удивлённо воззрился на Дофина, - Господь с тобой Карл, я никогда бы не осмелился. Это другие говорят, а я просто повторяю.
Дофин не смог сдержать улыбки.
- Злые языки,- Таньги осуждающе покачал головой, - они смеют заявлять, что ты влюбился в Марию Анжуйскую, да так, что каждое утро стоишь у окна и как последний дурак смотришь, когда же появиться край её платья
- Таньги, это мог сказать только ты
- Вместо того, чтобы спуститься к ней и пригласить на прогулку!- закончил Таньги.
Дофин растерялся.
- Ты, правда, считаешь, что это мысль стоит внимания?
- Проклятье на твою голову Карл! - закричал, изображая гнев, Таньги, - когда я давал тебе плохие советы?
- Когда посоветовал пробраться в дом лавочника, утверждая, что его жена томится от любви ко мне. Что было не что иное, как самая наглая ложь. Меня едва не побили палками,- напомнил Дофин.
- Ах, это, пустяк не стоящий внимания.
- А как насчёт моей матушки? Когда ты сказал мне, что она тяжело больна и посоветовал отправить трогательное письмо, которое поддержит её в болезни?
- А ты злопамятен Карл! Даже всемогущий Папа совершает ошибки, так что же говорить обо мне? У всех есть маленькие слабости, и мы должен уметь предавать их забвению. Я же не напоминаю тебе о том, что ты бегал за мной по всему дворцу, пытаясь проткнуть шпагой?
- Мерзавец! А что мне ещё оставалось? Ты прибежал среди ночи и начал кричать, что в Париже англичане, что они приближаются ко дворцу. Я наспех оделся и выбежал во двор. Стража смотрела на меня точно так же, как смотрит на моего несчастного отца, не без основания полагая, что и я повредился в уме!
- Карл, ты никогда не мог понять доброй шутки,- вздыхая, Таньги поднялся, - ты идёшь? Или мне занять твоё место возле Марии Анжуйской?
- А как же её кузина?
- Её я беру на себя!
- Хорошо!
Приняв решение, Дофин решительно последовал за Таньги. Однако, решительность Дофина таяла по мере приближения к Марии Анжуйской. И когда они оказались в парке, Дофин стал придумывать

всяческие оговорки, лишь бы избежать предстоящей встречи с Кастильской принцессой. Таньги пришлось чуть ли не силой его тащить. Но даже он оказался бессилен, когда впереди показались, медленно гуляющие по парку, девушки. Дофин остановился и несмотря на все уговоры Таньги, собирался повернуть обратно, но именно в этот момент девушки остановились и пошли обратно, в их сторону. Не оставалось сомнений, что они заметили Дофина. Так что, ему ничего не оставалось, как решительно двинуться навстречу своим сомнениям. Они встретились посередине чудесной аллеи, по краям которой вились благоухающие цветники. Девушки присели перед Дофином в реверансе.

- Ваше высочество!

- Ваше высочество, миледи!- Дофину с трудом удавалось не показывать волнение, которым он был охвачен, Да ещё, встретившись глазами с Марией Анжуйской, он густо покраснел, впрочем, как и она. Оба одновременно отвели глаза и посмотрели на Мирианду. Мирианда, как уже говорилось, ранее была облачена в чёрное платье. Смуглое лицо покрывала неестественная бледность, в глазах застыла печаль. Вообще, она произвела на Дофина и Таньги, впечатление человека, который перенёс тяжёлую утрату и они не были далеки от истины.

Видя, что Дофин бездействует, Таньги предложил руку Мирианде.

- Миледи,- с пафосом произнёс Таньги, - позвольте показать вам особо красивые места в этом без преувеличения, прекрасном парке!

Бросив взгляд на кузину, Мирианда без всякого выражения протянула руку. Таньги галантно принял руку, и громко философствуя, повёл Мирианду по парку.

Оставшись вдвоём, Дофин и Мария Анжуйская некоторое время молчали, избегая смотреть в глаза друг- друга, но так как молчание затягивалось, Мария анжуйская решилась и первой заговорила с Дофином.

- Ваше высочество, мне не знаком этот парк, так же как и моей кузине,- волнуясь, произнесла она, при этом по прежнему избегая смотреть ему в глаза, - для вас не составит труда, показать мне его?

-О, с удовольствием,- вырвалось у Дофина, они одновременно посмотрели друг на друга и хотя вновь покраснели, взглядов своих не отвели. Мария Анжуйская с доверчивой нежностью протянула свою руку. Дофин, наконец, сделал то, о чём мечтал с первой минуты встречи с Марией Анжуйской. Он с пылом, достойным наследника французского престола поцеловал её руку. А через минуту, они взявшись за руки, словно дети, впрочем, они и были детьми, пошли по аллее, не замечая никого и ничего.

За сценой на аллее, из окон дворца следили три пары глаз. Первая принадлежала Иоланте Арагонской, на губах которой блуждала довольная улыбка. На её глазах, Дофин откровенно показал свои чувства. Следовательно, самое заветное желание королевы Кастилии - сделать свою дочь королевой Франции, обретала реальные очертания.

Несколько в стороне, из окон другой комнаты, герцог Бургундский и его канцлер Гилберт де Лануа следили за той же сценой.

- Похоже бедняга влюбился,- губы герцога скривила злая усмешка, - как жаль, что ему не суждено пережить восемнадцать лет.
- Монсеньор решился?- осторожно спросил Гилберт де Лануа.
- Мне приходилось и раньше, вершить судьбы королевской семьи! Готовься Лануа! Дофин должен умереть, во время празднеств, в свою честь.
- Не беспокойтесь, монсеньор. Дофин умрёт в назначенный час!
Пока происходил этот короткий, но страшный для судеб Франции, разговор, Таньги дю Шастель не умолкая разглагольствовал о прелестях парка, с которых перешёл на прелести Парижа, а в конце пришёл к неоспоримой истине, что красивее Франции, на земле не существует места. Так как, Мирианда за последние четверть часа не проронила ни единого слова, Таньги всё же пришлось остановиться и спросить о причине её грусти. На что получил уклончивый ответ Мирианды, который заключался в том, что по приезде в Париж, она испытывает непреодолимую тягу к Испании, и с нетерпением ждёт возвращения домой. Возмущённый до глубины души Таньги, заявил, что нельзя стремиться в Испанию, находясь во Франции. Вот если бы всё обстояло наоборот, то он, несомненно понял бы настойчивое желание Мирианды. На что Мирианда, просто извинилась и сославшись на сильную головную боль, покинула Таньги. Таньги дю Шастель явно расстроился, ибо не терпел, когда его вот так, без видимой причины оставляла красивая женщина. Пришлось утешиться мыслью, что он способствовал соединению Дофина и Марии Анжуйской, которых он так и не смог заметить поблизости. Итого всего этого стало принятия поистине Соломонова решения. Таньги, хотя и запоздало, но решил воспользоваться советом Дофина. Приняв такое решение, он, насвистывая отправился в конюшню.
Когда Таньги выехал из дворца, верхом на лошади, его сразу уже удивило огромное количество гвардейцев, снующих по городу. За то небольшое время, пока он добирался до улицы Бобов, его несколько раз остановили и тщательно осмотрели. Париж напоминал осаждённый город. Таньги, который последние несколько дней провёл в объятиях очаровательной служанки, понятия не имел, что происходит вокруг него. Ему не нравились назойливые гвардейцы и он не преминул об этом заявить им в лицо, когда у дверей харчевни «Золотой рог» его снова остановили. Завязалась лёгкая перепалка между Таньги и гвардейцами, которым не понравились его слова. Однако, к счастью она не имела продолжения и Таньги собирался было войти в харчевню, когда к довершению ко всем неприятностям, возникшим на его пути, одна пожилая женщина вылила на него ведро холодной воды.
- Будь всё проклято - зарычал Таньги, снимая свою шляпу, с которой стекали тонкие ручейки воды. Он снял плащ и сказав несколько нелицеприятных слов женщине, что стояла на балконе, над головой Таньги и весьма вызывающе улыбалась. Он, наконец, в крайне раздражённом состоянии вошёл в харчевню. Но здесь его ждала новая неприятность. Таньги свалился бы вниз с высоты десяти футов на груды сложенных внизу досок, если бы не предупреждающий окрик мэтра Крюшо, хозяина харчевни. Пробормотав под нос проклятия, Таньги спустился вниз по доскам проложенным,

рядом со стеной. Бросив взгляд на плотников, которые без устали строили новую лестницу, Таньги подошёл к мэтру Крюшо, на лице которого сияла приветливая улыбка. Таньги был одним из самым желанных клиентов харчевни и мэтр Крюшо всегда оказывал ему повышенное внимание.
- Мэтр,- со смесью лёгкого удивления воскликнул Таньги, - не будете ли вы, столь добры, сказать, чему или кому я обязан тем, что едва не свернул себе шею? Вы могли бы, по меньшей мере, написать у входа, что за дверью ваших посетителей ждёт бездна, в которую они канут, едва войдут внутрь.
- Ох, сударь,- тяжело вздыхая, ответил мэтр Крюшо, - я сделал это в первый же день, но моя доброта привела к столь плачевным результатам, что пришлось немедленно отказаться от этой затеи.
- Каким же образом, она могла привести к плачевным результатам? - удивился Таньги, - скорее наоборот мэтр, вы ведь спасали жизни.
- Но терял посетителей сударь, а для меня такое положение дел- равносильно смерти!
- Проклятье,- пробормотал Таньги, - а ведь вы правы, дорогой мэтр, это кого хочешь, напугает. И как же вы выходите из положения?
- Не спрашивайте сударь,- мэтр Крюшо снова тяжёло вздохнул, - мне приходиться целый день стоять и смотреть, как бы кто не сломал себе шею. Тяжёло приходиться, ей богу, но меня утешает мысль, что эти ленивые создания, именуемые плотниками, скоро избавят меня от этой, весьма обременительной обязанности.
Таньги сочувственно посмотрел на Крюшо и тут его взгляд упал на новенькие столы и стулья. В конце, у стены харчевни, были сложены в кучу старые, сломанные столы и стулья.
- Дорогой мэтр,- вскричал Таньги, - клянусь богом, да у вас тут произошёл настоящий погром.
Мэтр Крюшо приложил палец к губам, изображая таинственный вид.
- Не здесь сударь!
- Ах, вот как! Ну что ж ведите, дорогой мэтр. Зная меня, вы понимаете, что я не успокоюсь, пока не узнаю всех событий, что имели здесь место.
Мэтр Крюшо отвёл Таньги в самый дальний угол харчевни и усадив за стол, сел напротив.
- Здесь произошли,- раздавшийся грохот помешал ему продолжить. Они одновременно обернулись. На груде досок сложенных, возле строящейся лестницы, на спине лежал человек и громко стонал.
- Слава богу, это один из плотников,- обрадовался мэтр Крюшо, так вот два дня назад сюда пришёл молодой человек. Увидев его, я сразу понял, что он человек весьма непростой.
- А почему вы так решили, позвольте спросить?
- Причиной, был спутник молодого человека!
- И что было в нём особенного?
- Один глаз!
- У многих не достаёт глаза,- резонно заметил Таньги.
- Но это ещё не всё!
- Как, было ещё что- то?

- Его лицо было столь уродливо, что могло внушить ужас любому. Представьте сударь, одноглазый, лицо сплошь покрыто глубокими рубцами. Он был выше на голову любого из моих посетителей, но самое странное заключалось в оружии.
- И что ж странного было в оружии?
- Это был топор. Огромный боевой топор, который висел у него за поясом.
- Следовательно,- сделал вывод Таньги, - молодой человек был так же уродлив и так же носил с собой топор?
- Напротив сударь, молодой человек был настоящим красавцем и на перевязи у него висела шпага, как у вас в данную минуту.
- Следовательно,- сделал новый вывод Таньги, - вы составили мнение о молодом человеке, основываясь на внешности его спутника?
- Вот именно,- мэтр Крюшо обрадовался тому, что Таньги так точно понял мысль, которую он пытался выразить.
- Весьма необычно, клянусь памятью нашей королевы. Продолжайте мэтр.
Крюшо собиравшийся продолжить осёкся. Испуганно глядя на Таньги, он спросил:
- Королева умерла?
- Пока нет мэтр, но настанет день и она без сомнения умрёт!- как ни в чем, ни бывало, ответил Таньги.
- Ну и шутки у вас сударь,- пробормотал мэтр Крюшо, - недолго и в Шатле отправиться за такие.
- Вы остановились на весьма интересном месте, мэтр. Продолжайте, я весь во внимании!
- А что я говорил… ах, да,- вспомнил наконец мэтр Крюшо, и продолжил таинственным шёпотом,- молодой человек почти ничего не пил и вообще ничего не ел, в отличии от своего спутника, который с лёгкостью мог опустошить всю мою кухню
- Бедняга!
- Я сразу понял, что молодой человек кого-то ждёт. И представляете сударь, я оказался прав.
- Так он и в самом деле кого- то ждал?
- Через четверть часа после того, как они вошли в харчевню, к ним присоединился ещё один молодой человек. Он подсел к ним и они начали вполголоса шептаться.
- Сдается мне, что это были заговорщики. Из тех, которые всё время вопят «Долой короля», затем восклицают «корону герцогу Бургундскому» - сделал ещё одно предположение Таньги.
- А вот тут вы ошибается,- торжествуя, воскликнул мэтр Крюшо, но тут же оглянувшись с опаской по сторонам, снова перешёл на шёпот. - Этот молодой человек ненавидел герцога Бургундского.
- Кого вы имеете в виду? Первого или второго?
- Обоих,- ответил мэтр Крюшо, - но больше первого, потому что он производил впечатление переодетого принца.
- Переодетого принца? Ну уж это вы загнули любезный метр,- насмешливо бросил Таньги, откидываясь на спинку стула. - С чего вы взяли, что первый мог оказаться принцем?

- Во - первых спутник молодого человека, великан с одним глазом, а во- вторых, второй молодой человек относился к нему с явным почтением.
- Возможно, возможно… что же дальше мэтр?
- Дальше? В харчевне появились шестеро гвардейцев герцога Бургундского,- при этих словах, Таньги поморщился, - они искали человека по имени Санито де Миран.
- Санито де Миран?- Таньги задумался, но это имя ровным счётом, ничего ему не говорило, - и что же? Они нашли того, кого искали?
- Вот тут то и начинается самое странное,- таинственным голосом зашептал мэтр Крюшо,- гвардейцы не заметили этого Санито де Мирана, который и оказался странным молодым человеком. Гвардейцы описали его внешность, которая в точности соответствовала оригиналу и собирались уходить, когда он поднялся.
- Так он заговорил с гвардейцами?- Таньги удивлённо приподнял брови.
- Заговорил? Он им в лицо сказал, что он и есть человек, которого они ищут!
- Позвольте, я прерву ваш рассказ, а по какой причине его искали?
- Он утром того же дня - убил трёх гвардейцев герцога Бургундского! - ответил мэтр Крюшо.
- Аа,- протянул Таньги, - и что же произошло дальше.
- Этот самый Санито де Миран, стал оскорблять гвардейцев и вынудил их драться.
- Трое против шестерых, чёрт побери, это не совсем честно, но гвардейцам не впервой нападать на порядочных людей в большинстве.
- Но на этот раз им точно не повезло сударь, уверяю вас!
- Неужели те трое оказались сильнее?- не поверил Таньги.
- Трое? Этот де Миран сразил четверых, пока его товарищи дрались один на один!
- Не может быть!- Таньги с явным сомнением посмотрел на мэтра Крюшо, тот перекрестился.
- Богом клянусь сударь, он это сделал. Вы бы видели, как он дрался. Все сломанные стулья и столы - его рук дело. Его шпага мелькала с такой быстротой, что мы не могли за ней уследить. Он с таким проворством уходил от смертельных ударов, что ему мог позавидовать сам мэтр Виль, знаменитый учитель фехтования.
- Они убили шестерых гвардейцев и им позволили уйти? Ни за что в это не поверю. Наверняка его всё таки поймали и убили!
- Вы опять ошиблись сударь - мэтр Крюшо снова торжествовал, насчёт двоих не знаю, а этот Санито де Миран бежал от гнавшихся за ним гвардейцев. Но далеко ему убежать не удалось.
- Я вам говорил…
- Не спешите, выслушайте сначала. Гвардейцы окружили его на мосту и предложили сдаться. Знаете, как он поступил? Прыгнул верхом на коне с моста, в Сену. Ну что скажете?
- Что если вы рассказываете правду, этот человек, несомненно храбрец каких мало!
- То же самое и я вам говорю!
- Мэтр!

- Слушаю сударь!
- Как вы смотрите на то, чтобы принести пару бутылочек бургундского вина в память о несчастных гвардейцах и…
- И?
- И выпить его содержимое, в честь храбреца, который отправил их на тот свет?
- Это будет справедливо сударь,- не мог не признать мэтр Крюшо.
- Вот и отлично мэтр!- Таньги явно пришёл в хорошее настроение после рассказа мэтра Крюшо. Неприятности постигшее его по дороге в харчевню, были мгновенны забыты. Таньги предался веселью, в которое вовлёк и мэтра Крюшо, несмотря на живейшее сопротивление последнего.

Глава 24

Одновременно с тем, когда Таньги опустошал вторую бутылку, Иоланта Арагонская в сопровождении одной из прибывших с ней фрейлин направлялась в покои своей племяннице- Мирианды Мендос, после весьма насыщенного разговора со своей дочерью, которая призналась матери, что влюблена в Дофина и что он отвечает взаимностью. Цель, которую она поставила, покинув для этого собственную страну, становилась всё ближе и ближе. Единственно, что омрачало настроение королевы- это упрямое поведение её племянницы, которая второй день отказывалась принимать пищу, чем немало обеспокоила всех своих близких, особенно тех, кто знал истинную причину поведения Мирианды.
Когда появилась королева, Мирианда стояла у окна. Позади стоял герцог Барский и что- то раздражённо говорил, но Мирианда не отвечала ему, она даже не смотрела в его сторону. Лишь при появлении королевы, она обернулась.
- Оставьте нас! - приказала королева сопровождающей фрейлине. Та молча удалилась.
Королева смотрела на безжизненное лицо Мирианды и понимала, что разговор предстоит весьма нелёгкий. Герцог Барский взглядом попросил у матери помощи. По-видимому, он так и не смог убедить свою кузину.
- Дитя моё,- королева приблизилась к Мирианде, - мне сказали, что ты уже второй день отказываешься от пищи. Правда ли это?
- Я не голодна ваше величество!- коротко ответила Мирианда, при этом избегая взгляда королевы.
- Это не ответ Мирианда! Я хочу, чтобы ты перестала упрямиться! Ты прямо сейчас, пойдёшь и пообедаешь. И я не хочу слышать никаких возражений. Ты меня поняла Мирианда?
Мирианда не сдвинулась с места.
- Я не голодна ваше величество!- упрямо повторила она.
- Ну что за наказание, это девушка,- не сдержавшись, воскликнула королева, Мирианда, - пытая себя голодом, ты не вернёшь жизнь

Санито де Мирану, пойми это… - королева осеклась, из глаз Мириады капнула слеза.
- Я знаю,- тихо ответила она.
- Так почему же ты упрямишься, дитя моё?
- Почему?- Мириада подняла горестный взгляд на королеву, - потому ваше величество, что мы бросили умирающего, отказав в простом христианском милосердии. Они были в окружении врагов и попросили у нас помощи, считая друзьями, а мы… мы, бросили их в таком отчаянном положении. Вы можете представить, что чувствовал Коринет, когда его выбросили отсюда, с умирающим другом на руках? Вы можете представить, как протекали последние минуты жизни Санито… - Мириада судорожно всхлипнула, - он остался один, без любви и последней молитвы, брошенный людьми, которых он считал друзьями. Неужели он не имел права на последнюю милость? На сострадание и милосердие? Неужто, он не мог быть похоронен, как всякий добрый христианин, а вместо этого выброшен на улицу, подобно бродячей собаке.
- Добрый христианин?- герцог Барский не сдержался, - да он святую обитель превратил в кровавое побоище, он убийца, бесчестный человек.
- Будь он жив, вы бы ответили за эти слова кузен,- Мириада с нескрываемой ненавистью посмотрела на герцога Барского, - легко оклеветать человека, который находиться в могиле. Вы храбрец кузен!
- Мириада,- королева ужаснулась её слова, - мне кажется, вы ненавидите своего кузена. Это величайший грех.
- Я ненавижу его,- с некоторой безумной яростью призналась Мириада, - ибо даже сейчас, когда мой Санито умер брошенный всеми, он всё ещё смеет оскорблять его. Запомните кузен, Санито был храбрым и отважным человеком. Санито был с ног до головы - человеком чести. А вы если приложите все свои усилия- не сможете стать даже бледной тенью такого человека. Отныне и навсегда, я требую, чтобы вы не приближались ко мне и не заговаривали со мной. И ещё, я ставлю ваше величество в известность, что отправила письмо моему отцу с просьбой разрешить мне, принять монашеский обет,- Мириада бросила непокорный взгляд на королеву, - отныне ваше величество, я более не буду подчиняться вашим приказам. С сегодняшнего дня, у меня один господин - всемогущий Господь.
Не кланяясь, Мириада с высоко поднятой головой покинула комнату. Королева и не пыталась её остановить. После ухода Мириады, королева долго и задумчиво смотрела на сына, которого, несомненно, потрясла ненависть Мириады. С самого детства, они находились вместе и всегда понимали друг- друга. Что же могло произойти с Мириандой?
- Я не понимаю, - пробормотал герцог Барский.
- Она ненавидит тебя, мой мальчик!
- Но почему? Почему?
Королева с сочувствием посмотрела на сына.
- Ты ещё слишком молод и не понимаешь, что перед тобой стояла не кузина, а влюблённая женщина, над чувствами которой ты

посмеялся. Любовь, которой ты оскорбил. Она тебя никогда не простит. Ни одна влюблённая женщина не простит такого отношения.
- Что же нам делать? - герцога не скрывал, что его расстроили слова матери.
- Ничего,- ответила королева, - пусть поступает так, как считает нужным. Мы не вправе ей мешать сейчас, когда в нужный момент не оказали поддержки.
- Как она может любить убийцу, мясника?- пробормотал герцог, - променять его мёртвого, на меня живого…
- В жизни, многое выглядит вовсе не так, чем является на самом деле, - назидательно произнесла королева, - я склонна поверить чистой любви Мирианды, чем многочисленным слухам, однако его это всё равно не вернёт. Так что, следует просто забыть обо всём и жить дальше.

Глава 25

Филипп проснулся после того, как колесо повозки попало в глубокую рытвину. Повозку тряхнуло и боль в плече пробудила Филиппа. Он открыл глаза и оглядевшись, заметил дремавшего рядом с ним Коринета. Однако, едва Филипп пошевелился, пытаясь подняться с охапки соломы, на которой он лежал, Коринет открыл глаза.
Филипп охнул от боли, пронзивший плечо. Коринет придержал его, собираясь помочь лечь обратно, но Филипп превозмогая боль, всё же выпрямился и занял сидячее положение.
- Воды,- голос у него был хриплый.
Коринет тут же протянул ему кувшин с водой. Филипп сам откупорил бутылку и приложил её к пересохшим губам. Прохладительная влага наполнила его тело. Он пил долго, пока кувшин не опустел. Филипп вернул пустой кувшин Коринету, который кинул её тут же, возле себя.
- Где мы?
- Проехали Бретиньи! Движемся к Орлеану!
- Останови повозку,- прохрипел Филипп, дальше поедем верхом
- Ты ещё слаб,- начал было Коринет, но увидев взгляд Филиппа, крикнул кучеру, чтобы он остановился.
Коринет первым вылез из повозки. Потом он помог Филиппу выбраться. Филипп пошарил здоровой рукой по карману. Найдя несколько монет, он протянул их цыгану, со словами:
- Спасибо, дальше мы поедем сами!
Цыган молча принял деньги. Дождавшись, пока они отвяжут лошадей от повозки, он повернул обратно на Париж. Филипп проводил его взглядом, затем оглянулся вокруг. Дорога была почти пустой, не считая нескольких крестьян, которые управляли старыми, развалившимися повозками, двигаясь по направлению к Орлеану. Слева от них не боле чем в двухстах шагах, находилась деревня, слева возвышался Бретюнский лес.
- Мы близко! - прошептал Филипп.

С помощью Коринета, он влез в седло. Коринет так же взобрался в седло. Они тронулись вперёд, вслед за крестьянскими повозками. Прошедший дождь, немного осложнял им передвижение, да и плечо Филиппа ныло всякий раз, когда он приподнимался в седле. По причине этого, они продвигались очень медленно. Но, несмотря на это, меньше чем через час после того, как они покинули повозку, с левой стороны показались строения постоялого двора.
- Где- то здесь! - пробормотал Филипп. Он свернул коня, двигаясь по самому краю леса. При этом, он пристально смотрел на стройные ряды деревьев. Наконец, он нашёл то, что искал. Это была едва заметная тропинка, ведущая в глубь леса. Филипп свернул коня на эту тропинку. Коринет последовал за ним. Лес дышал тишиной и спокойствием, изредка нарушая его щебетанием птиц, потрескиванием веток и прочими не совсем понятными для человека- звуками. Филипп явно наслаждался, углубляясь в лес, в котором, он так любил бывать в детстве. Коринет постоянно оглядывался по сторонам, особое внимание уделяя местам, откуда незаметно могли появиться люди. Однако, тишина леса и его успокаивала. Так приятно было чувствовать себя в полной безопасности, после того, что они пережили в Париже. Они двигались около четверти часа, когда Филипп заговорил.
- Как я оказался в повозке? Я помню, как мы прошли во дворец, помню, как Мириада ухаживала за мной, как уложили меня на постели и помню,- Филипп внезапно замолчал, а когда заговорил снова, в голосе прозвучала ярость, - помню, как герцог Барский обвинял меня в убийстве его преосвященства. Помню как он угрожал тебе, помню, что собирался пойти за шпагой… а потом как будто пропасть возникла, я куда то провалился. Надеюсь, я убил герцога?
- Слава богу, нет,- прозвучал сзади Филиппа, ответ Коринета, - убей ты его, бедняжка возненавидела бы тебя.
- Ты прав,- согласился Филипп. – Мириада, прекрасная девушка и я не должен расстраивать её,… но что же произошло дальше?
Коринет пришёл в замешательство. Он не знал что отвечать. Рассказать, он ничего не мог. Пока Коринет раздумывал, Филипп к его счастью снова заговорил.
- Скажи, мне почудилось, или Мириада действительно рыдала?
- Бедняжка, когда увидела, что ты ранен, место, себе не находила. Она действительно плакала и ухаживала за тобой, как может ухаживать лишь добрая жена, любящая своего супруга. Я думаю, ты и сам без моих слов прекрасно понимаешь, насколько сильно бедняжка влюблена в тебя
- Да,- Коринет услышал вздох Филиппа и его тихий голос, - Мириада заслуживает самого прекрасного к себе отношения, но не я тот человек, который сделает её счастливой.
- Почему?
- Почему? Кому это знать как не тебе?! Моя жизнь принадлежит прошлому. Для будущего в ней нет места.
Они прервали разговор. Каждый из них был погружён в собственные мысли. Так и они и ехали. Филипп впереди, а Коринет позади него. Прошло не менее двух часов, после того, как они углубились в лес. Впереди послышалось ржание коней. Коринет и Филипп

насторожились, но по прежнему двигались в том же направлении. Тропинка петляла между вековых деревьев, с густыми, опускающимися почти до земли- ветвями. Они двигались по очень узкому проходу и как только тропинка стала расширяться, откуда-то сбоку раздался грозный оклик.
- Стойте, если вам дорога жизнь!
Не видя, кто сказал эти слова, Филипп остановил коня. Коринет схватился за топор, готовый немедленно вступить в бой. Сбоку вынырнули несколько человек. Глаза Филиппа наполнились слезами, когда он увидел белые перевязи, переброшенные через грудь этих людей.
- Приветствуем нашего монсеньора! - вооружённые люди преклонили колени перед Филиппом.
- Я дома! - прошептал Филипп.

Глава 26

Лагерь Арманьяков насчитывал несколько десятков деревянных хижин, сбитых на скорую руку. Отдельно соорудили навес для лошадей. Когда Филипп появился в лагере, повсюду шли оживленные разговоры, возле хижин горели костры на которых жарилась дичь. Филипп ехал по лагерю и видел сотни глаз, которые смотрели на него с радостным удивлением и надеждой. Как давно он не видел такие глаза, которые выражали его собственные чувства. Филиппа переполняла радость и гордость за людей, которые собрались здесь в этом лесу, по первому его призыву. Филипп заметил возле одного из хижин, Антуана де Вандом. Он улыбался и смотрел на Филиппа. Рядом с ним стояли двое молодых людей. Филипп не мог их не узнать. Он остановил коня и спешился в нескольких шагах от них. Все трое одновременно преклонили колено и прижав руку к груди, громко произнесли:
- Монсеньор!
- Одо, Антуан, Жорж!
Филипп молча обнялся с каждым из друзей детства. Некоторое время, они молча оглядывали друг- друга. На их лицах отражались все чувства, которые они испытывали в этот миг. Филипп был словно во сне. Он видел лица людей, совершенно разные, которые подходили и приветствовали его. Лишь ближе к вечеру, радость от первой встречи немного ослабла, и Филипп смог усесться за костром, рядом со своими друзьями, как некогда в детстве. Он даже не замечал, что вокруг них собралась огромная толпа людей, которые только и ждали, когда он заговорит.
- Наслышаны о твоих подвигах,- первым нарушил молчание Жорж де Крусто, - Антуан только и делал, что рассказывал о том, как ты расправился с гвардейцами герцога Бургундского. В Париже идёт слух, что гвардейцы перестали ходить в одиночку по улицам из-за страха перед неким Санито де Мираном. Теперь они ходят не меньше, чем вдесятером.
Вокруг загремел смех. Филипп задумчиво слушал своего друга, наслаждаясь обстановкой лагеря и людьми, среди которых он

впервые почувствовал, что к нему возвращается нечто такое, что он потерял давным давно.
- Достаточно обо мне,- заговорил Филипп. Вокруг сразу воцарилась тишина, все вокруг ловили каждое его слово. - Расскажите лучше как жили всё это время.
Все его друзья помрачнели, услышав эти слова. За всех ответил Антуан.
- Как жили? Как можно жить, когда 11 лет подряд, только и делают, что убивают твоих родных, друзей и всех тех, кто дорог тебе. В Осере Бургундский гарнизон. Они измываются над горожанами. Называют их «отребьем», «отбросами Арманьяков». Любой Бургундец может безнаказанно убить любого в ваших провинциях. Он может отобрать дочь у отца, сына у матери, в общем, сделать всё, что захочет. До сей поры, герцог Бургундский платит пять золотых каждому, кто принесёт голову Арманьяка, принадлежащего к знатной фамилии. Что говорить монсеньор, дела обстоят хуже некуда. Терпение людей истощилось, но сил бороться с герцогом Бургундским - нет. К тому же его поддерживает король Англии. Что можно сделать против таких сил?
-Многое,- ответил Филипп, - враг силён. Но не одной силой достигается победа!
- Тебя давно не было,- заговорил Одо де Вуален, - и ты не имеешь понятия, что происходит вокруг. Что говорить, когда даже Монтегю перебежал на сторону бургундцев.
- Монтегю?- лицо Филиппа потемнело от гнева, - сын храброго отца - стал предателем?
- Да!
-Пусть,- негромко ответил Филипп, - но разве здесь не собрались Арманьяки? И разве они не готовы сражаться с врагом - уничтожающим нас?
- Против герцога Бургундского мы бессильны!- Антуан де Вандом, выразил общую мысль.
- Слушайте меня! - Филипп выпрямился, оглядывая всех во весь рост, - разве вы забыли кто такие Арманьяки? Разве вы забыли, что Бургундцы, вот уж 11 лет убивают нас? Разве мы недостаточно храбры, чтобы бросить вызов нашим врагам? Отвечайте! - громко крикнул Филипп. Весь лагерь притих.
- Начиная с этой минуты, я объявляю войну и все те, кого страшит герцог Бургундский или кто иной, пусть немедленно покинут лагерь. Оставшиеся, выступают сегодня ночью. Я всё сказал.
Филипп отправился к пруду, который находился сразу за лагерем. Коринет сопровождал его, следуя за ним как тень. Филипп провёл возле пруда около четверти часа, затем снова вернулся в лагерь. Все были на ногах и ждали его. Антуан де Вандом вышел вперёд и громко доложил:
- Монсеньор, ни один человек не покинул лагеря. Все готовы выполнить любой приказ, который вы отдадите!
- Ночью атакуем Осер! - коротко приказал Филипп.
- Атакуем Осер?- Антуан растерянно посмотрел на Филиппа, вероятно, - вы не знаете, в городе находится не меньше двух сотен бургундцев. Они с лёгкостью продержаться несколько

месяцев за стенами города. А за это время герцог Бургундский пришлёт подмогу. Там армия нужна, а нас всего пятьсот человек.
- Вы всё сказали? - холодно осведомился Филипп.
- Да монсеньор!
- Через час всем быть верхом, вооружёнными и с факелами!- приказал Филипп.
Несмотря, на то, что мало кто понимал распоряжений Филиппа, тем не менее, в назначенный срок они были выполнены. Ровно через час, всадники выстроились посередине лагеря с зажжёнными факелами. Филипп, на чёрном жеребце появился перед ними.
- Друзья мои,- громко заговорил он, - настало время бургундцам заплатить за свои злодеяния, за тысячи жизней, погубленных по их злой воле. Сегодня мы захватим Осер. Даю вам слова чести. Ещё до утра в Осере не останется ни одного бургундца. Но для этого все должны действовать только по моему приказу. Наша сила состоит в том, что Бургундцы не знают о нас и, следовательно, наша атака явится для них полной неожиданностью. Внезапность и быстрота обеспечит нам победу. Чем дольше наши враги не будут знать о нас, тем больше у нас будет времени, а значит, мы сможем собрать силы для борьбы против наших врагов. Исходом нашей борьбы станет смерть наших врагов, или наша собственная смерть. Возможно всякое, но жить, сложа руки, несравненно большее наказание для нас, чем погибнуть на поле брани. Мы Арманьяки и во все времена враги наших предков страшились одного лишь имени нашего. Так неужели, мы будем недостойны наших отцов?
- Слава, слава Арманьякам!- раздались вокруг сотни криков. - Смерть бургундцам!
Постепенно, люди приходили в возбуждённое состояние, пропитываясь самим духом предстоящей борьбы, которая пылала в Филиппе, огромным костром.
Филипп поднял руку.
- Я не собираюсь вести вас на смерть. Для меня жизнь каждого из вас дороже моей собственной. Нет, время, когда мы открыто, бросали вызов - прошли. Бургундцы одолели нас хитростью. Что ж, ответим так же. Недалеко отсюда, есть разрушенная часовня- Филипп указал рукой в её сторону, там находится подземный ход, - который ведёт прямо к винному погребу замка. Мы проникнем через этот ход в замок, уничтожим всех бургундцев, затем оттуда отправимся в город и закончим разгром гарнизона.
- Слава Монсеньору! Слава!
Филипп поднял руку, утихомиривая отряд.
- С этой минуты, вы должны вести себя очень тихо. Одно неосторожное движение и мы все можем погибнуть. А теперь за мной, Арманьяки!
Как давно хотел сказать Филипп эти слова. Едва он развернул жеребца, как рядом с ним оказался Коринет, который тут же заметил, что Филипп не может сражаться с раненной рукой.
- К чёрту руку - ответил Филипп, - я так давно ждал этого часа, что будь я полумёртвым, истекающий кровью, всё равно отправился бы в этот поход.
- По одному за мной - громко скомандовал Филипп, направляя жеребца к развалинам монастыря. Странное это было зрелище.

Пятьсот всадников с факелами в руках, следовали друг за другом, являя собой некое величественное шествие. Разговоры умолкли. Тишину леса нарушали лишь звуки, издаваемые ночными птицами. Двигаясь цепочкой, они видели лишь затылок своего сподвижника. Подъехав к развалинам, Филипп спешился, показывая Коринету, чтобы он последовал его примеру. С факелом в руках, Коринет подошёл к Филиппу, который вошёл внутрь развалин и что- то рассматривал.
- Посвети мне,- Коринет услышав голос Филиппа, подошёл к нему и поднёс факел к месту, над которым склонился Филипп. Пламя факела осветила поросшую мхом и кустарником лестницу. Филипп взял из рук Коринета факел и первым спустился по ней, ведя в поводу своего коня.. Вслед за ним начал спускаться Коринет, а затем Де Вандом, де Вуален, де Крусто, а затем и остальные. Подъезжая к развалинам, Арманьяки спешивались и следовали за горящими впереди факелами. Филипп спускался очень медленно, освещая перед собой каждую ступеньку. Лестница вилась полукругом, отчего спуск затруднялся. Наконец лестница закончилась. Филипп поднял факел, освещая место, в котором находился. Это был узкий коридор, с округлыми каменными сводами и стенами, сложенными из камней. Огонь осветил коридор, в котором не было ни одной двери. Филипп потянул коня за уздечку. Конь зафыркал, но последовал за ним. Филипп двинулся налево от лестницы и шёл некоторое время, освещая перед собой путь. Конь внезапно заржал и рванулся в сторону. Филипп осветил лежавшую под ногами землю. Вдоль стены ползла змея. Она и напугала коня. Филипп оглянулся назад и увидел Коринета, за которым вспыхивали один за одним десятки огней. Филипп продолжил путь и через несколько шагов увидел перед собой стену. Отпустив коня, он внимательно обследовал стену с помощью факела. В правом углу, на высоте головы Филиппа, на стене было написано латинскими буквами слово «Amen». Филипп осторожно нажал на последнюю букву. Буква поддалась и вошла внутрь стены, а через мгновение раздался грохот. Стена раздвинулась, открывая проход в тоннель. Филипп снова взял коня за уздечку и ступил внутрь тоннеля. Он сразу же очутился перед тремя разветвлениями тоннеля, с полуразрушенными и мокрыми стенами. Под ногами хлюпала вода. Он уверенно, двинулся, по самому крайнему ответвлению, находившегося справа от него. Филипп остановился и оглянулся назад. Коринет шёл за ним след в след. Факелы по прежнему вспыхивали, едва люди преодолевали проход. Ржание коней, десятикратно отдавалось в ушах. Филипп двинулся вперёд. И чем шире становился проход, тем легче становилось идти. Вскоре, он увидел, что своды тоннеля, стали достаточно высокими, чтобы можно было сесть на коня. Едва Филипп взобрался на коня, это послужило сигналом для остальных и они последовали его примеру. Филипп пустил коня шагом, по прежнему двигаясь в кромешной темноте, которую освещал лишь факел. Вереница людей растянулась в тоннеле на сотни шагов. Тени от пламени факелов отражались на стене, причудливыми фигурами следуя рядом с ними. Воды становилось всё больше. Неизвестно откуда она бралась, но скоро Филипп заметил, что она серьёзно осложняет продвижение. Они двигались вперёд, а вода всё

прибывала. Филипп видя, что вода постоянно прибывает, догадался, что они спускаются вниз. Именно по этой причине столько воды в тоннеле. Ведь в начале её вообще не было, а сейчас она доходила почти до груди его лошади. Ноги у людей оказались в холодной воде. Но несмотря на это, все упорно и без единого слова продолжали путь. Через некоторое время, Филипп с глубоким облегчением заметил, что вода начала отступать. Начинался подъём, а следовательно оставалось немного пройти. Они не представляли, сколько времени прошло с тех пор, когда они спустились в тоннель, когда путь пошёл резко верх. Вода полностью отступила. Под копытами коней зашуршал песок. Ещё несколько минут, и Филипп поднял руку, призывая остановиться. Приказ передали по цепочке.
Филипп остановился потому что, дорога привела в тупик. Перед ним была стена. Он спешился. Осветив место, в котором они очутились, Филипп увидел висящие на стенах факелы. Он поджёг их. Место ярко осветилось. Это была небольшая площадка в 20 шагов длиной и столько же шириной, с высокими сводами, которые держались на каменных колоннах. Рядом с Филиппом возникли около десятка человек. В том числе его друзья и Коринет, который преследовал его словно тень. Филипп подносил факел к стенам, тщательно обследуя их.
- Это здесь! - наконец прошептал он.
Огонь осветил такую же надпись, которая была при входе. Не в силах совладать с волнением, от чувства, что через несколько мгновений, он окажется в родном доме, Филипп, как и в прошлый раз, нажал последнюю букву. Буква вошла в стену, приводя тайный механизм в движение. Стена со скрежетом начала отодвигаться, открывая их взору небольшой проход, по обе стороны которого, лежали на деревянных подставках, огромные бочки. Посередине прохода стоял пожилой мужчина. Подняв высоко над собой светильник, он с ужасом смотрел, как из прохода в стене, один за другим появляются вооружённые до зубов люди с лошадьми. Старик протёр глаза, но видение не только не исчезло, но и ко всему прочему ещё и заговорило с ним.
- Много бургундцев в замке?
Иисус, святая дева Мария, святые угодники,- непрестанно крестился старик, не в силах преодолеть свой ужас.
Филипп взял его за плечи и в упор спросил;
- Сколько бургундцев в замке!
- Много, больше пятидесяти! - выдавил из себя старик, не переставая креститься.
- Где они?
- Одни спят. Другие пируют в зале. Остальные во дворе.
-Пошли,- оставив старика, Филипп взобрался по крутой лестнице, ведущей наверх, ведя в поводу своего коня. Выйдя из погреба, он оказался в небольшом помещении. Здесь он знал каждый угол. Вслед за ним появились его друзья.
Филипп подозвал их и коротко раздал приказы.
- Одо с Жоржем берут на себя двор, а мы с Антуаном сам замок. Действуем быстро, пока они не поняли что происходит.

Филипп вскочил на коня и не дожидаясь пока начнут выходить остальные, пришпорил его. Коринет понёсся за ним. Они пролетели мимо кухни, до смерти напугав слуг. Миновали несколько помещений, не обращая внимания на одиночных бургундских солдат, которые разинув рты, смотрели на них и ворвались в зал, где около двух десятков бургундских солдат сидели за длинным столом, забитым едой и бутылками вина.
Увидев бургундцев, которые пировали в его доме, Филипп потерял рассудок от охвативший ярости. Он бросился на бургундцев, рубя направо и налево. Кровь полилась рекой. Дикие крики сотрясали замок. Филипп не видел ничего, кроме убегающих бургундцев, которые пытались укрыться где только возможно, но каждый раз шпага Филиппа доставала их. Бойня продолжалась не более пяти минут. Филипп остановился только тогда, когда понял, что вокруг стало необычайно тихо. Вытирая рукой струившийся пот, он огляделся по сторонам. На столах, под ними, возле стен, на лестнице, на полу, которой был залит кровью, лежали тела мёртвых бургундских солдат. Несколько десятков человек из его отряда, едва ли не с ужасом смотрели на него самого. Едва ли не половину из этих людей, убил Филипп. Со второго и третьего этажа доносились вопли. Арманьяки добивали бургундцев по всему замку. Филипп сошёл с коня. И только теперь заметил рядом с собой Коринета с окровавленным топором в руках.
В дверях появились Одо де Вуален и Жорж де Крусто. Они сообщили Филиппу, что уничтожили всех бургундских солдат, которые находились во дворе и на стенах замка.
- Берите людей и отправляйтесь в город! - приказал Филипп, - уничтожьте остатки гарнизона. Пленных отдайте горожанам. Пусть воздадут им должное за долгие годы издевательств!
Едва отзвучали слова Филиппа, как заскрежетал подъёмный мост. А через несколько минут около двух сотен Арманьяков помчались по улицам родного города.
К Филиппу, по лестнице спустился Антуан де Вандом и коротко доложил, что в замке ни осталось, ни одного бургундца.
- Позаботься, чтобы замок как следует, убрали - сказал ему Филипп, - негоже оставлять эту мерзость здесь. Достаточно они побыли в замке. А я отправлюсь в город.
- Хорошо,- отвечал Антуан де Вандом, он сразу же начал отдавать распоряжения слугам, которые сгрудились в одну кучу и пока не понимали, что происходит.
Филипп подобрал свой плащ, который он уронил в пылу схватки и накинув его на плечи, вскочил на коня.
-Рука не болит? - спросил Коринет, вскакивая в седло, вслед за ним.
- Рука? - казалось Филипп не понимает о чём его спрашивает Коринет, ах рука… я и думать о ней забыл.
Филипп не торопясь, ехал по улицам Осера в сопровождении Коринета и ещё двух десятков всадников. Несмотря на ранний час, а было около шести часов утра, горожане покидали свои дома и выходили на улицу, пытаясь узнать, что за крики раздавались по городу и почему так много всадников скачут по улицам? Видя белые перевязи, которыми были перекинуты через плечи всадников, они

протирали глаза, не доверяя им. Такие перевязи во Франции носили только Арманьяки. Но откуда они могли взяться в городе?
- Арманьяки! Арманьяки!- почему- то шёпотом произносили горожане. Все они шли по улицам, стекаясь к городскому рынку, куда и направлялся Филипп. Когда, он подъехал туда, там уже находились Де Вуален и де Крусто со своими людьми. Перед ними валялись связанными около 20 бургундских солдат. Горожане выкрикивали проклятия в их адрес.
Де Крусто и де Вуален, заметив Филиппа, подскакали к нему. Они сообщили, что гарнизон был намного меньше, чем они думали. Они нашли только этих, которые сразу побросали оружие.
Выслушав их, Филипп сказал:
- Одо, ты займешься городом. Делай, что считаешь нужным. А ты Жорж, займись графством и герцогством. Поставь людей, чтобы следили за дорогой в Париж, набирай ополчения. Вообще сделай всё, чтобы могли в ближайшее время отразить любой удар.
- А что делать с этим?- спросил де Крусто.
- С кем?- не понял Филипп.
По знаку де Крусто, один из всадников подскакал к ним и сбросил с седла связанного человека. Связанный человек попытался встать, но не сумел и снова упал.
- Гийом де Монтегю, собственной персоной! - представил его де Крусто.
Филипп некоторое время молчал, но затем заговорил негромко, но с презрением.
- Арманьяки никогда не прощали предателей. Но для тебя я сделаю исключение. И не потому что, мне жаль тебя, а по причине глубокого уважения, которое я питал к твоему отцу, храброму и мужественному рыцарю. Его именем, я сегодня тебя прощаю. Ты будешь помогать сиру де Вуалену. С этого дня, твоя жизнь будет искуплением за предательство, которое ты совершил, прислуживая нашим врагам.
Высказав эти слова, Филипп развернул коня и поскакал обратно в замок. Де Вуален после отъезда Филиппа, громко произнёс, обращаясь к горожанам, собравшимися вокруг них.
- Монсеньор приказал отдать пленных вам. Делайте с ними, что пожелаете!
Из толпы горожан раздался робкий голос:
- Ваше сиятельство, о каком монсеньоре вы говорите?
Де Вуален улыбнулся.
- Тот, который только что стоял перед вами - граф Арманьяк!
Воздух разорвался от приветственных криков. Люди так шумно выражали восторг, что ни де Вуален, ни Крусто не стали слушать, а тем более смотреть, что станет с бургундцами, которые истязали город более одиннадцати лет. Покинув рынок, они направились вслед за Филиппом в замок.
Филипп шаг за шагом осматривал замок, комнаты, в которых он вырос. Всё ценное, которое имелось в замке- исчезло. Бургундцы разграбили замок полностью. Даже оружейная была опустошена. Оружия, в изобилии имевшегося прежде в замке, также не осталось. Филипп поднялся по лестнице на второй этаж и прошёл в комнату,

где ранее были покои его родителей. К его удивлению, она была единственной, которая осталась почти нетронутой. Даже одежда отца висела в большом деревянном шкафу, также как и одиннадцать лет назад когда они покидали замок. Комнату успели убрать. Постель была застлана свежим бельём. Филипп снял с себя плащ, стянул рубашку и бросил всё на ковёр. Услышав скрип отворяемый двери, он обернулся. В сопровождении Коринета, слуги внесли чан с горячей водой.
- Что это?- осведомился Филипп.
- Тебе надо помыться и сменить повязку, а потом ты хорошо выспишься,- коротко ответил Коринет.
Филипп хотел было возразить, но почувствовал, что неимоверно устал и ему необходим отдых.
Оставив Филиппа в руках слуг, которые не скрывали радости от того, что замок снова перешёл в распоряжение Арманьяков, Коринет спустился вниз и проследил за тем, чтобы замок как следует убрали. Антуану это задание было явно не по плечу. Слуги часто игнорировали приказы молодого человека, когда один взгляд Коринета заставлял их мчаться со всей скоростью, на которую они были способны. Убедившись, что всё пошло на лад, Коринет вновь поднялся в покои Филиппа. Филипп успел уже искупаться и теперь лежал в постели с задумчивым выражением. Повязка на плече была сменена.
- Отоспись хорошенько.- Коринет собрался, было опять выйти, когда услышал голос Филиппа.
- Ты верил, что мне удастся вернуть то, что отняли у моего отца?
- Я никогда не сомневался, что тебе это удастся, как не сомневаюсь в том, что ты заставишь пожалеть своих врагов о том, что они совершили одиннадцать лет назад!
- Позаботься о том, чтоб все люди отдохнули как следует - попросил Филипп,- нам ещё многое предстоит сделать, они должны быть полны сил.
- Отдыхай. Об остальном я позабочусь.
Коринет затворил за собой дверь. Через минуту по замку загремел его громовой голос, раздающий распоряжения.

Глава 27

На следующий день, девятого июня, передовым отрядом был замечен кортеж, состоящий из двух карет, на которых красовались бургундские гербы. Кортеж сопровождали около двадцати всадников, двигающихся по обе стороны кареты. Об этом тотчас было доложено Жоржу де Крусто. В сопровождении полусотни всадников, Жорж де Крусто немедленно выехал из Осера. Уже через час, он собственными глазами видел кортеж, наблюдая с небольшой возвышенности за дорогой, которая вела в Париж.
- Похоже, в карете находится важная особа, иначе к чему такая охрана? - пробормотал де Крусто, - клянусь дьяволом, бургундам явно перестало везти.

За его спиной раздался смешок. Жорж де Крусто повернулся к своим людям, которые так и не покинули сёдел, в отличии от своего капитана и насмешливо произнёс:
- Думаю, настало время посмотреть, как хорошо умеют бегать Бургундцы!
Жорж де Крусто вскочил в седло и через минуту бросил коня в крупную рысь. Вместе с передовым отрядом, который присоединился к ним, численность возросла до шестидесяти всадников.
Бургунды и слухом не ведали, что опасность мчится по их следам и вот-вот настигнет. Кортеж, не прибавляя шага, медленно двигался вперёд. Да и чего они должны были бояться? Всё вокруг принадлежало герцогу Бургундскому. Они были уверены, что находятся в пределах владений Бургундии.
Охрана даже не смотрела назад, не утруждая себя излишней предусмотрительностью. Всадники немилосердно зевали, прикрывая рот рукой, и вглядывались вперёд, стараясь первыми увидеть окрестности Бретиньи, где их ждал отдых и добрая еда. Дорога, которая вилась серпантином, пошла в гору. Кареты ослабили ход. Кучера нещадно стегали лошадей, заставляя идти их быстрее. Солнце, находившееся в своём зените, припекало вовсю. Лошади, как и люди, изнемогали от жары и тем медленнее поднимались в гору. Бургундская охрана, не сразу услышала топот за спиной. Поглощённые трудным подъёмом, они не сразу увидели крупный отряд всадников, стремительно догоняющий их. Наконец, когда топот нельзя было не услышать, один из бургундцев обернулся назад. У него вырвался крик, при виде незнакомого отряда, который был не более чем в двух сотен шагах от них.
- Разбойники, разбойники!- закричал он.
Все остальные резко откликнулись на его крик и посмотрели назад. Увидев отряд, начальник стражи засмеялся:
- Это не могут быть разбойники. Их слишком много. Наверняка, это гвардейцы нашего герцога, которых он прислал на помощь.
Начальник стражи повернул коня и поскакал навстречу, как он считал, своим товарищам. Однако, очень скоро ему пришлось раскаяться в своём легкомыслии. Жорж де Крусто, который первым поравнялся с ним, не останавливая бега коня, ударил его рукояткой шпаги по голове. Бедняга, тут же свалился с лошади как подкошенный. В мгновение ока, Бургундцы были взяты в кольцо. Заскрипев, остановились колёса обоих карет.
- Сдаёмся, сдаёмся! - завопили Бургундцы.
Они поспешно спешивались и бросались на землю оружие. Их сразу же валили лицом на землю и связывали руки. В пылу всей этой суматохи, занавесь в одной из карет колыхнулась, и из окна показалось лицо юной девушки, с красиво уложенными волосами. Она некоторое время смотрела на происходящее удивлёнными глазами, а потом мягким голосом, в котором явственно различались повелительные нотки, спросила:
- Что происходит?
Жорж де Крусто которого сразила красота этой девушки, буквально слетел с лошади, подскочил к карете и отвесив глубокий поклон, ответил:

- Ничего такого, чтобы вас коснулось сударыня! Мы всего лишь предъявляем счёты людям, которые вас сопровождали. Потерпите немного и вы сможете продолжить путь.
- А как же наша стража? - спросила девушка, - когда вы их отпустите?
- Боюсь, что никогда сударыня. Мы заберём их с собой!
Девушка отворила дверцу. Увидев это, де Крусто подал руку и помог ей спуститься. Вслед за первой девушкой, вышла ещё одна, почти такая же миловидная как первая. Жорж де Крусто обомлел, растерянно переводя взгляд с одной на другую.
- Боюсь, вы не отдаёте себе отчёт сударь,- голос девушки оторвал де Крусто от грёз.
-В чём сударыня?
- Сударь, вы не могли бы приказать своим людям, не обращаться столь грубой с нашей охраной?- девушка сделала это замечание, увидев, как связанных бургундцев поднимают с земли и привязывают друг к другу, создавая единую цепочку из пленных.
-Сожалею сударыня о том, что не могу выполнить вашу просьбу, - вежливо ответил де Крусто, - в моём понимании, они заслуживают гораздо худшего отношения.
- Сударь - высокомерно заявила девушка, - вы отдаёте себе отчёт, что, оскорбляя таким поведением моих стражей, вы тем самым оскорбляете меня? Прошу вас немедленно отпустить этих несчастных. В обмен, я обещаю, что ничего не скажу отцу.
Де Крусто не сдержал улыбки.
- И кто же ваш отец, сударыня?
- Герцог Бургундский! - высокомерно ответила девушка, ожидая увидеть испуг на лицах своих захватчиков, но вместо этого она увидела направленные на себя десятки взглядов, которые полыхали лютой ненавистью.
- Молчите ваше высочество, молчите, - запоздало закричал один из связанных стражников, - разве вы не видите белые перевязи под плащами этих людей?
- Ну и что?- Луиза Бургундская непонимающе посмотрела на кричащего стражника.
- Это Арманьяки! Арманьяки!
- Арманьяки?- Луиза Бургундская побледнела, как только смысл этих слов дошёл до неё. Арманьяки - злейшие враги её отца,- их же всех убили?- прошептала она.
- Как видите не всех,- мрачно отозвался де Крусто и, отвернувшись от неё, бросил своим людям, - посадите её высочество в карету. Она поедет с нами.
Путь до Осера занял почти четыре часа. Все это время, обе девушки прижавшись, друг к другу, вели между собой приглушённый разговор. Обстановка, в которой они оказались, внушала им сильный ужас и безотчётный страх. Обе были прекрасно наслышаны о кровавой вражде между бургундцами и Арманьяки. Долгими ночами, особенно после того, как они отправились из монастыря в Дижон, они слушали рассказы о том, как могущественный герцог уничтожил своих кровных врагов. Для них эти рассказы были чем- то очень близким и в то же время, очень далёким, как рыцарские романы, с той лишь разницей, что главным действующим лицом в них, являлся

герцог Бургундский. И вот весь ужас кровавой вражды - стоял перед ними.
- Господи боже, что будет? Что будет?- шептала Шарлота де Лаваль, Арманьяки! Они убьют нас, убьют. Мне рассказывали, что эти люди не знают, что такое милосердие. Они убивают всех, кто встанет у них на пути. Именно из-за этого и началась вражда. Это чудовища, которые могут подвергнуть самым изощрённым пыткам. О, Луиза, что нам делать? Где найти спасение?
- Не знаю, Шарлота,- шептала со смятением в ответ, Луиза, - будем уповать на святую деву Марию. Она не оставит нас в беде, как и этих несчастных, которых ведут словно скотт,- она сжала рукой медальон, подаренный аббатисой и наклонив голову, горячо зашептала молитву.
- Смотри Луиза,- голос Шарлоты был наполнен ужасом.
Луиза посмотрела в окно. Они въезжали в город, на стенах которого висели мёртвые тела. На одном из них, остались остатки плаща, на котором виднелся Андреевский крест.
- Господи, защити нас! - одновременно вскрикнули обе девушки.

Глава 28

Филипп проспал до полудня следующего дня. Проснувшись, но ещё не открывая глаз, он понял, что очень давно не чувствовал себя таким свежим и отдохнувшим. Когда Филипп открыл глаза, то ему почудилось, что он всё ещё спит. Напротив постели стоял Коринет, в руках у него была шляпа Филиппа, которую он рассматривал со всех сторон, а потом к ещё большему удивлению, поднёс её к носу и понюхал.
- Могу я спросить, что ты делаешь?
От неожиданности, Коринет выронил из рук шляпу, но тут же нагнулся и поднял её. Растерянный взгляд Коринета блуждал рядом с Филиппом.
- Ты собираешься мне ответить?
- Я смотрю, чистая она или нет,- нашёлся Коринет.
Филипп откинул одеяло и встал с постели. Потянувшись всем телом, он повернулся к Коринету и спросил:
- Этим могут заняться слуги… а почему ты её нюхал?
- Может быть неприятный запах и..
- Где моя одежда? - Филипп прошёлся по всей комнате, но так и не нашёл что искал и снова повернулся к Коринету. - Что происходит? Где, чёрт побери, моя одежда?
К счастью Коринета, дверь в эту минуту открылась, и он испытал огромное облегчение, увидев молодую служанку, которая внесла в комнату, аккуратно сложенную одежду Филиппа. Сложив, всё это на постели, она вышла.
- Ты, граф Арманьяк и я подумал, негоже тебе ходить как прежде- Коринет исподтишка смотрел на Филиппа и понял, что он ничего не заподозрил.

- Благодарю тебя, мой друг, но я вовсе не хочу, чтобы ко всему прочему, ты ещё заботился о моей одежде, у тебя … Филипп осёкся увидев, что на кресле хорошо заметна большая вмятина, словно в нём кто- то находился долгое время.
-Мы в Осере, - Филипп выразительно посмотрел на Коринета, - не надо всё время за мной ходить и тем более, охранять ночами. Ты меня понимаешь?
- Да,- коротко ответил Коринет.
- Вот и отлично!
Филипп накинул на себя белоснежную рубашку с высоким воротником, облачился в обтягивающие штаны, надел длинные сапоги с высокими бортами и опоясавшись шпагой, вышел из комнаты. Коринет пошёл за ним следом. Филипп остановился на лестнице и обернувшись, увидел, что Коринет идёт за ним следом.
-Не стоит опекать меня, словно я всё ещё ребёнок,- тихо сказал ему Филипп, поверь, я могу и сам справиться. Договорились?
-Коринет кивнул.
Филипп сошёл вниз и пройдя в обеденный зал, сел за стол. Коринет сел напротив него и подозрительно оглядывал любого, кто подходил к Филиппу. Слугу несшего блюдо с жарким, он напугал до смерти, вскочив и неожиданно потребовав от него, чтобы он сам попробовал принесённое блюдо. Слуга выполнил его требование. Коринет долгое время смотрел на несчастного, пока до него не дошло, что бледность слуги- следствие страха, а не чего либо иного. Филипп, только и мог, что качал головой. Когда наконец, Коринет сел обратно, отпустив слугу, Филипп смог приступить к обеду. И он сделал это незамедлительностью, ибо чувствовал страшнейший голод. Утолив его, Филипп встал из- за стола, предварительно кинув многозначительный взгляд на Коринета. Коринет изобразил равнодушный вид. И когда Филипп вышел во двор, Коринет снова последовал за ним. Поняв, что все его увещевания ни к чему не приведут, Филипп направился к площадке, которая во времена его отца, служила местом для тренировки рыцарей. На площадке стояли шестеро молодых людей, в руках которых были шпаги с тупыми наконечниками. Чуть поодаль стоял Антуан де Вандом. По взмаху его руки, молодые люди разбились на три пары и сошлись в поединках. Антуан де Вандом подходил к одной из пар и показывал, как правильней атаковать или защищаться. Филипп остановился невдалеке. Он стал наблюдать за действиями своего друга, отмечая про себя его сильные и слабые стороны. Филипп простоял несколько минут наблюдая за ними. Убедившись, что его друг нуждается в подсказках не меньше, чем все остальные, он пошёл к нему. Антуан де Вандом остановил поединки и первым поклонился Филиппу. Остальные также почтительно приветствовали монсеньора. Филипп попросил у одной из пар шпаги. Когда они отдали их, он бросил одну де Вандому, а после этого занял позицию. Де Вандом, не скрывая улыбки, встал напротив. Шпаги скрестились.
- Колющий,- Филипп с ленивой размеренностью наступал на друга. Де Вандом не прилагая усилий отбивал удары Филиппа. На его губах заиграла довольная улыбка. Внезапно Филипп стал действовать быстрее и прежде чем, де Вандом понял, что он хочет сделать, у него, возле шеи оказался кончик шпаги Филиппа.

- Я отомщу,- пообещал де Вандом, бросаясь в атаку и сразу же наседая на Филиппа. Филипп отступил на несколько шагов, только для того чтобы воспользоваться атакой Антуана, против него самого. Шпага Филиппа, словно змея обвилась вокруг шпаги Антуана и покрутившись несколько раз, снова упёрлась ему в шею, когда шпага друга прошла мимо на целый дюйм.
- Проклятье,- зарычал Антуан, - со мной ещё никто не обходился столь неуважительно. Ты ответишь мне за эти издевательства.
За четверть часа боя, Филипп к величайшему раздражению Антуана, не получил ни одного укола, в то время, как он сам получил их, не менее двух десятков и причём совершенно разных, как говориться на любой вкус. Они остановились. И только сейчас заметили, что вокруг них собралась, довольна значительная толпа, которая с нескрываемым восхищением следила за действиями Филиппа.
- продолжим,- предложил де Вандом и добавил, - будь уверен, я приложу все усилия для того, чтобы если не победить, то во всяком случае, не выглядеть рядом с тобой полным идиотом.
Филипп поклонился своему сопернику. Они продолжили бой. Поглощённые боем, они не заметили, как во двор замка, через мост въехал Жорж де Крусто со своими людьми, которые вели пленённых бургундцев, а вслед за ними во двор въехала карета и остановилась шагах в двадцати от места, где они сражались.
Жорж де Крусто открыл дверцу, молчаливым жестом приглашая девушек выйти. Луиза, а вслед за ней и Шарлота, покинули карету. Шарлота прижалась к Луизе, испуганно оглядываясь вокруг себя. Луиза хотя и была напугана не меньше Шарлоты, но тем не менее держалась достойно и не показывала свой страх. Они проследили взглядом за человеком, который пленил их, и увидели, что он направляется в сторону двух молодых людей, которые, обливаясь потом, вели поединок, в окружении нескольких десятков зрителей.
- На сегодня хватит! - Филипп остановился и салютовал шпагой побеждённому противнику.
Антуан де Вандом с унылым видом последовал его примеру. Кто- то подал полотенце Филиппу. Он вытер лицо и шею, а затем бросил его Антуану, который снова последовал его примеру. Филипп наконец обернулся и только сейчас заметил довольное лицо де Крусто, а за ним связанных бургундцев и двух юных девушек, которые стояли возле кареты и смотрели прямо на него.
- Мы захватили бургундцев, недалеко от Труа, - сразу доложил де Крусто, - хотел их сразу повесить, но решил вначале, привести их в город. Решай сам. Что с ними делать!
Ни Филипп, ни Крусто, не заметили, как побледнели лица девушек, при этих словах.
- Одного оставьте, он мне понадобится, а остальных повесить,- коротко приказал Филипп и собирался уже спросить Крусто о девушках, как одна из них подбежала прямо к нему и пылая гневом бросила в лицо.
- Вы чудовище! Убить безоружных людей, способно лишь бездушное, отвратительное создание, не имеющее, ни сердца, ни жалости!
Филипп ничего не ответил. Лишь хмуро посмотрел на неё и прошёл мимо. Не оборачиваясь, он бросил, обращаясь к де Крусто:

- Не понимаю, зачем ты приволок их сюда. Посади в карету и отправь, куда они пожелают. Я не хочу их здесь видеть.
- Это дочь герцога Бургундского! - негромко ответил де Крусто.
Филипп сделал несколько шагов и остановился. Затем медленно повернулся и посмотрел на Луизу. Его взгляд полыхнул с такой ненавистью, что Шарлота прижалась спиной к дверце кареты и начала шептать молитву.
- Да, я дочь герцога Бургундского,- гордо выпрямившись, бросила в лицо Филиппу, Луиза и продолжала так же гордо, - и я даю вам слово сударь, если вы тронете хотя бы одного из моих людей, я не успокоюсь до тех пор, пока вы не ответите перед богом и моим отцом за это злодеяние. Я сделаю всё, чтобы вы понесли заслуженное наказание. И не только вы, а все ваши родные и близкие. Я прокляну мать, которая дала вам жизнь. Я прокляну отца, который воспитал вас таким чудовищем. Остановитесь, или вам придётся горько раскаяться!
Филипп почувствовал, что теряет способность думать. Ярость охватила его с такой силой, что он не видел никого, кроме Луизы. Больше не отдавая себя отчёт в своих поступках, Филипп подошёл к Луизе и схватив за волосы бросил на землю. А потом не обращая внимания, на побежавшего к нему де Крусто и Де Вандома, которые пытались остановить его, держа за волосы, потащил Луизу по земле, в направление замка. Друзья встали перед ним, но Филипп с такой яростью закричал:
- Прочь от меня!- что они вынуждены были отойти.
Луиза чувствовала сильную боль, но в голове билась одна и та же мысль. Не проси о пощаде, умри достойно. Покажи им, кто такие Бургундцы!
Филипп протащил её по замку, потом по лестнице и под конец, открыв дверь своих покоев бросил Луизу на постель.
- Я не боюсь смерти! - закричала Луиза, отползая к изголовью, - можешь и меня убить.
- Убить?- мрачно переспросил Филипп, - ты не заслуживаешь такого счастья. Отныне - твоим уделом станут страдания. Только тогда ты всё поймёшь.
Филипп вытащил шпагу и направил острие на бурно вздымающуюся грудь Луизы.
- Святая дева Мария, прими мою душу- закрыв глаза шептала Луиза… но смерть не наступала и она открыла глаза. Филипп распорол её платье. Пока она пыталась понять, почему он всё ещё не убил. Филипп отбросил шпагу в сторону и руками разорвал остатки платья. Луиза даже опомниться не успела, как осталась совершённой обнажённой, перед яростно наступающим Филиппом.
- Нет, лучше убейте! - вскричала Луиза .
- Ты не заслуживаешь смерти!- Филипп стащил с постели обнажённую Луизу и бросил на пол, перед собой.
- Прошу вас,- вся решимость Луизы мгновенно рухнула, в глазах появились слёзы, она отползала от надвигающегося Филиппа, - прошу вас, умоляю, лучше убейте меня… я не смогу жить без чести.
- Твой отец может, сможешь и ты! - услышала Луиза безжалостный ответ.

Слёзы полились из её глаз, она подняла взгляд и с мольбой обратилась к Филиппу.
- Сжальтесь надо мной, не делайте этого! Ведь вы хороший человек, я вижу это. Не оскверняйте себя поступком, в котором сами же раскаетесь. Я не принадлежу вам и никогда не смогу принадлежать. Честь женщины принадлежит супругу. Только он один может её взять. Вы сделаете меня несчастной на всю оставшуюся жизнь. Я не смогу смотреть в глаза моих родных. Я стану отвергнутой повсюду. Неужели этого вы добиваетесь? Неужели в вашем сердце не осталось жалости? Неужели доброта и сострадание покинули вашу душу? Пожалейте меня, умоляю вас, заклинаю всем, что дорого вам!
- Все, что было дорого мне… умерло,- глухо ответил Филипп, сбрасывая с себя одежду.
- Умоляю вас! - судорожно рыдая, прошептала Луиза, - я поклялась святой Деве, что моим телом будет обладать лишь мой супруг… умоляю вас…
Филипп лёг на Луизу и рывком раздвинул её ноги.
- Умоляю вас, остановитесь! - закричала Луиза, но тут же исторгнула другой крик, наполненный болью. Она закусила до крови губы, чувствуя невыносимую боль от резких движений. Всё закончилось быстро. Филипп, стараясь не смотреть на лежащую перед ним, обнажённую Луизу, которая молча рыдала, закрыв лицо руками, быстро оделся. Схватив шпагу и разорванное платье, он не оглядываясь вышел. На лестнице ему попалась горничная:
- Отнесите платье в мои покои. Оденьте её, а потом вышвырните из замка!
- Да, монсеньор! - испуганно ответила горничная.
Филипп вышел во двор замка и не обращая на десятки молчаливых взглядов, направился к пленным. Шарлота де Лаваль, увидев в его руках платье Луизы, с криком;
-Что вы с ней сделали?- рванулось, было к нему, но Филипп окинул её таким холодным и грозным взглядом, что она отошла назад и ещё сильнее прижалась спиной к карете.
- Развяжите его,- приказал Филипп, указывая на самого молодого бургундца среди пленных.
Несколько человек из людей де Крусто, бросились выполнять приказ.
-Подойди,- приказал Филипп, когда пленного освободили от пут.
Пленный, боязливо озираясь, выполнил приказ. Филипп бросил ему в лицо платье Луизы. Пленный поймал платье и растерянно посмотрел на Филиппа, не понимая, что ему с ним делать.
- Поедешь в Париж и отдашь это платье герцогу Бургундскому. А на словах скажешь ему, что человек, которого он знает под именем Санито де Миран, забрал его честь, как заберёт жизнь! Дайте ему коня и выведите из города, а остальных пленных повесить на городских стенах, - громко приказал Филипп.
Все его приказы выполнялись с необыкновенной быстротой. Все вокруг чувствовали ярость главы Арманьяков и если многие не понимали её, лишний раз привлекать его внимание не хотели. Пока Филипп наблюдал, как выполняется его последний приказ, к нему подошёл Антуан, и немного помолчав, сказал:

- Порой, твоя ярость даже меня пугает!
Филипп ничего не ответил. Мало кто знал о чём он думает в эти минуты, наблюдая за тем, как бургундца сажают на лошадь. В сопровождение двух Арманьяков, тот покинул замок. Едва цокот на мосту затих, как из дверей замка показалась Луиза. Она была одета в старое поношенное платье и шла, опустив голову и обхватив плечи руками. Тело судорожно дёргалось. Хотя никто не видел её лица, все понимали, что она плачет. Многие вокруг Филиппа с сочувствием смотрели на неё, но в его глазах кроме ненависти, не было ничего.
Проходя мимо Филиппа, Луиза остановилась и подняла на него залитое слезами лицо с красными глазами.
- Будьте вы прокляты,- прошептала Луиза, прерывающим от рыдания голосом, - будьте прокляты!
Лицо Филиппа исказили гримаса насмешки.
-Я давно проклят!
Луиза опустила голову и двинулась к карете. Шарлота бросилась её навстречу, как только Луиза миновала Филиппа и схватив её за плечи повела к карете:
- Молчи Луиза, ради всего святого молчи,- шептала шарлота, - разве ты не видишь какой это страшный человек?!
Шарлота усадила Луизу в карету, а чуть позже кучер, который так и не слез с козел, стеганул четвёрку лошадей и карета покатилась по улицам Осера. Жители города с удивлением созерцали карету с бургундскими гербами.
- Зачем они приезжали?- спрашивали они друг- друга.
- Возможно, хотят заключить мир? - предполагали другие.
Но, как и первые они ошибались. Но слух о том, что граф Арманьяк обесчестил дочь герцога бургундского, начала с непостижимой быстротой распространяться по городу.
Луиза уткнулась головой в дверцу кареты и невидящим взглядом следила за проплывающими домами. Уже на выходе из города, она выпрямилась, что- то высматривая, потом закрыла лицо руками и снова зарыдала. Шарлота потянулась посмотреть, что вновь расстроило Луизу. Напротив городских стен спешно вооружали виселицы, к которым подтаскивали пленных бургундцев.
-Я хочу в монастырь,- прошептала Луиза, Шарлота, отвези меня к матушке.

Глава 29

- Ну скажите сестра, разве она не чудо?
Этот вопрос задала королева Франции, обращаясь к Иоланте Арагонской. Обе королевы восседали на диване, обитым жёлтым бархатом, в будуаре королевы Франции. Вокруг них порхали несколько фрейлин, которые при словах королевы громко захлопали в ладоши. Иоланта Арагонская изобразила на лице милую улыбку, хотя ненавидела карликов всей душой. Они выглядели настолько отвратительно, что всегда вызывали у неё, непроизвольное отвращение. Однако, несмотря на это, она с улыбкой смотрела на

карлицу, которая была выряжена в роскошное белое платье, и в нём кривлялась, перед королевой Франции, изображая смешные па. Именно они доставляли королеве, огромное удовольствие. Королева постоянно хлопала в ладоши и подбадривала карлицу, которая ко всему прочему начала строить отвратительные гримасы на лице и скалила зубы. При виде этого зрелища, королева залилась смехом и ещё громче захлопала в ладоши. Фрейлины вторили ей, подражая буквально во всём. Веселье в будуаре королевы, слегка нарушил, герцог Бургундский, который появился с весьма мрачным лицом.
-Герцог,- королева протянула ему навстречу обе руки, - как выразить мне свою благодарность за столь чудесный подарок?
- Подарок?- герцог Бургундский поклонился Иоланте Арагонской, а затем по очереди поцеловал обе руки королеве.
- Я имею ввиду, это прелестное создание,- пояснила королева указывая на карлицу.
При её виде герцог поморщился.
- Как мило с вашей стороны герцог. Откуда вы знали, что я питаю слабость к этим маленьким существам?
- А почему мадам, вы решили, что этот подарок,- герцог Бургундский снова поморщился указывая на карлицу, - исходит от меня?
- Но не будьте таким скромным,- королева легко засмеялась, - ваш канцлер привёл её ко мне и передал, что герцог Бургундский передаёт в дар это милое существо, зная о том, что королева в последнее время скучает. Благодарю вас герцог! Это лучший подарок, который вы только могли мне сделать!
- Припоминаю, я говорил Лануа, что- то по поводу этой… этого милого существа,- герцог Бургундский начал догадываться, что канцлер принял это решение единолично, но раз королева довольна, следовательно, он поступил правильно .
- Но отчего вы такой мрачный герцог?- слегка обеспокоено спросила королева, - Париж снова недоволен и горожане призывают к восстанию?
- Париж спокоен мадам, как воды Сены! Они уже пресытились кровью, чего нельзя сказать о моих провинциях!
- В провинции бунт?
- Да, мадам,- раздражённо ответил герцог Бургундский, - восстал Осер. Они перебили мой гарнизон и в настоящее время, как мне доложили, укрепляют город.
- Но как это могло произойти? - удивлённо спросила королева.
- Похоже, некоторые из Арманьяков остались в живых,- ответил герцог Бургундский, и теперь, они пытаются поднять всю провинцию на мятеж. Кстати, один из наших Парижских друзей,- это слово герцог с о злостью выплюнул, - примкнул к восставшим.
- Как любопытно. И кто же это?
- Тот, кто убил моих гвардейцев, а после устроил резню в часовне аббатства Сен - Дени. Санито де Миран. Похоже, этот человек становиться моим проклятием.
- Де Миран?- вырвалось у Иоланты Арагонской, которая до сих пор слушала молча, - вы, наверное, ошибаетесь герцог. Я слышала, он умер!

- Если бы?- пробормотал герцог Бургундский, и уже громче добавил, - у меня самые точные сведения. Этот человек жив и находится в данное время, в Осере, но поверьте моему слову ваше величество, ему недолго осталось жить.
Новости были просто ошеломляющие. Иоланта Арагонская погрузилась в раздумья, пытаясь понять связь между всеми происшествиями, связанных с именем этого человека. Он жив несмотря ни на что. Кто же мог спасти его? Мирианда - неожиданно вспомнила она и извинившись перед королевой, покинула будуар. После её ухода, королева с герцогом бургундским прошли в смежную с будуаром комнату и прикрыли за собой дверь.
- Я хочу к моей королеве» - плаксиво заявила карлица, - почему её забрал герцог? Пусть немедленно вернёт обратно.
Фрейлины, теперь уже по настоящему залились смехом, а карлица с трагическим видом подошла к двери, за которой они уединились. До неё донеслись обрывки фраз.
- Я подписал, осталась только ваша подпись… что- то зашуршало, а вслед за этим карлица услышала голос королевы:
- Возьмите герцог!
- Оставьте у себя мадам, в нужный час, я пришлю за ним человека.
Послышался шум. По характерным признакам, карлица догадалась, что королева открывает секретер. Она отошла от двери и паясничая перед фрейлинами, незаметно выбралась из будуара.
- Подождём, пока они уйдут,- прошептала карлица, оказавшись одна в коридоре.
Иоланта Арагонская знала, где найдёт свою племянницу. В последние дни, Мирианда облюбовала себе скамеечку в парке, которая была довольно далеко от всех остальных, что обеспечивало уединение Мирианде. Она проводила дни напролёт, в молчаливом одиночестве. Сложив руки на коленях, она постоянно смотрела ввысь, словно выискивала там что- то. Она почти ни с кем не разговаривала и хотя больше не отказывалась от еды, всем своим видом показывала, полное неповиновение. Иоланта не тревожила Мирианду, ибо когда- то сама была влюблена и хорошо знала, что чувствует её племянница. Но теперь, перед ней стоял сложный выбор. Мирианда смирилась с мыслью, что её возлюбленный погиб, сказать ей правду, следовательно дать надежду, а это могло означать союз с этим безвестным человеком, который к тому же, нажил себе могущественных врагов. Когда, её племянница могла рассчитывать на хорошую партию, пусть не во Франции, а хотя бы в той же Испании. Иоланту мучил один вопрос. Почему этот человек, с такой лёгкостью заводит себе врагов и каких? Один герцог Бургундский чего стоил. Человек, который держал в страхе Париж, да и всю Францию не пугает этого Санито де Мирана, даже наоборот, он всячески пытается вызвать его гнев. Напрашивалось два ответа. Либо этот человек глуп, или безумен, либо – Иоланта Арагонская которая уже вышла в парк, внезапно остановилась. Либо с этим человеком связана какая-то тайна. Это могло объяснить многое, но не убийство епископа. Оно не вязалось со всем остальным его поведением, которое было открыто направлено против герцога Бургундского. Иоланта знала, что такое власть и понимала, что так просто герцог Бургундский её не уступит. А в

свете развивающихся отношений, между её дочерью и Дофином, герцог уже сейчас казался серьёзным препятствием к достижению мечты Иоланты. Весьма возможно, что Дофин, который являлся весьма настойчивым и целеустремлённым юношей, мог не смириться с властью герцога Бургундского и тогда… между ними начнётся война за престол Франции. Следовательно, человек, который враждует с герцогом Бургундским, может уже сейчас считаться другом. Придя к такой мысли, Иоланта окончательно решила, что должна сообщить Мирианде о де Миране. К тому же, кто поручится, что через какое-то время, они не встретятся?

Приближаясь к Мирианде, которая, как и думала Иоланта, сидела на обычном месте, она увидела рядом с ней, своего сына. Она улыбнулась, увидев, как он, преклонив колено, пытается вымолить прощение у своей кузины. Она приблизилась к ним настолько, чтобы не мешать и в то же время слышать всё, до мельчайших подробностей.

- Кузина,- говорил с вдохновением герцог Барский, - вы помните, как однажды поранили голову, и я на руках нёс вас домой? Вы помните, как я плакал, когда лекарь перевязывал вашу очаровательную голову? Мы выросли вместе, проводили целые дни напролёт рядом друг с другом, делились горестями и радостями. Были близки больше, чем родные брат и сестра, а сейчас после того, как мы столько всего перенесли вместе, из- за нескольких слов, вы…

- Из- за нескольких слов?- впервые Мирианда посмотрела на кузена, - вы оскорбили благородного человека, который к тому же стерпел от вас оскорбление, но не обнажил оружия. Вы посмеялись и оскорбили мою любовь, вы оклеветали его, а потом пытались отдать его, тяжелораненого, умирающего- страже. И после всего этого, вы смеете говорить, что виной этому всего лишь несколько слов?- гневно спросила Мирианда.

- Я виноват кузина,- раскаиваясь, ответил герцог Барский, - я нижайше прошу прощения. Если хотите, я всему двору объявлю, что Санито де Миран, был лучшим из людей. Я сделаю, всё что угодно, лишь бы заслужить ваше прощение.

- Я могла бы простить всё,- тихо ответила Мирианда, но то, что вы бросили его одного умирать на улице - не прощу никогда.

- Она передумает! - улыбаясь, вставила Иоланта, когда приблизилась к ним.

Мирианда встала и сделала реверанс. Герцог Барский тоже поднялся, при этом он развёл руками, как бы говоря, что все его просьбы напрасны.

- Со всем уважением, ваше величество, но я не передумаю,- твёрдо ответила Мирианда, смело глядя в глаза Иоланты,- почему вы улыбаетесь? Я сказала что- то смешное?

- Ты начинаешь грубить Мирианда, а это вещь совершенно неприемлемая! - Иоланта говорила серьёзным тоном, но лицо по-прежнему улыбалось.

- Вы слишком веселы сегодня матушка,- подозрительно спросил герцог Барский, - неужто Дофин наконец сделал предложение моей сестричке?

- Пока нет,- ответила Иоланта, - но это вскоре произойдёт. А пока,- она бросила лукавый взгляд на своего сына, чем несказанно удивила его, - я намерена немедля заняться судьбой моей племянницы.
-И что же вы намерены сделать? - вызывающе спросила Мириванда.
- Выдать тебя замуж, в ближайшее время! – последовал ответ.
- Никогда этого не будет,- резко ответила Мириванда, - я уйду в монастырь и… почему вы снова улыбаетесь? Я не изменю решения.
- А я тебя и не принуждаю, - весело заявила Иоланта, чем совсем обескуражила Мириванду
- Нет?
- Нет! Если не хочешь, не выходи… просто мне казалось, что ты захочешь этого брака
-Не захочу, можете быть уверены, ваше величество!
- Прекрасно, значит, так тому и быть! Но ты не передумаешь Мириванда? - уточнила королева.
- Нет,- не совсем уверенно возразила Мириванда, глядя на смеющиеся лицо Иоланты.
- Хорошо! Возможно, после того, как ты отказалась, тебе захочется узнать имя этого человека?
- Н…нет…
- Матушка не томите,- вскричал герцог Барский, - вы что- то знаете и не говорите нам.
Иоланта таким взглядом посмотрела на Мириванду, что её бледное лицо начало понемногу розоветь, только неизвестно, какое из чувств, тому были виной.
- Ты не обнимешь меня, дитя моё? - улыбаясь, спросила Иоланта.
- Матушка,- Мириванда качнулась, начиная понимать, неужели...
- Да, дитя моё. Санито де Миран жив!
- Матушка,- Мириванда в течении нескольких мгновений поменяла около десятков оттенков на лице, а под конец появилась мертвенная бледность, которая тут же заменил ярко вспыхнувший румянец, - неужели это может быть правдой?
- Он жив Мириванда. Его видели несколько дней назад, недалеко от Парижа, в Осере.
- Матушка! - Мириванда бросилась к Иоланте и разрыдалась на её плече.
-Фу ты,- шумно выдохнул герцог Барский, - матушка, вы не представляете, от какой тяжёлой ноши, меня избавили.
Пока, в парке происходил вышеописанный разговор, карлица, дождавшись, когда королева покинула будуар, незаметно юркнула внутрь. Она пробралась в комнату и увидев стоявший на столе, возле стены секретер, подошла к нему. Настороженно прислушиваясь к малейшему шуму, она медленно открыла ящик секретера и сразу увидела сложенную пополам бумагу. Первое, что бросилось в глаза карлице, была печать герцога бургундского и королевы, рядом стояли их подписи. Карлица, быстро пробежалась глазами по этому документу. Это документ - являлся приказом для сира де Бленвиль, коменданта королевской тюрьмы Шатле. Он приказывал вышеозначенному коменданту, взять под стражу и доставить в тюрьму, наследника французского престола, по обвинению в государственной измене.

Карлица посмотрела на дату. Там стояло четвёртое июля.
- День рождения Дофина,- прошептала карлица, складывая письмо как было и кладя его на место. Она задвинула ящик секретера и так же незаметно покинула будуар королевы. Покинув будуар, карлица торопливо побежала по коридору, а вскоре выбежала из дворца. Ещё через час, она уже была в подземелье ордена. Карлица вошла в зал ордена, когда там находился Гилберт де Лануа, который разговаривал с отцом Вальдесом. Карлица подбежала к отцу Вальдесу, восседавшему в своём высоком кресле и преданно посмотрела на него снизу вверх.
- Говори,- скрипучий голос старца прозвенел над залом.
Герцог Бургундский и королева хотят упрятать Дофина в Шатле!- торопливо ответила карлица.
Отец Вальдес погладил её по голове, и почти не обратив внимания на её слова, заговорил с Гилбертом де Лануа.
- Рассказывай дальше, сын мой!
Гилберт де Лануа склонился перед старцем.
-Утром прибыл один из солдат, охранявших Луизу Бургундскую. В руках у него было разорванное платье. Я слышал слова, которые он сказал герцогу. «Санито де Миран велел передать, что он забрал вашу честь, как заберёт жизнь». Герцог Бургундский велел повесить этого человека, чтобы никто больше не узнал о том, что произошло с его дочерью. Он отправил письмо в Дижон, в котором приказывал немедля направить в Париж его младшую дочь. Видимо, он хочет выдать её замуж, за Бедфорда, вместо старшей. Он вообще ведёт себя так, словно ничего не случилось, что очень необычно для него.
- Насилие свершилось,- пробормотал пророческим голосом отец Вальдес, - злой рок преследует наш орден. Кровь Арманьяков, Бурбонов и Бургундцев - слилось во едино. Три корня самых могучих деревьев, сплелись между собой. И дева, которая носит в своём чреве плод этих корней - дочь герцога Бургундского. Нашли нашего врага?
- Мы уже отправили наших братьев в Осер, туда, где произошло насилие. Скоро они настигнут нашего врага.
- Хорошо, сын мой. Известно, где находится дева?
- Нет, отец!
-Найдите её! - внезапно закричал старец, - дева должна умереть прежде, чем её плод огласит своим криком белый свет.
Карлица услышала всё, что хотела. Она покинула зал, под молчаливое согласие отца Вальдеса, который и приказал де Лануа подарить карлицу королеве, чтобы иметь возможность знать обо всём, что делала королева. Когда карлица приводила механизм колодца в движение, из её уст сорвался шёпот:
- Орден знает, что Дофина хотят упрятать в Шатле, а это значит- он должен умереть!
Карлица вернулась во дворец и заняла своё место подле королевы, которая уже собиралась отправиться на её поиски. Увидев свою любимицу. Королева успокоилась и вместе с придворными стала придумывать новые развлечения. И у карлицы невольно возникла мысль:

Кто хуже? Орден, который убивает всех, кто становится у них на пути, или мать, которая приговорила собственного сына к смерти, а после этого заявляет, что ей невыразимо скучно.

Глава 30

Пока, Париж искал увеселений с настойчивостью школяра, Осер готовился к обороне. Они укрепляли стены, подвозили продовольствия. И днём, и ночью шёл набор в отряды ополчения. Жизнь кипела и бурлила не только в Осере, но и во всём графстве. В замке же, наоборот стояла несвойственная ему тишина. Филипп четвёртый день подряд, о чём- то напряжённо размышлял. После происшествия с Луизой Бургундской, он так и не встретился со своими друзьями. Они не стали дожидаться его, а попросту с головой окунулись в дела графства. Они днём и ночью носились по графству, формируя отряды и укрепляя границы графства. Всюду, на границе графства стояли передовые отряды, которые днём и ночью следили за дорогами, ведущими к Осеру. Наконец, когда никто не ожидал этого, Филипп вышел из меланхолического состояния и призвал своих друзей на совет. Это произошло пятнадцатого июня, на шестой день после уединения Филиппа. В большом зале замка, за столом сидели Антуан, Одо и Жорж. Они ждали, когда появится Филипп. Филипп не замедлил с приходом. В сопровождении Коринета, он присоединился к своим друзьям. Выглядел, он так, словно провёл несколько бессонных ночей. Глаза были покрасневшие, а под ними лежали мешки. Лицо слегка побледнело, но тем не менее все почувствовали, что он был взбудоражен.

- Итак, друзья мои,- начал разговор Филипп, - я собрал вас вместе, чтобы разработать и осуществить план похода, который я задумал ещё в Париже. Речь, в двух словах идёт об атаке на английскую армию!- Филипп довольным взглядом обвёл своих друзей, вернее их растерянные лица.
- Мы собрались здесь, чтобы обсудить, как с отрядом, который в лучшем случае, насчитывает две тысячи всадников, напасть на сорокатысячную армию? - уточнил Антуан.
- Именно,- глаза Филиппа загорелись, - это будет великий поход. Все трое переглянулись между собой, справедливо полагая, что за эти дни, Филипп, слегка тронулся в уме.
- Но мы же не сможем победить. Клянусь честью, это и дураку ясно - высказал общую мысль Антуан.
- Не сможем! - согласился Филипп.
- Так почему бы, нам не умереть здесь, дома? - подал голос Жорж де Крусто, - всё же лучше, чем в холодной Нормандии.
-Я не собираюсь умирать!
- Вот как? А что же ещё нам останется, вздумай мы атаковать английскую армию? Мы не сможем победить - это ясно всем даже тебе, следовательно, остается одно - умереть!

- Я сказал атаковать, но я не говорил - победить,- возразил Филипп.
- И в чём же разница?- поинтересовался Жорж де Крусто.
- Разница огромна! Мы можем атаковать армию англичан, но вовсе не для того, чтобы разбить её, а для того чтобы помочь осаждённому Руану.
- Мы не понимаем..
- Потому что не пытаетесь,- немного резковато ответил Филипп, - когда на самом деле всё очень просто. Город в осаде уже несколько месяцев. Мы отвлечем своим ударом английскую армию, а в это время в город доставят провиант. Мы достигнем три цели сразу. Первая - атака на английскую армию. Весьма важно сейчас, когда они творят во Франции, что пожелают. Второе- город получит провиант - а значит, сможет сражаться дальше и задержать продвижение англичан, вглубь Франции. И наконец, третье - мы нанесём чувствительный удар по герцогу Бургундскому.
- Я не понял ничего, из того, что ты сказал,- честно признался Антуан де Вандом, - но более всего мне непонятно, каким образом пострадает герцог Бургундский. Ведь как я понял, атаковать ты собираешься английскую армию.
- А мне непонятно,- подал голос Жорж де Крусто, - каким образом мы вообще доставим провиант в Нормандию и уж совсем непонятно, как незамеченными приблизимся к основным силам англичан. Наверняка они повсюду выставили охранение.
- С помощью плащей! - коротко ответил Филипп.
- С помощью плащей,- все трое пытались осмыслить сказанное Филиппом, - ну и что в них особенного, поинтересовались они.
-На первый взгляд ничего - Филипп посмотрел на своих друзей и закончил, - но если на них вышить Андреевские кресты…
-Будь я проклят! - вырвалось одновременно, у всех троих.
Филипп встал из- за стола.
- Будьте готовы, друзья мои. Мы выступаем через несколько дней!
- А плащи? Где мы их возьмём?- вырвалось у Де Крусто.
- Они уже готовы! - последовал ответ, - я приказал сшить их, шесть дней назад.
Коринет молча слушал разговор. Он не во что ни вмешивался. Разговор длился до поздней ночи, обсуждались тысячи мелочей. И лишь, когда он закончился, и они остались вдвоём с Филиппом, он негромко спросил:
- Это из- за неё? Ты задумал этот поход из- за неё?
- Если ты имеешь в виду Францию, то, да!- так же негромко ответил Филипп.
- А как же твои планы, сделать графство таким, каким было при твоём отце? Ты ведь хотел добиться прежнего положения и уважения, которыми пользовались Арманьяки?
- Я это и делаю!
- А как же твоя месть? Ведь ты можешь погибнуть!
Филипп бросил задумчивый взгляд на Коринета.
- Знаешь, в ночь перед казнью, мы проговорили с отцом до самого утра. Он рассказывал мне обо всём. Именно тогда. Я узнал о существовании подземного хода. Он хотел, чтобы я знал всё, потому что, глубоко верил в моё спасение. Я не буду рассказывать

обо всём, но кое- что всё же скажу. Отец говорил « Филипп нет ничего превыше Родины и нет ничего, чем человек не должен пожертвовать во имя родины и во славу её. Лишь честь составляет исключение, ибо без чести, человеку и Родина не нужна!- Филипп встал и окинув гордым взглядом Коринета закончил. - Сегодня, честь обязывает любого француза помочь людям, которые умирает с голоду, но не сдаются врагу.
- Да, мой мальчик,- прошептал Коринет, вслед удаляющемуся Филиппу, - ты снова преподал мне урок. В такие минуты, я понимаю, почему, едва увидев тебя, решил посвятить жизнь служению тебе!
Коринет немного посидел в одиночестве, а после поднялся и вышел во двор, вслед за Филиппом. Он сразу его увидел. Конюх, вывел коня Филиппа. Филипп гладил жеребца по морде, держа одной рукой за уздечку. Коринет прислонился спиной к двери и смотрел на Филиппа. И от того, что он видел, нечто тёплое поднималось в его душе.
- Вы Коринет?
Коринет обернулся.
Перед ним стоял старший караульной службы, что охраняла замок.
- Да!
- Вас спрашивает какой- то цыган!
Коринет сразу напрягся.
Где он?
- Стоит у ворот!
- Проводите меня к нему, - попросил Коринет и после того, как получил согласие, отправился вслед за лейтенантом караульной службы к воротам, служившими, въездом во двор замка.
-Возьмите факел! - посоветовал ему лейтенант, - за дверью темень, ничего не видно.
Коринет поблагодарил его и взяв зажжённый факел, стал дожидаться, когда перед ним откроют ворота. Предчувствие не обмануло Коринета. Едва ворота отворились, он увидел того самого цыгана, который вывез их из Парижа. Цыган стоял, облокотившись на поручни подъемного моста. Рядом стояла, переминая копытами- лошадь. Коринет, с зажжённым факелом, подошёл к нему. После того, как цыган внимательно осмотрел Коринета, он сунул руку в сапог и вытащил свёрнутую в свиток, бумагу. Без единого слова, он вручил этот свиток Коринету, а затем вскочил на лошадь и ускакал. Коринет развернул свиток и поднёс факел поближе, чтобы легче было читать. Через мгновение, он сжав в одной руке свиток, а в другой факел, побежал назад. Филиппа во дворе уже не было. Коринет бросился в конюшню, но и там его не было. Коринет начал его искать внутри замка и почти отчаялся найти. Когда открыв дверь в покои Филиппа, увидел его лежащим на постели с задумчивым выражением лица.
- Иди спать,- сказал Филипп, кладя руки под голову,
- Я останусь ночью здесь, у тебя!- твёрдо сказал Коринет.
Филипп с едва заметным раздражением посмотрел на него и уже собирался сделать выговор, но Коринет протянул ему свиток. Филипп с удивление посмотрел на Коринета, но свиток принял. Чтение свитка заняло у Филиппа, не больше минуты. Когда он,

оторвался от него и посмотрел на Коринета, по его лицу нельзя было ничего понять.
- Откуда он у тебя? Кто человек, написавший это письмо?
- Друг!- уверенно ответил Коринет.
- И ты полностью доверяешь ему?
-Да! - не раздумывая, ответил Коринет.
-Хорошо,- спокойно согласился Филипп, - можешь оставаться здесь, но только для твоего собственного спокойствия.
Филипп повернулся на бок и через несколько минут, уже крепко спал. А Коринет вынув из- за пояса топор, с которым никогда не разлучался, устроился в тёмном углу комнаты. Ночь прошла без происшествий. Весь следующий день, Коринет с угрюмым видом настороженно наблюдал за всеми, начиная от стражи на воротах и заканчивая поваром на кухне. Он не отходил от Филиппа, больше чем на пять шагов и если случалось так, что его не оказывалось рядом, Коринет немедленно отправлялся на его поиски. День прошёл спокойно. Все напряжённо готовились к завтрашнему походу. Филипп трудился наравне со всеми. Когда наступила ночь, он отдал последние распоряжения и поднялся в свои покои. Коринет проследовал за ним. Он поднялся в покои Филиппа и занял место, которое облюбовал ещё прошлой ночью. Филипп по своему обыкновению сразу заснул. Коринет снова вытащил топор и прислонил к стене, справа от себя. Минуты текли одна за одной, превращаясь в часы, но ночную тишину, нарушало разве только редкая суета слуг, которые сновали по замку. Коринет прикрыл глаза, погружаясь в состоянии дремоты. Уже была глубокая ночь, когда Коринет встрепенулся от странного шороха, словно кто- то скрёбся снаружи по стене. Коринет настороженно прислушался. Звук повторился явственнее. Он бесшумно взял топор в руки и поднялся с кресла, не спуская взгляда с отворённого окна, откуда доносились звуки. Луна в эту ночь светила ярко. Лунный свет лился прямо в комнату. Предметы отбрасывали тени на стены комнаты, отчего она казалось необычной. Коринет бросил взгляд на мирно спящего Филиппа и в этот момент раздался совсем явственный шорох. Коринет сжал древко опора и приготовился. В открытом окне, появился силуэт человека. Он почти бесшумно приподнялся и перебросил одну ногу в комнату. В этот миг, Коринет молниеносно подскочил к нему и со всей силы опустил топор на его голову. Ни издав, ни звука, человек качнулся и выпал из окна. Коринет, выглянул из окна. Труп валялся прямо под окном. К стене была приставлена длинная лестница, по которой, он видимо и взобрался наверх. Издав облегчённый вздох, Коринет обернулся и сразу же застыл от ужаса. В лунном свете отражался человек, нависший над Филиппом. Коринет понял, что не успеет опередить убийцу.
- Филипп,- изо всех сил закричал Коринет, бросаясь к убийце.
- Я хорошо слышу,- раздался спокойный ответ, - незачем так кричать.
Коринет понял, что Филипп не спит, но почему он так спокоен? Он что, не видит убийцу? Коринет подбежал к убийце и размахнулся топором.
- Врят ли он воскреснет? - опять раздался спокойный голос Филиппа,

Коринет так и остался с поднятым топором в руках. Только сейчас до него дошло, что будь убийца жив, он не успел бы спасти Филиппа. Следовательно, он был мёртв. Коринет нашёл свечи и через минуту в комнате стало светло. Второй убийца, так и застыл над Филиппом. Снизу, в животе у него, торчала шпага Филиппа, рукоятка которой упиралась в пол. Она и поддерживала мёртвое тело на весу. В комнату ворвались Де Крусто и де Вандом в ночных халатах и со шпагами. Они вздохнули с облегчением, увидев, что Филипп жив.
- Так ты не спал? - удивлению Коринета не было конца, - но ведь ты мне не поверил!
- С чего ты взял? - настало пора удивляться Филиппу, - я ведь спросил, веришь ли ты человеку написавшему письмо? Ты ответил, да, и я больше не сомневался в том, что меня действительно хотят убить. Я и прошлую ночь не спал. Но на этот раз им не повезло. Надеюсь, герцог Бургундский пришлёт в следующий раз более умелых убийц.
Коринет не стал выводить из заблуждения Филиппа. Мемфиза сказала, что ещё не время, значит, время действительно ещё не наступило. Что бы стало с Филиппом, если бы Мемфиза не помогла ему? При этой мысли, Коринет покрылся потом. Слуги убрали тело, давая возможность Филиппу наконец выспаться, а Коринет отправился вниз, выяснять, каким образом, в хорошо охраняемый замок, могли попасть убийцы. Ночь прошла в волнениях и расспросах. Утро принесло спокойствие. Все тревоги были забыты. Подготовка к походу закончена. В полдень, горожане Осера наблюдали за выездом из города полуторатысячного, отлично вооружённого, отряда всадников, которые по непонятной причине были облачены в цвета бургундцев, пурпурные плащи с вышитыми на них - Андреевскими крестами.

Глава 31

Через 10 дней, 26 июня 1419 года, жители Нормандии наблюдали за движением большого отряда Бургундской гвардии, которая несмотря на сильную жару, быстро приближалась к окрестностям Руана. В обозе, за отрядом, шли полсотни повозок, нагруженные доверху провиантом. Все повозки были перевязаны поперёк сыромятными ремнями, которые удерживали мешки от падения.
Нормандцы, встречали своих соотечественников с проклятиями и комьями земли, которые летели во всадников. Так продолжалось до тех пор, пока отряд бургундцев, не упёрся в передовое охранение английской армии. Поговорив, некоторое время с командиром охранения, Бургундцы остались ждать, а он ускакал.
Король Англии, Генрих Y, с высоты холма наблюдал за штурмом трёхтысячного отряда пеших воинов, стен Руана. Защитники крепости отчаянно защищались. В ход шло всё, от кипящей смолы, до огромных камней, которые разбивали вдребезги лестницы, приставленные к стенам крепости. Английские воины яростно

штурмовали осаждённый город. Король видел, что успеха они не достигают, но от него так же не укрылось, что сопротивление Руанцев постепенно слабеет. Это мысль принесла облегчение королю Англии. Без продовольствия город продержится не больше двух недель. А там дальше… Париж.
Увидев, что всё идёт если не так как хотелось, но во всяком случае намного лучше, чем предыдущие месяцы осады, в течение которых предпринимались многочисленные штурмы, Генрих собрался было вернуться в палатку, но заметил приближающегося графа Солсбери.
Граф остановил коня в нескольких шагах от короля, окружённого военоначальниками и поклонившись доложил о прибытии крупного отряда Бургундской гвардии, с обозом провианта.
- Вот истинный союзник Англии! – не без удовольствия заметил весьма довольный известием король, - мы найдём способ отблагодарить герцога Бургундского, а пока передайте начальнику отряда, что я хочу видеть его лично и поблагодарить за помощь!
Граф Солсбери отправился выполнять поручение короля, но вскоре снова вернулся и доложил, что бургундская гвардия, рвётся в бой. Командующий отрядом, просил разрешить ваше величество, принять участие в штурме.
- Что ж,- отвечал король Англии, пришедший в прекрасное расположение духа,- пусть потрудятся во славу Англии. Я разрешаю, но с одним условием. Командующего гвардией герцога, я лично угощу обедом после штурма.
Во время, всего этого диалога, мнимая бургундская гвардия стояла, как ни в чём не бывало у передового отряда англичан и безмолвно терпела нападки местных жителей, которые взбирались на возвышенности, тянущиеся вдоль дороги, и швырялась в них комьями земли и мелкими камнями, не забывая при этом приправлять свои действия, сочными проклятиями. Граф Солсбери подскакал к командующему отрядом и сообщил, что его величество благосклонно отнеслись к желанию гвардейцев. Они могут принять участие в битве. По команде, бургундская гвардия двинулась, вслед за графом Солсбери и буквально через несколько минут, они воочию видели сражение, который наблюдали издали.
- Предатели! Изменники!- кричали им со стен города, - будьте вы прокляты
- Развернуть строй! - громко скомандовал Филипп.
Отряд из полутора тысяч всадников, начал расходиться, образуя веерообразный треугольник.
Выждав, пока отряд примет нужную позицию, Филипп поднял руку и скомандовал:
- Вперёд!
Отряд, со всей скоростью помчался к стенам крепости. По мере движения, он словно сужался, образовывая впереди, острый клин.
- Красиво идут,- пробормотал граф Солсбери, наблюдая за стремительной атакой, как он думал бургундской гвардии. Однако самое время остановиться, или эти болваны не понимают, что перед ними стены крепости, а не открытое поле… Проклятье,- вырвалось у него, при виде того, как отряд бургундских гвардейцев обрушился на встречавших их появление

приветственными криками, английских воинов. Отряд нанёс основной удар по силам англичан, находившимся напротив крепостных ворот. Мощный удар, буквально в считанные мгновения расколол штурмующие войска на две части, отбросив их по обе стороны ворот. Англичане терпели огромные потери, ибо почти не сопротивлялись, пытаясь понять, что происходит. И только тогда к ним пришло прозрение, когда по коридору созданному этой внезапной атакой, с огромной скоростью помчались повозки с провиантом. Осаждённые с диким восторгом приветствовали это дерзкое нападение и прежде, чем первая повозка достигла ворот, они отворились. Друг за другом, повозки буквально влетали в Руан.

Когда королю доложили о происходящем, он не поверил, но выйдя из палатки, он убедился, что происходит именно то, что ему сказали. Шайка наглецов, прямо у него под носом, снабжала город провиантом.

- Лучников в бой! - закричал в бешенстве король.

- Сир! - раздался голос одного из военачальников, - мы рискуем убить наших солдат.

- Проклятье! - зарычал король, - тогда поднимайте латников, поднимайте тяжёлую конницу.

- Хорошо, сир!

- Уничтожить всех, всех до единого!

Англичане оправились от потрясения и стали перегруппировываться. К ним начали подтягиваться свежие силы. Началось окружение отряда, но словно предвидя эти действия, отряд сманеврировал назад, затем совершил стремительный натиск на передние ряды англичан и когда все думали, что они снова пойдут в атаку, неожиданно, лихо развернулись и бросили коней во весь опор, отступая так же стремительно, как и нападали. Благо все повозки с провиантом благополучно прибыли в город и ворота захлопнулись наглухо. Филипп, разгорячённый битвой, отступал одним из последних. Пролетая мимо ошеломлённого графа Солсбери, он громко выкрикнул:

- Передайте моё почтение его величеству!

- Задержите их !- вне себя закричал граф Солсбери, обращаясь к охранению лагеря, но оно было сметено в мгновении ока. А сразу вслед за этим раздался громоподобный крик.

- Гордость и Честь!

- Храбрость и Доблесть!

- Бесстрашие и Отвага!

- Вот девиз Арманьяка!

Нормандцы, собравшиеся с окрестных деревень и наблюдавшие это необычное зрелище, из уст в уста передавали;

- Арманьяки, это были Арманьяки!

К королю, находившемуся, в сильной ярости, подъехал граф Солсбери.

- Они прорвались сквозь охранение и движутся по направлению к Парижу!- сообщил он, - прикажите снарядить погоню?

Король заскрежетал зубами.

- Какой смысл? Они действуют по заранее запланированной схеме. Сколько людей мы потеряли?

- Точно не известно, но думаю не меньше пятисот, ваше величество1
- За четверть часа боя! Это просто уму непостижимо. Нас провели, словно несмышленых юнцов. Но какова дерзость - крошечным отрядом напасть на армию, которая считается лучшей в Европе. Воистину этот человек достоин восхищения! Кстати, кто он известно?
- Нет, сир, но он попросил меня передать нижайшее почтение вашему величеству!
Король Англии невольно рассмеялся.
- Каков наглец! Прежде, чем я прикажу казнить его, обязательно угощу обедом. Человек такой храбрости заслуживает уважения, а пока усильте охранение. Впредь, я не желаю слышать ни о каких сюрпризах!
Если бы Филипп мог слышать эти слова. То вероятней всего счёл бы своим долгом поблагодарить короля, за лестные слова. Но занятый отступлением, или правильнее сказать сменой позиции, он не давал отряду передышки несколько дней, пока они не оказались между Реймсом и Парижем, в маленькой деревушке, расположенной в двух лье от дороги. К этому моменту, не оставляло сомнений то, что совершив такой дерзкий налёт, они могли не опасаться погони. Филипп дал передышку отряду.
Усталые люди валились спать прямо возле домов. Лошади были не в лучшем состоянии. Всё это сообщил Филиппу, который поместился в небольшом срубовом доме с полуразрушенной крышей, Жорж де Крусто.
- Пусть отдыхают, - попросил Филипп, - да и тебе следует отдохнуть как следует. Позаботься о том, чтобы все люди и лошади были накормлены.
- А ты? Тебе нужен отдых больше, чем любому из нас!
- Я жду важных новостей из Парижа! - ответил Филипп.
Де Крусто взялся за дверь чтобы выйти, но остановился и негромко сказал:
- Это было прекрасно, то, что мы сделали! Я горжусь тем, что сражаюсь бок о бок с графом Арманьяк и все наши люди думают так же.
Филипп молча кивнул в знак благодарности. Оставшись один, он растянулся на грубо сколоченной скамейке. Усталость брала своё. Он дотянулся до стола и взял брошенный туда плащ, который подложил под голову. Через мгновение, он уже спал крепким сном.
Когда, на следующее утро, Филипп открыл глаза, то увидел, сидящего за столом де Крусто.
- Уже утро? - спросил Филипп, поднимаясь со скамейки и разминая затёкшую спину.
- Полдень!
-Полдень?- переспросил Филипп, - а почему ты здесь? Ведь я же просил позаботиться о провианте для отряда.
- Во- первых, я решил заменить отсутствующего Коринета, а во-вторых и без меня справляются.
- О чём ты?- не понял Филипп.
- Выйди и сам посмотри!

Филипп, облачённый сверху только в рубашку, вышел из дома на крыльцо. Одного взгляда хватило Филиппу, чтобы понять, смысл слово де Крусто. Деревня напоминала торговый рынок. Крестьяне, которые пешком, а которые на телегах, несли всё, начиная от хлеба и мяса, заканчивая овсом и соломой для лошадей. Он с внутренней радостью смотрел на своих людей. Они весело перебрасывались с шутками с крестьянами и смеясь принимали еду, чем доставляли крестьянам огромную радость.
-Когда они только успели узнать?
Филипп даже не обернулся на голос де Крусто. В стороне, он заметил Антуана. Обнажившись по пояс, он окатывал водой из колодца своего коня, кожа которого блестела в лучах солнца. Филипп незаметно подобрался к Антуану и выбрав момент, когда он усиленно тёр спину коня, схватил ведро с холодной водой и окатил его с ног до головы.
- Проклятье! - вырвалось у Антуана. От неожиданности, он буквально отскочил на несколько шагов. В ту же минуту закричал Филипп, под звонкий смех Антуана и де Крусто. Де Крусто поступил с Филиппом точно так же, как тот с Антуаном. Филипп весь мокрый погнался по деревне за Крусто, под общий хохот всего отряда. Так как бегал он быстрее, чем де Крусто, он сумел настигнуть его и повалить на землю. Сделав это, Филипп отобрал у бедной лошади ведро с водой и окатил ею де Крусто.
-Не люблю оставаться в долгу, - сказал под общий смех Филипп.
-Я тоже,- раздался позади него голос Антуана, а в следующую минуту Филипп почувствовал, как струйки холодной воды проникают в самые неприступные части тела. Филипп поднялся и посмотрел на насмешливое лицо Антуана.
-Справедливо,- не мог, не признать он, и обращаясь уже ко всем, добавил;
-Отдыхайте, набирайтесь сил! Завтра мы возвращаемся домой!
Его слова приветствовали радостными криками.
После этого, они втроём отправились в дом, где остановился Филипп, чтобы высушить одежду и отдохнуть, пока была такая возможность.

Глава 32

Пока отряд отдыхал и готовился к возвращению в Осер, слухи о грозном отряде Арманьяков распространялись по всей Франции с непостижимой быстротой. Париж бурно реагировал на это знаменательное событие. Всюду, на улице и во дворцах, в тавернах и постоялых дворах, только и говорили о дерзком налёте на английскую армию. Арманьяки стали героями, которыми восторгались, которых превозносили и ставили в пример. Париж забыл, что люди, которые совершили этот подвиг, долгие годы предавались гонениям и расправам. Забыли о потоках крови, которые текли по улицам Парижа. Забыли, что не так давно

похвалялись тем, что убивали их. Арманьяки снова стали тем, кем были всегда- уважаемыми и известными. Положение, которое ни в коем случае не устраивало герцога Бургундского. Арманьяки покрывали себя славой, выступая против Английской армии, когда герцог Бургундский помогал им в силу личных выгод. Настроение в Париже резко менялись и Бургундцы с каждым часом чувствовали это на себе всё больше и больше. Покорного прежнего повиновения больше не было. Горожане, постоянно вступали с ними в конфликт. Иногда дело доходило до открытых стычек. Но более всего удручали гвардейцев - молчаливо презрительные взгляды, которыми смотрят на предателей. Обстановка во дворце мало чем отличалась, от обстановки на улицах. Придворные более не раболепствовали перед герцогом Бургундским, как в прежние дни. Они прекрасно понимали, что во Франции вновь появилась сила. И это сила была злейшим врагом Бургундии. Все понимали, что схватка, между этими двумя могущественными кланами, всего лишь вопрос времени. И быть может, лучше всего это понимала Иоланта Арагонская, которая воспринимала герцога Бургундского, как личного врага. И сейчас, занятая вышиванием в своих покоях, которое как никак лучше помогало ей мыслить, она раздумывала над тем, каким способом она сможет связаться с Арманьяками. Из многочисленных слухов, ходивших по дворцу, она сделала главный вывод для себя. Арманьяки были врагами герцога Бургундского- следовательно, они могли стать друзьями Дофину, силой, на которую он мог бы опереться, в случае военного конфликта с герцогом бургундским. По её глубокому убеждению, этот конфликт должен неминуемо начаться, если только Дофин, добровольно не откажется от престола. Но у Дофина был сильный характер. Иоланта знала, что он только и думает о престоле, и о тех изменениях, которые он сделает. Следовательно, необходимо готовиться к войне. Она подержит своего будущего зятя, всем, чем только сможет.

- Матушка задумалась Мириандa!

Иоланта очнулась от своих размышлений. Подняв глаза, она увидела сына с Мириандой, стоявших прямо перед ней. По словам сына, она заключила, что из них двоих, именно Мириандa обращалась к ней. Мягко улыбнувшись, ибо несмотря ни на что любила её, как родную дочь, она раскаянно произнесла:

- Я не услышала твоих слов дитя моё!

Мириандa робко посмотрела на кузена, тот ободряюще улыбнулся ей.

- Матушка, я хочу спросить вашего разрешения!

- Слушаю тебя, дитя моё!

- Я хотела бы послать гонца в Осер. Возможно, ему удастся найти там Санито де Мирана. Я очень хотела бы встретиться с ним, если вы конечно не возражаете!

Кажется господь слышит мои молитвы- подумала Иоланта, разве возможно найти лучший способ, связаться с Арманьяками?

- Садись, дитя моё,- Иоланта показала свободной от вышивки рукой на свободное кресло рядом с собой. Мириандa послушно села.

- Не хочу лгать Мириандa,- мягко, но со всей серьёзностью заговорила Иоланта, - твоя любовь, может помочь Марии, да и всем нам тоже. Я не только согласна, но и прошу тебя поскорее

связаться с Санито де Мираном. Мне его необходимо увидеть в ближайшее время.
Увидев удивление в глазах Мирианды, Иоланта отложила вязание и взяла её за руки.
- Слушай меня, дитя моё и ты сын мой. Брак Марии и Дофина, вопрос времени. Он уже признался, что горячо любит её. Он наследник французского престола, но его положение слишком хрупко. Трон, который по праву принадлежит ему одному, оспаривает два, очень могущественных человека. Это герцог Бургундский и король Англии, который, вскоре сочетается браком с Екатериной Валуа. Этот брак может дать Англии возможность, получить трон, а английская армия укрепит его своими действиями. Как видите, Дофин находится в очень тяжёлом положении. По складу своего характера, он не потерпит посягательств на свой трон. Следовательно, уже сейчас, всем нам необходимо готовиться к войне.
- Матушка,- прервала её Мирианда, - но чем могу помочь я? И что может дать вам, встреча с Санито? Я не понимаю…
- Ты слишком юна,- Иоланта погладила её по голове, - ты слышала, когда я говорила о том, что он примкнул к Арманьякам?
- Да, матушка!
- Ты слышала, какой дерзкий налёт совершили Арманьяки на Английскую армию?
-Да матушка,- Мирианда все ещё не могла понять, куда клонит Иоланта.
- Мирианда,- продолжала Иоланта, - Арманьяки, это очень могущественный клан. Они долгие годы боролись с герцогом Бургундским и в итоге проиграли. Шёл слух, что их полностью уничтожили, но видимо они собирались с силами. А уж после нападению на Английскую армию, никто более не сомневается в том, что этот клан не только существует, но и может бросить вызов любому противнику. В сложившихся обстоятельствах, их поддержка, может стать решающей для Дофина. Иметь такую поддержку, значит заставить любого врага считаться с тобой. Ты меня понимаешь?
- Но Санито испанец. Он просто примкнул к ним,- возразила Мирианда, - чем же он сможет помочь?
- Я должна встретиться с главой клана Арманьяков!
- А кто он матушка?- вмешался в разговор, дотоле молчавший герцог Барский, - возможно я смогу помочь вам увидеть его.
Иоланта отрицательно покачала головой.
- Я не знаю, кто в данный момент возглавляет Арманьяков. Прежде, главой клана был граф Арманьяк- человек обладающий многими титулами, в том числе титулом герцога де Немур. По своему рождению, знатности и крови - он превосходил некоторых королей. Но его казнили по приказу герцога Бургундского. А после него, насколько мне известно, не было никого. Нам следует связаться с Санито де Мираном и попросить его устроить встречу с новым главой клана Арманьяков.
- А вы не допускаете матушка, что он не захочет помогать нам?- спросил с задумчивым видом герцог Барский,- ведь мы поступили весьма некрасиво и вполне возможно де Миран зол на нас. К тому

же, я вовсе не уверен, что этот человек изменил своё мнение по отношение к кузине. Что если, он не захочет её увидеть? Ведь он ясно высказался по поводу чувств, которые питает к нему кузина. Мирианда опустила голову и тихо прошептала.
- Я буду надеяться! Я сделаю всё, чтобы завоевать его любовь!
- И мы тебе поможем, дитя моё,- твёрдо пообещала Иоланта, - хотя признаться откровенно, у меня в голове не укладывается, как он может отказываться от тебя. Ты очень красива, умна, богата, ты можешь дать ему более гордое имя… и тем не менее, его это не устраивает. Несомненно, этот молодой человек полностью отличается от других. И всё же, мы должны завоевать его дружбу, это крайне необходимо в сложившихся обстоятельствах.
В то же самое время, когда происходил этот разговор, Коринет, с ног до головы укутанный в плащ, ехал на лошади по улицам Парижа. Он был плотно укутан в плащ. Голову прикрывала широкополая шляпа серого цвета, из под полы которой, он настороженно оглядывался по сторонам. Коринет, покинул Филиппа, только в силу чрезвычайных обстоятельств, которые были связаны с письмом, которое он получил и которое спасло жизнь Филиппа. Сам находясь в опасности, он непрерывно думал о Филиппе. Он надеялся, что Филипп не пострадал при сражении близ Руана и молва, которая только и говорила о доброй победе Арманьяков, умалчивала о жертвах, которые они понесли. Это обстоятельство ещё более укрепляло Коринета в мысли, что Филипп жив. Погружённый в мысли, Коринет не заметил, как миновал замок святого Антуана и добрался до цыганского табора. Здесь, с момента его последнего посещения. Ничего не изменилось. Коринет подъехал к повозкам и только здесь слез с лошади. Знакомый цыган уже ждал его. Коринет уловил звуки музыки и когда миновал повозку, увидел цыган. Пляшущих возле костра и напевающих песню на непонятном ему языке. Что было странно- это участие детей и женщин. Наравне с мужчинами над этим непонятным Коринету- обрядом. Они пришли к палатке, в которой Мемфиза лечила Филиппа. Цыган откинул полог, молчаливо приглашая войти Коринета внутрь. Так же молчаливо, Коринет вошёл внутрь. Он сразу зажмурил единственный глаз, потому что, в палатке царил полумрак.
-Проходи Капелюш,- услышал он голос, который сразу узнал.
Ему пришлось напрячь глаз, чтобы разглядеть в углу, сидевшую на шкуре со скрещенными ногами, Мемфизу. Коринет сел напротив Мемфизы, на край шкуры. Глаза постепенно привыкали к полумраку и он начал различать выражение лица Мемфизы, которое выглядело весьма озабоченным.
- Раз ты здесь, значит убийцы мертвы!
- Да, Мемфиза, ты снова спасла ему жизнь! Я не знаю, какие слова найти, чтобы отблагодарить тебя за помощь!- в голосе Коринета звучало глубокое уважение. Он поклонился Мемфизе и оставался в таком положении, пока она вновь не заговорила с ним и он различил в её голосе, ту самую обеспокоенность, которую прочитал на лице.
- Всему своему время- она замолчала, но через короткое время, снова послышался её голос.

-Я слышала, что произошло в Руане и знаю, что только он мог задумать и осуществить, столь безумную затею. Господь оберегает его, что ещё больше убеждает меня в том, что я и дальше должна помогать ему. А теперь, слушай и запоминай всё, что я скажу. Дофин в опасности. Его хотят убить. Королева и герцог Бургундский составили этот заговор против наследника престола. Орден помогает им, но преследуя свои цели. Мы должны им помешать, иначе после этого убийства, орден может взять в свои руки правление. Имея на руках неопровержимые доказательства участия королевы и герцога Бургундского - они без труда заставят их действовать в своих интересах.
- Но как мы можем помешать Мемфиза?
- Я не могу ответить на этот вопрос,- ответила Мемфиза, - передай мои слова твоему господину, а дальше он сам решит, как следует поступить
Коринет внимательно выслушал Мемфизу. Когда она закончила говорить, он сказал
- Я сделаю всё, как ты сказала Мемфиза!
- Тогда спеши, у нас мало времени!
Мемфиза проводила Коринета до выхода из палатки, а там задержала.
- Помни своё обещание,- сказала на прощание Мемфиза, - ибо может настать день, когда ты встанешь перед выбором - я или твой господин. Запомни, когда настанет этот день, я приду и потребую, чтобы ты со всей покорностью подчинился мне.
- Я не понимаю твоих слов Мемфиза, но отчего- то, мне не по себе. В твоих словах звучит пророчество или же тщеславие?
- Я не тщеславна, - ответила без всякого выражения Мемфиза, - ты дал клятву служить мне, и я в своё время потребую, чтобы ты выполнил её.
- Можешь быть уверена Мемфиза, я её сдержу!
Они распрощались и Коринет не задерживаясь, покинул лагерь, вместе с уже знакомым нам цыганом. Карлица долго смотрела ему вслед, а потом погружённая в свои мысли, вернулась в палатку, а через несколько минут вышла оттуда и побежала во дворец Барбет.

Глава 33

Несколькими часами позже, королева Франции, прошла из своего будуара к придворному астрологу- Николя Фламелю. Астролог, обладал немалым влиянием на королеву. У него были собственные апартаменты во дворце Барбет, куда кроме её величества никто не заходил. И вообще, личность Николя Фламеля была окружена таинственностью. Многие пытались завязать с ним дружбу, но королева ревностно оберегала предсказателя судеб.
Комната, в которой обычно работал Николя Фламель, была буквально уставлена всякими пробирками и графинами с

разноцветными жидкостями. Они были повсюду – на полках, на столе, даже на полу в углу.

Королева внимательно следила за Николя Фламелем. Тот готовил специальный состав для нее. В пустой графин он налил жидкость из трех графинов, которые достал с верхней полки. Он стал размешивать состав, добавляя туда по капле ярко зеленую жидкость из маленького пузырька, который всё время зажимал между пальцев левой руки. Помешивание длилось несколько минут, пока состав не начал принимать зеленоватый цвет. Убедившись, что лекарство готово, Николя Фламель протянул графин королеве.

- Этого хватит на месяц, ваше величество.

Королева осторожно взяла графин в руки.

- Я забываю о возрасте, принимая это лекарство. Чудесный состав, Николя, - но я слышала, что на востоке есть бальзам, который омолаживает лицо, тебе ничего не известно?

- У вас очень красивое лицо, ваше величество!

- Я знаю, - королева вздохнула, - но мне уже сорок, Николя. Я замечаю, что мужчины относятся ко мне не так страстно, как прежде! Кстати, ты выполнил мою просьбу?

- Звезды говорят, что вы очень скоро его увидите, ваше величество!

- Надеюсь! Виконт необыкновенно хорош собой! Я желала бы видеть его рядом с собой!

- Ваше пожелание исполнится! – Фламель поклонился королеве.

Едва прозвучали эти слова, как секретарь королевы сообщил, что прибыл посланник от короля Англии. Королева положила на стол зеленый элексир.

- Я позже за ним вернусь, - прошелестев платьем, она отправилась к двери.

Едва королева вышла, как потайная дверь в комнате Николя Фламеля отворилась. Из нее вышел мужчина.

- Готов? – спросил он.

Николя кивнул головой. Он подошел к полке, на которой беспорядочно лежали различные пузырьки, и нажал скрытую пружину. Она привела в действие полку. Полка со скрипом отошла от стены, открывая взгляду небольшую нишу, прорубленную в стене. В нише лежали два пузырька. Один был голубого цвета, другой – светлый.

Николя Фламель достал голубую жидкость и протянул пузырек мужчине.

- Это он и есть? – спросил мужчина, разглядывая жидкость вблизи.

- Да, это «Патриций», - ответил Николя, - он был создан во времена Рима одним известным патрицием. Поистине, это дьявольское зелье.

- Есть противоядие?

Николя показал второй пузырек – светлый.

- Но о нем почти никому не известно.

- Как он действует? – спросил мужчина.

- На теле высыпают крошечные болячки, напоминающие по форме лепестки цветка. Это продолжается 24 часа, затем они исчезают, появляется пот и высокая температура. Она может длиться от 2-х до 3-х дней. Затем начинаются судороги, переходящие в непрерывные конвульсии. Они длятся от 12 до 36 часов. После

этого начинается онемение членов. Отказывают ноги, руки, потом полный паралич и смерть. Весь процесс длится не больше недели. «Патриций» почти не имеет запаха. Лишь искушенный в таких вопросах человек может обнаружить его.
- То, что нужно, - пробормотал мужчина, пряча жидкость в карман. Он прочертил знак перед собой и скрылся за потайной дверью. До слуха Николя Фламеля донесся шорох. Внимательно оглядевшись, он заметил карлицу королевы под одним из столов. Она скалилась, глядя на него.
- Прочь, мерзкая тварь, - закричал на нее Николя.
Карлица вылезла из-за стола и бросилась к двери, из которой вышла королева.
- Вечно лазает, где попало, - пробормотал Николя Фламель, приводя обратно в действие пружину.

Глава 34

Отряд Арманьяков благополучно обошёл Париж с запада и, не встретив по пути серьёзных препятствий, за исключением мелких стычек, приближалась к Осеру. Арманьяков удивляло отношение людей, которые встречались во время похода. Все как один, встречали их радостными или приветственными криками. Люди постарше благословляли их. Старались помочь им провиантом, хотя сами едва сводили концы с концами. Франция, лишь недавно пережила эпидемию чумы, которая унесла сотни тысяч жизней и опустошила деревни. Люди едва оправлялись от пережитого. Но это не мешало им делиться последним. Филипп не проронил ни единого слова, за время выхода из деревни. Вначале, он думал о том, что дерзкий налёт, задуманный им, как способ вернуть потерянное уважение и прежнее положение Арманьяков осуществился. Поход, принёс им славу и всеобщее уважение. Филипп видел и читал это на лицах людей. Но радости не было. Он должен был чувствовать себя героем. Ведь то, что свершил он, врят ли кто нибудь повторит. Но и гордости он не чувствовал. Одна мысль терзала его постоянно. Думая о славе и могуществе своего клана, он забыл о простых людях. Тех, которые встречали их, как собственную семью, как родных- после долгой разлуки. Он, сам того не понимая, дал этим людям то, что они считали потерянным- надежду. Филипп ясно понимал, что все прежние мысли и планы должны уступить место- другим. Он не мог обмануть людей, которые смотрели на него с такой надеждой. Он должен сделать всё, чтобы помочь разорённой, опустошённой и находящейся под игом Англии, восстать и стать тем, кем она была всегда- свободной, гордой, благородной и прекрасной страной.
Мысли Филиппа прервались. Его конь дёрнулся в сторону. Филипп инстинктивно натянул поводья и почти сразу же увидел человека преклонного возраста с кувшином в руке, рядом с которым стоял маленький мальчик. Они стояли, почти посередине дороги, поэтому конь и дёрнулся в сторону. Филипп быстро оглянулся по сторонам.

Кроме бегущей вперёд дороги и редких кустарников ничего не было. Никакого видимого жилья на расстоянии взгляда поблизости не было. Филипп поднял руку. Отряд начал передавать команду. Всадники, один за другим останавливались. Филипп оглянулся назад. Отряд растянулся на длинное расстояние. До него донеслись приглушённые голоса. Видимо люди не понимали причину остановки. Раздалось бряцание оружия, которое перемешивалось с громким ржанием лошадей. Филипп почувствовал, как за его стремена кто-то тянет. Филипп посмотрел вниз и увидел старика и ребёнка возле своей лошади.
- Ты и есть граф Арманьяк? - негромко спросил старик, вглядываясь в лицо Филиппа.
- Да!
Филипп с удивлением смотрел как мальчик откуда- то достал кубок и протянул старику. Тот взял кубок и налил в него вина из кувшина. А затем, дрожащей рукой протянул его Филиппу.
- Я жду вас на дороге три дня. Не откажите господин мой отведать глоток вина!
Филипп почувствовал как к его горлу подкатил комок. Он сошёл с коня и принял кубок из рук старика. Глаза старика засветились от радости. Филипп поднял кубок;
- За Францию!
Провозгласив тост, Филипп отпил маленький глоток, а затем передал его Жоржу Крусто, находившемуся в седле. Позади него.
- За Францию!- повторил он слова Филиппа и отпив глоток передал кубок Антуану де Вандом.
Тот выпил и передал кубок дальше. Как только вино кончилось, старик передал кувшин Филиппу, а тот дальше, по цепочке. Они простояли около четверти часа, пока пустой кувшин, не вернулся к старику. Взяв кувшин, старик поклонился Филиппу и взяв мальчика за руку, молча ушёл. Филипп, задумавшись, долгое время смотрел на удаляющую фигуру старика.
-Что с тобой?- раздался обеспокоенный голос Жоржа де Крусто.
Филипп, словно очнулся от забытья. Он вскочил в седло и только потом ответил другу.
-Этот старик… он поступил как отец, встречающий сына после долгой разлуки!
Филипп пустил коня рысью. Через минуту, на дороге снова раздался разноголосое цоканье копыт. Отряд последовал за своим вожаком. Филипп вёл отряд домой. Домой- это слово он повторял с давно забытой радостью. Дорога, начало уходить вправо, вдоль бегущих деревьев Бретюнского леса. Наступила темнота. До Осера, оставалось совсем немного. Выехав, за поворот, Филипп увидел возвышающие стены города. Он пришпорил коня, пуская его в галоп. И вскоре, отряд уже на полной скорости помчался, быстро приближаясь к городу. По мере того, как отряд приближался к городу, на его стенах, один за одним, вспыхивали огни. Скоро, огни исчислялись сотнями. Филипп, ровно и как и все остальные замедлили бег коней, завороженные этим зрелищем. Всё небо над городом словно озарилось от яркого огня. Огни начали двигаться из стороны в сторону и оттого это зрелище приобретало некий, неземной вид. Вскоре, до отряда донеслись радостные крики.

- Клянусь честью, нас весь город встречает! - раздался весёлый голос Жоржа де Крусто.
После его слов, тишина, сопровождавшая отряд, прервалась. Все заговорили с радостным воодушевлением. Филипп, первым въехал в открытые ворота города. Почти сразу же, ему пришлось замедлить бег коня, а вскоре и вовсе перейти на шаг. Впереди него и повсюду вокруг, несмотря на позднее время, толпились возбуждённые горожане. У многих в руках, были горящие факелы. Воздух наполнился невообразимым шумом. Горожане выкрикивали хвалебные слова в адрес отряда, который медленно вступал, вслед за Филиппом в город. В ответ, воины выкрикивали какие- то слова. Создавалось ощущение некого столпотворения, где никто не понимает друг друга, но тем не менее все счастливы. Отряд двигался по десять всадников в ряд и вскоре, вся длинная улица, была запружена ими. А тротуары, по обои стороны улицы, были забиты горожанами, которые махали им руками и не переставая кричали. Во всех домах, что находились вдоль улицы, были настежь отворены окна, из которых высовывались головы. На балконах, возле окон, толпились люди. Все они приветствовали героев. Убедившись. Что весь отряд въехал в город, Филипп дал команду остановиться. Понимая, что чувствуют горожане, он распустил отряд. Его люди потрудились на славу и теперь заслуживали отдыха. Решение Филиппа, было приветствовано радостными криками. Главная площадь Осера, превратилась, в пиршественный зал. Сюда выкатывали бочки с вином и несли всяческие яства. Веселье началось ещё до того, как они появились в городе и им оставалось, только влиться в общую толпу. Жорж де Крусто, куда-то пропал. Филипп, был одним из немногих, который оставался в седле. Пока он смотрел, как все вокруг него веселились, Антуан де Вандом, весело хохоча подъехал к нему с кубком вина. Филипп принял кубок и сразу же выпил его содержимое. Затем, он вернул кубок обратно Антуану.
-Это только начало мой друг, - не переставая смеяться, громко крикнул Антуан, стараясь перекрыть своим голосом шум, вокруг них, - клянусь дьяволом, сегодня я напьюсь как свинья и … проклятье… берегись Филипп- неожиданно закричал Антуан де Вандом резко бросая коня вперёд и заслоняя друга своим телом. Филипп, даже не осознал, что происходит. Стрела, казалось она прилетела ниоткуда. Антуан де Вандом глухо вскрикнул и прямо на глазах у Филиппа, начал клониться в сторону и упал бы с коня, если бы Филипп не соскочил с седла и не поддержал его. Увидев стрелу, торчащую в груди своего друга, Филипп изо всех сил закричал:
- Лекаря, лекаря ко мне!
Он осторожно уложил Антуана на мостовую, затем рывком снял с себя плащ и подсунул ему под голову. Толпа вокруг них расступалась, образовывая круг. Люди постепенно смолкали, глядя на графа Арманьяка, который стоял на коленях, возле Антуана де Вандом и держал его руку. Антуан, приподнял голову, пытаясь что-то сказать Филиппу, но из его горла вырвался только хрип, а вслед за ним, струя крови, которая брызнула на Филиппа. Филипп почувствовал, что рука Антуана повисла. Он более не подавал признаки жизни.

- Антуан, друг мой - прошептал Филипп, сжимая его холодную руку, - я навеки вечные проклят. Твоя смерть на моей совести
- Вот он! Вот он!- раздались крики, - вот это убийца.
Филипп резко поднялся, горящими глазами следя за движением в толпе. Через мгновение, к Филиппу вытолкнули избитого человека, в разорванной одежде, который озирался вокруг себя, словно затравленный зверь.
- Кто тебя послал? - вне себя закричал Филипп, - отвечай!
Человек упал перед Филиппом на колени и протянув вперёд руки, дрожащим голосом ответил:
- Я не виноват, это герцог бургундский приказал... я не мог ослушаться приказа… пощадите господин, пощадите...
-Пощадить?- охваченный безумной яростью крикнул Филипп, - ты убил моего друга, и после этого смеешь просить о пощаде? -
Филипп выхватил из ножен шпагу, но прежде, чем он успел сделать хоть один шаг, Жорж де Крусто подбежал к стоявшему на коленях убийце и вонзил кинжал в его спину. Он несколько раз вытаскивал его и снова вонзал. Покончив с убийцей, де Крусто пошатываясь, подошёл к Филиппу. Они молча обнялись над телом друга.
Тело мёртвого Антуана де Вандом, перенесли в замок. Веселье в городе, после этого странного убийства, сменилось тишиной. Люди расходились по домам, вполголоса обсуждая случившиеся. Когда Коринет увидел, что во двор вносят носилки с телом, он помертвел от страха, при мысли, что это может быть Филипп. Но, увидев его, живого и невредимого, испустил вдох облегчения. Пока Филипп с Жоржем де Крусто печально смотрели, как вносят тело Антуана в замок, Коринет подошёл к ним. Филипп едва взглянул на него. Поглощённый горем потери друга, он молчал, как и Жорж де Крусто. Они даже не заметили, как во дворе появился Одо де Вуален. Он молча прошёл мимо них в замок, а вскоре вышел оттуда и подошёл к ним.
- Как это произошло? - тихо, с болью спросил де Вуален.
- Антуан спас меня. Хотели убить меня, а не его. Он бросился вперёд и принял стрелу, которая предназначалась мне. Антуан пожертвовал своей жизнью ради меня,- Филипп произнёс эти слова с мукой в голосе, - я один виноват в его смерти.
- Любой из нас, поступил бы точно так же,- подал голос Жорж де Крусто, - отдать жизнь за друга - что может быть прекрасней? Антуан прожил достойную жизнь и принял достойную смерть. А мы, его друзья, будем скорбеть о нём и отомстим убийцам
-О, да, - прошептал Филипп сжимая кулаки, - я отомщу, жестоко отомщу.

Глава 35

Тем временем, в Париже, во дворце Сен- Поль, юный Дофин, вышел из апартаментов матери. У дофина был такой вид, словно он едва сдерживается, чтобы не расхохотаться. И действительно, едва он

отошёл на несколько шагов от двери, как к удивлению дежурного офицера, громко и заразительно захохотал. Он смеялся, проходя через длинный коридор с чередовавшими друг за другом дверьми, которые почтительно открывала перед ним стража, также с удивлением наблюдая за необычной весёлостью наследника. Дофин немного успокоился, лишь когда оказался за пределами дворца и направил свои шаги в сторону парка, а точнее белой беседки, что находилась далеко, в глубине парка, где они с Марией Анжуйской любили проводить каждое утро. Солнце скрылось за тёмными облаками, подул лёгкий ветер, предвестник дождя. Но Дофина перемена погода ничуть не смутила, как впрочем, и не сказалась на его прекрасном настроении. По пути в беседку, он нарвал цветов и соорудив из них букет, переложил его в правую руку, которую тут же спрятал за спиной. Однако, желая сделать Марии приятное, Дофин не учёл одного весьма важного обстоятельства. Мария была не одна. В беседке сидели её мать, кузина и брат. И вместо того, чтобы обнять Марию, одновременно вручая ей цветы, как намеревался поступить Дофин, ему пришлось ограничиться поцелуем её прелестной ручки, но цветы он всё же ей вручил. Иоланта благосклонно приветствовала Дофина, герцог Барский поклонился, а Мирианда присела в реверансе. Дофину нравилась вся семья Марии. С ними он мог быть таким, каким ни с кем никогда не был - откровенным. С удовольствием, заняв место рядом с Марией, он неожиданно для всех и в первую очередь для самого себя, снова расхохотался. Дофин видел удивлённые взгляды, но не смог ничего сказать пока не отдышался от душившего его смеха.
- Прошу прощения,- наконец выдавил он из себя.
- Вы в отличном настроении, как я посмотрю! - заметила Иоланта.
- Ещё бы, - с воодушевлением ответил дофин, - не каждый день приходится наблюдать, как герцог Бургундский бродит по комнате и яростно бормочет под нос проклятия. Вы даже не представляете мадам, до чего ж это весёлое зрелище.
Иоланта бросила на Дофина недоумённый взгляд, пока он обменивался сияющей улыбкой с её дочерью. Мирианда улыбнулась, видя это немое общение и прекрасно понимая его значение. Герцог Барский хмыкнул себе под нос. От него тоже ничего не укрылось.
- Так герцог Бургундский зол?- поинтересовалась Мария,
- Зол? Да он просто в бешенстве, - самым довольным голосом ответил Дофин, - герцог получил письмо от короля Англии, в котором мой уважаемый кузен отчитывает его словно неумелого юнца. Это я повторяю слова самого герцога, - счёл нужным уточнить Дофин, - так вот Генрих обвиняет герцога Бургундского в недавних событиях, произошедших в Руане.
- Неужели герцог Бургундский тоже участвовал в этом налёте?- с явным интересом спросила Иоланта.
- Сам того, не зная, мадам,- смеясь, ответил Дофин, - нападающие позаимствовали плащи с бургундскими гербами. По этой причине, англичане приняли их за своих союзников. Прежде чем они осознали свою ошибку, Руан получил продовольствие, а люди, совершившие этот дерзкий налёт, скрылись. Представляете, каково сейчас герцогу Бургундскому? Мало того, что его имя использовали

Арманьяки, ему ещё приходиться терпеть упрёки от моего кузена Генриха.
Дофин снова засмеялся, и на этот раз его поддержала Мария. Иоланта добродушно улыбалась глядя на них. Мирианда встретилась взглядом с герцогом Барским. Они оба подумали об одном и том же. И герцог сделал то, что не решалась сделать его кузина, он обратился с вопросом к Дофину.
- Ваше высочество, а вы часом не помните, упоминал ли герцог Бургундский, имя- Санито де Миран?
- Да, ваше высочество, мне тоже весьма любопытно. Ведь де Миран наш друг и всё что касается этого человека, интересует нас, - Мария анжуйская лукаво взглянула на кузину, которая поспешно отвела глаза.
- Ещё бы не слышать? - на губах дофина, появилась довольная улыбка, - герцог Бургундский, только и повторяет «Будь ты проклят, де Миран! Будь проклят». Он уверен, что во всех бедах которые преследуют его в последнее время, виноват этот самый де Миран. Я не имею чести знать друга вашей семьи, - Дофин продолжал и его голос постепенно становился серьёзным, - но очень надеюсь познакомиться с ним, в ближайшее время. Не говоря уже о том, что этот человек храбрец каких мало, он ко всему прочему, обладает даром выводить герцога Бургундского из себя. Герцог Бургундский теряет самообладание, лишь при одном упоминании имени де Мирана. Насколько мне известно, во Франции нет второго такого человека, который бы мог воздействовать столь сильно на герцога бургундского. Порой, у меня даже возникает чувство, что герцог Бургундский испытывает страх, перед де Мираном.
- Герцог никого не боится - уверенно заговорила Иоланта, по этой причине и получил прозвище «Бесстрашный». Думаю, вы, скорее всего, ошибаетесь.
- Возможно,- согласился Дофин и продолжал, - но согласитесь и вы мадам, что этот де Миран, весьма необычен, ровно, как и его поступки. Впрочем, трудно судить о человеке, который мне совершенно незнаком. Я слышал историю о том, что де Миран провёл значительное время рядом с вами, герцог. Не поделитесь своими впечатлениями об этом человеке?
Герцог Барский не сразу понял, что Дофин обращается к нему. Лишь увидев вопросительный взгляд дофина, он прервался от своих размышлений.
- Де Миран, редко появлялся при дворе,- ответил герцог Барский пожимая плечами, как человек которого спросили нечто такое, что ему совершенно неведомо и он не знает что ответить,- а когда появлялся, почти всегда молчал. Я могу лишь сказать, что это человек совершенно необыкновенный и таинственный.
- И что вас привело к такому выводу?- поинтересовался Дофин Герцог Барский, вновь пожал плечами.
- Ни один из его поступков, не укладывается у меня в голове. Судите сами, ваше высочество. Вначале, он отказывается от дуэли со мной...
- Вы бросили вызов де Мирану?- перебил его явно заинтересовавшийся Дофин.

- И не только,- ответил герцог Барский, - я назвал его трусом, но де Миран никак не ответил на мой вызов. У меня возникло глубокое презрение к этому человеку. Однако моё первое чувство к де Мирану просуществовало всего несколько часов, так как по прибытию во Францию, я лично стал свидетелем его полубезумного поступка. Де Миран вызывает на поединок одного, а затем вынуждает взяться за оружие второго.
- Де Миран сражался одновременно против двух человек?- снова перебил Дофин.
- Именно! - подтвердил герцог Барский, сражался и победил. - Едва, я увидел этот поединок, у меня возникла мысль...
- Почему он не стал драться с вами?
- Это была вторая мысль! Но, вначале я подумал о том, что никогда не хотел бы иметь такого врага, как де Миран. Этот человек не просто дрался. Он был одержим ненавистью. Каждый жест, взгляд, слово- были наполнены ею. Это был очень странный поединок. Но самое странное, - продолжал размышлять над собственными словами герцог Барский, - заключалось в том, что де Миран узнал человека, с которым дрался. Он назвал его по имени.
- Что ж в этом странного? - удивился Дофин.
- Насколько мне известно,- неторопливо ответил герцог, - де Миран никогда не покидал пределы Кастилии, а следовательно и не мог знать человека, с которым сражался.
- Действительно, странно, - согласился с ним Дофин и сразу же выразил предположение, - а вы не допускаете, что человек, убитый им, мог побывать в Кастилии?
- Нет,- герцог отрицательно покачал головой, - в таком случае, капитан латников непременно узнал бы де Мирана. Но он его не узнал и это первая загадка, связанная с де Мираном. Затем, он приезжает в Париж. Храбрость де Мирана, не вызывает сомнений, но тем не менее, он убивает безоружного горожанина и убивает как? Не как человек чести, а скорее способом приемлемым для палача. И это вторая загадка, - герцог Барский не замечая холодного взгляда Мирианды, загнул второй палец на руке, - затем, он в одиночку нападает на четырёх гвардейцев. Троих он убивает, а четвёртого отсылает с сообщением к герцогу Бургундскому, в котором даёт обещание убить его. И это третья загадка, - герцог Барский с задумчивым видом смотрел на Дофина и продолжал размышлять, - глупым де Мирана никак не назовёшь, следовательно, он не мог, не знать, что последует за убийством гвардейцев герцога бургундского. Вывод? Де Миран бросает вызов герцогу Бургундскому! Почему? И на что он может надеется, вызывая гнев столь могущественного человека, непонятно.
Размышления герцога Барского были прерваны появлением Таньги дю Шастель. Казалось, этот человек никогда не унывает. Улыбаясь, он отвесил поклоны, краем глаза наблюдая за серьёзными лицами людей, чьё уединение он нарушил.
По-видимому, мой приход явился весьма не во время- подумал было Таньги, но слова Дофина показали, что он ошибается.
- Вот человек, который любит разгадывать самые сложные загадки. Только будьте осторожны герцог и ни в коем случае не отзывайтесь плохо об Арманьяках в присутствии Таньги! - шутливо предостерёг

герцога Барского, Дофин, и продолжал с некоторой гордостью, - он один из немногих, оставшихся в живых, после разгрома клана.
Иоланта Арагонская с интересом посмотрела на человека, которого считала придворным фатом до последнего времени.
- Так вы принадлежите к клану Арманьяков?- спросила она
- И горжусь этим, ваше величество! - Таньги гордо вскинул голову
- Стало быть, вам известен человек, который возглавляет клан?
Мирианда обменялась понятливым только им одним с герцогом Барским взглядом. Оба обратили взоры на невозмутимое лицо Иоланты, прекрасно понимая куда она ведёт.
- Никто! - коротко ответил Таньги на вопрос Иоланты.
- Это невозможно! - возразила ему Иоланта, - этот человек должен существовать, иначе как объяснить нападение на английскую армию? Несомненно, кто- то возглавлял отряд Арманьяков.
- Ещё одна загадка! - пробормотал под нос герцог барский.
Таньги внимательно выслушал королеву Кастилии. Едва она закончила, как он со всей твёрдостью возразил ей.
- Ваше величество, я слышал о нападении на английскую армию и смею вас уверить, что Арманьяки никоим образом не связаны с событиями, произошедшими в Руане.
Все без исключения, слышавшие слова Таньги посмотрели на него с явным удивлением. Вся Франция только и говорила о том, что нападение осуществили Арманьяки, а сами они отказываются от своей причастности к этому дерзкому во всех отношениях налёту. Где же истина?
-Не может ли быть, что вы ошибаетесь сударь? – после короткого общего молчания, спросил герцог Барский.
-Нет! - последовал уверенный ответ, - меня бы известили о готовящемся нападении. Это верно так же, как то, что клан, или вернее, все, что осталось от него, давно предоставлен самому себе. Насколько мне известно, в данный момент никому не под силу объединить всех Арманьяков под своим началом. Это мог сделать лишь один человек, но,- Таньги внезапно замолк и помрачнел и закончил глухим голосом, - но его убили.
Слова Таньги привели к тому, что присутствующие ещё более запутались в своих предположениях и догадках. Вместо, того чтобы получить ответы, они получали всё новые вопросы и это приводило в полное недоумение.
-Я ничего не понимаю,- герцог Барский двумя руками схватился за голову, - по прибытию в Париж, я только и занимаюсь тем, что пытаюсь понять происходящее вокруг меня. Я трачу на размышления почти всё свободное время, но тем не менее, запутываюсь всё больше и больше. Святой Педро, что же происходит? Если не Арманьяки совершили нападение на английскую армию, тогда кто же?- вопрос был адресован Таньги дю Шастель.
-Я знаю не больше вашего! - Таньги пожал плечами и повернулся к Мирианде, которая всё это время молча слушала, и собирался, было заговорить с ней, как услышал возмущённый голос Дофина.
- Не знаешь? Как такое возможно? Ты ведь утверждаешь, что главы клана не существует. Стало быть тебе должно быть известно остальное!

- Карл,- начал было Таньги, но уловив удивлённые взгляды, тут же сменил фамильярный тон на почтительный, - ваше высочество, я знаю это, по очень простой причине. Клан может возглавить лишь граф Арманьяк. Но его казнили, а его единственного сына - убили. Арманьяки гордые люди. Они подчинятся лишь своему сеньору, или его прямому потомку. Никто иной не может подчинить себе клан. Поверьте, я знаю, о чём говорю.
Таньги с особым выражением, в котором светилась непоколебимая уверенность, обвёл присутствующих- взглядом.
- Сын? Ты имеешь в виду Филиппа?- тихо спросил Дофин.
- Да!- коротко ответил Таньги.
Оба и Дофин, и Таньги одновременно погрустнели, чем вызвали ещё больший интерес присутствующих. Марию Анжуйскую просто распирало от любопытства. Она не сдержалась и задала вопрос Дофину.
- Кто это, Филипп?
- Наш друг детства,- с грустью ответил Дофин, - я видел его всего несколько раз, но уже тогда почитал за счастье называть его своим другим. Таньги знал его лучше. Они жили рядом и редкий день, проводили врозь друг от друга. Он был убит в тот же день, что его отец, впрочем, Таньги знает обо всём лучше меня. Он долгое время пытался выяснить обстоятельства его смерти.
- Так, он умер загадочной смертью, этот Филипп?- воскликнула Мария Анжуйская
- Геройской смертью! - поправил её Таньги и продолжил с чувством огромной гордости за друга, - Филипп сражался рядом с отцом в ночь дьявола и несмотря на свои 12 лет убил пятерых бургундцев.
- Ночь дьявола?- непонимающе переспросила Мария Анжуйская.
- Ночь, когда произошла резня Арманьяков, - пояснил Таньги, - в ту ночь сотня Арманьяков противостояла всему Парижу и отрядам герцога бургундского. Филипп сражался рядом с отцом. Они могли отступить и спасти свои жизни, но за их спинами находились сотни безоружных людей, которые столпились у стен святой Катерины и они приняли неравный бой, прекрасно осознавая, что их ждёт.
- У церкви святой Катерины?- герцог Барский вздрогнул, что не укрылось от окружающих.
Иоланта Арагонская с недоумением посмотрела на сына.
- Да! - подтвердил Таньги, - они бились у стен церкви и уничтожили втрое больше врагов, прежде, чем пали. Погибли все, за исключением графа, Филиппа и Ги де Монтегю. Им оставили жизни, чтобы затем предать публичной казни.
Теперь Мириада вздрогнула и почти с ужасом посмотрела на Таньги.
-Казнить 12 мальчика?
-Именно- с горечью подтвердил Таньги, Филипп был приговорён к смерти. Их всех посадили в Шатле и как впоследствии рассказывала стража, все одиннадцать дней, которые они провели в тюрьме, Филипп стоял у крошечного окна и смотрел на Сену. Мимо него проплывали мёртвые тела людей, которые имели несчастье называть себя сторонниками Арманьяков.
- Святая дева Мария! - вырвалось у Мириады
- Его казнили?- нетерпеливо перебила кузину Мария анжуйская.

Таньги отрицательно покачал головой.
- Нет! Филиппа спас палач. Покорённый бесстрашием мальчика, он воспользовался своим правом, помиловать осуждённого на казнь.
- О, расскажите подробней, прошу вас сударь, - попросила Мария Анжуйская, не преминув при этом бросить вопросительный взгляд на Дофина и получить в ответ одобрительный взгляд.
Вздохнув, Таньги опёрся одной рукой на край беседки, занимая более удобную позу для себя и окинув всех взглядом, от которого любопытство присутствующих ещё более возросло, исключение составлял лишь герцог Барский, который явно о чём- то напряжённо размышлял,- заговорил.
- Филипп стал свидетелем смерти своего отца. Люди, наблюдавшие казнь рассказывали, что Филипп не только, не испытывал страх, но и ободрял своего отца. Когда казнили его отца и люди вокруг начали злорадствовать, Филипп взбежал на помост и гневно приказал им замолчать. Он приказывал толпе, которая на протяжении многих дней не могла насытится кровью Арманьяков и самое странное в том, что толпа повиновалась ему.
- Что же он сказал этим людям? - не выдержала Мария Анжуйская.
-Имейте уважение, если не к графу Арманьяку, то хотя бы к сыну потерявшему отца! - ответил Таньги и продолжил, слыша вздохи Марии Анжуйской и Мирианды, - затем Филипп подошёл к палачу и громко сказал: «Я в вашем распоряжении мэтр, делайте своё дело» Палач подошёл к Филиппу, но толпа, восхищённая мальчиком громко требовала помиловать его. Герцог бургундский согласился помиловать Филиппа. Единственным условием сохранения жизни Филиппа должна была стать клятва верности герцогу Бургундскому.
- И он дал клятву?- замирая от волнения, спросила Мария Анжуйская.
- Дал, но только не ту, которую ждал от него герцог Бургундский. Филипп прилюдно, стоя на помосте перед лицом смерти, поклялся убить герцога Бургундского,- Таньги не заметил, как герцог Барский снова вздрогнул.
- И громко выкрикнув девиз Арманьяков, Филипп положил голову на плаху. Палач отбросил топор, снял маску и по принятому закону города, попросил милости. Король помиловал Филиппа.
- Боже, боже,- повторяла Мария Анжуйская и обращаясь к Мирианде, у которой рассказ Таньги дю Шастель вызвал не меньшее потрясение, спросила, - ты слышала кузина? Как возможное такое? Несчастный мальчик.- Мария Анжуйская вдруг осёклась и в смятении посмотрела на Таньги.
- Но сударь, вы же говорили, что Филипп погиб!
- Да! - подтвердил Таньги, его убили после казни. Видимо герцог Бургундский не смирился с решением короля. В тот день были убиты ещё два человека. Палач и графиня Арманьяк. Видимо, палача, который пошёл наперекор воле герцога Бургундского убили те же люди, что и Филиппа, а вот графиню по слухам убили горожане.
- Я даже знаю имя человека, который убил графиню Арманьяк!
Все в одно мгновение повернулись в сторону герцога Барского, не понимая, откуда он может знать такие детали. Герцог Барский выдержал молчаливо вопрошаемые взгляды присутствующих и закончил.

- Человека, убившего графиню Арманьяка, звали Кабош!
- Но откуда вам это известно? - с недоумением спросил Таньги, в то время, как Мирианда, Мария Анжуйская и Иоланта Арагонская пытались осмыслить слова герцога Барского.
Герцог Барский внимательно посмотрел на Таньги и выделяя каждое слово, ответил:
- Вы ошиблись дважды сударь! Первый раз, когда сказали, что Арманьяки не участвовали в нападении на английскую армию. Второй раз, когда утверждали, что главы клана Арманьяков не существует. Этот человек существует, сударь. Вы только что, нам это доказали.
- Я?- переспросил потрясённый Таньги, - вы не поняли меня милорд.
- Я прекрасно понял вас, - прервал его герцог Барский, - однако вы меня не слышите. Я говорю вам, что граф Арманьяк жив и это он стоит за нападением на английскую армию. Это ему принадлежит захват Осера. Я говорю, что ваш друг не был убит - он жив.
-Вы не можете знать таких вещей! - возразил вместо Таньги, Дофин, в то время, как все остальные затаив дыхание слушали. Почти все были согласны с Дофином. Откуда, герцог Барский мог знать о том, что именно Филипп возглавляет Арманьяков.
- Я уверен в своих словах,- в свою очередь возразил герцог Барский, - я не присутствовал при сражения Арманьяков у церкви святой Катерины, но могу поклясться святым Педро, что в ту ночь. на стороне бургундцев, сражался некто, по имени Гийом де Лануа.
Потрясённый этими словами, Таньги аж придвинулся к герцогу Барскому.
- Кто вам сказал?
- Вы!
- Я? Могу поклясться, что ничего такого не говорил!
На губах герцога Барского появилась особенная улыбка. Он увидел, как Мирианда вцепившись в руку Марии Анжуйской, смотрела на него. Её взгляд говорил, что она начинает понимать своего кузена.
- Санито де Миран, бросает вызов герцогу Бургундскому прямо в лицо,- продолжал развивать свою мысль герцог Барский, - и заметьте, любого человека, такая вражда приведёт в ужас, но только не Санито де Мирана. Потом, его видят в Осере и наконец, мы узнаём о дерзком налёте на английскую армию. Зная этого человека и его храбрость, я могу с уверенностью предположить, что ему под силу совершить все то, что мы слышали. Я долго не мог понять поведение Санито де Мирана,- негромко и не глядя на присутствующих продолжала говорить герцог Барский, - человек, который храбр настолько, что бросает вызов одновременно двум противникам. Один из них король Англии, второй не менее могущественный, герцог Бургундский. А затем, обладая такой отвагой, казнит безоружного человека. Поведение, совершенно не свойственное людям такой храбрости, если только,- герцог Барский поднял взгляд и оглядел присутствующих, - если только, этот человек не убил его мать?!
Мирианда побледнела, услышав эти слова. Мария Анжуйская издала лёгкий вскрик. Иоланта Арагонская погрузилась в свои мысли, а

Таньги с Дофином не сводили взгляда с герцога барского. И смотрели они на него с таким видом, словно услышат сейчас страшную тайну.
- Вы можете описать вашего друга? - неожиданно спросил герцог барский у Таньги.
Таньги ожидавший другого продолжения, непозволительно широко открыл рот, но тут же его захлопнул.
- Я помню Филиппа так хорошо, словно мы с ним расстались лишь несколько дней назад, - ответил Таньги, - но неужто, вы и вправду считает, что Санито де Миран и…
- Просто опишите его! - попросил герцог Барский.
- Хорошо!- согласился Таньги, - с чего же начать? Филипп, был самым красивым из нас. У него были зелёные глаза. Волосы светлые, слегка волнистые. На лбу у него был едва заметный шрам, в форме маленькой
-Ласточки! - выдохнула Мириандa
-Да! Откуда вы,- начал было Таньги, но тут же замолк, растерянно оглядываясь вокруг себя, - но это невозможно, непостижимо.
- И тем не менее, нет никакого Санито де Мирана. Есть граф Д Арманьяк!

Глава 36

Празднества, начались задолго до того, как в Сен - Поль, начали съезжаться приглашённые гости. Париж шумно и с размахом праздновал совершеннолетие Дофина. К вечеру знаменательного дня, у человека впервые попавшего в Париж, и не знающего причину столь бурного веселья, могло возникнуть предположение, что в этом городе не осталось более трезвых людей, ибо в этот вечер, это действительно явилось бы редким явлением. Горожане, распевая песни в честь Дофина, бродили по улицам. Хозяева харчевен выносили бочки с вином на улицу, угощая всех подряд. А того, кто отказывался поднять добрый кубок за здравие Дофина- избивали палками. При такой постановке вопроса, следовало ожидать, что на улице не останется ни одного трезвого человека, за исключением тех, кто сторонился шума и веселья, и проводил этот вечер, за чтением очередного романа. Весь дворец был украшен огнями. Королева лично разослала приглашение всей парижской знати и высшему духовенству, тем самым, подчёркивая, что желает примирения с сыном. Все знали, что королева с Дофином никогда не ладили друг с другом и видимо, она решила исправить сложившийся ритуал. Вечером, под яркий огонь, сотен факелов, к дворцу начали стягиваться многочисленные кареты с фамильными гербами на дверцах. Кареты останавливались у начала аллеи, которая вела к входу во дворец, а дальше шли пешком, сквозь строй нарядно одетых слуг в красивых ливреях. Которые стояли по обе стороны аллеи с факелами в руках, отчего создавалось ощущение таинственной и неповторимой красоты. Затем, гости попадали во дворец, который украсили с не меньшей

торжественностью. В самом большом зале дворца, были накрыты столы, уставленные разнообразными яствами и винами, а также большим количеством фруктов.
Повара и слуги, десятками, сновали меж столов. Там же в зале, отвели отдельное место для выступления менестрелей. Столы были расположены полукругом, чтобы гости могли не стесняя друг друга встать из- за стола, если им вздумалось бы покинуть пиршество. Справа, от пиршественного зала, был ещё один зал, немного меньше. Именно здесь собирались все прибывающие гости. Дворецкий едва успевал объявлять имена. Дофин прибыл сюда, одним из первых, в сопровождении Таньги дю Шастель и начал принимать первые поздравления. Дофин мило улыбался всем, кто поздравлял его, в отличие от Таньги, который непременно отпускал остроту, едва человек поздравлявший Дофина, отходил от него.
- Герцог Бургундский!- громко объявил дворецкий.
Над ухом Дофина прозвучал насмешливый голос.
- Покажем нашим дорогим гостям Карл, как следует приветствовать любовника своей матушки!
- А я, уж было обрадовался, что никогда больше тебя не увижу. Но раз ты уже здесь, будь добр помолчи, не то мне придётся тебя отправить туда, где ты провёл последние два дня, - огрызнулся Дофин, однако тут же изобразил улыбку и принял объятия герцога Бургундского. Поздравив Дофина, герцог отошёл.
- Я бы сказал, это выглядело трогательно!
Дофин с мрачным видом покосился на улыбающегося Таньги.
- Полно тебе карл, улыбнись! У тебя кислый вид. Он никак не вяжется с сегодняшним событием.
- Таньги, ты закончишь на эшафоте! - предупредил дофин.
- У тебя мрачные мысли, мой друг! А вот, кстати, и твоя развратная матушка!
Дофин инстинктивно повернулся к двери, откуда входили прибывающие гости, но королевы среди них не оказалось.
- Таньги,- но того и след простыл,- мерзавец,- пробормотал Дофин.
Он различил хихиканье за своей спиной. Обернувшись, Дофин прошёлся внушительным взглядом по группе придворных, которые являлись приближёнными его матери и не стеснялись в выражениях по отношению к нему. Взгляд не произвёл должного действия. Они, а это были несколько молодых людей, чуть ли не открыто смеялись над ним. Дофин побагровел, но сделал единственно возможное, в сложившийся обстановке. Он отвернулся от них. Впрочем, долго ему расстраиваться не пришлось. Среди прибывающих гостей, он различил Марию Анжуйскую. Лицо дофина буквально расцвело от радости. Мария Анжуйская вошла в зал. Вместе со своей матерью, кузиной и братом. Все они. Без промедления подошли и поздравили Дофина. Целуя руку Марии Анжуйской, Дофин во всеуслышанье заявил:
- Надеюсь, вы соблаговолите сидеть рядом со мной, во время пиршества?
Мария Анжуйская мило покраснела.
- Буду счастлива, ваше высочество,- она присела перед Дофином и чтоб не вызывать лишних разговоров, сразу же отошла.

- Ну и глупый у тебя вид!
Дофин не оборачиваясь понял, кому принадлежат эти слова.
- Ты заметил, как матушка Марии поглядывала на тебя? Могу поклясться, что она только и думает, чтобы породниться с тобой.
- Я не вижу ничего зазорного в таком родстве, - раздражённо ответил Дофин.
- Похоже, я опоздал. Всё уже решено. Твоя матушка будет в ужасе!
- Оставь в покое мою мать!
- А вот и твоя развратная матушка!
- На сей раз тебе не удастся меня обмануть,- Дофин обернулся к Таньги и насмешливо посмотрел на него.
- Королева Франции!- объявил дворецкий.
Разговоры стихли. Королева вошла в зал. В роскошном платье, усыпанном драгоценностями.
Сделав умиленное лицо, она подошла к Дофину и расцеловала в обе щёки.
- Долгих лет тебе сын мой и мудрого правления,- громко произнесла королева. Тем самым давая понять всем, что близок день, когда Дофина коронуют.
Едва, королева отошла от дофина, как возле него появился Таньги, но на сей раз его лицо выражало серьёзную озабоченность.
- Карл опасайся своей матери! - прошептал Таньги на ухо дофину.
- Единственный раз, моя мать сказала что- то приятное , а ты пытаешься всё испортить!
- Это меня и пугает! - пробормотал Таньги.
Бросив раздражённый взгляд на Таньги, дофин направился в сторону Марии Анжуйской, которая всё это время неотрывно смотрела на него. Мирианда, увидев, что Дофин направляется к её кузине, деликатно отошла в сторону, давая им возможность поговорить наедине. Она оглянулась по сторонам и увидела взгляды молодых людей. покрой платья, наилучшим образом сочетался со смуглой кожей Мирианды, а бриллианты, украшающие тонкую шею, словно сливались с цветом её глаз. Обворожительная и прекрасная, она несомненно превосходила многих в этом зале. Впрочем, это было заметно не только по жадным взглядам мужчин, но и брошенными украдкой, а порой и совершенно откровенно завистливыми взглядами женской половины.
- А ты кузина, пользуешься небывалым вниманием,- раздался над ухом Мирианды, голос герцога Барского, - меня уже по меньшей мере два десятка раз спрашивали про тебя.
- Кто же, кузен?- Мирианда снизошла до разговора с герцогом Барским.
-Боже милостивый, неужто она и вправду со мной говорит,- герцог театрально закрыл глаза и взмахнул рукой, словно теряет сознание.
Мирианда не смогла сдержать улыбку.
- Вы единственный знакомый мне человек в этом зале, исключая кузину, которая занята разговором с его высочеством, то у меня просто не остаётся выбора.
-Я ожидал услышать нечто получше,- разочарованно протянул герцог Барский. - Но для начала и это подойдёт!

Громкий голос герцога Барского привлёк внимание нескольких человек, которые тут же присоединились к ним. Тема Руана была чрезвычайно популярна и вскоре завязался оживлённый разговор, который прерывался возгласами, выражающими несогласие, или наоборот. Разговор настолько заинтересовал остальных, что даже Дофин с Марией Анжуйской подошли и втянулись в него. Сколько бы ни говорили, и как не обсуждали этот дерзкий налёт, все возвращались к самому интригующему вопросу. Кто возглавлял это беспримерный поход?
- Ясно одно,- говорил пожилой маркиз, нападение на английскую армию действительно совершили Арманьяки. Только им под силу совершить такое безумство, да и ещё как утверждают слухи, остаться в живых.
-Арманьяки,- переспросил у него один из приглашённых гостей, приехавший издалека, ни разу не слышал о них. Кто это? Пожилой маркиз с изумлением уставился на него, впрочем и остальные тоже.
- Арманьяки - один из самых могущественных кланов во Франции. Глава этого клана, покойный граф Арманьяк, по знатности превосходил короля Франции, ибо его род ведёт начало от Гуго Капета, одного из первых признанных королей Франции, а возможно род Арманьяков и более древний. Эти люди избрали своим девизом слова: Гордость и Честь! Слава и Доблесть! Бесстрашие и Отвага!- и они как нельзя точно характеризуют их поступки.
Герцог Барский взял Мирианду за руку и потащил за собой. Мирианда возмутилось было, но потом всё же уступила кузену, который не преминул занять уютное местечко возле окна. Под завистливые взгляды нескольких молодых фатов, которые стояли в нескольких шагах от них, герцог Барский взял руку Мирианды и о чём- то приглушённым голосом заговорил. Как ни пытались фаты подслушать разговор, ничего не получалось, ибо герцог говорил настолько тихо, что его могла слышать лишь Мирианда. Понимая, что здесь они ничего не добьются, группа молодых людей разошлась по всему залу. Зазвучала музыка.
Поглощённые разговором, ни герцог Барский, ни Мирианда, не заметили, как середина зала вначале опустела, а затем заполнилась танцующими парами, которые грациозно двигались в такт мягким и романтическим звукам, издаваемыми менестрелями. Стоило посмотреть на то, как краснели щёки некоторых юных дам, когда их руки на мгновение соприкасались с руками кавалеров при очередном движении в танце. Менестрели наряженные в маскарадные костюмы, наигрывали полюбившуюся многим мелодию, когда среди танцующих появился Дофин, ведя под руку Марию Анжуйскую. Заняв место среди танцующих, они с радостным волнением закружились в танце, чем вызвали улыбку Таньги, который почти не спускал глаз с Дофина. Он лишь изредка переводил взгляд на танцующего в паре с королевой, герцога Бургундского, но затем вновь возвращался к Дофину. Повсюду, царило оживление и веселье. Все были просто очарованы великолепным приёмом, поэтому, никто из присутствующих не обратил внимания на появление невзрачной на вид служанки, из числа прислуги дворца, которая подошла к Мирианде. Мирианда,

занятая разговором со своим кузеном не замечала, стоявшей позади неё служанки, пока та не окликнула её.
- Миледи!
Мириандa обернулась. Увидев, уже знакомую ей служанку, она благосклонно улыбнулась. Несмотря на шум, царивший вокруг них, Мириандa отчётливо услышала сказанные вполголоса служанкой. Облик Мириандыв одночасье изменился. Её охватило заметное волнение, а через мгновение она быстро пересекла зал и в сопровождение служанки, покинула торжество. Герцог Барский молча наблюдал за кузиной, не подавая и малейшего вида, что догадывается с чем связан её уход. Чего нельзя было сказать о карлице, которая с самого начала торжества, сидела возле трона королевы, облачённая в красивое платье и строила гримасы всем, кто имел наглость задерживать на ней свой взгляд. Увидев, что Мириандапокинула зал, карлица покинула своё место и немного покрутившись среди танцующих, выскользнула вслед за ней. Покинув торжество, Мириандаторопливо отправилась в свои покои. Там служанку помогла ей набросить на себя накидку и вскоре после этого, они вышли из покоев, а ещё через несколько минут и из дворца. Служанка, подняв высоко над головой, светильник, шла впереди, лавируя среди деревьев. Земля в саду была скользкой после прошедших дождей и Мириандачасто поскальзывалась, ибо пламя светильника весьма слабо освещало им путь. Но они всё же благополучно достигли едва заметной калитки в саду. Калитка была полуоткрыта. Мириандауслышала ржание лошадей. Она остановилась в нескольких шагах от калитки и оглянулась по сторонам. Вокруг всё дышало спокойствием, как и небо, сплошь покрытое звёздами. Служанка вышла из калитки, а через минуту снова вошла обратно. Вслед за ней, появился человек укутанный в длинный плащ. По фигуре человека, Мириандабезошибочно определила Коринета. И это действительно был он. Распахнув плащ, Коринет почтительно поклонился Мириандe. Выждав, пока служанка отошла от них на достаточное расстояние, Коринет заговорил. В голосе его слышалось не только почтительность, но и благодарность.
- Миледи, я знал, что вы придёте. Но времени мало, поэтому я буду краток. Вопрос касается жизни Дофина…
При этих словах Мириандаедва сдержалась, чтобы не вскрикнуть.
- Я не знал к кому обратиться, чтобы предупредить Дофина. Вы миледи - единственный человек, которому я могу довериться- продолжал приглушённым голосом Коринет, - его собираться убить. Дофин должен немедленно покинуть Париж. Я привёл с собой две лишние лошади. И если вы миледи, приведёте его сюда, я сделаю всё, чтобы уберечь его опасности и вывезти из города.
- А вы не можете ошибаться? Возможно, опасность не столь велика, как вам кажется?
Коринет в ответ на слова Мириандыотрицательно покачал головой.
-Если он не уедет, ещё до утра его убьют!
На этот раз у Мириандывырвался приглушённый вскрик.
- Миледи, нас могут услышать! - раздался встревоженный шёпот Коринета.

- Простите, я немедленно сообщу Дофину о ваших словах- Мириандa собиралась уйти, но чуть помедлив всё же задала вопрос, который её мучил.
- Скажите, он действительно жив?
- Да!- ответил Коринет, прекрасно понимая о ком идёт речь.
- Это он вас прислал?
- Да!
- Ждите здесь!
Мириандa повернулась и направилась к служанке. Вскоре, Коринет лишь различал слабое мерцание огонька, мелькавшего в саду. Он укутался плотнее в плащ и прислонился спиной к ближайшему дереву. Время действовало против них, но ему не оставалось ничего, кроме как ждать.
- Наклонись ко мне!
От звука голоса неожиданно прозвучавшего рядом с ним, Коринет сильно вздрогнул и в мгновение ока схватился за топор. Но увидев тень, выступившую из- за того же дерева, возле которого он стоял, Коринет облегчённо выдохнул.
- Мемфиза, ты напугала меня.
- Держи! - перебила его карлица вручая ему маленький кожаный мешочек.
-Что это?- Коринет пытался разглядеть полученный от Мемфизы, мешочек.
- Жизнь! - последовал ответ карлицы, - привяжи этот мешочек к шее твоего господина, ибо с сего дня, он не на минуту, не должен расставаться с ним.
Карлица исчезла так же внезапно, как и появилась. Коринет, ни на мгновение не усомнился в словах карлицы. Опыт общения с карлицей показывал, что она ничего не делает без причины. Коринет снова прислонился спиной к дереву, как стоял до появление карлицы и скрестив руки застыл в напряжённо ожидании.
Иоланта арагонская, вот уже некоторое время разыскивала свою племянницу в толпе приглашённых гостей и почти уверилась, что та покинула торжество, когда увидела её входящей в зал. Иоланта взволновалась. На Мириандe не было лица. Увидев, что Мириандa направился к окну, возле которого разговаривали её дочь с сыном, а также Дофин и Таньги дю Шастель, она последовала за ней. Оживлённый разговор прервался при появлении Мирианды.
-Что с вами кузина? - обеспокоено спросил герцог Барский, вы слишком бледны. Уж не больны ли вы?
Остальные думали примерно то же самое, но Мириандy это обстоятельство, ничуть не беспокоило. Она почти не останавливаясь подошла к Дофину и коротко попросила.
- Уделите мне немного времени, ваше высочество!
Дофина, явно удивили слова Мирианды, но он не показал виду и легко поклонившись, отошёл вместе с ней на небольшое расстояние. Никто не слышал, что говорила Мириандa, но все увидели, как побледнело лицо Дофина.
- Похоже, это заразно! - пробормотал под нос герцог Барский.
Через мгновение, все увидели как лицо Дофина расплылось в улыбке. Он поклонился, словно благодаря её за что- то, а затем вернулся обратно. Мириандa бросилась за ним. Почти не обращая

внимания, что ведёт себя не совсем прилично. Все услышали её слова обращённые к Дофину.
- Прошу вас, верьте мне, ваше высочество!
- Благодарю вас сударыня, - спокойно отвечал Дофин, - но право, я уверен, что кто- то не совсем удачно пошутил с вами.
- Я знаю их, они не могут шутить подобными вещами!
- И всё же позвольте остаться при своём мнении!
Мирианда кусала губы от своего бессилия, не зная как убедить Дофина, который просто не поверил ей, ибо не допускал и мысли, что кто- либо осмелиться покушаться на его жизнь.
Убедившись, что их не может слышать никто, кроме тех людей, что разговаривали с Дофином и при этом бросали странные, если не сказать подозрительные взгляды на неё, Мириванда решилась. Приход Иоланты, ещё более укрепил её в решении. К тому же другого выхода не оставалось. Мириванда попросила всех замолчать и сделала это столь резко, что все рты разинули от изумления.
- Слушайте внимательно- выделяя каждое слово, вполголоса заговорила Мириванда, - я узнала, что Дофина собираются убить. Мы должны вывести его немедленно из дворца, в сад. Там, его ждут верные люди, которые вывезут его из Парижа, - видя вокруг себя недоверчивые лица, Мириванда всплеснула руками, - да поверьте же мне наконец, его убьют.
- Право смешно, - начал было Дофин, но Иоланта властным движением остановила его и устремила внимательный взгляд на Мириванду.
- Откуда ты узнала? Кто тебе сказал?
- Коринет!- коротко ответила Мириванда, - тот человек, что был с Санито в ночь, когда его ранили.
- Гвардейцы! - вырвалось у Таньги, при виде восьми хорошо вооружённых человек, которые появились в другом конце зала, под предводительством д,Антрага.
-Уходите! - властно прошептала Иоланта, обращаясь к Дофину, - для сомнений у нас не осталось времени. Да и стоят ли они вашей жизни?
- Они не посмеют!- Дофин побагровел.
- Вы ошибаетесь! - резко ответила Иоланта. - Вы многим мешаете. Уходите, уходите немедленно, иначе будет поздно.
Едва отзвучали слова Иоланты, как Таньги схватил руку Дофина и словно прогуливаясь направился с ним в сторону летнего балкона. Мириванда, под руку с Марией Анжуйской последовали за ним. О том, в каком состоянии они находятся, говорила лишь бледность на их лицах. Во всём остальном, они вели себя как ни в чём не бывало.
- Приготовь лошадей, мы будем сопровождать Дофина! - коротко приказала Иоланта сыну.
- А наша свита?
- Передай им, пусть утром выезжают в направлении Буржа. Не медли, речь идёт о наших жизнях, ибо сегодня они не отделимы от жизни Дофина.
Герцог Барский кивнул головой и через мгновение пройдя мимо гвардейцев, которые остановились подле герцога Бургундского, покинул торжество. Оказавшись на балконе, где никого не было, Таньги подбежал к перилам и посмотрел вниз. На счастье, балкон,

хоть и висел довольно высоко над землёй, выходил в сад. Не раздумывая ни мгновенья, Таньги перекинул ногу через перила и спрыгнул вниз. Вслед за этим раздался приглушённый звук и голос Таньги.
- Карл, чёрт бы тебя побрал, прыгай!
- Они не посмеют поднять на меня руку. Я наследник престола- Дофин по прежнему упорно отказывался верить происходящему.
- Умоляю вас, прыгайте! - Мария Анжуйская в сильном волнении схватила его за руки.
-И не подумаю, - твёрдо ответил Дофин, - я не трус и не стану бежать, неизвестно отчего.
-Хорошо! - Мария Анжуйская поняла, что им не убедить Дофина, поэтому набравшись решимости, сделала то единственное, что могло на него подействовать. Она перебралась через перила, не замечая, что край платья зацепился за один из острых выступов и прежде, чем Дофин успел схватить её, прыгнула вниз. Раздался треск, кусок роскошного платья повис на балконе. Вслед за треском раздалось приглушённое восклицание Марии Анжуйской, свидетельствующее о том, что она благополучно приземлилась. Снизу раздался голос Таньги.
- Я поймал её! Надеюсь, сейчас ты прыгнешь?
Слова Таньги не успели отзвучать, как Дофин уже оказался на земле и сразу после этого подбежал к Марии Анжуйской, намереваясь высказать всё, что он думает о её безумном поступке. Неожиданно сверху, раздался голос Мириады.
- Держите меня!
А вслед за этим, Таньги и Дофин едва поспели подхватить летящее вниз тело Мириады. Едва, оказавшись на их руках, Мириада попыталась поправить многочисленные складки платья, которые торчали во все стороны. С помощью кузины, ей удалось это сделать. Едва она встала на ноги, как немедленно двинулась вперёд, в темноту сада.
Из окон дворца послышались громкие крики;
- Где Дофин? Где он? Обыщите дворец, Как только увидите его- немедленно арестуйте!
Таньги подтолкнул Дофина в плечо.
- Потом поблагодаришь, а пока, пора уносить ноги.
Дофин больше не возражал. Убедившись, что против него действительно существует заговор, он сжал зубы и взяв Марию Анжуйскую за руку, торопливо направился вслед за Мириандой. Перед тем, как последовать за ними, Таньги поднял голову и взглянул на балкон. Похоже, гвардейцы считали, что они во дворце, следовательно у них было время, а значит возможность спастись.
Таньги направился вслед за остальными и вскоре догнал их. Все услышали его бормотанье.
- Клянусь богом Карл, ты не заслуживаешь такой хорошей жены. Если все испанки таковы, пожалуй, я готов поставить свечку господу, за то, чтобы он направил ко мне одну из них.
В другое время, его слова вызвали бы смех, хотя Таньги говорил совершенно серьёзно, но сейчас, все были настолько поглощены происходящим, что даже не улыбнулись. Коринет, вначале

обрадовался, увидев Мириванду, в сопровождении Дофина¸ но потом растерялся. Их было четверо, а у него были всего лишь две свободные лошади. Он сказал об этом. Все задумались, решая как лучше поступить. Хотели было оставить девушек, но Мария Анжуйская, как и Мириванда, слышать об этом не желали. У каждой из них, была веская причина последовать вместе с Дофином. Поэтому решили, что Мария Анжуйская поскачет вместе с Дофином, а Мириванда вместе с Таньги. Но и этого не пришлось делать, поскольку появился герцог Барский в сопровождении своей матери. В поводу, он вёл двух осёдланных лошадей. Дальнейшее происходило без малейшего звука. Дофин с Таньги помогли дамам взобраться в седло, затем вскочили на лошадей сами. Не задерживаясь долее ни одной минуты возле дворца, отряд- состоящий из трёх женщин и четырёх мужчин погнал лошадей галопом, по улицам Парижа. Удача сопутствовала им. Они сумели без происшествий добраться до южных ворот и меньше чем через час после ухода из дворца, они беспрепятственно покинули Париж и погнали во всю прыть лошадей по дороге в Бретиньи.

Глава 37

Впереди скакал Коринет. Он выбирал путь побега, а остальные лишь молча следовали за ним. Покинув Париж, все без исключения почувствовали облегчение, понимая, что угроза расправы над Дофином миновала, однако, они не сбавляли скорость бега лошадей, опасаясь возможной погони. Как мы уже говорили, впереди скакал Коринет. Остальные, разбившись по парам, скакали за ним. Позади Коринета, скакал Дофин, бок о бок с Марией Анжуйской. За ними Таньги с Мириандой, а замыкали отряд Иоланта с герцогом Барским. Герцог часто оглядывался на скачущую рядом с ним, мать. Иоланта замечая обеспокоенность сына, отвечала успокаивающим взглядом, дескать и не такое приходилось выносить. Успокоившись по поводу матери, герцог смотрел на прямую посадку своей кузины, которая внушала ему, всё большее уважение и почтение. В отличии от него самого, Мириванда сразу поняла суть происходящих событий и это не могло, не вызывать восхищения. Герцог Барский снова посмотрел на мать, уже в которой раз. Увидев её напряжённое лицо, он догадался, что она раздумывает над предстоящим планом действий. Он понимал так же ясно, как она, что после того, как откроется, кто именно помогал Дофину в бегстве, они станут врагами герцога Бургундского. Зная характер матери, герцог барский не сомневался, что она приложит все силы, для того, чтобы помочь Дофину. Впрочем, он сам был того же мнения. На этом мысли герцога на мгновение прервались. Комья земли вылетевшие из под копыт лошади Мириванды, ударили ему в грудь. Часть попала ему на лицо, отчего оно стало выглядеть так, словно герцог провалялся в грязи. Иоланта бросив на него взгляд, улыбнулась.

- Святой Педро- весело вскричал герцог Барский, ну и досталось мне от кузины. Я и не подозревал насколько она мстительная особа.
Услышав его слова, Мирианда обернулось через плечо, ровно, как и остальные, чтобы посмотреть, чем вызваны слова герцога. Удивление на лице Мирианды, сменилось весёлой улыбкой, едва она увидела, в каком плачевном состоянии находится лицо кузена.
- Поделом вам кузен! Будете знать, насколько опасно перечить дамам!
- Сеньора! - герцог Барский склонился к пышней гриве лошади и вытер лицо об клок волос, которые взял в свободную правую руку. Лицо герцога слегка посветлело и очистилось, однако грязь местами осталась.
- Боже, до чего вы дошли кузен? - Мирианда заливисто засмеялась.
Что поделаешь кузина? - герцог Барский развёл руками так широко, что едва не свалился с лошади на полном скаку.
- Будь осторожен! - вырвалось у Иоланты.
- Будешь тут осторожен, святой Педро - проворчал герцог, рукавом камзола, счищая остатки грязи с лица, - так тебя всё равно закидают грязью.
Эти слова вызвали новый приступ смеха у Мирианды. Таньги тоже улыбнулся этим словам. Что же касается Дофина и Марии Анжуйской- они не замечали никого и не слышали ничего, поглощённые созерцанием друг друга и редкой возможностью, насладиться неожиданно дарованной свободой, где они могли не опасаться косых взглядов и сплетен в свой адрес. Лошади, мчавшиеся галопом, по прежнему выкидывали из под копыт комья земли, но к счастью герцога Барского, того что произошло, больше не повторялось.
Ночь ушла, уступая место восходящему солнцу. Вокруг стало светло. Несмотря на раннее время, было довольно тепло. И лишь холодный ветер, бьющий им в лицо, слегка беспокоил всадников, особенно женщин, которые скакали в том, в чём бежали из дворца, то есть в одних платьях.
Показались окрестности Бретиньи, вдоль которого вилась полоса Бретюнского леса. Коринет замедлил бег лошади, а затем и вовсе остановился. Голова его была повёрнута назад. Единственный глаз напряжённо всматривался вдаль. Остальные тоже остановились, ожидая дальнейших действий Коринета.
- За нами погоня!- коротко сообщил Коринет, указывая рукой туда, где они проехали совсем недавно. Все шестеро повернули головы, всматриваясь в то место, куда указал Коринет и вскоре заметили небольшое облако пыли, которое отражалось в предрассветных лучах восходящего солнца. Таньги пришпорил коня, направляясь к небольшой возвышенности, что находилась справа от них. Он взлетел на возвышенность, остановил коня и некоторое время всматривался вдаль, а затем вернулся обратно и сообщил, что за ними действительно идёт погоня.
- Много их?- спросил дофин.
- Много, - отвечал Таньги, никак не меньше сотни всадников.
- Святой Педро! - герцог Барский аж присвистнул от удивления, - похоже, мы не на шутку рассердили бургундцев. Что же делать? В лес? Там можно укрыться.

Коринет отрицательно покачал головой.
- Ни в коем случае. Только вперёд.
Вслед за этими словами, Коринет пришпорил лошадь, снова пуская её в галоп. Остальные последовали за ним. Все, без исключения часто оборачивались назад во время скачки и не могли не заметить, что погоня, отправленная за ними, довольно быстро настигает их. Прошли ещё несколько минут скачки, они миновали Бретиньи, когда отчётливо увидели первые ряды бургундских всадников. Слева, показались длинные ряды виноградников, которые медленно поднимались на высокий склон горы. Коринет свернул с дороги и погнал коня по огромному полю в сторону виноградников.
- Они настигают нас! - закричал герцог Барский, - нам не уйти
Коринет, не обращая внимания на его слова, целенаправленно гнал коня к виноградникам. Расстояние, между ними и преследователями, быстро сокращалось. К моменту, когда беглецы достигли первых рядов виноградников, расстояние между ними составляло не более четырёх сотен шагов. Не оглядываясь назад, Коринет направил коня, между кустами виноградников и помчался по узкому проходу. Вслед за ним, то же самое проделали остальные. Разделившись, ибо по проходу мог скакать лишь один всадник, они пследовали за Коринетом, в душе надеясь, что тот знает, куда ведёт их. Виноградники, медленно поднимались в гору. Измученные лошади, понемногу начали сбавлять бег. В эту минуту, оглянувшись назад, герцог Барский увидел, что преследователи разделились на три группы. Одна часть скакала за ними, а две другие скакали справа и слева от них. Герцог Барский осознал, прежде чем они достигнут вершины возвышенности, преследователи отсекут им путь и они окажутся в окружении. Виноградники закончились. Оставалось небольшое открытое расстояние до возвышенности. Преследователи уже двигались с двух сторон, им наперерез.
- Остановитесь! - изо всех сил закричал герцог Барский, - нас окружают.
Неожиданно, не только для него, но и для всех остальных, Коринет осадил коня, останавливая его бег. Конь был весь в мыле, как впрочем и остальные лошади. Они тяжело дышали, как и всадники. Все столпились вокруг Коринета, не понимая этой остановки.
- Достаточно! - тяжёло дыша, прохрипел Коринет, - набегались. Теперь пора бургундцам побегать.
Бургундцы замедлили бег коней, прекрасно понимая, что загнали беглецов в ловушку. Они приближались с трёх сторон.
- И это всё?- гневно вскричал герцог Барский, - всё что вы для нас уготовили? Они убьют Дофина, а мне придётся горько сожалеть, что я не убил тебя тогда, когда ты перешёл грань дозволенного, но клянусь честью, на сей раз… ты почему улыбаешься?
Улыбка у Коринета была страшноватой. Он произнёс единственное слово.
- Слушайте!
Беглецы прислушивались так, словно оттого, что они услышат, зависела их жизнь. Впрочем, они были недалеки от истины. Бургундцы окружали их. Расстояние между ними составляло не более ста шагов, когда все увидели всадника. Всадник, неожиданно появился из- за возвышенности. Беглецы видели прекрасного

чёрного жеребца, который стремительно нёс всадника в сторону бургундцев.
- Кто он? - сказал, было, герцог Барский, но тут же застыл с открытым ртом.
За всадником на чёрном коне, начали появляться другие. Их были десятки, сотни. И прежде чем беглецы осознали происходящее, они услышали душераздирающий вопль Бургундцев.
- Арманьяки! Арманьяки!
Арманьяки лавиной двинулись с возвышенности на бургундских всадников, которые немедленно развернули коней, прекрасно понимая, что перед ним был не только смертельный враг, но и грозный противник, превышавший их в несколько раз числом воинов. Они бросились отступать, но их лошади устали после долгой скачки, в то время как лошади под Арманьяками, были свежими и отдохнувшими. Арманьяки быстро догоняли бургундцев.
Филипп, летевший на коне впереди всех, поравнялся с беглецами.
- Санито! - вырвалось у Мирианды.
Не замедляя бега коня, Филипп полетел дальше и беглецы стали наблюдать за стремительной атакой Арманьяков. Одно мгновение, другое и Филипп первым врезался в спины убегающих бургундцев, рубя их налево и направо. Ещё через мгновение Арманьяки один за другим начали врезаться в бургундцев. Тем, не оставалось иного выхода, как остановиться и принять неравный бой. Коринет пришпорил коня, направляясь в гущу закипевшей битвы, глазами выискивая Филиппа. Остальные остались на месте. До них донёсся лязг металла и душераздирающие крики, большей частью принадлежащие бургундцам. Все, как один следили за чёрным жеребцом, который появлялся то в одном месте, то в другом. Они отчётливо видели, как Филипп орудовал саблей. Видели, как один за другим его противники, словно скошенные валились на землю. Восседая на чёрном жеребце, с лицом, полным ярости и гнева, он производил ужасающее впечатление на бургундцев. Филипп сеял вокруг себя смерть, не видя опасности и не чувствуя страха. Он был охвачен жаждой крови и не мог ею насытиться. Схватка длилась меньше четверти часа. Часть оставшихся после бойни бургундцев- сложили оружие и взмолились о пощаде. Филипп остановился и оглядел сражение. Большая часть бургундцев осталась на земле. Оставшихся в живых сгоняли в кучу и связывали, словно баранов.
-Нет! - неожиданно для всех, а возможно и для самого себя, приказал своим людям Филипп, - отпустите их и отдайте им лошадей.
Жорж де Крусто, с нескрываемым удивлением посмотрел на него. Но ему ничего не оставалось, как выполнить приказ, к великой радости бургундцев, которые ушли, благословляя его доброту. Арманьяки, подобрали раненых и убитых и погрузили их на подводы. Филипп следил за действиями своих людей. И лишь когда всем было оказано внимание и помощь, он повернул коня в сторону беглецов, жизнь которых спас только что. Все они спешились и ожидали приближения Филиппа. Мирианда, по мере его приближения, то бледнела, то краснела, то бросала на кузину растерянный взгляд, словно говоря, «я не знаю что мне делать». В ответ, Мария Анжуйская только улыбалась, прекрасно понимая состояние кузины,

которое, почти не отличалось от её собственного. Обе были влюблены. А влюблённые, как никто другой, понимают друг друга. Филипп остановил коня в нескольких шагах от них и спешился. Дофин, открыто улыбаясь, пошёл ему навстречу.
- Ваше высочество! - Филипп поклонился, но тут же попал в крепкие объятия Дофина. Они некоторое время стояли обнявшись, затем отстранились.
- Филипп, друг мой! - Дофин от всей души пожимал ему руку, - ты жив, ты спас меня. Какому святому я обязан этой милости? Чьи молитвы были услышаны богом? Неужто и вправду происходит то, что видят мои глаза? Филипп!
- Ваше высочество! - взгляд Филиппа стал мягким, я…
- Пойдём со мной! - Дофин буквально потащил его за собой к остальным.
Обведя своих друзей по бегству счастливым взглядом, Дофин торжественно произнёс:
- Позвольте представить вам моего друга, спасителя, отважного и храброго графа Арманьяк, де Фацензак, де Родез, герцога де Немур!
Филипп молча поклонился Иоланте, получив в ответ благосклонный кивок. Затем, он обменялся поклонами с герцогом Барским. После этого, он отвесил два глубоких поклона Марии Анжуйской и Мирианде, которые в ответ грациозно присели перед ним. Всё происходило с такой торжественностью, словно они находились не в поле, а во дворце. Последним в очереди был Таньги дю Шастель. Они с Филиппом смотрели друг на друга, а потом крепко обнялись. Таньги, сразу после этого, попал в объятия Жоржа де Крусто. Пока они обнимались, Мария Анжуйская с неподражаемой грацией, наградила Филиппа поцелуем в щёку, чем привела его в явное смущение.
- Это моя благодарность за наше спасение, - звонким голосом и без тени смущения сообщила она, - надеюсь, граф Арманьяк будет нам таким же хорошим другом, каким был Санито де Миран!
- Не сомневайтесь в этом миледи! - Филипп поклонился, стараясь скрыть свои чувства и не показать, что его растрогал поцелуй Марии Анжуйской и её слова.
Герцог Барский протянул руку Филиппу, в знак примирения.
- Надеюсь, вы сможете простить меня? - спросил он виноватым голосом.
Филипп пожал ему руку, не раздумывая.
- Мне не за что прощать вас!
Мирианда понимала, что и ей следует что- то сказать, но она не решалась. Она завидовала смелости кузины и упрекала себя в том, что не может последовать её примеру. Видя её нерешительность, Мария Анжуйская лукаво сощурилась.
- Помниться кузина, вы собирались что- то сказать графу!
Я? - вырвалось у Мирианды, но она тут же взяла себя в руки и несмотря на то, что, всё в ней пылало от близости Филиппа, включая щёки, сумела довольно ровным голосом произнести:
-Примите и мою благодарность!
В глазах Филиппа появилось незнакомое ранее выражение. Это была без сомнения нежность, с которой он смотрел на Мирианду, видимо

догадываясь о том, какие чувства она испытывала она, в данную минуту.
- Если вы не возражаете, мы могли бы продолжить разговор в Осере.
Предложение Филиппа было встречено с радостью. Все без исключения, сразу согласились и через несколько минут после этого, они уже сидели в сёдлах. Оживлённые разговоры не стихали, ни на минуту. Бывшие беглецы, могли боле не опасаться. Вслед за ними, по направлению к Осеру, двигался отряд из 200 всадников, предводимый человеком, которому отныне, они могли без раздумий доверить свои жизни. Они достигли Осера ближе к вечеру. Иоланта могла только поражаться тому, с каким восторгом встречали появление Филиппа на улицах города. Где бы он ни появлялся, всюду слышалось;
- Слава нашему монсеньору! Слава графу Арманьяку!
Все горожане оказывали глубокое почтение и выражали своё восхищение, молодому человеку, что двигался во главе отряда и который в свои 23 года заслужил репутацию отчаянного храбреца и бесстрашного воина.

Глава 38

Герцог Бургундский так и не покинул дворца Сен- Поль. Он, уже в пустом зале, где за исключением его самого, королевы Франции, её карлицы и Гилберта де Лануа, никого не было, дожидался вестей от своих людей, которых послал вдогонку за сбежавшим Дофином. Ожидание продлилось до полудня. Герцога охватывала всё большее нетерпение. От поимки дофина зависела дальнейшая судьба Франции и переговоры с королём Англии. Он отчётливо понимал, что случится, если Дофину удастся скрыться. Без всяких сомнений, он направиться в свою исконную провинцию - Дофине, где немедленно начнёт собирать войско для борьбы с ним. Герцог Бургундский схватился за голову. Не следовало затевать всё это против дофина, или следовало закончить начатое, иначе всё могло закончиться кровопролитной войной для Бургундии. А учитывая растущую мощь Арманьяков и возможное недовольство Англии, он мог оказаться среди множества врагов.
- Дофин, Дофин! - повторял герцог Бургундский, вышагивая по залу. Если ему удастся уйти, все наши планы пойдут на смарку. Больше того, мы окажемся перед лицом сильного и умного врага. Дофин- это не его безвольный, полусумасшедший отец, который не видит ничего кроме кончика своего носа и только тогда, когда не страдает приступами безумиями. Дофин унаследовал черты своего деда - Карла Y. Он обладает решительностью и смелостью, которые могут принести нам немало бед. Он без труда соберёт 10- 15 тысяч воинов. С такими силами он станет серьезной угрозой. Мы не должны позволить этому случиться.
Герцог перестал разговаривать сам с собой и остановился. За дверьми раздался шум шагов, а вскоре появился маркиз д,Антраг.

- Дофин пойман?- нетерпеливо закричал герцог Бургундский.
- Нет! Наш отряд почти полностью разбит!- коротко сообщил маркиз д,Антраг
- Кем?- закричал герцог Бургундский.
-Арманьяками! - последовал ответ, они заманили наших людей в ловушку и перебили их. Дофин по всей видимости находится с ними. Герцог Бургундский не взирая на присутствии королевы, разразился потоком площадной брани. Несколько минут он кричал и ругал всех подряд, начиная от Арманьяков, заканчивая своими людьми, которых называл не иначе, как трусами. Едва злость прошла, как герцог немедленно обратился к Гилберту де Лануа.
- Отправь гонцов во все провинции. Пусть немедля собирают всех людей, которые только есть. Больше не остаётся сомнений в том, что Арманьяки действуют заодно с Дофином. Отправь письмо королю Англии, - продолжал резким голосом герцог Бургундский, - попроси у него помощи от моего имени. Напиши, что в ближайшем времени, против меня могут выступить Арманьяки и Дофин, а это по самым минимальным подсчётам около 20 тысяч воинов. Если он не поможет, я оставлю Париж и закроюсь с войском в Дижоне, так и напиши. Пусть потом сам разбирается с ними. Без моей помощи! - герцог на время замолк, видимо что- то обдумывая.
-Это всё монсеньор? - решился нарушить молчание Гилберт де Лануа.
- Нет! Отправь ещё одно письмо в Клюни, настоятельнице. Напиши ей, что я повелеваю, ни под каким предлогом, ни выпускать мою дочь из монастыря. Для меня эта блудница умерла, так и передай. Гилберт де Лануа поклонился и только карлица заметила, каким зловещим стал его взгляд.
В последующие несколько часов, герцог Бургундский провёл в бурных приготовлениях. Опасаясь, нападения на Париж, он приказал трёхтысячному бургундскому гарнизону нести усиленное, круглосуточное дежурство. Все стражники у ворот были увеличены вдвое. Никому не позволялось без специального разрешения въезжать в Париж. К концу дня, Париж уже напоминал осадный город. Распоряжения герцога Бургундского и разозлили без того недовольных горожан. Они стали открыто выражать своё недовольство герцогу Бургундскому. Положение в Париже осложнилось и грозило вылиться в открытое противостояние. Не обращая внимания на недовольство горожан и преследуя лишь собственные интересы, герцог Бургундский издал к концу дня закон, который запрещал горожанам, появляться на улицах после полуночи. Любой, кто нарушит этот приказ, считался преступником. В этот день, герцог Бургундский восстановил против себя весь Париж, как до этого заключив союз с Англией, восстановил против себя всю Францию.
В то время, как герцог Бургундский напрягая все силы, готовился к войне, жизнь в Осере текла в обычном русле. Филипп ясно осознавал, что назревало прямое столкновение, но решил не торопить события и посмотреть, что предпримет герцог Бургундский, а уж затем действовать. Он не мог рисковать. Удар мог быть направлен только тогда, когда он был бы уверен в его

успехе. По этой причине, в Осере царило спокойствие и безмятежность.

Глава 39

Филипп разместил гостей, на втором этаже замка, где находились и его покои. Лишь убедившись, что у его гостей есть всё необходимое, Филипп, ровно как и все его гости, уставшие после пережитого, отправился спать. Замок погрузился в тишину. Лишь один человек бодрствовал кроме стражи. Это был Коринет. Прислонившись спиной к стене, возле двери в опочивальню Филиппа, Коринет положил на свои колени топор и закрыл глаз. В таком положении и застал его герцог Барский, который проснулся раньше всех и теперь направлялся к покоям, которые отвели его матери. Герцог Барский только и мог, что покачать головой, увидев Коринета под дверью покоев Филиппа. Преданность этого человека поражала его. Злость, которую он некогда испытывал по отношению к Коринету, давно испарилась без следа. Посчитав его спящим, герцог Барский миновал покои Филиппа и двигаясь по коридору, устланному коврами, остановился возле следующей двери. Он поднял руку, чтобы постучать в дверь, когда услышал голос Коринета.
- Это покои Дофина!
Герцог барский посмотрел на Коринета и понял, что этот человек вовсе не спал и лишний раз подивился его поведению.
- А где покои моей матушки?
- Следующая дверь справа!
Герцог Барский кивнул. Он постучал в указанную дверь, почти сразу же услышав в ответ: Войдите!
Он открыл дверь и сразу увидел свою мать, которая стояла возле открытого окна и с наслаждением вдыхала свежий утренний воздух. Она даже не обернулась при появлении сына. Герцог подошёл к матери и стал рядом с ней. Он проследил за взглядом матери и увидел, как несмотря на ранний час, слуги усердно сновали по двору. В стороне, на площадке, около двух десятков обнажённых по пояс мужчин, сошлись в поединках, упражняя своё мастерство владения шпагой. Он увидел, как один из конюхов, вывел из конюшни рассёдланного коня Филиппа и оставил его возле колодца, что стоял совсем рядом с конюшней. Жизнь в замке текла своим ходом. Герцог Барский посмотрел на свою мать.
- Да мой сын, именно так всё и обстоит, - не глядя на него произнесла Иоланта, - здесь повсюду, чувствуется твёрдая рука. Люди беспрекословно подчиняются своему господину. А что важнее всего - они его любят.
Иоланта обернулась к сыну и собиралась продолжить, как в комнату без стука, буквально влетела Мария Анжуйская, а вслед за ней и Мирианда. Иоланта укоризненно покачала головой.
- Пора вам повзрослеть и перестать вести себя так, словно вы ещё дети!
Ответом ей был смех Марии и возмущённый вид Мирианды, который ещё более подогревал веселье её кузины. Предоставив, им самим

разбираться в своих отношениях, Иоланта снова повернулась и выглянула из окна, как делала это последние два часа. Герцог Барский, улыбаясь, следил за шутливой перепалкой своей сестры и кузины. Однако, вскоре ему это надоело и он пригрозил отправить обеих обратно в Испанию. Угроза возымела мгновенное действие. Обе девушки замолчали, хотя продолжали переглядываться, продолжая перепалку - взглядами.
- А он неплохо сложён? - раздался голос Иоланты.
- Кто? - одновременно воскликнули девушки.
В мгновение ока, они оказались у окна, отстранив при этом герцога барского. Они сразу же увидели обнажённого по пояс Филиппа, которой вытаскивал из колодца ведро с водой. Перекатывая мускулами на руках, он начал руками обтирать спину коня водой. Он делал этот несколько минут, пока из замка, во двор не вышел Дофин и не присоединился к нему. Они не слышали, о чём шёл разговор, но увидели, что Филипп оставил коня и они вместе с Дофином направились к площадке, на которой упражнялись в фехтовании воины. Увидев это, герцог Барский поспешно покинул комнату. Коринета уже не было. Граф покинул комнату, понял герцог. Он без промедления спустился во двор, для того чтобы присоединиться к Дофину и графу, которые к моменту его прихода, уже стояли в позициях. Женщины с удовольствием наблюдали из окна за поединком Дофина и Филиппа. Несмотря на отличное владение шпагой, Дофин уступал Филиппу. Это они сразу заметили. Филипп фехтовал наравне с Дофином, но едва он увеличивал скорость движения и начинал фехтовать быстрее, как юному Дофину приходилось прилагать все свои усилия, чтобы избежать укола. В течении нескольких минут, ему удавалось сдержать атаки Филиппа. Наконец, Дофин осознал для себя, что победителя не будет. Он опустил шпагу и отступил назад. Соперники обменялись поклонами.
- Дофин прекрасно фехтует! - раздался восхищённый голос Марии Анжуйской, - но брат фехтует намного лучше. Будь уверена, он легко одолеет твоего Санито - эти слова Мария Анжуйская произнесла когда увидела, что место Дофина занял герцог Барский. Мирианда в ответ на эту тираду кузины, незаметно показала язык.
- Я всё вижу! - раздался голос Иоланты.
- Простите! - Мирианда покраснела.
Тем временем, Дофин, смеясь, говорил Филиппу о том, что герцог Барский фехтует несколько лучше него и просил его, быть как можно внимательней. Как только он подал знак к началу поединка, шпаги скрестились. Дофин застыл от изумления. Целая серия обманных движений, каскадом обрушившаяся на герцога Барского, привела к тому, что его шпага оказалась на земле, а он с совершенно растерянным видом смотрел на противника, который салютовал побеждённому.
Мирианда вскрикнула от восторга и с видом победительницы посмотрела на кузину. Та в ответ звонко рассмеялась, чем озадачила Мирианду.
- Я не сомневалась в том, что он победит! - как ни в чём ни бывало заявила Мария.
- Ты всего несколько минут назад, утверждала иное! - возмутилась Мирианда.

- Достаточно на сегодня, - вмешалась Иоланта, сурово поглядывая на обоих девушек, - я знаю, что вы искренне любите друг друга, как и полагается добрым кузинам. Однако, не забывайте, что мы находимся в гостях и ваше поведение может воспринято неправильно. Вместо того, чтобы ссориться, вам следует подумать о том, что одной из вас следует покинуть Осер супругой Дофина, а второй вовсе не покидать его.
- Матушка! - раздались одновременно два счастливых голоса.
Иоланта улыбнулась. Как легко она направила мысли юных созданий в нужном направлении. Они были влюблены. А что может привлечь более всего влюблённого человека? Только разговор о предмете его обожания. Разговор прервался. Прислуга передала, что завтрак готов и их ждут внизу, в главном зале. Потратив несколько минут на то, чтобы привести себя в порядок и сетуя на то, что весь гардероб остался в Париже, Иоланта повела девушек вниз. Когда они подошли к столу, то увидели только Дофина и герцога Барского, которые немедленно поднялись при их появлении. Дофин встретил появление Марии, лучезарной улыбкой. Иоланта посадила Марию рядом с дофином, чем несомненно выполнила его горячее желание. Мириандy она посадила справа от свободного кресла, которое стояло прямо по центру стола. А сама села рядом с сыном, напротив дофина и Дочери.
- Где остальные? - поинтересовалась Иоланта, удобнее усаживаясь на кресле и наблюдая за тем, как слуги разносят аппетитно пахнущую еду.
- Таньги куда то уехал со своими друзьями, а граф скоро придёт,- с готовностью ответил Дофин.
Они не притрагивались к еде, ожидая появление хозяина дома, который в эту минуту находился в своих покоях и собирался облачиться в рубашку с кружевными рукавами. Пока он одевался, в покои вошёл Коринет. Покопавшись в кармане, он извлёк кожаный мешочек, который получил от карлицы и протянул его Филиппу. Тот с недоумением глядя на Коринета, извлёк из мешочка маленький пузырёк с жидкостью.
- Что это такое?
- Мой друг сказал, что это жизнь и велел носить его с собой. Больше мне ничего не известно.
-Странно, - пробормотал Филипп, - надеюсь, я смогу узнать, кто этот загадочный человек, который помогает мне,- он засунул пузырёк обратно и положил его на кровать, но Коринет взял его и подошёл к Филиппу.
- Придёт время и ты всё узнаешь! - Коринет взялся своими огромными ручищами за тесёмки, которые свисали с краёв мешочка и в следующую минуту, обвил ими шею Филиппа. Затянув узелок на затылке Филиппа, Коринет подёргал мешочек, который лёг ровно посередине груди Филиппа. Убедившись, что он крепко держится, Коринет отошёл от Филиппа, давая ему возможность одеться. Что Филипп и сделал. При этом он вздыхал и качал головой, но тем не менее, не воспротивился тому, что сделал Коринет. Одевшись, он в сопровождении Коринета спустился вниз и занял своё место, рядом с Мириандой. Коринет остановился немного поодаль и скрестив

руки, сделал вид, будто не замечает ничего, хотя не выпускал из виду Филиппа и еду, к которой он притрагивался.
-Я зол на вас граф! - в перерывах между блюдами заявил Дофин, - вы поддавались мне во время поединка, что совершенно неприемлемо.
- Ваше высочество, я никогда не смогу поднять против вас оружие, даже если это обычная тренировка!
Ответ Филиппа вызвал невольное восхищение присутствующих.
- В таком случае вам придётся научить меня всему, что знаете сами! - заметил Дофин, которого несомненно порадовали слова Филиппа.
- Приложу все силы, ваше высочество! - совершенно искренне ответил Филипп, одновременно краешком глаза наблюдая Мириандой. Мирианда бросила на него украдкой взгляд, после чего резко покраснела и опустила глаза.
- Граф, я не видела у вас в замке часовни! - вмешалась в разговор Иоланта, её действительно нет?
- Я приказал снести часовню, но в городе есть больше двух десятков церквей. Если вы пожелаете, вас проводят в любую из них! - ответил Филипп.
Его ответ привёл гостей в недоумение.
-Как снесли?- Иоланта почти не верила в услышанное, убеждённая католичка, она воспринимала такие вещи, как личную обиду, - ведь сделанное вами, самое настоящее богохульство, если не больше.
-Я не верю в Бога!- коротко ответил Филипп, приводя своим ответом всех в ужас. Все, даже Мирианда смотрели на него со страхом. Как возможно говорить такие слова. Но Филипп, на лице которого не изменилось ни единой чёрточки, невозмутимо поглощал пищу, в то время как остальные перестав есть, не знали как поступить дальше.
- Нельзя произносить такие слова,- опомнившись от потрясения, внушительно произнесла Иоланта, - он отречётся от вас и тогда...
-Это я отрёкся от него! - вскричал Филипп, теряя обычное хладнокровие,- я отрёкся от него, как он отрёкся от сотен людей, обрекая их на мучительную смерть. Я проклял его, когда он отнял у меня родителей,- Филипп неожиданно замолчал. Все понимали, что у него вырвались наружу чувства, которые от тщательно от всех скрывал. И лучше всех это понимала Иоланта. Она с нежностью матери посмотрела на Филиппа, и голос её был наполнен участием и пониманием.
- Мы знаем, что вам довелось пережить. Мы знаем, что произошло во время казни
-Что вы знаете? - с горечью в голосе перебил её Филипп, и чувства сдерживаемые им в течении многих лет, хлынули на окружающих, словно бушующий водный поток.
- В ту ночь, к моему отцу явился епископ Мелеструа. Он предупредил нас об опасности, но отец не прислушался к нему. Да он и не мог прислушаться. Он не мог всё бросить и уехать. Даже сейчас, зная, что произошло, сделай он это, я бы возненавидел его. Но он принял решение остаться, а я в тот день был полон решимости – защитить его, и с этой целью забрался на крышу дома. Оттуда, я увидел первые вспышки пожаров. В ту минуту, я ещё не

знал, что происходит в Париже. Горя желанием, помочь несчастным, которые могли в эти минуты нуждаться в помощи, я незаметно покинул наш дом, прихватив при этом оружие и лошадь моего отца. Я – 12 летний мальчишка, отправился ночью по улицам Парижа, которые и в обычное время опасны, а в ту ночь, смерть ждала каждого из нас – повсюду.
Уже через несколько минут, после того, как я покинул дом – пришло ясное понимание происходящего в городе – продолжал рассказывать глухим голосом Филипп, под полную тишину, царившую за столом. Он не видел, как зал наполняется воинами из его отряда. Он не видел, как его друзья смотрят на него, он не видел, что даже слуги забросив все дела, застыли невдалеке от стола и неимоверно напрягают слух, чтобы не пропустить ни одного слова.
- Я увидел женщину с ребёнком, за которой гналась разъяренная толпа и вопила: «Смерть Арманьякам». Не раздумывая, я бросил коня на толпу и сумел спасти женщину. Убийцы обратили своё внимание на меня. Тогда, я впервые повстречался с Кабошем. Я попытался скрыться от толпы, которая жаждала моей смерти, но ему удалось схватить меня. Но не удалось остановить. Я отсёк ему кисть и сразу после этого, собрался отправиться домой, но услышал крик о помощи. Кричала женщина. Я поскакал на её голос, который привёл меня к одному. Повсюду, на этой улице валялись мёртвые тела. Зрелище было ужасающим и чудовищным. Вид крови и мёртвых тел, вызвал у меня приступы тошноты, но я знал, что нужна моя помощь. И превозмогая самого себя, я вошёл в дом, откуда доносился голос. Я увидел обнажённую девушку, которую собирались обесчестить двое мужчин. Не раздумывая, я убил обоих. Там же, я услышал разговор, из которого явствовало, что бургундцы, собираются напасть на наш дом. Они хотели убить всех наших людей, пока они спали. Я понял, что время идёт на минуты. Жизнь моего отца, матери и всех наших воинов – висела на волоске. Я вскочил в седло. Чтобы не попадаться на глаза бургундцам, я решил сделать крюк. И вот тогда, – Филипп на мгновение замолчал, его кулаки сжались, на лице заиграли скулы,
- я увидел сотни женщин, детей, мужчин стариков. Все они, стояли у дверей церкви Святой Катерины и молили впустить их внутрь.
Я даже передать не могу, до чего меня потрясли эти мольбы – Филипп снова замолчал. Все понимали, насколько тяжело ему вспоминать произошедшее. Но через мгновение его голос зазвучал с силой и неудержимой яростью.
- Но ещё больше потрясли закрытые двери церкви. Божьи служители бросили несчастных тогда, когда они более всего в этом нуждались. В ту минуту… Я поклялся себе, что вернусь обратно вместе с нашими воинами.
Я успел прибыть раньше бургундцев. Я предупредил отца и вскоре, все наши сто воинов, выстроились перед запертыми воротами, ожидая нападения бургундцев. Силы бургундцев, троекратно превышали наши, но тем не менее, нам удалось за несколько минут рассеять их и вырваться из дома. И в ту минуту, когда мы это сделали – именно я принял решение, направиться к церкви святой Катерины. Решение, которое много лет мучает меня, ибо оно

привело к смерти моего отца, Монтегю, и всех наших воинов. Я часто спрашивал себя, а правильно ли я поступил? Ведь, мы не смогли спасти несчастных. Но даже сейчас, зная все последствия того решения – я знаю, иначе поступить было бесчестно.
- Мы прибыли к церкви! – продолжал рассказывать Филипп и голос его снова зазвучал глухо и негромко, - когда обезумевшая толпа, начала убивать наших сторонников. Мы раскидали толпу. Затем, отец приказал вывести спасённых людей из города. Но в ту минуту появились бургундцы. Мы могли с лёгкостью прорваться и покинуть Париж, но позади нас были, сотни безоружных людей. Мы не могли их бросить. И мы приняли бой.
Против нас был шестикратный перевес в силе, но мы встали непроходимой стеной, между убийцами и безоружными людьми. Бой длился несколько часов. Я сражался рядом с отцом и Монтегю. Казалось, нам уже удалось совершить невозможное, но именно в тот момент прибыла бургундская гвардия. Мы поняли, что всё кончено. Погибли все наши воины. В живых, остались только я, мой отец и Ги де Монтегю. Мы не смогли спасти наших сторонников. Не смогли.
Филипп снова замолчал. Лицо у него покрылось бледностью. Было заметно, что он снова переживает эти события. Все молчали, ожидая продолжения. Филипп, снова заговорил. Ему надо было выговорится до конца и может быть, наконец обрести хотя бы некоторое спокойствие и избавиться от мыслей. Которые мучили его столько лет.
- Нас приговорили к смертной казни. Одиннадцать дней, мы провели в Шатле и все эти дни, я смотрел, как Сена несёт мёртвые тела людей, которые имели несчастье, именовать себя нашими сторонниками. Каждый раз глядя на эти тела, я клялся покарать бургундцев, если останусь в живых.
В ночь, перед казнью, мы с отцом говорили до самого утра. Он посвятил меня во все тайны нашего рода, ибо свято верил в моё спасение. А утром, нас повезли на казнь.
Монтегю, казнили первым. Когда, отец поднялся на эшафот, я увидел свою мать. Она рыдала и молила пощадить его. Я понимал, что она переживает, но просить своих врагов о милости… всё восставало во мне против этого. Отца казнили. Странно, но меня не столько угнетала его смерть, как ликование людей, приветствующих её. Я не стал дожидаться, когда меня поведут на эшафот, – продолжал рассказывать Филипп, не замечая с какой болью в глазах, смотрит на него Мирианда. Он не видел десятки взглядов, которые выражали глубокое сочувствие и понимание.
- Я поднялся на эшафот и встал на то место, где пролилась кровь моего отца. Я был готов к смерти. Но моя мать не была к ней готова и она бросилась в ноги герцогу Бургундскому и умоляла его пощадить меня. Герцог Бургундский согласился помиловать меня с условием, что я поклянусь ему в верности. Поклясться герцогу Бургундскому в верности? – Филипп впервые поднял взгляд и посмотрел на окружающих. В его взгляде сверкала столь открытая ненависть, что все буквально застыли, не в силах отвести взгляд от этого непоколебимо твёрдого лица.
- Всё восставало во мне против этого. Я не мог принять его милости даже ценой своей жизни. Вместо клятвы верности, герцог

Бургундский, получил другую клятву. Я при всех, поклялся убить его. И я сдержу свою клятву, рано или поздно. Но в тот миг, я преклонил голову, ожидая смерти. Палач спас меня.
- Значит это правда?- вырвалось у герцога Барского.
- Правда! – подтвердил Филипп, и продолжал, - в тот день, палач спас меня ещё раз, когда убийцы, посланные герцогом Бургундским за мной и матерью, настигли нас. Меня с матерью отвели на берег Сены. Мою мать убили на моих глазах, когда она пыталась спасти меня. Палач спас меня, от удара кинжала, но сам упал тяжелораненый. Я был в окружении убийц. Палач крикнул мне, что бы я бросился в Сену. Я послушался и прыгнул в воду, спасаясь от убийц. Убийцы, метнули в меня стрелу. Она попала мне в плечо. Они ушли, думая, что я утонул. Но я не утонул. Я выплыл на берег и потерял сознание. Нашла меня какая то женщина. Она же передала, епископу Мелеструа о том, что случилось. Глубокой ночью, епископ, вместе с двумя братьями из аббатства, забрал меня. Несколько месяцев, я восстанавливал свои силы. А когда выздоровел, епископ отправил меня в Испанию. Ибо только там, я мог бы оправиться и вновь собраться с силами. К тому же во Франции, мне грозила неминуемая смерть.
- Епископ Мелеструа, спас вас? – герцог Барский почему то побледнел. Он не замечал, с какой укоризной смотрят на него и Мириандa, и Мария Анжуйская и даже его собственная мать.
- Да! – коротко ответил Филипп, - я и прежде уважал его, но с того самого дня, начал почитать его, как родного отца.
- Тогда что же произошло в аббатстве? Как он умер? – не смог сдержаться от вопроса герцог Барский, нам сообщили, что именно вы убили епископа и ещё несколько монахов.
- Их было десять, – поправил его Филипп, - мы с Коринетом, убили их всех. Но то были не монахи, а убийцы. Они тяжело ранили епископа и едва не убили меня, прежде, чем я успел осознать, что происходит. Епископ Мелеструа, умер на моих руках. Я до сих пор, оплакиваю его смерть, поэтому,- Филипп поднял тяжёлый взгляд на герцога Барского, - прошу вас, никогда не повторяйте слов, которые вы только что сказали. Вы уже дважды испытали моё терпение.
- Прошу прощения! – раскаявшись, произнёс Барский. Было заметно, что его слова искренни.
На некоторое время, воцарилась полная тишина. Все вокруг осмысливали и переживали услышанное. И более всех – Мириандa. Она не знала, какие слова сказать Филиппу, чтобы он понял – она разделяет с ним, его боль. Она готова на всё, лишь бы помочь ему, забыть её.
Тишина продолжалось недолго. Её нарушил голос Дофина.
- Граф, вы говорили, что палач был тяжело ранен? А что с ним стало, вам известно?
Лицо Филиппа осветилось. На губах появилось мягкая улыбка.
- Даже не видя его, я знаю, что он стоит у меня за спиной! С тех пор, мы не разлучались!
Все взгляды мгновенно обратились на Коринета, который действительно стоял за спиной Филиппа. У многих на лицах,

появилась гримаса отвращения и брезгливости, когда они поняли, что рядом с ними стоит знаменитый Парижский палач.
Остро чувствуя, какие чувства питают к нему окружающие, Коринет, с опущенной головой побрёл к выходу из зала.
- Капелюш! – окликнул его Филипп.
Капелюш остановился и повернулся к Филиппу. В единственном глазе застыла глубокая горечь.
- Не важно, что думают о тебе люди! Не важно, как они к тебе относятся! Не важно, кем ты был и что делал. Помни не об этом, а о другом. Граф Арманьяк, почитает за честь дружбу с тобой. Он почитает за честь пожимать твою руку!
Лицо Капелюша задрожало при этих словах. Он повернулся и быстро зашагал к выходу, а Филипп обернулся к сидящим за столом.
- Да он убил моего отца, но для меня на этом свете, нет никого, кто был бы мне дороже Капелюша. Этот человек, десятки раз спасал мою жизнь. Он, не задумываясь умрёт, чтобы защитить меня. Я уважаю его и хочу, чтобы все это знали!
- Но вы не уважаете церковь! – весьма серьёзно заметила Иоланта, - и это нужно изменить. Вы не верите в бога. Вы много страдали, я понимаю, но нельзя винить Господа.
- Господь бросил безвинных! – перебил её Филипп. - Он обрёк их на мучительную смерть. И после этого, я должен верить в него?
-Да! - не раздумывая ответила Иоланта, пути господни неисповедимы и лишь ему одному ведомы помыслы и поступки людей. Мы не вправе обвинять того, кто дал нам жизнь и устроил этот нередко жестокий мир. Но ответь, разве ты сам не убиваешь?
- Убиваю и буду убивать! - глухо ответил Филипп, - они все убийцы. У них руки по локоть в крови
- И тем не менее, сегодня ты отпустил своих врагов на свободу, хотя мог убить их. Не потому ли, что господь любит тебя и призывает к милосердию?
Вопрос Иоланты застал Филиппа врасплох. Он сам не понимал, почему отпустил бургундцев. Так как он замолчал, все остальные тоже сохраняли молчание из уважению к чувствам, которые он испытывал. Филипп почувствовал непреодолимую потребность остаться одному. Оставив своих гостей, он молча покинул комнату.
- Им движет ненависть, но он вовсе не жаждет крови, - задумчиво произнесла Иоланта, мы должны помочь ему расстаться с прошлым и увидеть будущее, иначе ему не будет покоя. Граф без сомнения не только отважен, но открыт и честен. В нём нет и намёка на двуличие и хитрость, столь свойственную многим другим. Это с ног до головы, человек чести, дружбой которого можно гордиться. А иметь такого поданного величайшее счастье для короля! - Иоланта выразительно посмотрела на Дофина. Дофин кивнул головой, в знак того, что прекрасно понимает значение слов Иоланты.
- Не только для короля, но и для королевы, если ваше величество не возражает! - Дофин открыто улыбнулся Марии Анжуйской. Та при этих словах, стыдливо опустила глаза.
- В добрый час, дети мои! - с воодушевлением ответила Иоланта.
- Ваш брак послужит началом новой жизни, в которой не будет места, ни герцогу Бургундскому, который только и мечтает

прибрать к рукам побольше земель. Ни королю Англии, который спит и видит корону Франции.
- Никогда, пока я жив, этого не будет! - сверкнув глазами, гневно бросил Дофин, - корона принадлежит мне по праву рождения. И даже если, мне придётся потратить всю свою жизнь на борьбу с врагами Франции, я отстою своё право.
- В добрый час! - повторила Иоланта, - мы позже обсудим все детали, а сейчас, когда мы стали единой семьёй и у нас больше нет тайн друг от друга, давайте подумаем как помочь графу устроить своё будущее.
Заметив, что Мирианда стыдливо покраснела, Иоланта с улыбкой добавила:
- А точнее, нам надо подумать о том, каким образом женить его на моей племяннице, которая души в нём не чает.
По лицу Дофина, Мирианда поняла, что он так же осведомлён о её чувствах к Филиппу. Она с упрёком посмотрела на кузину.
- Дорогая кузина, я не смогла скрыть от его высочества вашу любовь! - разгадав значение её взгляда, весело заявила Мария Анжуйская в лицо Мирианде.
- Миледи, вы можете рассчитывать на меня. Я приложу все усилия, чтобы помочь вам! - заверил её Дофин.
- Вот и прекрасно! - обрадовалась Иоланта, - вместе мы сможем добиться вашей свадьбы, Мирианда.
Мирианда отрицательно покачала головой.
- Вы не понимаете матушка! - с невыразимой грустью ответила Мирианда, - мне не нужен этот брак, ибо мне не нужна жалость или сочувствие графа. Он меня не любит. А кроме любви, я ничего от него не приму.
- Любовь придёт, когда граф поймёт насколько ему повезло с супругой. Ведь кроме любящей супруги, он получит значительное богатство и что ещё важнее, преданных друзей, - назидательно произнесла Иоланта, - требовать от него любви сейчас, когда в его душе полно ненависти - ошибка. Довольствуйся тем, что он сможет тебе дать.
- Вы меня знаете матушка, я не изменю решения! Я отказываюсь выходить замуж за графа! - Мирианда встала из- за стола и быстро ушла.
- Вот тебе и святой Педро! - пробормотал дотоле молчавший, герцог Барский, - насколько я знаю кузину, нам следует выкинуть мысль о её браке из головы, как бы нам не хотелось обратного.
- Помолчи! - одёрнула его Иоланта, - этот брак нужен не только нам. Но и самому графу. На лицо общая выгода и было бы непроходимой глупостью, отказаться от него.
- Разве я возражаю, матушка? - удивлённо спросил герцог Барский, - но вы знаете мою кузину, если она вбила себе что- то в голову…
- герцог замолчал, так как в зале появился Филипп.

Глава 40

филипп сел на своё место и продолжил прерванный завтрак. По возникшему напряжённому молчанию Филипп безошибочно понял, о чём шла речь в его отсутствие. Молчание затягивалось. Все испытывали напряжение, и время от времени бросали молчаливые взгляды на Филиппа. Закончив завтракать, он неожиданно обратился с просьбой к Иоланте. Она явно не ожидала услышать от него слова, которые он произнёс.
- Ваше величество не будет возражать, если я приглашу герцогиню на конную прогулку?
- Простите! - Иоланта растерялась, так непохожи были слова которые она услышала на впечатление, которое Филипп оставлял у неё, за время их знакомства,- одни? Это не совсем удобно.
- Мы с удовольствием составим им компанию!- Мария Анжуйская бросила заговорщический взгляд на Филиппа. Тот, к её явному удивлению, ответил тем же.
- Ну это другое дело, - не раздумывая согласилась Иоланта. При этом она испытала глубокое облегчение и радость. Граф не отличался галантностью придворного, следовательно, всё обстояло не так плохо, как она думала.
Филипп ушёл, чтобы распорядится насчёт лошадей, а Мария Анжуйская тем временем отправилась в покои своей кузины и сообщила, что граф пригласил её на прогулку. Мирианда, вначале не поверила ни одному слову кузины. Она заставила несколько раз повторить слова графа и лишь после этого заметалась по комнате в поисках какой либо годной одежды, для верховой прогулки. Но увы, ничего не было. Гардероб ещё не прибыл. Мирианда расстроилась. На что её кузина заметила, что если она смогла выдержать поездку из Парижа в Осер, наверняка сможет выдержать и прогулку в платье. Мирианда в расстроенных чувствах смотрела на складки длинного платья, которое годилось лишь для торжеств и становилось весьма большим неудобством для верховой прогулки. Пока она в отчаянии пыталась найти выход из положения, в комнату вошла горничная и положила на кровать, два платья - одно белое, другое голубое. Белое для герцогини, голубое для её высочества- важно сказала горничная, - так сказал монсеньор.
- Монсеньор?- удивилась Мария Анжуйская, - это он вас прислал?
-Да! Он увидел, что вы прибыли без гардероба. Поэтому вчера вечером распорядился сшить два платья. Глаз у меня намётанный. Так что платья будут впору.
Едва за горничной закрылась дверь, как Мария Анжуйская звонко рассмеялась.
- Вчера вечером! - передразнила она горничную, - похоже наш милый граф, не так уж равнодушен к тебе, как кажется.
- Какая прелесть! - воскликнула Мирианда, не обращая внимания на слова кузина. Это было простенькое платье с вышитыми на них узорами. Простое и удобное, что и требовалось для верховой прогулки. Девушки торопливо переоделись, уложили волосы и меньше чем через четверть часа уже сидели в сёдлах, что было весьма необычно, учитывая врождённое желание каждой женщины, всегда заставлять мужчину, ждать своего появления. И при этом не важно, есть на то причина, или её нет.

Недалеко от замка, протекала маленькая речка. Там было, одно особенное место, где часто бывал в последнее время, Филипп. То была заводь, укрытая со всех сторон в тени ветвистых деревьев. С высоты 15 футов, по краям столетних камней, в неё низвергалась вода, что сходила с окружающих гор. Вокруг заводи так же лежали большие камни, которым течение времени и сочившаяся под них вода, придавали тёмный, почти чёрный цвет. Именно сюда привёз Филипп своих друзей. Они привязали лошадей к деревьям у самой заводи и не сговариваясь разбились на пары и разбрелись в разные стороны.
Дофин с Марией Анжуйской предпочли прогуливаться рядом с заводью, желая оставить наедине Филиппа и Мириванду. Они прошли к самой заводи и уселись друг против друга на камнях, в нескольких шагах от места, где сверху вниз низвергалась вода. Мириванда испытывала почти детский восторг. Они в этом прекрасном месте, вдвоём с Филиппом. Вокруг них глубокая тишина, которую нарушает лишь звук падающей воды. Она мечтала о такой минуте, много бессонных ночей.
Пусть эта минута никогда не кончается- взмолилась в душе Мириванда, - и пусть Филипп ничего не говорит, иначе очарование этих мгновений исчезнет из моей жизни навсегда. Мириванда неожиданно улыбнулась. Брызги, от падающей воды попали на её платье. Вместо того, чтобы отодвинуться подальше, Мириванда пересела на другой камень, поближе к воде. Она чувствовала, что вся горит и виной этому присутствие рядом Филиппа. Холодные капли воды, которые всё чаще и чаще попадали на неё, приносили ни с чем не сравнимое облегчение. Мириванда не замечала, что на её лице и в глазах явственно заметен восторг, который она испытывала. Она не видела, как смотрит на неё Филипп, потому что сидела спиной к нему. Она оттягивала мгновение, когда ей придётся обернуться назад и увидеть холодные глаза Филиппа и услышать ещё более холодные слова.
- Миледи!- от звука мягкого голоса Филиппа, Мириванда вздрогнула. Выждав, чуть больше положенного, она повернулась к Филиппу и подняла пылающий взор. Странно, но Мириванда не увидела привычного холодного выражения в глазах Филиппа. Его взгляд стал другим, более тёплым - нашла подходящее слово Мириванда.
- Монсеньор!- Мириванде каждый раз в присутствии Филиппа, приходилось бороться с волнением, которое он непроизвольно вызывал у неё.
- Вам нравится это место?- негромко спросил Филипп
- О, да- восторженно ответила Мириванда, - здесь просто чудесно. Я не могу найти подходящих слов, чтобы выразить вам, свою благодарность за то, что вы привезли меня сюда. Ничего прекраснее, я в жизни не видела.
- Разве, у вас дома миледи, нет мест похожих на это?
Там нет тебя - мысленно ответила Мириванда, но вслух сказала совершенно другое.
- У нас есть красивые места, но это вызывает ощущение безотчётного восторга. Здесь так красиво, это вода, камни, деревья, - Мириванда сложила руки на груди и вдохновлено продолжала, - в детстве, я очень любила бывать в местах, похожих

на это. Почти всегда, рядом со мной находились моя кузина Мария и кузен. Мы дружны с детства. Вместе играли, вместе строили планы на будущее. И сейчас они рядом со мной,- Мирианда запнулась на полуслове. Впервые, она видела, что Филипп улыбается. О, это была не холодная улыбка, нет. Это была самая прекрасная улыбка, которую только видела Мирианда. Широко раскрыв глаза, она не мигая смотрела на это чудо.
- Чего вы боитесь миледи?
До Мирианды не сразу дошёл вопрос Филиппа. Ей понадобилось немного времени, чтобы расстаться с очарованием, в которую повергла её улыбка Филиппа. Теперь, он уже не улыбался Мирианде. На миг показалось, что ей всё привиделось
- Я ничего не боюсь! - набравшись смелости, ответила Мирианда
-Вот как?- на этот раз Мирианда ясно увидела очаровавшую её улыбку Филиппа, - а у меня возникло чувство, будто вас пугает сама мысль о том, что между нами может состояться откровенный разговор, которого вы миледи, пытаетесь избежать, рассказывая о своей кузине.
- Я! - начала было Мирианда, но увидев улыбающееся лицо Филиппа, осеклась и опустив глаза покраснела. Через мгновение раздался едва слышный шёпот Мирианды.
- Я знаю ваше отношение ко мне, но… сама мысль о том, что я никогда вас больше не увижу, приводит меня в отчаяние. Но вы можете не беспокоится монсеньор. Ни словом, ни взглядом, я не потревожу вашего спокойствия. Ничто не омрачит вашей жизни. Вы слишком многое пережили в своей жизни, и я не стану добавлять вам новых бед. Если вы позволите остаться мне вашим другом, я буду счастлива и никогда не стану претендовать на большее, - Мирианда с надеждой посмотрела на Филиппа, который становился с каждым словом, произносимым Мириандой, всё более серьёзным.
- Миледи! - после короткого молчания ответил Филипп и в голосе, как и во всём облике чувствовалась серьёзность, присущая Филиппу, - я не стану от вас скрывать, что невольно подслушал ваш разговор с её величеством
- Вы всё слышали?- Мирианда побледнела, - поэтому мы здесь? Вы сочли своей обязанностью пригласить меня сюда, чтобы выразить сочувствие? Вы ошиблись монсеньор. Мне не нужна жалость. Мне не нужно ничего от вас. Я не хочу здесь оставаться. Отвезите меня домой, - Мирианда встала, не замечая, что часть платья намокла от брызг, которые всё это время летели в её сторону.
Дофин и Мария Анжуйская из- за деревьев наблюдали за ними. Увидев, что Мирианда поднялась с места, они поняли, что произошла размолвка.
Зачем я поехала с ним, зачем?- твердила себе Мирианда, - боже, какое унижение, как я могла опуститься до такой степени? Как я могла надеяться на что- то? Радовалась, как последняя дура.
Мирианда подобрала край платья, и резко встала. Она не глядя, направилась мимо сидящего Филиппа. Она почти прошла его, когда почувствовала, что он держит её за руку. Мирианда резко обернулась к нему.
- Пустите меня, слышите, пустите, - прошептала она. В глазах Мирианды стояли слёзы. Одна из них капнула на щёку. Филипп, с

бесконечной нежностью убрал слезинку с щеки, а в следующее мгновение, его губы потянулись к губам Мириванды. Лёгкое прикосновение губ Филиппа, потрясло Мириванду. Она, не мигая смотрела в его глаза, стараясь понять, почему он это сделал.
- Надеюсь, вы не станете утверждать, что я поцеловал вас из жалости?- мягкая улыбка осветила лицо Филиппа. Он ясно читал все чувства, которые испытывала Мириванда.
- А зачем вы меня поцеловали?- до Мириванды не сразу дошло, что Филипп не слышит её слов, по той простой причине, что она не произнесла их вслух. Губы у Мириванды оставались сжатыми.
- Вы же не любите меня! - нашла в себе силы, едва слышно промолвить Мириванда.
- Мириванда, выслушайте меня и лишь потом судите.
Мириванда, как чудесно звучит её имя в устах Филиппа. Мириванда безропотно позволила себя усадить на камень, на котором недавно сидел Филипп. Сам он сел напротив. Они встретились взглядами и уже не сводили их друг с друга.
- Мириванда! - Филипп снова назвал её по имени, - выслушайте меня. Выслушайте и постарайтесь понять. Я много страдал. Почти вся моя жизнь состоит из боли. Тени прошлого вытеснили из моего сердца все чувства. Ненависть- единственное чувство, которое руководило моими мыслями и моими поступками. Я никогда не смогу забыть прошлое, - продолжал Филипп и его глаза отражали чувства, так же, как уста- слова, - я никогда не смогу забыть смерть моих родителей и близких. Я никогда не смогу забыть человека, который вверг нас в пучину страданий. И по прежнему считаю своим святым долгом покарать его. Но я больше не хочу страдать Мириванда, я не могу и не хочу жить прошлым. Ты даже в мыслях не можешь себе представить как это тяжёло, когда лишь убийство врага приносит тебе долгожданное облегчение. Всё остальное гнетёт тебя. Прошлое раздирает твою душу на части. Это должно закончиться! - Филипп нежно коснулся рукой, щеки Мириванды, которая затаив дыхания слушала его, - когда я впервые увидел тебя,- продолжал Филипп, медленно гладя рукой её щёку, - то понял, что меня тянет к тебе. Ты мне сразу понравилась Мириванда. Но мысль о том, что я возвращаюсь во Францию, что у меня нет ничего, за исключением могущественных врагов, заставила меня отвергнуть предложение твоего брата. Сейчас, всё изменилось Мириванда. В последнее время, я всё чаще, и чаще думал о тебе. С каждым твоим словом, с каждым взглядом твоих прекрасных глаз, я понимал, что ты входишь в моё сердце, не встречая ни малейшего сопротивления. Я осознал, что влюбляюсь в тебя всё больше и больше. И не важно, что говорит королева, не важно, что думают остальные и чего они хотят. Важно то, что я хочу иметь будущее, я хочу иметь семью. Глядя на тебя сейчас, я сердцем понимаю, что ты Мириванда моё будущее… что с тобой? Я тебя обидел?- обеспокоено спросил Филипп, при виде прозрачных слезинок, выкатывавшихся одна за другой из глаз Мириванды.
- За это мгновенье, я готова умереть! - сквозь слёзы прошептала Мириванда и потянувшись к Филиппу, обвила его шею двумя руками. Они обнявшись поднялись, а через мгновение их губы и дыхание, слились воедино.

- Некрасиво подсматривать за ними - деликатно покашливая, заметил Дофин. Мария Анжуйская не отрывала взгляд от Филиппа и Мирианды. Они стояли среди камней, слева от ниспадающей воды и слившись в поцелуе, словно растворились в природе.
- Я должна вмешаться, на случай, если граф перейдёт границу дозволенного!- заявила в ответ Мария Анжуйская.
- Граф, человек чести и не позволит себе подобного, а если и позволит, то без сомнения жениться на вашей кузине. Исходя из этих соображений, я думаю, вам не стоит подглядывать за ними.
- У вас есть предложение получше?- с шаловливым огоньком в глазах спросила Мария Анжуйская.
- Ещё бы, моя дорогая! Как любит приговаривать ваш братец «Святой Педро» прости меня за то, что я намереваюсь совершить, и… - но Дофин не договорил.
Мария Анжуйская обвила его шею руками и прильнула к его губам.
- Мария!
-Помолчи пожалуйста! Станешь разговаривать, когда тебя коронуют на престол, а сейчас мы просто двое влюблённых, которые могут наслаждаться свободой
- Мне это нравится ей богу, то есть Святой Педро! - воскликнул радостно Дофин, ничуть не заботясь о том, что его услышат.
Филипп и Мирианда были настолько поглощены своими чувствами, что не заметили бы и вражеской атаки, начнись она в эту минуту. И Дофину ничего не оставалось делать, как последовать примеру своего друга, тем более, что оно совпадало с желанием женщины, которую он искренне любил.
Мириванду пьянил поцелуй. Он кружил ей голову. Когда они оторвались друг от друга, у обоих в глазах светилось счастье. Они взялись за руки. Мирианда положила голову на плечо Филиппа и заговорила голосом полным радости и счастья.
- Ты меня любишь, любишь, господи какое это счастье. Я почти потеряла надежду услышать от тебя эти слова. Сколько бессонных ночей я провела в слезах, оплакивая свою несчастную любовь. Филипп, сегодня ты подарил мне столько счастья, столько счастья, я люблю тебя, люблю, я полюбила тебя с первого взгляда и всегда знала, что ты будешь единственным в моей жизни. Без твоей любви, моя жизнь не имела смысла. Для меня лишь ты имеешь значение,- Мирианда отстранилась от Филиппа. Она встала на цыпочки и взяла своими руками его лицо и голосом переполненным любовью сказала;
- Я всегда буду рядом с тобой. Я дам тебе столько любви, что она вытеснит из твоей души ненависть. Каждое мгновение моей жизни, каждый вздох, каждый жест, каждое слово, будут наполнены любовью к тебе. Я сделаю всё, для того, чтобы прошлое отступило перед тобой, и ты мог увидеть каким прекрасным может быть наше будущее. Я сделаю тебя счастливым Филипп. Я изгоню из твоего сердца страдания, я изгоню боль… боже, я так счастлива, что мне становится страшно,- Мирианда покрыла лицо Филиппа множеством быстрых поцелуев. При этом она с такой силой притягивала к себе Филиппа, что он поглощённый чувствами, которые испытывал от поцелуев Мирианды, даже не заметил, что они оба падают в заводь.

Шум падающих тел в воду, заставил Дофина разжать объятия. Мария Анжуйская всплеснула руками, увидев, что Филипп и Мирианда стоят по пояс в воде и смотрят друг на друга. С их голов стекали струйки воды, но, похоже, они совершенно не замечали, что полностью вымокли.
- Это чересчур, вы не находите! - заявила Мария Анжуйская, собираясь выйти к ним, но сделав шаг, застыла, зачарованная звонким смехом Филиппа и Мирианды. Впервые она видела Филиппа смеющимся. Его лицо полностью преобразилось. Ушли холодность и печаль. Оно стало словно светлее и было полно радости и счастья.
- Что же вы остановились?- поинтересовался Дофин
- Давайте вернёмся в замок?- неожиданно предложила Мария Анжуйская.
- А как же ваша дражайшая кузина? Судя по событиям, которые развиваются слишком быстро, весьма опасно оставлять её наедине с графом.
- Ваше высочество сказали, что граф человек чести, следовательно мы можем со спокойной совестью оставить кузину! - Мария Анжуйская взяла Дофина за руку и повела по направлению к лошадям.
Дофин обхватив Марию Анжуйскую за талию, помог взобраться ей в седло и уже сам усаживаясь в седло, воскликнул;
- Святой Педро, я и не подозревал, что вам присуща хитрость, сударыня!
- Что вы имеете ввиду? - делая вид, будто ничего не понимает, спросила Мария Анжуйская.
- Ваши слова по поводу кузины, сударыня. Следует ли понимать, что в случае непредвиденных событий, вся вина целиком ложится на меня?
- Вот именно!- очаровательно улыбнувшись, ответила Мария Анжуйская, - и пожалуйста, ваше высочество, не пытайтесь спорить со мной. Спорить с женщиной опасно, а уж если она влюблена, так уж труд вовсе безнадёжный, - она тронула лошадь.
Дофин вздыхая последовал за ней.
Узнав, что дочь с Дофином вернулись, оставив Мириванду с графом наедине, Иоланта с весьма гневным видом появилась перед ними. Голодные, после длительной прогулки, они с аппетитом поглощали жаркое и запивали его добрым вином, при этом оживлённо беседуя.
- Как ты могла оставить её одну?
Кусок с мясом жаренной утки, застрял по пути ко рту Марии Анжуйской. Она посмотрела на разгневанную мать, а потом как ни в чём ни бывало отправила его в рот.
- Матушка, его высочество приказал мне оставить кузину. Не могла же я право, ослушаться будущего супруга.
От такой чудовищной лжи, Дофин едва не поперхнулся мясом. Сделав усилие, он проглотил его и растерянно посмотрел на Марию Анжуйскую, которая весьма мило ему улыбалась.
- Ваше высочество, подобное поведение легкомысленно, - заметила Иоланта. Было заметно, что она сдерживается, - вы не должны были запрещать моей дочери оставаться с кузиной. Вы даже не представляет себе, какой урон может нанести подобное поведение безупречной репутации моей племянницы.

- Мадам! - ответствовал Дофин, который пришёл в себя и послал своей невесте, не менее очаровательную улыбку, нежели та, что была послана ему, надеюсь, - вы же не думаете, что я позволю невесте смотреть, как целуется её кузина
- Что такое? - переспросила поражённая Иоланта. Мария с явной угрозой посмотрела на Дофина, а он словно не замечая её взгляда с невинным видом продолжал, - к тому же вашей дочери увиденное настолько понравилось, что она решила немедленно испробовать на мне…
- Святая дева Мария! - прошептала побледневшая Иоланта
Мария Анжуйская, не выдержав, звонко расхохоталась. Дофин, который уже некоторое время сдерживал своё веселье, последовал вслед за ней.
- Ты что, совсем потеряла стыд! - вскричала было Иоланта, но тут же осеклась, увидев как в зал входят Филипп и Мирианда. Оба были мокрые с ног до головы. Вода капала с них на пол. Их радостные лица, никак не вязались с довольно сомнительным видом. Иоланта стояла, не в силах вымолвить ни единого слова. Пока она пыталась прийти в себя и собраться с мыслями, раздался весёлый голос герцога Барского, спускавшегося в зал по лестнице.
- Кузина, у вас такой вид, будто вы целовались в воде!
Ему казалось, что всем будет весело от его шутки. Но он явно не ожидал, что его сестра зальётся хохотом, а Дофин схватится за край стола, чтобы от нахлынувшего на него смеха, не упасть со стула. Филипп открыто улыбался, а Мирианда зардевшись, опустила на мгновение глаза, но тут же смело вновь подняла их. Лишь одна Иоланта оставалось серьёзной.
И у неё наконец появился голос.
- Кто- нибудь объяснит мне, что происходит?- грозно сдвинув брови спросила она, переводя взгляд с дочери на племянницу.
Филипп вышел вперёд.
-Мадам, я прошу руки вашей прекрасной племянницы! - просто сказал он.
Иоланта некоторое время молча смотрела на Филиппа, затем перевела взгляд на Мириванду и открыла объятия.
- Матушка! - Мирианда бросилась к ней. Иоланта обняла её и поцеловала в лоб.
- От всей души рада за тебя, дитя моё. Сердце моё отныне спокойно за тебя, ибо граф составит для тебя блестящую партию. Будьте счастливы! Благословляю вас! А с тобой, - Иоланта обернулась к дочери, - нам предстоит весьма серьёзный разговор.
Мария Анжуйская перестала улыбаться, тогда как Дофин снова расхохотался.
- Вы не учли одного миледи! - сквозь смех произнёс Дофин. - Ваша матушка, чрезвычайно проницательна. Так что будьте готовы к возможным последствиям.
Весь день до самого вечера не смолкали шутки и оживлённые разговоры. Мирианда и Филипп, почти не расставались. И лишь поздней ночью, радостные и счастливые, они разошлись по комнатам, осознавая, что со следующего дня, для них, начинается новая жизнь.

Глава 41

Прошло два месяца, после возвращения Луизы Бургундской в монастырь. Сразу после возвращения, Луиза уединилась в своей келье. Она почти ни с кем ни разговаривала и лишь изредка покидала келью. Целые дни напролёт, она проводила, сидя в пустом углу своей кельи на грубо сколоченном табурете и смотрела на распятие Христа, что висела у неё над кроватью. Она полностью замкнулась в себе и все попытки настоятельницы и Шарлоты де Лаваль, которая по прежнему оставалось с нею, вывести её из состояния полной апатии, ни к чему ни приводили. Мало кто знал, что все эти два месяца она думала лишь об одном человеке. Граф Арманьяк, полностью занимал её мысли. Этот человек лишил её всего. Она стала отверженной в глазах людей, которые любили её прежде. Её называли не иначе как блудницей. У неё больше не было будущего и если она ещё жила, то лишь благодаря ненависти, которая бушевала в её душе. Днями и ночами, Луиза раздумывала над планами своей мести. Мысли о мести поддерживали её среди всеобщего презрения, которому она подверглась. Даже письмо отца и родного брата, в котором они назвали её блудницей и отрекались от Луизы, не возымело должного действия. Жизнь перестала интересовать её. Она знала, что умрёт, но прежде, она отомстит за себя, жестоко отомстит. Остаётся лишь решить каким способом она это сделает. Луиза снова почувствовала себя плохо. Поднявшись со стула, она как была в грубом, домотканом платье, так и легла на аккуратно застеленную кровать. Она поправила подушку под головой и чувствуя, что слабость отступает, вновь предалась мыслям, которые прерывались лишь во время сна. Луиза даже не пошевельнулась, когда в келью вошла настоятельница и села рядом с нею на постель. Рука настоятельница с материнской нежностью погладила её по голове.

- Довольно мучить себя Луиза! - прошептала настоятельница, не переставая гладить её, - вот уж два месяца ты не разговариваешь, мало спишь и почти ничего не ешь. Сколько можно терзать себя? Пойдём со мной Луиза, пойдём в сад.

Но Луиза не отвечала. Она уткнулась в подушку и закрыла глаза.

- В монастырь приехал брат Пачефико. Он привёз новости. Разве ты не хочешь узнать, что делает твой отец? Ведь началась новая война с Арманьяками.

Луиза встрепенулась и превозмогая головокружение, поднялась с кровати, к великой радости настоятельницы.

- Где я могу поговорить с ним, матушка? - голос у Луизы звучал слабо.

- В саду Луиза. Иди туда, а я схожу за братом Пачефико.

Настоятельница поспешно вышла из кельи, опасаясь как бы Луиза не передумала. Она так и не поняла, что на самом деле заинтересовало Луизу. Выйдя из кельи, Луиза зажмурилась. После долгих часов проведённых в полутьме кельи, солнечные лучи слепили ей глаза. Ей понадобилось некоторое время, чтобы привыкнуть к яркому свету. Ей понадобилось несколько минут,

чтобы преодолеть короткое расстояние до часовни, позади которой был разбит монастырский сад. Луиза вошла в сад и медленно побрела к скамейке, стоявшей под многолетним деревом. Добравшись до неё, она села, глядя на маленьких пташек, перелетающих с одного дерева на другое. Птички радостно щебетали. Луиза смотрела, как они вьют гнёзда на ветвях деревьев и вспомнила то время, когда они с Шарлотой помогали им строить гнёзда. Казалось, эти дни остались где- то в далёком прошлом. Появился брат Пачефико, пожилой, грузный монах, в сопровождении настоятельницы. Оставив их наедине, настоятельница ушла.
- Садитесь! - пригласила Луиза, показывая на место рядом со мной.
- Бог милостив, постою на ногах! - ответствовал монах и продолжал, - как я слышал, вы хотите узнать, о вашем батюшке?
Луиза кивнула.
- Герцог поживает в добром здравии. Но, судя по слухам, ему приходится нелегко. Арманьяки за последний месяц нанесли ему несколько ударов.
- Арманьяки, подлые убийцы! - прошептала Луиза, думая о своём.
- Убийцы?- монах с явной неприязнью посмотрел на Луизу, - Бог видит, что это не так. Я сам был в Осере, не далее как две недели назад. Арманьяки приветливо встречают любого, кто приходит к ним в город, будь то слуга божий или последний нищий. Сам граф усадил меня за свой стол и угостил знатным обедом.
Луиза вздрогнула.
- Вы видели его?
- Молодой человек красивой наружности с хорошими манерами и доброй душой. Его невеста под стать ему самому. Герцогиня, красавица каких мало. Милосердная и добрая. Жители Осера её просто боготворят и ждут не дождутся, когда они поженятся.
- Вы не знаете, когда это произойдёт?
- Нет. Не знаю. Но от всей души желаю им счастья. Я…
- Спасибо,- прервала его Луиза, - вы мне очень помогли. А сейчас я хотела бы остаться одна.
Монах снова неприязненно посмотрел на Луизу и не говоря ни слова, покинул сад. Луиза понимала, что поступила грубо, но она не могла выносить, когда он хвалил человека, который был не кем иным, как безжалостным убийцей. Луиза, снова погрузилась в мысли. Она думала над словами брата Пачефико, и размышляла над тем, как они могут помочь ей достичь задуманной цели. Она настолько погрузилась в свои мысли, что не заметила появления настоятельницы.
- Дитя моё, ты снова далека от меня! - пробился голос настоятельницы сквозь сознание Луизы. - Возьми себя в руки. Ты должна побороть горе, овладевшее тобой.
Луиза безжизненным взглядом уткнулась перед собой в землю.
- Я потеряла веру матушка! - в голосе Луиза не было ничего, кроме пустоты, - я потеряла веру.
- Верь в господа нашего Иисуса Христа и в святую деву Марию! - увещевала её настоятельница, - они помогут тебе. Обратись к ним

с молитвой, и ты почувствуешь, как сердце твоё оживает, наполняясь любовью к ближнему.
- Вы имеете в виду моего отца матушка, который отрёкся от меня и называет не иначе как блудницей, или того, кто обесчестил меня, сделав клятвопреступницей?
- Ненависть владеет твоей душой. Избавься от неё, иначе она сожжёт твою бессмертную душу!
- Вы желаете, чтобы я обо всём забыла? Это невозможно матушка. Пока жив этот человек, я ничего не смогу забыть.
Аббатиса с укором качала головой и отвечала Луизе.
- Дитя моё, открой своё сердце для любви, открой его. Нельзя жить так, как живёшь ты! Я измучилась глядя на тебя, на твоё горе. Не раз, я говорила тебе, провидение направляет нас, наши помыслы и наши поступки. Мы всего лишь слуги божьи и от его воли зависимые. Не терзай себя нарушенной клятвой, ибо матерь божья видит твоё раскаянье и знает, что ты невинна в том. Страдания тоже господом посланы, ибо становимся ближе мы к нему, испытывая то, что испытал он во имя нас. Мы принимаем тяжесть ноши, что господь один нёс на себе. Прими спокойствие в свою душу, дитя моё и забудь о другом.
- Как я могу верить матушка? В чём моя вина? Почему моя жизнь закончилась, не успев начаться?
- Не знаю дитя моё, не знаю. Но я верю в господа нашего Иисуса Христа. Верь и ты!
- Я верую в бога матушка, но не верую в людей!
- Почему же ты перестала молиться божьей матери?
Луиза горестно покачала головой.
- Я дала ей клятву, что телом моим будет обладать лишь супруг мой. Я обманула божью матерь. Она не любит меня. Она больше не видит моих слёз и не слышит мои мольбы…
Луиза закашлялась и резко пригнулась к земле. У неё началась рвота. Аббатиса поддерживала её за голову до тех пор, пока рвота не прошла. Когда Луиза снова выпрямилась, она была необычайно бледна.
- Часто у тебя случается рвота? - встревожено спросила настоятельница.
- Несколько раз ... всего
- А что ещё тебя беспокоит?
- Голова кружится иногда, слабость.
Луиза не могла понять, что случилось с настоятельницей, которая буквально вскочила с места и торопливо вышла из сада. Меньше всего, Луиза хотела обидеть настоятельницу. Преодолев слабость во всём теле, она поднялась и последовала за ней. Выйдя из сада, Луиза сразу же увидела настоятельницу, которая разговаривала с Шарлотой. До неё донеслись последние слова настоятельницы
- Луиза беременна.
- Я беременна?- Луиза растерянно смотрела на настоятельницу, которая поняв, что Луиза услышала её, не на шутку встревожилась.
- Дитя моё,- начало было настоятельница, но Луиза не дослушав её бросилась в свою келью и заперлась изнутри. Все попытки достучаться до неё, ни к чему ни привели.

Луиза села на кровать и положила руку на свой живот. Несколько долгих часов, она провела не меняя позы. В голове билась только одна мысль. У неё будет ребёнок. Его ребёнок. Луиза почувствовала, что ненавидит не родившиеся дитя, как и его отца. Но именно это дитя поможет свершиться праведной мести. Луиза нервно засмеялась. Наконец-то она нашла способ отомстить Арманьяку. Луиза поднялась с кровати и подошла к маленькому столу, где возле подсвечника, лежала бумага и перо с чернильницей. Через минуту на чистой бумаге появилось несколько строк, которые мы приводим ниже;
- Я беременна! Жду вас в течение одного месяца! Если вы не приедете, я покончу с собой!

Сложив письмо, Луиза вышла из кельи, к великому облегчению настоятельницы и Шарлоты, которые ждали за дверью. Луиза оттащила Шарлоту в сторону.
- Можешь выполнить мою просьбу?- спросила Луиза.
-Конечно, - Шарлота обрадовалась. Последнее время, Луиза почти не разговаривала с ней.
Луиза протянул письмо Шарлоте.
- Оно должно попасть в руки графа Арманьяка. Только обещай. Что кроме него, никто не узнает о содержимом письма!
- Отдать в руки графа? - Шарлота испытала неописуемый ужас от одной только мысли, что увидит его снова, но Луиза смотрела на неё с такой надеждой.
- Когда ехать?
- Сейчас!
-Хорошо, я передам письмо, а там,- Шарлота не договорила. Меньше всего, она хотела огорчать Луизу. По своей воле, она никогда бы не поехала в Осер. Но отказать в просьбе Луизе. Она не смогла. Настоятельница, так и не узнала, чем вызван поспешный отъезд Шарлоты. Уверившись, что новость благотворно подействовала на Луизу, она покинули её, ибо наступило время молитвы. Впервые за последние два месяца, Луиза почувствовала себя хорошо. Мысль о скором возмездии, воодушевляла её. Скоро она увидит это безжалостное лицо. Скоро она уничтожит эту безжалостную душу. Она повторяла эти слова до поздней ночи, пока сон не смежил её веки и она не забылась сном.

Глава 42

Было около 6 часов утра, когда Капелюшу передали, что его хочет видеть цыган. Сердце, у Капелюша сжалось от плохого предчувствия. Совсем немного времени они провели в относительном спокойствии, наслаждаясь всеми радостями жизни, и вот снова приходит беда.
Капелюш поспешил на зов. Одна створка ворот была отворена. Через неё, он сразу увидел стоявшего на мосту цыгана, державшего в

поводу лошадь. Едва Капелюш подошёл к нему, как тот вручил свёрнутое в трубочку письмо и сказал;
- Мемфиза велела дожидаться ответа!
Капелюш развернул письмо. По мере того, как он читал, лицо его всё больше покрывалось бледностью.
- Боже мой, боже мой, как я могу это сделать? - совершенно растерянно шептал Капелюш, он свернул послание Мемфизы и вернул обратно цыгану.
- Она требует невозможного. Я скорее соглашусь отдать ей свою жизнь, чем выполнить то, чего она хочет! Передай ей, что я отказываюсь!
Цыган кивнул головой, в знак того, что понял ответ.
- Мемфиза знала, что ты так ответишь, поэтому она передала ещё кое- что на словах. Смерть в пути. Или ты выполнишь просьбу Мемфизы, или смерть постучится в ворота этого замка. Выбирать тебе!
- Но как я могу? - вскричал Капелюш, - она не понимает, что это не в моей власти.
- Постарайся, так будет лучше для всех. Только так мы сможем спасти жизни невинных!
Капелюш схватился за голову и побрёл прочь от цыгана. Тяжёлые мысли разрывали его на части. Как он скажет Филиппу? Как? Впервые за одиннадцать лет, он счастлив. И он собственными руками должен разрушить его счастье? Никогда- твёрдо решил Капелюш, но тут же ужаснулся другой мысли. Мемфиза знает, что Филиппа должны убить. Она наверняка знает, как это должно произойти и на этот раз, она не предупредит меня. Филипп погибнет. Нет, только не это, - Капелюш даже думать не мог о смерти Филиппа. Но он стоял перед выбором, и следовало немедленно что- либо предпринять.
Пока Капелюш стоял посредине двора, опустошённый и растерянный, не в силах принять какое либо решение, Мирианда, на губах которой блуждала лукавая улыбка, накинула на ночную рубашку шёлковый халат, и осторожно выскользнув из своей комнаты, крадучись пошла по коридору. Она против обыкновения, не уложила свои волосы. И теперь, они волнами, разметались по всей спине. Мирианда остановилась у одной из дверей, и воровато оглянувшись по сторонам, быстро проскользнула внутрь. Оказавшись в комнате, она на цыпочках подошла к широкой кровати с высоким пологом, на котором крепко спал Филипп. Покрывало прикрывало его тело до пояса. Голова лежала на двух, основательно взбитых подушках. Левая рука лежала у него на лбу, а правая на животе. На груди, лежал кожаный мешочек, привязанный к шее. Мирианда залюбовалась его лицом, выражавшим безмятежное спокойствие. Несколько минут Мирианда с глубокой любовью смотрела на Филиппа, а потом опустилась рядом с ним на постель и взяв его правую руку, прижалась к ней губами. Это лёгкое движение разбудило Филиппа. Он открыл глаза. Увидев, сидящую рядом с ним, на постели Мирианду, он улыбнулся.
- Я соскучилась!- прошептала Мирианда, осторожно убирая с лица Филиппа прядь волос.
Филипп улыбнулся ещё шире.

- Мы расстались всего несколько часов назад!
- Я не могла заснуть! - призналась ему Мирианда, - мне всё время кажется, что когда наступит следующее утро, моё счастье растворится и я больше никогда тебя не увижу. Дни наполнены счастьем, а ночь приносит сомнения и тревогу.
Филипп приподнялся и взяв лицо Мирианды, мягко поцеловал её в губы.
- После свадьбы, мы и ночи наполним счастьем. Выбрось эти мысли Мирианда, никто и ничто нас не разлучит. Теперь, когда я нашёл своё счастье, никто у меня, его не отнимет.
- Я верю тебе, верю в твою любовь!- Мирианда с нежной доверчивостью прижалась к груди Филиппа и обвила его руками.
В дверь неожиданно раздался громкий стук.
- Ой- вырвалось у Мирианды, она разжала объятия и вскочила на ноги, оглядываясь в поисках убежища.
- Ты что- то ищешь?
- Перестань улыбаться Филипп, если меня увидят в твоих покоях, я умру со стыда! - торопливо прошептала Мирианда.
Стук повторился. Филипп показал рукой под кровать.
- Здесь ты можешь укрыться!- его слова сопровождал лёгкий смех.
- Перестань смеяться,- возмущённо бросила Мирианда и не медля последовала совету Филиппа. Она откинула край покрывала, свисавшего до самого пола и проворно залезла под кровать. Затем, высунув руку, она поправила край покрывала таким образом, чтобы никто её не смог увидеть, даже если нагнётся.
- Тебе удобно Мирианда?
В ответ полное молчание. Стук повторился в третий раз. Филипп громко произнёс: Войдите!
При этом, с его губ не сходила насмешливая улыбка. Но она тут же исчезла, когда Филипп увидел лицо Коринета, который вошёл в комнату.
-Ч то случилось?- тревожно спросил Филипп.
Коринет долго собирался с силами, прежде, чем с мучением ответил;
- Ты не должен жениться на герцогине Мендос!
Она слышит его слова - первое, что подумал Филипп. Его лицо мгновенно помрачнело. Он поднялся с постели и молча начал одеваться.
- Ты не должен женится…
- Замолчи! - гневно закричал на него Филипп, - кем ты себя возомнил? Ты посчитал себя вправе указывать мне? Так я покажу, где твоё место!
Коринет и не ждал другой реакции от Филиппа. Но в голове билась мысль о том, что он должен во что бы то не стало убедить Филиппа. Капелюш, не раздумывая над возможными последствиями, бросился вперёд.
- Выслушай меня. За эти годы, я ни разу не пытался вмешаться в то, что ты собирался сделать. Я лишь пытался помочь тебе всеми моими силами. И не думай, что мне легко оттого, что приходится говорить тебе эти слова. Но она хочет этого, она требует этого. И ни я, ни ты, не можем ей отказать.

- Так тебя надоумили поговорить со мной? Кто это сделал? Назови его имя?- гнев Филиппа усиливался.
- Ты помнишь, когда тебя ранили в часовне? - спросил Капелюш, - так вот ты не знаешь, что именно она спасла тебя в ту ночь.
- Спасла?- недоумённо переспросил Филипп, что ты имеешь в виду? Я не понимаю.
- Тебя ранили отравленным кинжалом. Ты умирал, когда меня вместе с тобой выбросили из дворца твои друзья. Я оказался один, на улице, с тобой, умирающим на моих руках. Тогда появилась она. Она вылечила тебя, когда никто другой не мог бы тебя спасти.
- Я выясню насколько правдивы твои слова! - несколько успокоившись ответил Филипп, - если это правда, она- это таинственная незнакомка вправе рассчитывать на мою признательность. Но не ей, ни кому другому не дано право принуждать меня.
- Ты не понимаешь всей глубины происходящего. Это она предостерегала нас. Она спасала твою жизнь от кинжала убийц. И если она говорит, что ты не должен жениться на герцогине- следовательно у неё есть веские причины. Пойми, она ничего не делает без причины. Не выполнишь её просьбу, может произойти непоправимое…
-Я всё сказал! - холодно ответил Филипп, - никому не позволено вмешиваться в мою жизнь и тебе в том числе.
- Прислушайся к её словам, заклинаю тебя!
- Пошёл прочь! - закричал Филипп на Капелюша, убирайся, пока я не потерял последние остатки терпения.
- Я не могу уйти! - с мучительной болью в голосе ответил Капелюш, я не уйду, пока не смогу тебя убедить. Она сказала, что смерть придёт в замок и…
- Ах ты жалкий урод! Испугать меня вздумал? - Филипп схватил его за шиворот и выбросил из своей комнаты. Филипп охваченный слепой яростью наступал на пятившегося от него Капелюша. Он больше не слышал его слов. Злость кипела в нём с неудержимой силой. Филипп преследовал его до конца коридора. Когда они дошли до верхнего края лестницы, он нанёс сильный удар по лицу Капелюша. Тот не удержав равновесия, покатился по лестнице, вниз. На шум сбежались почти все обитатели замка, включая гостей и слуг. Иоланта вместе с дочерью поспешно вышла из комнаты. Дофин, герцог Барский, все они бросились к лестнице, по которой сбегал вниз Филипп. Жорж де Крусто открыв рот наблюдал за Филиппом. Когда Филипп оказался в огромном холе, перед лежавшим Капелюшем, его гневный голос разнёсся по всему замку.
- Прочь отсюда мерзкий урод, прочь навсегда. Не смей никогда появляться передо мной, иначе клянусь Богом, я вспомню, чья рука отрубила голову моего отца. Прочь!
Капелюш поднялся с каменного пола, и более не оглядываясь на Филиппа, побрёл к выходу.
- Грязный убийца. У тебя руки по локоть крови. И ты ничтожество смеешь указывать мне, как поступать? Прочь мерзкая тварь! - гнев Филиппа перелился через край. Лицо почернело от злости. Он обвёл взглядом затихших свидетелей этой сцены. Увидев застывшую на лестнице Мириванду, Филипп хриплым от гнева голосом, спросил.

- Это правда? Правда, что вы выбросили меня умирающего на улицу?
Мириандa молчала не в силах отвечать Филиппу. Не зная как объяснить ему произошедшее, в котором её вины не было.
- Отвечай! - закричал на неё Филипп
Мириандa только и нашла в себе силы, кивнуть головой. После её молчаливого подтверждения, раздался наполненный болью голос Филиппа.
- Я считал герцога Бургундского худшим из людей, но, по всей видимости, я ошибался!
Филипп обернулся к Жоржу де Крусто.
- Готовь отряд, мы немедленно выступаем!
Отдав этот приказ отрывистом голосом, Филипп поднялся по лестнице, мимо Мирианды и прошёл в свои покои, ни разу не взглянув на неё. Капелюш же вывел коня из конюшни. Сел в седло и выехал из замка. На мосту, его дожидался цыган.
- Передай Мемфизе, что я не смог выполнить её просьбу. Он прогнал меня! - негромко сказал цыгану Капелюш.
-Она предполагала и это. В этом случае, она просила передать, чтобы ты оставил своего господина и следовал за мной.
- Мне нечего здесь делать! - ответил Капелюш, бросив последний, печальный взгляд на возвышающийся замок, - я следую за тобой.
Цыган вскочил в седло и менее чем через час, они покинули Осер.
Почти в то же самое время, Дофин размашистыми шагами вошёл в покои Иоланты, где кроме неё, находились Мария анжуйская, герцог барский и Мириандa. При первом же взгляде на лицо Дофина, все поняли, что ему не удалось убедить графа.
- Граф остаётся моим верным поданным и другом, однако, желает немедленно покинуть Осер. Все мои попытки изменить его решение, ни к чему ни привели. Признаться, - продолжал он, - я не могу, не понимать чем вызвано решение графа. Ваш поступок, даже в моей голове не укладывается, что ж говорить о графе.
Мириандa, на которой не было лица, поднялась с места, собираясь выйти.
- Я должна поговорить с ним!
Дофин сочувственно посмотрел на Мириандy.
- Боюсь сударыня, у вас больше не будет такой возможности. Граф покидает замок, и никто не знает, куда он направится!
- Боже! - Мириандa рухнула обратно и закрыла лицо руками. Из её груди вырвались рыдания. Никто не мог утешить её, ибо все, за исключением Дофина, отчётливо чувствовали свою вину в произошедших событиях.
Через несколько часов после этого разговора, отряд состоящий из 50 вооружённых всадников и возглавляемый Одо де Вуаленом и Таньги дю Шастелем, выехал из Осера. Они сопровождали Дофина и кастильскую королевскую семью. Отряд двинулся по направлению к Буржу. Ещё очень долго, Мириандa из окон кареты, смотрела за постепенно исчезающими контурами города, который стал ей таким родным.

Глава 43

После описанных событий прошёл месяц. Провинция Дофине, тепло приняла наследника престола. Бурж с его прибытием, стал центром, куда стекались все воинственно настроенное дворянство Франции. Вторая столица, так её окрестили сами горожане. Поскольку, цвет Франции сосредотачивал свои силы именно здесь, готовясь обрушиться на английскую армию, которой всё же удалось овладеть Руаном. В настоящее время, её передовые полки быстро продвигались по направлению к Парижу. В обстановке полной суматохи и подготовке к войне, Дофин поселился в лучшем дворце Буржа, что находился на малой площади города. У него даже появился свой двор, в центре которого царила Мария Анжуйская. Её мать и брат на время покинули Францию. Они собирались вернуться обратно, лишь ко дню бракосочетания, которое назначили на конец сентября. Мирианда осталась вместе со своей кузиной в Бурже и поселилась во дворце, рядом с ней. Она избегала шумных приёмов и старалась по возможности вести уединенную жизнь, в отличие от кузины, которая по своему положению и долгу, всегда лично принимала гостей и присутствовала на всех мало, мальски значимых приёмах города. Как и в Париже, сад примыкавший к дворцовой площади, стал единственным убежищем Мириванды. Она проводила здесь долгие часы и уходила лишь за полночь, или же когда необходимость требовала её присутствия. Так было и сегодня. Она просидела всю вторую половину дня в саду, когда её позвали на ужин, который устраивал Дофин в честь прибытия его преосвященства Рене де Шартра, человека, который с благословения папы возглавлял католическую церковь Франции. Когда Мириванда вошла в зал, где был накрыт праздничный ужин, то увидела за столом кроме Дофина и Марии Анжуйской, его преосвященство, и Таньги дю Шастель, а так же несколько молодых дворян и дам из окружения Дофина, с которыми она была едва знакома. После принятых обмена приветствий, Мириванда заняла место за столом, рядом со своей сестрой, напротив его преосвященства Рене де Шартра. Хотя ужин проходил в оживлённой беседе, которой сопутствовала частая смена блюд, Мириванда почти не разговаривала. Она лишь отвечала отрывистыми фразами, когда кто-либо обращался к ней с вопросом. Рене де Шартр, который всегда отличался несдержанностью, громко воскликнул, обращаясь к виночерпию, стоявшему за его спиной.

- Чего стоишь нечестивец? Наливай вина и передай пусть принесут того нежного мяса, которое я недавно отведал. Проклятый пост меня доконал!

Если кого и шокировали слова епископа, то они не подали виду. Исключение составлял лишь один Дофин, которому поведение епископа, по всей видимости, доставляло удовольствие. Этот вывод проистекал из одобрительной улыбки, которую Дофин адресовал епископу.

- Как Париж, ваше преосвященство?- спросил дофин, для того чтобы завязать разговор с епископом.

- А что Париж?- ответил вопросом на вопрос епископ и продолжал с брезгливым выражением, - жалок и ничтожен, ибо терпит власть предателя и распутницы, прости меня господи. Но ничего, придёт час расплаты, придёт и эти двое понесут жестокое наказание, за то что ввергли Францию в хаос и мрак. Господь всё видит сын мой, всё, - епископ одним махом опорожнил довольно внушительный кубок, который виночерпий тут же наполнил снова.
Не обращая внимания на грубые слова по отношению к своей матери, дофин продолжил задавать вопросы епископу.
-А правда ли то, что после падения Руана, Король Англии прибыл в Париж?
- Ложь! - перебил его епископ, - ложь, распускаемая герцогом Бургундским. А что ему ещё остаётся делать, как не лгать и злословить, после того, как он заперся во дворце Барбет и окружил себя многочисленной охраной?- епископ развязно захохотал и продолжал. - Нечестивец, боится, значит, не далёк тот час, когда придётся расплачиваться за грехи перед господом и людьми.
Слова епископа вызвали удивление Дофина. Впрочем, как и остальных, которые боле внимательно стали прислушиваться к разговору епископа и дофина.
- Чего может опасаться герцог Бургундский? – с недоумением спросил Дофин. - Руан пал. Король Англии скоро появится в Париже с войсками.
- Не появится! - епископ снова захохотал.
- Король изменил планы? Совсем недавно я слышал, что он собирается продолжить кампанию и после Парижа, двинутся на юг, в нашу сторону.
- Так вы что, ничего не слышали?- удивился епископ
- А что мы должны были услышать?- в свою очередь удивился Дофин.
- Арманьяки атаковали английскую армию!
Все вскочили с мест при этом известии и первым из них был Дофин.
- Где? Когда… когда это произошло?- вскричал он в крайнем нетерпении
- Три недели назад!- довольным взглядом епископ оглядел присутствующих, - садитесь дети мои, я всё расскажу. А ты дочь моя слишком бледна, выпей доброго вина и щёчки твои станут снова алыми как цветы, - добавил епископ обращаясь к Мирианде, - тебе вовсе…
- Ваше преосвященство! - нетерпеливо воззвал Дофин к епископу
- Имей терпение сын мой!
- Ваше преосвященство!
-Хорошо, хорошо,- уступил епископ, - это произошло как я и сказал три недели назад. Отряд из трёхсот Арманьяков атаковал передовой полк копейщиков близ Реймса. Им удалось разгромить половину полка, прежде чем к ним подоспела помощь.
- Каков молодец! - радостно вскричал Дофин хлопая в ладоши и тем самым приветствуя героев. Все последовали, было его примеру, но епископ осадил их;
- Успокойтесь и выслушайте до конца.
-Его убили? - раздался болезненный вскрик Мирианды.

- Кого?- удивился епископ, окидывая Мирианду растерянным взглядом.
-Никого,- поспешно вмешалась в разговор Мария Анжуйская, делая знак Мирианде, чтобы она замолчала, - мы внимательно слушаем ваше преосвященство.
- Так вот, - епископ бросил ещё один взгляд на Мирианду и только затем продолжил, - к тому времени, когда пришла помощь, Арманьяки исчезли без следа. Помня прошлый опыт нападения на них близ Руана, когда Арманьяки доставили в город продовольствие, англичане решили, что и на сей раз повторяется то же самое, но они ошиблись.
Епископ торжествующим взглядом оглядел присутствующих и продолжал довольным голосом:
- Король Англии, раздосадованный произошедшим нападением, узнал о численности отряда и приказал снарядить погоню за Арманьяками. Более пятисот всадников из числа тяжёлой кавалерии отправились вслед за ними. До глубокой ночи король ожидал вестей от посланных в погоню за Арманьяками, готовый в любое мгновение выслать дополнительные силы. Но весть которую он получил после полуночи, была не та которую он ожидал. Арманьяки атаковали лагерь английской армии. И атака была столь стремительной и успешной, что они почти прорвались к центру, где стояла палатка короля Англии. Пока они приходили в себя и поднимали полки, чтобы уничтожить Арманьяков, те бесследно исчезли, оставив на поле сражения несколько сот убитых. Ещё через день,- продолжал в полной тишине епископ, - пока король Англии укреплял лагерь и готовился к новому нападению, Арманьяки окружили и разгромили отряд, посланный за ними в погоню. Король после этого известия, приостановил продвижение своей армии, видимо ожидая новых ударов. Но и на сей раз ему не удалось угадать намерение Арманьяков, которые неожиданно появились на юге и уничтожили гарнизоны герцога Бургундского в Бретиньи и Орлеане. В настоящее время,- продолжал епископ, - никто не знает где находятся Арманьяки. Король Англии стоит возле Реймса и ожидает дальнейшего развития событий, а герцог Бургундский ждёт того же самого в Париже. Идут слухи, что Арманьяки повсеместно получают поддержку народа. Этот юный граф умён и отважен. Нелегко придётся герцогу Бургундскому! - епископ закончил свою речь громким смехом, пока присутствующие впитывали в себя радостные вести.
Дофин поднялся с места и подняв кубок провозгласил тост;
- За графа Арманьяка, человека, который борется с врагами Франции несмотря ни на что и за его блестящие победы!
Дофин, а за ним и все остальные без исключения мужчины, стоя выпили тост.
- Дело за нами друзья! - Дофин поставил пустой кубок, - надеюсь, скоро и мы покажем, на что способны!
Остальная часть ужина была посвящена разговорам о Арманьяках и обсуждению той части, которая касалась дерзких атак. Улучив момент, Дофин вместе с Таньги вышел из зала.
- Найди его! - коротко приказал Дофин. Найди и передай, что он обязательно должен присутствовать на моём бракосочетании.

Таньги без присущей ему насмешливости повиновался Дофину, так как понимал прекрасно значение этого приказа.
Мирианда, едва дождалась конца ужина. Она чувствовала непреодолимую потребность остаться одной. Поэтому она сразу отправилась в свою комнату. Мысли тучами роились у неё в голове, но предаться им она не смогла. Потому что вслед за ней пришла Мария Анжуйская.
- Забудь его, - без предисловий посоветовала она, - забудь. Граф не из тех, кто меняет свои решения. Тебе следует подумать о своём будущем Мирианда. Если только пожелаешь. Мы подыщем для тебя подходящую партию
-Нет! - твёрдо возразила Мирианда, - чтобы все не говорили, он любит меня. А если любит, значит придёт за мной. Я буду ждать этого дня!
Мария Анжуйская, лучше, чем кто- либо знал упрямый характер Мирианды. По этой причине не сказав более ни слова, она покинула кузину, позволив ей остаться, наконец, со своими мыслями и мечтами

Глава 44

Тем временем, виновник всех этих событий вернулся в Осер, где уже знали все подробности прошедшего похода Арманьяков. За время похода, он потерял более двухсот человек убитыми, и почти вдвое больше получили ранения. Часть раненых он разместил в городе, а вторую часть в самом замке. Лишь убедившись, что всем раненым обеспечен уход, а здоровым отдых и пища, Филипп позволил себя подняться в покои. Усталый и разбитый, он не стал раздеваться, и как был в грязной одежде и грязных сапогах, упал на постель и мгновенно заснул. Но долго спать ему не дали. Он сквозь сон услышал голос Жоржа де Крусто. Филипп с трудом разнежил веки и мутными после сна глазами посмотрел на своего друга.
- Я не стал бы тебя будить,- словно оправдываясь, сказал де Крусто, - но прибыл Монтегю. Он говорит, что для тебя есть важные новости.
- Зови его сюда, нет… подожди я сам спущусь вниз.
Так и не сумев выспаться, Филипп спустился вниз. В холле его ждал Монтегю с весьма почтительным видом.
- Монсеньор!- Монтегю поклонился
Филипп в ответ кивнул.
- Я очень устал, поэтому будь краток!
- Сразу после вашего отъезда, в город приехала девушка. Она хотела увидеть вас. Я сказал, что вы отсутствуете. Тогда она заявила, что будет вас дожидаться. Она не называет своего имени и не говорит, по какой причине хочет вас видеть.
- Она ещё здесь?
- Да монсеньор! Ожидает снаружи.
- Хорошо! Приведи её ко мне!

Филипп прошёл в зал и опустился в своё кресло, что стояло за большим столом. Буквально через минуту, Монтегю появился перед ним с девушкой, которая испуганно озиралась по сторонам. При виде Филиппа, она на мгновение остановилась как вкопанная, но затем всё же решилась подойти к нему ближе. Филиппу не понадобилось много времени, чтобы узнать её.
- Оставьте нас! - приказал он Монтегю.
- Чему обязан сударыня? - коротко спросил Филипп, когда они остались вдвоём с Шарлотой де Лаваль.
- Прежде всего,- Шарлота пыталась выглядеть смелой, но у неё плохо получалось. Испуг в глазах не проходил, - я хочу сказать, что вы совершили чудовищный поступок. Из- за вас, Луиза стала отверженной повсюду. Отец и брат от неё отказались и называют не иначе как «блудницей». Она потеряла интерес к жизни и во всём этом виноваты вы! - закончив говорить, Шарлота шумно выдохнула, избегая при этом прямого взгляда Филиппа.
- Вы ждали меня целый месяц, для того чтобы сообщить то, что я и сам знаю?- насмешливо спросил Филипп.
- Значит, вы раскаиваетесь в своём поступке?
- Раскаиваюсь или нет, какой в этом прок? - раздражённо ответил Филипп, - ничего изменить нельзя и если вам более нечего сказать…- он поднялся и пошёл по направлению к выходу, но не дойдя до двери замер, услышав следующие слова Шарлоты:
- Луиза беременна!
Филипп медленно повернулся и вперил в Шарлоту испытывающий взгляд. Он ей не поверил, и это было заметно по его облику.
- Вы лжёте? Отвечайте мне!- закричал Филипп, приводя Шарлоту в ужас.
Вместо ответа, Шарлота протянула ему письмо.
-Что это?- Филипп развернул письмо.
Некоторое время, после прочтения письма, он стоял бледный и растерянный. Затем начал непроизвольно комкать письмо в руках. Внешность Филиппа настолько отличалась от обычного состояния, что вошедший в зал де Крусто замер.
- Когда она написала письмо?- хриплым голосом спросил Филипп, - сколько времени прошло с тех пор, как она дала его?
- Около месяца!
- Мне нужно знать точно! - вскричал Филипп, пугая своим видом Шарлоту.
- Месяц и несколько дней.
Филипп схватился за голову двумя руками.
- Господи, господи, неужели и сейчас ты накажешь меня так жестоко?
Филипп обернулся к Жоржу де Крусто.
- Седлай лошадей и найди два десятка отдохнувших людей. Я немедленно уезжаю, только переоденусь… вы покажете мне путь,- уже взбегая по лестнице, крикнул Филипп, обращаясь к Шарлоте.
Жорж де Крусто недоумённо посмотрел на Шарлоту, не понимая её участия, которое столь сильно взволновало Филиппа.
- Вы не знаете сударыня, куда мы отправляемся? - вежливым голосом поинтересовался Жорж де Крусто.
- По всей видимости в Клюни! - коротко ответила Шарлота

-Час от часу не легче,- пробормотал Жорж де Крусто, направляясь к выходу, - едем в Бургундию. Интересно, что он придумает в следующий раз.
Тем не менее, он выполнил приказ и меньше чем через шесть часов после своего возвращения, Филипп снова отправился в путь, который лежал в женский монастырь Клюни.

Глава 45

В то время, как Филипп, преодолевал опасности, ожидавшие его на пути к монастырю, Луиза, почти перестала надеяться на то, что когда либо увидит его. Месяц, данный Луизой закончился, но несмотря на глубокую ненависть которую она по прежнему питала к человеку надругавшемуся над ней, ребёнка зарождавшегося в её чреве, она ненавидеть не смогла. Мысль о том, что некогда она собиралась убить его, приводила её в ужас. Как она могла помыслить такое? Какая злая сила овладела её разумом в эту минуту?
Луиза перестала чувствовать себя одинокой и всё больше думала о зарождавшейся жизни. Ребёнок приносил в её душу успокоение и радость. Часто, она прижимала руку к животу, отчётливо сознавая, что отныне она не одна. В ней просыпался материнский инстинкт, который заставлял любить ребёнка, несмотря ни на что. О, она никогда не покинет своего ребёнка, чтобы ни случилось. В иные мгновение, на губах Луизы появлялась безмятежная улыбка, и она думала о том, кто родится мальчик или девочка?
Луиза подолгу разговаривала с настоятельницей, как в былые времена, чему та была несказанно рада, ибо видела благие перемены, происходящие в своей воспитаннице. Луиза подружилась с сестрой Ливонией, которая из кожи лезла, чтобы угодить ей. Как прежде. Она часами прогуливалась по саду, с мечтательным выражением лица. Ребёнок полностью преобразил Луизу. Она часто вспоминала слова настоятельницы и начинала думать о том, что её жизнь обретает смысл. В зле ищи добро, в горестях- радость, а в отчаянии- надежду, повторяла Луиза слова настоятельницы, словно молитву. Ещё один день прошёл,- радостно думала Луиза, отправляясь спать. Она легла в кровать и прежде чем сон окутал её, подумала: осталось совсем немного и она сможет увидеть своего ребёнка. Всю ночь Луизе снились красивые сны. По этой причине, она проснулась позже обычного. Луиза поднялась с кровати и по обыкновению, положив руку на живот, пожелал доброго утра своему ребёнку. Затем, она осторожно набросила на себя, одно из немногих платьев, что у неё оставались и подошла к столу, на котором по обыкновению стояла кружка со свежим молоком. Луиза с удовольствием отпила несколько глотков и положив кружку обратно на стол, вышла из кельи.
Первое, что бросилось в глаза Луизе- была Шарлота, беседующая с настоятельницей. Рядом с ней, спиной к Луизе стоял какой то незнакомый мужчина. Она услышала как он громко говорил:
- Где она, я хочу её видеть.

От звука этого голоса, который глубоко врезался в её память, Луиза вскрикнула. Мужчина обернулся к ней. Ненависть вспыхнула в Луизе с огромной силой. Она сделала два шага по направлению к Филиппу, но почему то остановилась, покачнулась и начала падать. Филипп бросился к ней. Но прежде, чем он подбежал к ней, другой мужчина подхватил её на руки. Их взгляды встретились.
-Ты! - одновременно воскликнули оба.
Человек, державший в руках Луизу, оказался не кем иным, как Капелюшем. Луиза была без сознания. Филипп молча забрал у него из рук Луизу и в сопровождении настоятельницы, отнёс её в келью. Уложив бережно Луизу на кровать, Филипп повернулся к настоятельнице.
- Что с ней, сестра?
Настоятельница пожала плечами.
- Не знаю. В её положении бывают обмороки.
- Так она действительно беременна?
- Да. Но почему вы спрашиваете? И откуда вы знаете Луизу?
-Это не имеет значения,- ответил Филипп, - я побуду здесь, пока она не придёт в себя.
Он сел на стул, на котором имела обыкновение сидеть Луиза и прислонившись спиной к стене направил взгляд на Луизу.
- Вы не можете здесь оставаться! - возмутилась настоятельница.
- Не тратьте времени зря. Я не уйду, пока не поговорю с ней!
- В таком случае и я останусь!
- Как желаете сестра!- меньше всего Филиппа волновало, останется ли настоятельница в келье или нет.
Несколько часов прошли в полном безмолвии. Луиза не приходила в себя, и это начинало беспокоить Филиппа, потому что он знал много больше настоятельницы.
- Здесь есть лекарь? - неожиданно спросил Филипп.
- Мы в святой обители не пользуемся услугами лекаря! - ответила настоятельница.
-Понятно!
Филипп не произнося больше ни слова, покинул келью, а затем и монастырь. За воротами монастыря, его дожидался де Крусто с двумя десятками всадников. Филипп попросил его найти лекаря и немедля привезти его в монастырь. Ещё он сказал, чтобы де Крусто разместил людей в ближайшей деревне, потому что они останутся на ночь. Отправив де Крусто выполнять его распоряжения, Филипп отправился обратно. У дверей в келью стояли Капелюш и Шарлота. Они вполголоса о чём то разговаривали. При появлении Филиппа, они умолкли. Он даже не посмотрел на них, когда входил в келью. Прошло ещё около двух часов ожидания, во время которых Филипп изучал мельчайшие подробности неподвижного лица Луизы. Его взгляд застывал то на закрытых глазах, то на побледневших щёках, то на груди, которая едва заметно вздымалась. Он смотрел на руки Луизы, молитвенно сложенные на груди. И всё время задавался одним и тем же вопросом: Как он мог поступить так жестоко с этим беззащитным созданием? И не находил ответа на свой вопрос.
Приход де Крусто с перепуганным лекарем, прервал его размышления. Филипп немедленно поднялся и указывая на Луизу, сказал;

- Я хочу знать, что с ней!
Настоятельница резко воспротивилась осмотру.
- Я не позволю её осматривать!- заявила она, - сёстры будут молиться за выздоровление Луизы.
- Ещё одно слово, и я заберу Луизу в другое место- пригрозил Филипп. Затем обернувшись к лекарю, приказал:
- Делай, что велено!
Лекарь подошёл к кровати и стал дрожащими руками осматривать Луизу. Луиза никак не реагировала на его прикосновения. Он посмотрел её язык, открыл глаза. Обследование продолжалось около четверти часа, по истечению которых лекарь развёл руками.
- Я не знаю, что это за болезнь!
- Вот и останешься здесь, чтобы узнать! - коротко бросил Филипп, занимая прежнее место на стуле. Лекарь начал было что- то говорить, но Жорж де Крусто подошёл к нему и что- то шепнул на ухо, после чего бедняга едва нашёл в себе силы пролепетать;
- Как скажете.. я конечно же останусь
В течение следующего часа, лекарь под неусыпным взором Филиппа, не оставлял попыток выяснить, что же происходит на самом деле с Луизой. Он весь вспотел от напряжения, но не сдвинулся в своём усердии ни на шаг. Филиппа уже начало охватывать раздражение, при виде беспомощности лекаря, когда дверь в келью отворилась, и вошёл Капелюш, в сопровождении маленького, убеленного сединами мужчины.
- Это лекарь! - негромко сообщил Капелюш.
Филипп колебался всего одно мгновение. Понимая, беспомощность предыдущего лекаря, он велел Де Крусто отвезти его обратно. Едва они покинули келью, как лекарь приведённый Капелюшем, с молчаливого согласия Филиппа и настоятельницы, которая начала всерьёз опасаться за жизнь Луизы, приступил к осмотру. Старик лекарь нагнулся над безмятежно лежавшей Луизой. Как и предыдущий лекарь, он внимательно осмотрел язык и глаза. Филипп следил за всеми его движениями.
-Давно, она лежит без сознания?- не поворачивая голову, спросил лекарь
- Почти с самого утра! - незамедлительно ответил Филипп.
-Странно! Дыхание нормальное. Язык тоже,- пробормотал лекарь, но почему же она не приходит в сознание?
И тут внимание лекаря привлекла рука Луизы. Он осторожно приподнял рукав платья, внимательно осматривая руку Луизы. После этого, он положил руку и приподнял платье, обнажая её ноги до колен.
- Господи Иисусе! - вырвалось у лекаря при виде множества маленьких лепестков, похожих на родинки, что покрывали ноги Луизы.
- Что?- Филипп взволнованно привстал с места.
Увидев, лежащую на столе кружку, наполовину наполненную молоком, лекарь взял её в руку и поднёс к носу. Затем, он макнул пальцем в чашу и попробовал на вкус. И почти сразу после этого, он начал отплёвываться.
- Да что с ней?- не выдержав, закричал Филипп.
Лекарь с участием и состраданием посмотрел на Филиппа.

- Это Патриций! Она приняла яд!
- Вы ошиблись, это просто невозможно. Откуда у нас может быть яд? - вскричала взволнованная настоятельница.
Лекарь отрицательно покачал головой.
- Сожалею матушка, но я не могу ошибиться. Я изучал всевозможные яды, этот в том числе! Мне надо вернуться домой. Возможно, мне удастся спасти её, хотя надежды очень мало. Этот яд действует со страшной силой!
Филипп схватил стул, на котором сидел и разбил его об стену.
- Будь ты проклята Луиза! Будь проклята! - вскричал он, охваченный бессильной яростью, и тут же закрыл руками лицо и прошептал,- так жестоко наказать меня…
- Как вы можете? - настоятельница ужаснулась его словам.
Филипп молча протянул ей письмо Луизы.
- Святая дева Мария! - пролепетала настоятельница, прочитав письмо, - она сделала это из ненависти к вам. Вы?
-Да я! Я сделал это! И теперь сполна несу наказание.
Капелюш подошёл к почти потерявшему себя от горя Филиппу и положив руку ему на плечо, сказал тихим голосом;
- Не отчаивайся, Пьетро, весьма искусный лекарь. Он спасёт её
- Если она умрёт… если ребёнок умрёт… мне не вынести тяжести этой ноши… не вынести,- глухо ответил Филипп.
Не в силах более оставаться в келье, рядом с умирающей Луизой, он вышел. Филипп сел у самой двери на холодный каменный пол и вытянув одну ногу, вторую согнул в колене и положил на неё рук. Груз вины непомерной тяжестью лёг на его плечи. Он пытался вспомнить слова молитвы, которые выучил в детстве, но ничего не приходило на ум. Капелюш вышел вместе с настоятельницей. Настоятельница сразу направилась в часовню, помолиться за спасение Луизы. Капелюш остался рядом с Филиппом. Он понимал, как тяжело ему, но помочь ничем не мог. Филипп не проронил ни слова до появления лекаря. Вместе с ним, он вошёл в келью Луизы. Лекарь сразу начал вливать ей в рот различные настои. Ему с трудом удавалось разжать зубы Луизы. По просьбе лекаря ему принесли молоко и мёд, которые он сразу же смешал с принесёнными им травами. Он долго перемешивал полученный состав, а потом часть содержимого влил в рот Луизе. Около часа лекарь занимался с Луизой. Закончив первую стадию лечения, лекарь снова осмотрел Луизу. Лепестки почти исчезли.
- Ей лучше?- с надеждой спросил Филипп.
- Будем надеяться, что мои травы помогут, - ответил лекарь, - Патриций действует целенаправленно. После того, что вы видели, этих маленьких лепестков на коже, начинается выделение пота, поднимается температура, у больного начинается сильный жар. Это страшно если произойдёт, но вполне поправимо. Но если начнётся онемение - вот тогда ей уже никто не поможет.
- Я не вижу никакого пота! - сказал Филипп очень внимательно оглядывая Луизу.
- Будем надеяться, что он не появится!- лекарь присел на единственный стул в келье и устало закрыл глаза.
Филипп сел на кровать, рядом с Луизой, ни на минуту не спуская с неё взгляда. Минуты текли одна за другой, Филиппа постепенно

охватывала радость. Лицо Луизы с полузакрытыми глазами оставалось сухим. Филипп времени от времени дотрагивался до её лица рукой, словно не доверял своим глазам. Прошло около двух часов. Филипп почти уверился, что всё позади, когда на лбу Луизы показалась одна капля, потом вторая, через минуту всё лицо покрылось потом. Впервые за много часов Луиза подала признаки жизни. Она издала глубокий стон. Филипп дотронулся до её лба. Он весь горел.
- Нет, только не это- прошептал Филипп
Он разбудил дремавшего лекаря. Тот, протерев глаза подошёл к Луизе.
- У нас осталось два дня! - тихо сказал лекарь.
Филипп провёл ужасную ночь. Ни на минуту, он не сомкнул глаз. Ежеминутно подходил к Луизе и вытирал влажным полотенцем пот с её лица. Никакие уговоры, что сёстры лучше справятся с заботой о Луизе, не помогали. Он не отходил от её постели. Утро принесло мало утешительного. Все попытки лекаря сбить высокую температуру, был безрезультатны. Луиза всё время стонала. Её стоны разрывали Филиппу душу. В каждом из них, он слышал свою вину.
- Сделайте же что-то, помогите ей, - постоянно просил Филипп. Лекарь в ответ лишь разводил руками и говорил.
-Я и так делаю, всё, что в моих силах. У нас есть ещё время попытаться её спасти.
Весь день продолжалась борьба за её жизнь. Филипп видел, что лекарь старается изо всех сил. Сам он не знал, куда себя деть. Пока лекарь поил Луизу травами, он крупными шагами мерил келью. Ночь так же не принесла утешения. Луиза непрерывно стонала. Следующее утро, Филипп встретил молча. Он больше не мог разговаривать. Только тихо сидел в углу, с опущенной головой. Настоятельница всё время наведывалась в келью и видела, в каком состоянии он находится. Ей с трудом удалось уговорить его, съесть немного скудной монастырской пищи.
Лекарь, в очередной раз влил лекарство в рот Луизы. Её лицо стало похожим на воск. Лекарь знал, что это плохой признак, но Филиппу не стал ничего говорить. Да он сам почти разуверился спасти Луизу. Ближе к вечеру Луиза начала кричать. Филипп зажимал уши руками, чтобы не слышать эти крики, но не покидал кельи. Ближе к полуночи, лекарь подошёл к Филиппу и не поднимая глаз, сказал;
- Всё! Я не в состоянии ей помочь! Я бессилен! Ещё до утра у неё начнётся онемение тела! Мне очень жаль!
Филипп, не отвечая вышел из кельи. Сам того не осознавая, он очутился в часовне монастыря. Он медленно подошёл к настоятельнице монастыря, которая коленопреклоненно молилась перед статуей святой девы и встал за её спиной. Услышав шум шагов, настоятельница обернулась.
- Помолись вместе со мной, сын мой! - прозвучал в тишине голос настоятельницы.
-Если б я мог?! - прошептал в ответ Филипп безжизненным голосом, - если б я только мог… и кому я должен молится? Тому, кто отнял у меня родителей, а сейчас забирает ту, что носит моего ребёнка.

- Деяния господа определены лишь им самым, сын мой. Оставь сомнения, оставь ненависть и злобу, и просто помолись отцу нашему, открой сердце, впусти в него свет!
- А господь спасёт моего ребёнка? Он вернёт мне родителей? Нет,- Филипп отрицательно покачал головой, - не буду я молится тому, кто каждый раз посылает мне невыносимые страданья и боль.
В миг, когда Филипп чувствовал невыносимую боль от того, что рядом по его вине умирала Луиза, умирал его ребёнок, за его спиной раздался пророческий голос:
- Я могу её спасти!
Филиппу почудилось, что голос прозвучавший в часовне исходит откуда то сверху. Для него эти слова были чем-то сверхъестественным, но через минуту он понял, что человек, кому принадлежали эти слова, находится позади него. Филипп медленно обернулся. В нескольких шагах от него, в проходе, между двумя рядами скамеек, стоял Капелюш, а рядом с ним, маленькая женщина, похожая на карлицу, с очень выразительными глазами, смотревшими прямо на Филиппа.
-Я могу её спасти! - повторила карлица не сводя взгляда с Филиппа.
К Филиппу пришло понимание того, кто эта карлица.
- Это она?- его вопрос был обращён к Капелюшу, тот в ответ кивнул.
- Если ты спасёшь её, я всю жизнь буду благословлять тебя,- проникновенным голосом произнёс Филипп.
- Мне не нужны твои молитвы,- отвечала карлица, - я спасу ей жизнь, только при одном условии.
- Я сделаю все, что ты скажешь! - прошептал Филипп.
- Тогда женись на ней!
Филипп отшатнулся назад, словно вместо карлицы увидел призрак и отрицательно качая головой, ответил;
- Я не могу! Проси всё что хочешь, но только не это!
- Тогда она умрёт! - безжалостно ответила карлица.
-Я не могу на ней женится,- вскричал Филипп, - она дочь моего злейшего врага. Как я смогу поднять руку на отца моей супруги? Как я смогу убивать её родных? Нет, ты не можешь, не должна меня просить об этом.
-Я не прошу! - ответила непреклонно карлица, - твоя женитьба- условие того, что она будет жить и твой сын тоже.
- Мой сын? Откуда ты можешь знать?
Карлица приблизилась к Филиппу и сверкнув глазами ответила.
- Я многое знаю, но сейчас речь не о моих знаниях, а о жизни девушки, которую ты обесчестил и заставил страдать. Дочь твоего врага, говоришь? Правильно. Но разве её отец больше заслуживает смерти, чем она жизни? Ответь!
- Я не могу,- прошептал Филипп, хватаясь за голову, - я люблю Мириванду, она меня любит и сойдёт с ума, если я женюсь на…
-А разве твоя мать тебя не любила? - вскричала карлица, теряя спокойствие, - или ты забыл, что она пожертвовала своей жизнью, для того, чтобы спасти тебя? Трижды глупец, ты и правда думаешь, что это герцог Бургундский отправил по твоему следу убийц после казни? Ты думаешь, это он приказал убить тебя и твою мать? Пока

ты так думаешь, твой сын умрёт от руки того, кто убил твою мать!
Филипп, по мере того, как карлица говорила, покрывался холодным потом. Он смотрел на карлицу, которая рушила всё, что он знал, чему верил и с чем боролся.
- Ты хочешь сказать, что человек приказавший убить мою мать- не герцог Бургундский? - тихо спросил Филипп, - если ты не лжёшь, назови мне его имя.
- Можешь верить мне, а можешь нет. Пока ты требуешь ответов, Луиза может умереть!
- Я не женюсь на ней! - с непоколебимой решимостью ответил Филипп, - чтобы ты не говорила, герцог Бургундский пролил реки крови Арманьяков. Он убил моего отца. Он мой кровный враг и вся его семья мои враги. Больше всего на свете, я хочу спасти Мать и ребёнка, но я не могу заплатить столь высокую цену. Превыше жизни, моя честь, а ты хочешь у меня забрать её. Ты хочешь сделать из меня клятвопреступника. Ты хочешь, чтобы мои люди возненавидели меня. Я мог бы предложить тебе свою жизнь в обмен на жизнь Луизы, но даже это я не вправе сделать, потому что мой враг всё ещё жив,- с каждым словом голос Филиппа набирал силу, - иди и всегда помни, что сегодня ты обрекла на смерть невинных, когда могла спасти их жизни. Я связан долгом чести за спасение своей жизни и потому отпускаю тебя с миром. Но берегись в следующий раз оказаться на моём пути.
- Тебя никто не сможет сломить! - неожиданно мягко заговорила карлица, - я ждала, что ты откажешься. Но не пройдёт и одного дня, когда ты по доброй воле сделаешь то, что не хочешь сделать ценой жизни Луизы и твоего сына.
- Ты ошибаешься! - бесстрастно ответил Филипп.
- Ошибаюсь?- переспросила карлица и тут же добавила, - ну что ж, время покажет. А пока верни мне то, что дал тебе Капелюш.
Филипп непонимающе посмотрел на карлицу. Увидев его взгляд, карлица коротко пояснила.
- То, что висит у тебя на шее!
Филипп молча снял с себя требуемый карлицей мешочек и передал ей. Карлица так же молча взяла его и повернувшись засеменила к выходу.
- Ты уходишь?
- Только, чтобы спасти её! - последовал ответ карлицы.
- Я не женюсь на ней! - закричал вслед карлице, Филипп.
Ответом ему было полное молчание. Карлица покинула часовню и через минуту уже входила в келью к Луизе. При её появление, лекарь удивлённо распахнул глаза. Он явно не ожидал её увидеть.
- Мемфиза, ты?! - вырвалось у него.
Карлица, не отвечая ему, быстро подошла к лежавшей Луизе, которая уже давно перестала кричать. Сейчас, лишь изредка из груди ёё вырывался болезненный стон. Осмотрев Луизу, карлица удовлетворённо прошептала;
- Я успела вовремя!
Лекарь с уверенностью начал говорить Мемфизе, что Луизу уже ничем нельзя спасти, но в ответ карлица протянула, вынутый из мешочка пузырёк с жидкостью.

- Что это?- спросил лекарь, рассматривая жидкость.
- Противоядие от Патриция!
Лекарь ошеломлённо посмотрел на Мемфизу.
- Откуда ты знаешь, что она приняла Патриций?
- Неважно! - ответствовала карлица и продолжала, - дай четвёртую часть содержимого, а через четверть часа ещё столько же. Противоядие не должно повлиять на плод, что она носит.
Лекарь вновь с глубоким удивлением посмотрел на Мемфизу, не понимая, откуда она может знать таких вещей, но ничего не сказал. Нагнувшись, он приподнял одной рукой голову Луизу, а второй влил ей в рот содержимое пузырька в количестве, указанном Мемфизой. Затем, он запрокинул голову Луизы, и подержав её некоторое время, опустил на подушку. Через четверть часа, он снова повторил предыдущие действия. После второй дозы лекарства, оба застыли в ожидании, не сводя пристального взгляда с Луизы. Вскоре они заметили, что болезненные стоны прекратились. А сразу после этого, цвет лица начал преображаться, розовея прямо у них на глазах.
- Противоядие действует! - удовлетворённо произнесла Мемфиза и добавила, - позаботься о ней как следует Пьетро, потому что отныне, заботу о её здоровье, я вверяю в твои руки. Ты будешь, неотлучно находится при ней.
- Почему её жизнь так важна для тебя?- спросил лекарь.
- Всему своё время! - неопределённо ответила карлица, - а пока дай знать, если что- то пойдёт не так.
Произнеся эти слова, карлица покинула келью, для того чтобы снова вернуться в часовню. Едва увидев входящую карлицу, настоятельница покинула часовню и поспешила к тяжело больной Луизе. А карлица, прошла мимо Капелюша и опустилась на скамью рядом с Филиппом. Руки Филиппа были положены ладонями вниз на край следующего ряда скамеек, а голова лежала на руках. Он даже не обернулся посмотреть, кто сел рядом с ним.
- Она не умрёт!
Лишь лёгкая дрожь, пробежавшая по телу Филиппа, показала карлице, что он услышал её слова! Она некоторое время молчала, отчётливо понимая, что дальше оттягивать откровенный разговор нельзя. Он должен всё узнать. Лишь так можно было защитить Луизу и ребёнка.
- Мне исполнилось шесть лет,- негромко заговорила карлица, - когда на наш табор напали неизвестные люди. Они не знали, что такое жалость или милосердие. Они убили всех. В ту ночь, я потеряла отца, мать, двух сестёр, брата. Меня подвергли насилию, а потом избили до полусмерти. Среди, более чем ста человек, я одна осталась в живых и то потому, что они приняли меня за мёртвую. Я была такой как все остальные дети, но после того, что случилось, навсегда осталась калекой, уродиной.
- Зачем ты мне это рассказываешь?- не поднимая головы, глухим голосом спросил Филипп.
- Затем, что у нас схожие судьбы и общие враги. В отличии от тебя, я не забыла ту ночь и сумела найти истинных виновников. Я потратила десять лет своей жизни, для того чтобы войти в доверие к ним. Я делала это лишь с единственной целью- наказать убийц!

Тех, что убили и твою мать, тех, что пытались убить тебя, тех, что убили епископа Мелеструа и пытались убить Луизу.
- Ты ошибаешься. Луиза сама приняла яд! - Филипп оторвался от скамьи и повернулся лицом к карлице. В ответ она с непоколебимой уверенностью отрицательно покачала головой.
- Это ты ошибаешься.
- Она прислала мне письмо. Она приняла яд из ненависти ко мне!
- Мне не ведомо, что она тебе писала. Могу лишь с уверенностью сказать, что она не могла этого сделать. Да и откуда она могла взять Патриций- яд, о котором знают всего лишь несколько человек?
- Зачем кому- то убивать дочь герцога Бургундского? Это мог сделать лишь я- враг всего что носит имя герцога бургундского!
- Ты не понимаешь. Они хотят убить не её, а его - будущего наследника Арманьяков!
-Кто они?- в упор спросил Филипп, ты всё время говоришь о неких таинственных врагах. Назови наконец имя этих врагов!
- Имя этих врагов- орден чернокнижников и убийц, что именуют себя «Лионскими Бедняками»
Филипп с величайшим недоверием смотрел на карлицу. Как он ни пытался понять смысл её слов, ничего не получалось. Он не видел причин, следовательно это не могло быть правдой.
-Даже если этот орден действительно существует, - медленно выговаривая слова произнёс Филипп, - зачем им убивать, как ты говоришь мою мать? Зачем убивать епископа? И чем может быть опасен, ещё не родившийся ребёнок?
- Как я могла узнать, что тебя собираются убить?- ответила вопросом на вопрос карлица, - разве ты забыл, кто предупредил тебя? Я состою в ордене и знаю всё, что происходит или должно произойти. Но если ты не веришь мне,- продолжала карлица, - может поверишь епископу Мелеструа? Вспомни те слова, что он сказал тебе перед смертью.
Филипп вздрогнул. Он повторял эти слова тысячи раз, пытаясь понять их значение.
- Они постараются убить её. Береги её! - словно во сне повторил слова Мелеструа, Филипп.
- Сейчас ты понимаешь, кого он имел в виду?
- Но откуда, откуда он мог знать?- вскричал Филипп, - откуда он мог знать, что произойдёт?
- Правда в том, - отвечала на вопрос карлица, - что орден обладает знаниями не доступными другим смертным. Правда в том, что насилие было предопределено много лет назад, как и рождение твоего сына. Орден знает, что ты тот, кто может обрушить и уничтожить их, как не сомневаются в том, что рождение твоего сына принесёт им неминуемую гибель. Им это предсказано много лет назад. И предсказание, с роковой точностью преследует орден. Именно они подбили герцога бургундского на убийство герцога Орлеанского. Именно они столкнули между собой Арманьяков и бургундцев, развязав кровопролитную войну, которая могла привести к смерти их злейших врагов и ввергнуть Францию в хаос. Чего они и желали боле всего. Ибо кто может видеть гнусность творимых им дел, когда вокруг льются реки крови. Это они

настроили горожан Парижа против Арманьяков и в последующем возглавляли избиением ваших сторонников. Они направили убийц после казни. Кабош, убивший твою мать, состоял в ордене. Человека, который пустил в тебя стрелу и едва не убил, зовут Гилберт де Лануа. Он служит канцлером у герцога Бургундского. А в ордене он второй человек по своей значимости. И пока вы проливаете кровь друг друга, - с горящими глазами продолжала говорить карлица, - орден становится всё более могущественным, черпая в вашей вражде всё новые силы. Ты спрашивал, чем может быть опасен для ордена твой сын? Его рождение может принести мир, а в последующем и объединить ваши кланы. Орден опасается этого более всего. Ты единственный кто может бороться с орденом, ибо не только обладаешь силой, но и знаниями, что гораздо важнее. Если ты решишься бороться с орденом, я стану твоими глазами и ушами. Я буду помогать тебе всем, что только в моих силах, но прежде… ты должен решить, как поступить с Луизой. Её сможешь защитить лишь ты один. Без твоей помощи, убийцы рано или поздно настигнут её.

Филипп слушал всё это время молча карлицу.

- Оставь меня одного, - попросил Филипп. - Я должен подумать над твоими словами. Позаботься о Луизе. Завтра ты услышишь мой ответ.

Сказав эти слова, Филипп принял положение, в котором он пребывал до появлении Мемфизы. Мемфиза молча ушла, оставляя его наедине с мыслями.

Филипп провёл одну из самых тяжёлых ночей в своей жизни. Тысячи вопросов роились в его голове. Он вспоминал каждое слово Мемфизы и сопоставлял с тем, что видел сам. Мысли сменяли одну за другой. Филипп всё больше убеждался в искренности Мемфизы. Пусть она руководствовалась собственным чувством мести, но нельзя было отрицать очевидную истину. Она показала себя истинным и преданным другом. Она дважды спасла его жизнь. Она спасает жизнь Луизы. Если она говорит правду, - напряжённо размышлял Филипп, то налицо ещё более страшный враг, нежели герцог бургундский. Все покушения на собственную жизнь, он приписывал герцогу Бургундскому, но разве он мог знать, что я отправлюсь к Мелеструа? Нет, - сразу же ответил себе Филипп, к тому же, само нападение и эти люди в монашеских одеяниях, которые очень походили на тех, что были с Кабошем. Всё сходилось на ордене. Всё подтверждало слова Мемфизы. Он почти отчётливо почувствовал, что у него появился новый враг. Невидимый и оттого более опасный. Он не знал как будет с ним бороться, но не сомневался, что отныне их гибель станет его основной задачей. Пока они живы, и он, и все его близкие находятся под нависнувшим над их головой топором, который может опуститься в любую минуту. Что же делать? Что же делать?- задавался вопросом Филипп, и как поступить с Луизой. Да, он её обесчестил, да она носит его ребёнка. Но как он может отказаться от Мириады, которую любит? Как он может отказаться от брака с ней? И как он может жениться на девушке, отца которого собирается убить? Нет, нет, это невозможно- думал Филипп, я сумею защитить Луизу, я дам ей всё, что только она пожелает, кроме своего имени. Да, да так и будет-

решил Филипп. Я поселю её в замке. Она ни в чём не будет нуждаться. И горе тому, кто попытается её обидеть. От последней мысли Филиппу стало легче. Наконец, он нашёл выход. Луиза будет в безопасности и он со спокойной совестью сможет женится на Мирианде… а вдруг она откажется? - с ужасом подумал Филипп, я принимаю решение, не зная, что скажет она .. мысли Филиппа опять пришли в расстройство. Как он должен поступить? Как поступит сама Луиза? Эти вопросы мучили его до самого утра и он не находил на них ответа. Филипп очнулся от своих мыслей, когда в часовню, через большое овальное окно, начали проникать солнечные лучи. Голова Филиппа словно налилась свинцом. Он последнюю неделю почти не спал, да и мысли не давали покоя. Филипп поднялся, разминая затёкшие ноги.
- Я принёс еду! Тебе надо поесть!
Капелюш поставил рядом с Филиппа кусок хлеба и миску с супом. Обычная монастырская пища. Филипп благодарно кивнул. Капелюш повернулся чтобы уйти, но его остановил голос Филиппа.
- Это она прислала тебя сюда?
- Да! - коротко ответил Капелюш, - я попросился помогать монастырю за кров и пищу. Так хотела Мемфиза. Работая в монастыре, я мог защитить Луизу, но не сумел остановить убийцу. Я никак не мог предположить, что они пошлют женщину, да ещё монахиню.
Филипп вскинул взгляд на Капелюша.
- Ты знаешь, кто подлил яд Луизе?
- Да!- подтвердил Коринет, лишь одна женщина входила в келью с Луизе. И в руках она держала кружку с молоком.
Филипп помрачнел. Первый признак надвигающегося гнева.
- Она всё ещё в монастыре?
- Нет! Она исчезла! Я не смог её найти
- Будь внимателен. Возможно, в монастыре остались сообщники.
- Хорошо! - коротко ответил Капелюш собираясь уйти, но его вновь остановил голос Филиппа.
- Прости за мои слова и за то, что я поднял на тебя руку
- Спасибо!- тихо ответил Капелюш.
-За что? Я ведь обидел тебя!
- Мне было очень плохо без тебя.
Филипп подошёл к Капелюшу. Они посмотрели друг на друга особым, только им одним понятным взглядом, а затем крепко обнялись. Они оставались в таком положении пока не услышали голос Мемфизы.
-Луиза пришла в себя!
Филипп оторвался от Капелюша и посмотрел на стоявшую у входа Мемфизу. Маленький человечек, который так много сделал для него. Филипп почувствовал к ней нежность, которая видимо не укрылась от Мемфизы, о чём свидетельствовали следующие слова.
- Прибереги свою нежность для Луизы. Она пришла в себя, и хочет тебя видеть!
Филипп молча направился к выходу из часовни. На пороге его задержала Мемфиза.
- Помни! - сказала ему она, - по твоей вине она потеряла прекрасное будущее, она потеряла своих родных и стала отверженной повсюду. Прежде чем что- то скажешь, подумай ещё раз

о том, сколько страданий выпало на её долю, и сколько возможно ждёт её впереди.
Не отвечая Мемфизе, Филипп покинул часовню. Филипп потратил четверть часа на то, чтобы пройти семьдесят шагов- путь от часовни до кельи Луизы. Его охватила странная нерешительность. Он чувствовал, что не сможет смотреть в глаза Луизы. Филипп остановился перед дверью. Ему понадобилось ещё несколько минут, для того, чтобы толкнуть дверь и войти внутрь. Луиза была одна в келье. Она по прежнему лежала в постели. Тело было прикрыто лёгким покрывалом. Голова лежала на маленькой подушке, вокруг которой разметались её белокурые волосы. Руки Луизы были выпростаны из под одеяла. Лицо сохраняло лёгкую бледность, которую оттенял естественный цвет. Яркие, голубые глаза не мигая смотрели на Филиппа. Филипп некоторое время не мог поднять взгляд на Луизу. Но, в конце концов, заставил себя посмотреть на неё и поразился, ибо в её глазах не увидел того, что ожидал - ненависти.
- Не мучайте себя! - раздался слабый, но мягкий голос Луизы, - я знаю всё о вашей жизни. Мемфиза мне рассказала. Я понимаю, почему в тот день вы так разозлились. Я оскорбила вашу мать и вашего отца. Я просила вас прийти, - продолжала Луиза, всё больше покоряя Филиппа своими словами, - чтобы сказать о том, что прошу прощения за моего отца, которой причинил вам столько горя. Я прошу прощения за то, что оскорбила ваших родителей и если вы по прежнему чувствуете вину, то знайте, я не только прощаю вас, но и благодарю всем сердцем.
Филипп чувствовал, что не может говорить. Комок подступил к горлу. Он смотрел на Луизу и понимал, что совершил самый омерзительный поступок в своей жизни
- Вы святая?- прошептал Филипп, - вы должны ненавидеть меня, а вместо этого благодарите.
- Я благодарю вас за спасение моей жизни и жизни моего ребёнка!
- Это не я, - начал было отказываться Филипп, но Луиза с мягкой улыбкой остановила его.
- Мемфиза, так и не сказала вам, что она ошиблась. Она полагала, будто хотят отравить вас. По этой причине она передала противоядие Капелюшу и он повесил его вам на шею. Если б вы не приехали, я была бы мертва.
- Боже всемогущий! Так я два дня находился рядом с вами, не зная, что у меня в руках… боже,- шептал потрясённый услышанным Филипп, - а как же ваше письмо? Я не понимаю.
- Я ненавидела вас! - призналась Луиза. - Ненавидела и не понимала своих поступков, но потом… потом я поняла, что полюбила своё дитя и никогда не смогу причинить ему зло.
Филипп смотрел на Луизу и понимал, насколько она лучше него самого. Он видел, сколько в ней доброты и благородства. Луиза вызывала у него непроизвольное восхищение, и он не понимал, как выразить свои чувства.
- Если вы всё знаете,- наконец заговорил Филипп, - то несомненно осведомлены о том, какая опасность угрожает вам и… вашему ребёнку.

- Да!- без тени волнения ответила Луиза, - я буду защищать мое дитя всеми силами. Святая дева Мария привела меня к вам, дабы с моей помощью наказать зло. Она поможет мне, и охранит от бед и несчастий. Я глубоко верю в её божественную руку. И я верю в то, что вас она выбрала моим защитником. Будьте им. Поступайте, как считаете нужным. Я с радостью приму любое ваше решение. Можете не считаться с моим положением. Поместите меня в убогое жилище, дайте пищу, которая не позволит мне умереть с голода и будьте рядом, когда опасность придёт, чтобы отнять жизнь моего ребенка, и я буду благословлять вас.
- Перестаньте! - не выдержал переполненный чувствами Филипп, - перестаньте ради бога. Я и так чувствую себя последним из подлецов. Но клянусь честью, я всё исправлю. Я не позволю ни одной слезинке упасть из ваших глаз. Даже тень беды, не коснётся вашего чела. Отныне вся моя жизнь станет искуплением за то зло, что я причинил вам. И помните, горе тому, кто посмеет посягнуть на жизнь… моего сына. Да моего сына! - Филипп подошёл к лежавшей Луизе. Опустившись на колени, он взял её руку и искренним голосом идущим из самых глубин души, сказал:
- Луиза, я причинил вам много горя, так позвольте мне сделать вас счастливой. Вы говорили, что поклялись святой деве Марии в том, что вашим телом будет обладать лишь супруг ваш. Так позвольте выполнить вашу клятву. Станьте моей супругой, сегодня, сейчас.
Луиза долго и с нескрываемой нежностью смотрела на Филиппа.
- Я не стану противиться божьей воле, которая велит мне слушаться вас! - тихо ответила Луиза, - поступайте, как считаете правильным, но думайте прежде всего о себе. Я знаю. Вы любите другую женщину, и стоит ли отказываться…
- Помолчите Луиза! - прервал её взволнованно Филипп, - отныне, не будет в моей жизни другой женщины, кроме вас. Если вы чувствуете ко мне неприязнь, я приму это без жалоб и никогда не потревожу вас своей настойчивостью. Для меня достаточно знать, что вы будете счастливы. Об ином я и не помышляю!
- Я стану вашей супругой!
Вечером того же дня, в присутствии Жоржа де Крусто, Капелюша, настоятельницы монастыря, Шарлоты де Лаваль и некоторых из сестёр монастыря, Филипп с Луизой обвенчались. Церемония была скромной и короткой. Этот брак отличался от всех других браков, ибо основан был не на любви, а на страданиях. Сразу же после церемонии, Филипп вместе с новоиспеченной графиней Арманьяк отправился в Осер. Мемфиза покинула монастырь ещё до церемонии.

Глава 46

Несколько дней спустя, поздней ночью Гилберт де Лануа спустился в подземелье ордена, в сопровождение двух человек в монашеских одеяниях. Эти люди проводили Гилберта де Лануа в зал, где он обычно встречался с отцом Вальдесом. Но на сей раз

зал был пуст. Всемогущий глава ордена отсутствовал. Гилберт де Лануа был удивлён его отсутствием, но не подал вида и молча прошествовал через всю залу вслед за двумя монахами. Они подошли к двери, которую часто видел Гилберт де Лануа, но ни разу до сегодняшнего дня не переступал её порога. Один из монахов открыл дверь. Вслед за ними, Гилберт де Лануа перешагнул через порог и оказался в длинном и очень узком коридоре, пол, стены и потолок которого, были уложены камнями. Сверху, меж камней, сочилась вода. Несколько капель упало на шляпу Лануа. Он инстинктивно посмотрел на верх, затем снял шляпу и отряхнул её от воды, при этом не останавливая шага. Они прошли около двухсот шагов, когда упёрлись в тупик. Стена, перед которой они стояли, выглядела, как небольшая арка и была выложена из удивительно правильных круглых камней. Один из монахов, последовательно, один за другим нажал на четыре камня. В ту же минуту, стена, с глухим грохотом начала отодвигаться, открывая проход. Когда, Гилберт де Лануа вошёл через проход, то увидел, что находится в небольшой, четырёхугольной комнате. С низким потолком. Прямо, напротив него была дверь. И ещё две двери, были справа от него в каменных нишах. На стенах возле дверей горели факелы, которые смутно освещали всю комнату. Монах прошёл вперёд и открыл первую дверь справа от Лануа. Монах не вошёл внутрь, а только придерживал открытую дверь. Гилберт де Лануа прекрасно понял это приглашение и не раздумывая вошёл внутрь. Комната, в которой он оказался, была довольно просторной. Здесь было очень много книг и разной рода вещей, начиная от предметов обихода, заканчивая приборами для астрологических наблюдений. Она, была ярко освещена тремя большими подсвечниками, что стояли на круглом столе, в самом центре комнаты. Гилберту де Лануа не понадобилось много времени, для того чтобы понять- он находится в святая святых, личных покоях отца Вальдеса. Сам старец лежал в углу, на просторной кровати. Под головой лежало десяток подушек. Старец поманил иссохшей рукой Гилберта де Лануа. Тот немедленно подошёл к старцу и опустившись на колени, с трепетом прижался губами к его руке.

- Возьми стул и сядь рядом со мной!- проскрипел едва слышно отец Вальдес.

Гилберту де Лануа была оказана высочайшая честь. Он предчувствовал, что предстоит весьма важный разговор. Гилберт де Лануа выполнил пожелание старца. Когда он опустился в кресле. Рядом с кроватью, отец Вальдес безмолвно снял с пальца перстень, на котором, в виде печати с наружной стороны, было изображено непонятное чудовище с тремя рогами и протянул его Гилберту де Лануа.

- Отныне, ты глава ордена!

Гилберт де Лануа ожидал нечто подобное, но жест старца заставил его испытать необычайное волнение и трепет ощущения таинства, что происходила в этой комнате.

- Отец мой!

-Молчи и слушай- повелительно прервал его отец Вальдес. Трясущими руками он надел перстень на палец Гилберта де Лануа.

Когда перстень оказался на пальце, отец Вальдес продолжил говорить, но говорить так тихо, что Гилберту де Лануа пришлось напрячь слух.
-Последнее время, неудачи преследовали наш орден и я задумался почему они происходят. Арманьяк у нас в руках, но внезапно исчезает. Затем дофин исчезает прямо перед тем, как мы собираемся убить его. Мы пытались убить Арманьяка в замке, но ему удалось уцелеть
- Я почуял запах предателя, но не мог понять кто он. Но когда я узнал, что противоядие от Патриция исчезло, а после того, что плод, отравленный им сумел непостижимым образом выжить, сомнения мои ушли открыв истину, - старец закашлялся и некоторое время не мог продолжить, но вскоре справился с кашлем и продолжал говорить, - одна из наших сестёр видела предателя. Но и без её слов, понятно, кто это был. Это тварь, давала яд, юным девам, которых я приносил в жертву. Она знала, что толика их крови служит мне для изготовления состава, которым я пользуюсь более 50 лет. И теперь мой организм отравлен. Ни одно противоядие не может спасти меня от смерти. Это продолжалось слишком долго,- старец закашлялся и на этот раз, изо рта хлынула кровь. Несколько капель брызнули на подушку. Гилберт де Лануа взял полотенце, лежавшее у ног старца и бережно стёр кровь.
-Кто этот предатель, отец мой, назовите его имя и будьте уверены, я выберу для него наихудшую смерть! – торжественно пообещал Гилберт де Лануа.
- Нет надобности! - по незаметному знаку отца Вальдеса, в комнате появился монах. В руке он держал мешок. Он развязал мешок. Когда он упал, Гилберт де Лануа увидел карлицу, которая без тени страха смотрела прямо им в глаза.
Гилберт де Лануа встал и подошёл к карлице. На его губах играла мрачная улыбка, в которой было что- то зловещее.
- Ты дала противоядие Луизе бургундской?
Карлица молчала.
- Можешь не отвечать. Мы и так знаем, что это была ты. Расскажи нам всё, что ты знаешь, и мы пощадим твоих цыган. Будешь молчать и все они, к утру будут мертвы.
На губах карлицы появилась довольная улыбка.
- Найдите их сначала!
- Ах ты уродливая тварь! - Гилберт де Лануа размашисто ударил её по лицу. Из губ карлицы показалась кровь.
- Говори, что ты знаешь об Арманьяке и Луизе бургундской. Говори, что ты им успела рассказать!- закричал Гилберт де Лануа.
На карлицу его крик никак не подействовал. Она не произносила ни слова. Лишь взгляд презрительно скользил по лицу Лануа.
- Мы тебя разрежем на куски и бросим бродячим собакам, или ты умрёшь лёгкой смертью, выбирай сама.
У карлицы был такой вид, как будто она раздумывает.
- Хорошо! - ответила карлица, я хотела получить много золота и поэтому предупредила Арманьяков. Они ничего не знают о вас.
- Спасибо за помощь!- Лануа злобно улыбнулся, - ты и вправду думаешь, что своим тупым умишком, можешь одурачить нас? Ты им

всё рассказала, не так ли, Мемфиза? Но скажи, кто теперь защитит Луизу Бургундскую? Кто предупредит её? Надеюсь, перед смертью тебя утешит мысль о том, что скоро мы умертвим её.
- Умертвите? – вскричала Мемфиза теряя спокойствие и вкладывая в слова всю свою ненависть. – Может, вы и умертвили бы Луизу бургундскую, брошенную всеми девушку, у которой не было никакой защиты кроме бога, но попробуйте умертвить графиню Арманьяк. Что, не ожидали чудовища! Убийцы!- Мемфиза расхохоталась прямо им в лицо, - это я сделала, я соединила их.
Гилберт де Лануа выхватил из сапог кинжал и воткнул его в горло Мемфизы. Он держал Одной рукой Мемфизу, другой, всё глубже всаживал кинжал в горло. Мемфиза хрипела, из горла хлынула кровь, а Гилберт де Лануа кричал:
- Ну что ты не смеешься уродина? Посмела пойти против ордена? Так умри.. умри- Гилберт де Лануа вытащил кинжал и снова его вонзил в горло. Он повторял это несколько раз, затем бросил бездыханное тело Мемфизы монаху со словами:
- Разрежьте на куски и отдайте собакам!
Подождав, пока монах положил тело Мемфизы в мешок и выйдет, Гилберт де Лануа подошёл к отцу Вальдесу. Отец Вальдес вытащил из под подушки свёрнутый свиток и протянул его Гилберту де Лануа.
-Здесь!- раздался едва слышный голос старца, имена всех членов ордена и карта, на которой отмечены места, где захоронены сокровища ордена, собранные за пятьсот лет. И помни, ты лишь один раз можешь расстаться с нею, когда передашь её следующему главе ордена вместе с кольцом. Убей Арманьяка брат мой, убей деву и её плод, это моё последнее желание!
- Клянусь, я выполню твою волю!
Гилберт де Лануа склонился в низком поклоне, а затем более не оглядываясь на умирающего старца, покинул комнату, а после этого и подземелье. После встречи с отцом Вальдесом, ему немедленно следовало поговорить с герцогом Бургундским. И человек, который в одночасье стал более могущественным, чем иные короли, отправился во дворец Барбет, где обитал последнее время, герцог бургундский.
Герцог принял его без промедления. Они вдвоём закрылись в кабинете герцога и проговорили до самого утра. О чём они говорили и что собирались сделать, никто не знал.

Глава 47

Пока происходили эти события, Филипп вернулся домой, вместе с юной супругой. По дороге в Осер, он всячески опекал Луизу. Он был вежлив и предупредителен. Старался угадать малейшее желание супруги. Она принимала это как должное, понимая какие чувства движут Филиппом. В первый же день приезда домой Филиппа охватило непонятное волнение. Ему казалось, что все обитатели замка,

смотрят на Луизу с ненавистью, хотя это была всего лишь настороженность. Ему казалось, что в его отсутствие, её игнорируют, или что хуже оскорбляют. Он чуть ли не ежеминутно прислушивался к голосам, раздающимся в замке, надеясь различить тот, что осмелился подняться против Луизы. Филипп поднялся в свои покои, но вместо того, чтобы лечь отоспаться, снова спустился вниз и нашёл Капелюша в оружейной. Капелюш точил свой топор. Рядом лежала шпага Филиппа, вычищенная до блеска. Увидев Филиппа, Капелюш молча взял его шпагу и вложил собственной рукой в ножны, висевшие у него на поясе.
- Поговори со слугами,- сказал ему Филипп, - если только я увижу, что они непочтительно относятся к графине, им не поздоровится. И ещё…
- Ты уже два раза это повторял! - Капелюш не мог сдержать улыбку, - я обо всём позабочусь. Иди, отдохни. Ты ни минуты не спал с той поры, как приехал в Клюни.
- И ещё - повторил Филипп, но Капелюш его перебил;
- Подобрать надёжных людей для охраны замка. Это ты сказал де Вуалену и он уже этим занимается. Двадцать человек постоянно будут нести охрану замка. Это вдвое больше обычного. Часть отряда останется в замке, остальные будут размещены в городе. Жорж де Крусто будет держать наготове, две сотни всадников, готовых в любую минуту выступить. Лекаря, я поместил в маленький домик, позади конюшни, как он сам того пожелал.
- Всё же, поговори ещё раз со слугами,- попросил Филипп, - я не допущу, даже малейшего неповиновения, по отношению к графине,- Филипп повернулся, чтобы уйти, но остановился и хлопнул себя по лбу:
- Я забыл сказать, чтобы приготовили к ужину изысканную пищу для графини.
- Мы не должны забывать в каком она положении! - закончил за него Капелюш.
-Я и это говорил?- удивился Филипп, - видимо, мне действительно надо поспать несколько часов.
К великому облегчению Капелюша, Филипп отправился в свои покои. Покои Луизы, находились рядом. Она укладывала свой скромный скарб, в довольный вместительный шкаф, когда в очередной раз услышала, как рядом хлопнула дверь. Шарлота де Лаваль приехала по просьбе Луизы вместе с ней и сейчас без умолку болтала, помогая укладывать вещи.
- Просто диву даешься, как граф изменился за эти два месяца. Он только и делает, что спрашивает тебя, в чём ты нуждаешься. Не иначе, как совесть мучает. Кто бы мог подумать, что этот человек способен на какие- то чувства. Я помню, как мы уезжали отсюда... господи, не дай бог снова испытать такое. Кстати, ты видела, как встречали нас жители Осера? Странно, но мне показалось, что они души не чают в своём господине. Не знаю, как они отнесутся к тебе, впрочем,- продолжала Шарлота, - это не столь важно, а может и важно. Кто это может знать? Ты с графом совсем необычные супруги. Ваши отцы и деды и прадеды, всю жизнь ненавидели друг друга, а вы … что ты делаешь?

Остановив поток нескончаемой речи, Шарлота смотрела, как четыре из шести платьев, Луиза отложила в сторону.
- Я скоро вернусь! - ответила Луиза и прихватив отложенные платья вышла из комнаты.
Она спустилась вниз, на первый этаж. Увидев, что один из слуг натирает пол в холле, Луиза остановилась возле него. Слуга, вскочил с колен и низко поклонился Луизе.
- Вы не подскажете, где находится помещение для слуг? - с подкупающей вежливостью, спросила Луиза.
Слуга, явно не ожидал, что эта красивая графиня так просто обратится к нему.
- Я могу проводить миледи!
Слуга проводил Луизу в комнату для прислуги, что находилась рядом с винным погребом в самой отдалённой части замка. Когда Луиза вошла в комнату прислуги, там находились всего лишь трое женщин. Все остальные занимались повседневными делами.
Увидев Луизу, они застыли. Никто из них не ожидал, что графиня придёт к ним, да ещё в первый же день прибытия в замок.
- Отдайте эти платья тем, кто больше всего в них нуждается- попросила Луиза. Она аккуратно положила платья на ближайшую к ней кровать и сразу вышла.
Возвращаясь назад, Луиза едва не столкнулась с Капелюшем. Луиза направилась к себе, а Капелюш прошёл в комнату для слуг. При его появлении, женщины сразу поклонились.
- Зачем приходила графиня? - негромко спросил Капелюш, но и этого хватило, чтобы напугать женщин.
- Она принесла платья и велела отдать тому, кто более всего в них нуждается! - ответила одна из женщин.
Капелюш посмотрел на платья, сложённые на столе. Все они были пурпурного цвета.
Луиза же поднялась наверх и направилась к своим покоям. Возле комнаты Филиппа, она замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась. Она посмотрела на дверь, а потом, слегка волнуясь, открыла её. Луиза сразу увидела спящего Филиппа. Сон сморил его сразу, как только он лёг на постель. Луиза увидела, что он спит в одежде и сапогах. Она бесшумно подошла к кровати и стараясь как можно меньше тревожить Филиппа, сняла с него сапоги, затем накрыла его одеялом и бросив взгляд на безмятежное лицо Филиппа, вышла из комнаты и пошла к себе.
Шарлота встретила Луизу вопросом.
- Ты и вправду хочешь, чтобы мы оставались вместе, в этой комнате? А ты подумала, что скажет граф?
- Он не будет возражать! - с уверенностью ответила Луиза.
- А куда ты дела платья?
- Отдала слугам!
- Глупо! В чём же ты будешь ходить сама? Или тебя это не волнует?
- Помолчи Шарлота, хотя бы, какое то время! - Луиза вздохнула и положила последние два платья в шкаф.
Филипп проспал до самого вечера. И спал бы дальше, если бы его не разбудили. Он поднялся с постели и потянулся, разминая затёкшие руки и ноги. В глаза Филиппу бросился чан с дымящей

водой, что стоял посредине комнаты. Рядом с ним, на стуле лежала аккуратно сложенная одежда.
Странно,- подумал Филипп, - такое было только раз, когда я захватил замок. Он посмотрел на босые ноги. Он помнил, что не снимал сапоги. Видимо опять Капелюш, - подумал Филипп. Он сбросил всю одежду и с наслаждением окунулся в горячую воду. Филипп сразу почувствовал какой то странный аромат. Пахло цветами. В течении целого часа он отмывался от придорожной грязи и вышел из воды, чувствуя себя несравненно лучше. Он оделся в чистую одежду и сразу спустился вниз. В столовой был накрыт ужин. За столом сидела одна Луиза. При появлении Филиппа, она встала.
- Садитесь Луиза! - поспешно произнёс Филипп, занимая обычное место за столом. Луиза села, но к пище не притронулась, пока Филипп не начал есть. Чуть позже появился Капелюш. Он сел напротив Филиппа и с большим аппетитом принялся за еду. Все трое ели молча. Почувствовав, что насытился, Филипп отодвинул от себя тарелку с едой и с угрозой обратился к Капелюшу:
- Перестань за мной ходить и не трогай больше ничего из одежды. Для этого в замке есть слуги. Они обо всём позаботятся.
- О чём ты?- с недоумением спросил Капелюш.
- Как? - удивился Филипп, - разве не ты снял с меня сапоги, пока я спал?
-Нет!
-Нет, а кто же?
- Это сделала я! - чуть зардевшись сказала Луиза.
-Ты, вы? - поправился Филипп с лёгким недоумением глядя на Луизу, - право не стоило себя утруждать. А воду?
-Тоже я! - ответила Луиза.
-Не надо больше заниматься этим. Есть слуги…
Филипп замолк. Луиза поднялась с места и извинившись удалилась. Капелюш укоризненно покачал головой.
- Бегаешь по всему замку и требуешь от всех, чтобы они ничем не показывали, что графиня здесь чужая, а сам… и ещё. Тебе следует знать, что твоя супруга отдала свои платья прислуге.
- Почему?- не мог понять Филипп.
- Все они были пурпурного цвета. Твоя супруга понимает, что надев их, оскорбит тебя, поэтому и не стала носить.
- Проклятье! - вырвалось у Филиппа, - она слишком хороша для меня.
- Это ты для неё слишком плох! - шутливо заметил Капелюш.
- Пойду лучше спать, - вздохнул Филипп, - сегодня с утра неудачный день.

Глава 48

Филипп не стал заходить в свою комнату. Он подошёл к двери, ведущей в комнату Луизы, и негромко постучал. В ответ, почти сразу же отворилась дверь и показалась Луиза. Её мягкая улыбка

обескуражила Филиппа. Глядя в её лучащиеся глаза, он совершенно забыл, зачем хотел её увидеть.
- Вы хотели меня видеть?
Вопрос Луизы не сразу дошёл до Филиппа.
- Хотел! - не сразу ответил Филипп.
- Могу, я узнать причину?
- Что? Ах, да, причину… я её забыл! - чистосердечно признался Филипп и сразу после этого, впервые услышал чистый смех Луизы. Её смех напоминал звон маленьких колокольчиков. Филиппа, он буквально очаровал.
- Наверное, мне стоит прийти позже, вернее утром… когда я вспомню? - голос Филиппа прозвучал весьма нерешительно.
- Как пожелаете!
Филиппу не оставалось ничего больше, как уйти. Луиза закрыла за собой дверь и сбросив одежду, залезла под одеяло к Шарлоте.
- Ты заметила, как глупо выглядел твой супруг? - зевая заметила Шарлота, - у меня такое чувство, что ещё немного и он влюбиться в тебя!
- Он влюблен в другую женщину!
- А почему голос полон грусти? - Шарлота опёрлась на локоть, глядя сверху вниз, в глаза Луизы, - у тебя очень странно блестят глаза, - с подозрением заметила Шарлота, - уж не страдаешь ли ты часом тем недугом, что я приписала графу?
- Ты ошибаешься Шарлота, я отношусь к графу, как к брату!
- Как к брату?- шарлота хмыкнула видя, что Луиза не решается посмотреть ей в глаза, - кого ты пытаешься обмануть? Я тебя знаю с детства и видела, как ты смотришь на брата. Сейчас у тебя другой взгляд. Признавайся своей лучшей подруге!
- Что бы я не чувствовала к графу, не имеет значения. Он относится ко мне, как сестре. Поэтому выбрось все эти мысли из головы и спи,- Луиза отвернулась от Шарлоты и закрыла глаза, делая вид, что засыпает.
- К сестре, к сестре, - ворчала ворочаясь Шарлота, - насколько я знаю графа, на монаха он точно не похож. Как можно не замечать такую красавицу? Тем более, свою супругу? Он может затащить тебя в любую минуту, в свою постель.
- Шарлота! – Луиза, аж села в постели от возмущения.
- Молчу, молчу. Ну будь я на его месте, ты точно здесь не спала бы.. всё, всё больше не буду,- Шарлота, наконец, угомонилась и очень скоро заснула, в отличие от Луизы.
Луиза повернулась спиной к Шарлоте и задумалась о своей жизни. Могла ли она себе представить, что слыша многочисленные рассказы в детстве о кровных врагах отца- Арманьяках, сама станет одной из них? Какая жизнь ждала её, стань она герцогиней Бедфорд? Луиза не могла ответить на этот вопрос. Она могла лишь предположить, что в лучшем случае провела остаток жизни подле королевы Англии, ведя спокойную придворную жизнь. И пока она вела бы спокойную жизнь в Англии, Арманьяки и её родные, по прежнему убивали бы друг друга. Луиза приняла предложение графа, вовсе не потому, что узнав о его страданиях, почувствовала в нём частичку самой себя. И вовсе не потому, что она почувствовала почти непреодолимое влечение к нему, когда взглянула по новому

на происходящее. Она, не надеялась на собственное счастье, она надеялась остановить вражду, дать покой кланам, которые враждовали последние сто лет. Задача непосильная для юной, 16 летней Луизы, но она надеялась. Надеялась, что сумеет остановить вражду. И если раньше, она с непоколебимой твёрдостью была убеждена в том, что вина за кровопролитие целиком ложится на Арманьяков, то за последние дни изменила своё мнение. Да и поведение графа, которого она знала лишь как кровожадного и яростного убийцу, доставляло ей огромную радость, ибо она понимала, что ошибалась в нём. Графа сделал таким, её отец. Ну что ж, её долг состоит в том, чтобы попытаться исправить это. Что ж она могла сказать о своём супруге? –Луиза улыбнулась, вспомнив, с какой подозрительностью смотрел граф на слуг и как потом, думая, что она ушла, несколько раз повторял всем - с каким уважением они должны относится к графине. Она не могла не заметить, что он беспокоился о ней. Он старался оградить её от той ненависти, которую все в этом городе питали ко всему, что имело отношение к её отцу. Луиза не знала, как поведёт себя в дальнейшем граф, но не сомневалась, что будет на его стороне. И неважно, что он станет предпринимать. Их судьбы связаны навеки. Она всегда будет помнить о том, что он её супруг. Пусть он убивает её родных, она и слово не вымолвит. Она будет страдать молча. Пусть он любит другую и даст ей чувство, которого она будет лишена. Пусть, я и это вынесу без единого слова упрёка- думала Луиза, - да и какое я имею право претендовать на любовь, когда должна быть благодарна за то, что он дал мне своё имя, хотя мог оставить меня умирать в монастыре. Луиза ещё долго ворочалась в постели, прежде чем уснула.

Глава 49

На следующий день, ближе к полудню, Жорж де Крусто и Одо де Вуален сидели в большом зале замка, за столом и дожидались Филиппа. В это время, по установившемуся порядку, они обсуждали повседневные дела. Так как Филипп отсутствовал, они стали ждать, развалившись в креслах и изредка перебрасываясь между собой отдельными фразами. Они ждали около четверти часа, когда услышали весёлый голос Таньги;

- Клянусь памятью нашей доброй королевы, я был уверен, что найду вас здесь!

- Таньги!

Жорж де Крусто и Одо де Вуален поднялись со своих мест и вскоре обнимались со своим другом, от души прихлопывая его по плечу.

- Чёрт бы вас побрал! – весело продолжал Таньги, - я только и слышу о ваших подвигах. Все только и говорят об Арманьяках. Принимая во внимания, что меня никак не вспоминают в этих разговорах, я считаю просто необходимым участвовать во всех последующих кампаниях. И не пытайтесь возражать.

-А как же дофин?- смеясь, спросил Одо де Вуален, - неужто он отпустил своего любимчика?

- Дофин завёл новых друзей, которые только и знают, что расстилаются перед ним, как прежде делали это перед герцогом Бургундским. К тому же, Карл в последнее время стал чересчур раздражительным и часто бросает на меня угрожающие взгляды.
- Бедняга! - засмеялся Де Вуален имея ввиду Дофина, - находиться рядом с тобой столько времени…во Франции мало кто способен вынести такую пытку.
- Иными словами, мне не следует долго задерживаться в Осере?- спросил Таньги и все трое от души расхохотались.
- А где Филипп?- спросил, не переставая смеяться Таньги, - у меня к нему послание от Дофина и ещё очень нежное и трогательное письмо от герцогини Мендос.
Жорж де Крусто закашлялся, делая знаки Таньги, чтобы он замолчал, но тот не обратил внимания и весело продолжал:
- Бедняжка совсем измучилась. Она только и ждёт когда увидит его. Весь Бурж знает о том, что герцогиня без памяти влюблена в графа Арманьяка и ждут, что сразу после бракосочетания Дофина, они увидят ещё одну свадьбу,- тут Таньги запнулся, потому что знаки, которые подавали ему оба друга стали слишком очевидными. Таньги обернулся назад и обомлел. В нескольких шагов от него стояла юная девушка с белокурыми волосами и удивительно светлыми голубыми глазами. Таньги был очарован её красотой и невольно залюбовался.
- Сударыня,- Таньги, наконец, обрёл дар речи и поклонился, - счастье, что герцогиня Мендос вас не видит. Я и не подозревал, что в Осере обитает прелестнейшая из женщин. Надеюсь, вы представите меня?- вопрос был адресован его друзьям.
Одо де Вуален встал немного впереди Таньги и с непонятной для него улыбкой произнёс:
- Миледи, счастлив представить вам моего друга, Таньги дю Шастель!
Таньги поклонился.
- Сударь, счастлив вам представить графиню Арманьяк!
Слегка бледная Луиза наклонила голову приветствуя Таньги.
-Графиню а…- Таньги запнулся остолбенело глядя то на де Вуалена, то на Луизу, не понимая как такое могло случится.
- Прошу прощения миледи за свою бестактность. - Я и не подозревал, что Филипп женился.
- Не стоит просить прощения, - мягко перебила его Луиза и продолжала, - граф наверху, в своих покоях. Можете отнести письмо туда. Надеюсь, это не затруднит вас.
Луиза взялась двумя руками за края платья и приподняв его, чтобы оно не касалось пола, направилась к выходу. Она едва не столкнулась с Филиппом, который в эту минуту входил в зал. Не обратив внимания на его приветствие и даже не глядя на него, Луиза прошла мимо. Филипп на мгновение нахмурился, но потом лицо его разгладилось, и он подошёл к Таньги, для того чтобы тепло приветствовать его.
Таньги вручил Филиппу два письма. Первое было от Дофина, второе от Мирианды. Пока Филипп читал письмо Дофина, Таньги ёрзал на кресле. Он чувствовал неловкость оттого, что стал невольной причиной размолвки супругов.

- Дофин поздравляет и благодарит нас, - закончив читать, Филипп протянул письмо де Крусто, - этих слов, вы заслужили не меньше, чем я.
Пока де Крусто и де Вуален читали письмо Дофина, Филипп вскрыл письмо Мирианды. По мере того, как он читал, на лице появлялась тень грусти. Закончив читать, он сунул письмо в рукав камзола. Де Крусто вернул письмо Дофина.
- Его высочество пишет, что хотел бы видеть тебя на бракосочетании! Он пишет, что пригласил свою сестру, Мишель и надеется, что это обстоятельство нисколько не смутит тебя. Ясно, что раз он пригласил свою сестру, приедет и её супруг, граф де Невер. Не знаю Филипп. Присутствие на свадьбе сына герцога Бургундского, может привести к весьма нежелательным последствиям. Я считаю, мы должны отклонить предложение дофина, или там не должно быть бургундцев.
- Мы поедем! - голосом, не допускавшим возражения, ответил Филипп, - из уважения к особе Дофина. Никто из нас, не обнажит оружия против бургундцев, без моего приказа. Мы не можем своими действиями омрачить свадьбу Дофина. И не думайте, что тому причиной графиня, - добавил он, заметив насупившиеся лица де Крусто и Де Вуалена, - герцог Бургундский остаётся нашим врагом и не важно, что я женат на его дочери.
При этих словах, Таньги невольно присвистнул. Новость, что ни говоря, была просто сногсшибательной.
- Речь идёт о наследнике французского престола, - продолжал Филипп, - и любой из нас должен сделать всё, чтобы он остался доволен
- А если бургундцы первыми начнут?- негромко спросил де Крусто, - прикажешь нам молчать и терпеть?
- Если они начнут первыми, мы ответим! Но, пока этого не произойдёт, никто из нас не двинется с места! - повторил Филипп.
- Странно слышать эти слова от тебя, - заметил задумчивый де Вуален, - ты пытаешься предостеречь нас, а сам.. сам сможешь смотреть на бургундцев и не желать их смерти?
- Я это уже делаю! - коротко ответил Филипп, и продолжал, - вы должны понять очень важную вещь. С тех пор, как мы начали войну против бургундцев, многое изменилось. Я не осознавал серьёзности происходящего, потому что руководствовался лишь ненавистью. Бургундцы наши враги, но разве Англия, которая частями захватывает наши земли, не более опасный враг? Пока мы будем убивать друг друга, Англия захватить всю Францию и поставит нас перед выбором покориться или умереть. А что мы сможем противоставить ей? Наши атаки всего лишь лёгкие уколы. Первое же открытое сражение и мы потерпим поражение. Вы это понимаете, не хуже меня. Но если, если мы перестанем враждовать и объединим свои силы под знамёнами Дофина, у которого тоже имеется своя армия. Мы сможем не только противостоять Англии, но и разбить её армию. Разве, эта цель не стоит того, чтобы во имя её мы смирили свои гордыни?
Закончив говорить, Филипп обвёл друзей горящим взглядом. Они тоже смотрели на него, но с нескрываемым удивлением.

- И ты простишь герцога Бургундского?- в голосе де Вуалена слышалось недоверие.
- Нет!- после короткого раздумья ответил Филипп, - смерть герцога, дело моей чести. Или он умрёт, или я!
- Значит о примирении и говорить нечего, - подытожил дотоле молчавший Таньги, - так к чему же вы пришли? Поедете на бракосочетание или предпочтете остаться?
- Поедем!- коротко ответил Филипп.
- А графиня тоже поедет?- осторожно спросил Таньги
Филипп понял, что именно подразумевал Таньги под своим вопросом. Там будет Мирианда. И присутствие Луизы, может причинить ей боль. Филипп, не знал, что ответить. Он не хотел, чтобы Луиза отправлялась вместе с ним. Но прежде, чем решить что- либо, он решил поговорить с Луизой. С этой целью, он оставил друзей и вышел.
- Тяжело ему приходится! - сочувственно произнёс Таньги.
Поднимаясь по ступенькам, Филипп размышлял о том, как сказать Луизе, что он собирается уезжать. Луизу он не мог взять с собой. Она могла попасть в неловкое положение и стать объектом насмешек, чего он никак допустить не мог. К тому же там была Мирианда, с которой Филипп очень хотел поговорить… нет, решено, она не поедет. Приняв это далеко не простое для себя решение, Филипп на этот раз без стука вошёл в комнату Луизы. Она сидела на постели, сложив руки на коленях и опустив голову. При его появлении Луиза поднялась.
- Я получил приглашение на бракосочетание Дофина! - без предисловий начал Филипп. Он запнулся подыскивая слова, чтобы помягче объяснить Луизе то, что он собирался сказать.
Луиза, безошибочно почувствовала истинную цель визита и прежде, чем Филипп продолжил, она едва слышно произнесла:
- Надеюсь, сударь, я не слишком огорчу вас, если скажу, что не смогу поехать? Моё положение, не позволяет проделать столь длинный путь!
Так просто,- с облегчением подумал Филипп и собирался было поблагодарить её, но вместо этого с удивлением услышал свой голос:
- Сударыня, вынужден заявить, что ваше желание не совпадает с моим. И хотя это весьма печально, всё же я надеюсь, что вы измените своё мнение!
- Вы хотите, чтобы я поехала с вами?- вырвалось у Луизы. Сама того не сознавая, она выдала свои истинные чувства.
Порыв Луизы укрылся от Филиппа, но не укрылся едва заметный проблеск надежды мелькнувший в её глазах. Он понял, что Луиза хочет ехать. По всей видимости, она полагала, что в Бурже может помешать его встрече с Мириандой, поэтому и отказалась. Филипп почувствовал нахлынувшую нежность по отношении к Луизе, и который раз сделал прямо противоположное тому, что собирался сделать вначале.
- Луиза, я склонен настоять на своём решении. Моя супруга должна находиться рядом со мной. Что же касается вашего положения, - продолжал Филипп, не замечая как потеплел взгляд Луизы, - я сделаю всё необходимое, для того, чтобы вы могли

путешествовать со всеми возможными удобствами. Надеюсь, вы не станете возражать против моего решения?
- Монсеньор! - Луиза присела перед ним в реверансе.
- Не могли бы вы называть меня по имени? - слегка раздражённо спросил Филипп и уже выходя добавил, - в вашем распоряжении две недели. Приготовьтесь, как следует Луиза.
Луиза молитвенно сложила руки и в который раз вознесла молитву святой деве Марии. Она, даже и мечтать не смела о том, что происходило с ней наяву. Филипп забирает её с собой. О, боже,- в эту минуту Луиза отчётливо осознала, что муж не стыдится её и не пытается спрятать, как она думала вначале. Только что он дал тому наглядное подтверждение. Счастье переполняло Луизу, и когда в комнату вошла ничего не подозревающая Шарлота, Луиза схватила её за руки и закружила по комнате.
Довольный собой и своим решением, Филипп спустился вниз и сообщил всем о результате разговора с Луизой. Если кто- то и был удивлён, то он никак этого не показал.
С этой минуты, началась суетливая подготовка к отъезду. В одночасье, весь замок пришёл в движение. Дюжина портных торопливо шили новые одежды для графини. Сто человек, отобранных для поездки, не покладая рук трудились над своим снаряжением. Чистили до блеска оружие и приводили одежду в праздничный вид. Филипп, чтобы не оставаться без дела, ездил по городу и делал необходимые на его взгляд изменения, с целью улучшения защиты города. Во время таких поездок, он встретился с Монтегю и назначил его командовать охраной замка. Охраной и порядком в городе, по прежнему руководил де Вуален. Жорж де Крусто, должен был поехать вместе с Филиппом и посему, готовился вместе с остальными. В хлопотах пробежали две недели и наконец настал долгожданный день отъезда. Во дворе выстроилась сотня всадников, во главе с Жоржем де Крусто и Таньги дю Шастель. Под ними были, отлично выкормленные боевые лошади. На поповнах, ровно как и на светло голубых плащах, был изображён меч, под которым был вышит девиз Арманьяков. Ко всем сёдлам были приторочены арбалеты и небольшие мешочки с продовольствием и водой. У парадного входа в замок, стояла карета, запряжённая четвёркой лошадей. Рядом с каретой стоял конюх, который держал за уздцы коня Филиппа. Сам Филипп в это время, медленно расхаживал по холлу замка, в ожидании появления своей супруги. Он был облачён в серебристый костюм с высоким воротником. С воротника до пояса, спускались в несколько рядов, вышитые золотом, линии. На нём был точно такой же плащ, как и у остальных, с той лишь разницей, что он был украшен более богато. Белая перевязь со шпагой и шляпа, довершала его наряд. Филипп остановился, вот уже в который раз с нетерпением бросая взгляд на лестницу, на которой вот, вот должна была показаться Луиза. Но вместо неё, он увидел Капелюша, который быстрыми шагами вошёл в холл. На Капелюше не было лица. Филипп понял, что произошло нечто ужасное.
- Что случилось? - с беспокойством спросил Филипп.
В это время, Луиза завершила свой наряд и готовилась выйти, вместе с Шарлотой. Луиза выглядела совершенно неотразимо. Она была облачена в платье, светло серебристого цвета. Платье,

плотно обтягивало стройную талию Луизы. От пояса и дальше вниз, оно постепенно расширялось, разбиваясь на полукольца. Платье слегка закрывала плечи, и оставляло полностью открытой шею. И наконец. Платье украшали узоры, вышитые драгоценными нитями. Часть волос Луизы была зачёсана назад. Остальные волосы, сплетённые в косички, полукольцами спускались к шее и ложились сзади на плечи. Тонкую шею украшала цепь, с вздетыми в неё драгоценными камнями и золотым крестом, который лежал поверх платья, на груди Луизы. На изящной руке был всего лишь один перстень, с выгравированной на ней, латинской буквой «А».
- Миледи, вы просто чудо! - Шарлота открыла дверь, пропуская вперёд Луизу.

Глава 50

Филипп внимательно слушал Капелюша. С каждым словом, он всё больше мрачнел.
- Он уверен в своих словах? А не может ли быть всё это ошибкой?- спросил Филипп.
Капелюш, который выглядел ничуть не лучше Филиппа, отрицательно покачал головой.
- Нет! Цыган уверен, что Мемфизы нет в живых! Она побывала в таборе и высказала опасение, что орден может узнать о ней, поэтому сказала, чтобы цыгане уходили из Парижа. Они снялись и ушли, но не все. Несколько человек осталось и видело, как туда пришли несколько десятков монахов. Монахи обыскали всё вокруг и едва не нарвались на цыган, которые сидели на деревьях. Цыган говорит, Мемфиза предупредила их - если появятся монахи, значит её уже нет в живых.
- Они поплатятся за её смерть!- Филипп сжал кулаки от гнева и тут он увидел спускающуюся по лестнице Луизу, - ни слова при ней, она ничего не должна знать,- прошептал Филипп и оставив Капелюша, пошёл навстречу Луизе.
Радостная улыбка Луизы померкла, едва она увидела помрачневшее лицо Филиппа.
Я ему не нравлюсь! – в сердце Луизы появилась ноющая боль. Она грустно подумала о том, что всё это время старалась зря.
Филипп проводил Луизу и Шарлоту до кареты. Самолично открыл дверцу и ждал до тех пор, пока они не устроились внутри, затем подозвал Капелюша и знаком показал на карету. Тот открыл рот от удивления.
- Поедешь с ними вместе, - непререкаемым тоном заявил он и тут же шепнул на ухо Капелюшу, - мы не знаем чего ждать. Отныне, ты не на минуту не покинешь Луизу.
- А ты? - вырвалось у Капелюша.
- Почту за великое счастье встретиться с ними! - с многозначительной улыбкой ответил Филипп, вскакивая в седло.
Он дождался пока капелюш вслед за Луизой и Шарлотой устроился в карете, затем поднял руку и дал сигнал к выходу. Ворота замка отворились на две створки. Карета первой проехала мост. Вслед за

ней, рысью двинулся отряд всадников с де Крусто и Таньги. Филипп бросив последний взгляд на замок, выехал последним.
Карета переехала мост. Четвёрка лошадей бежали лёгкой рысью. Она миновала несколько улиц и проезжала рядом с городским рынком, когда из одной из прилегающих улиц, мимо которого только что проехала карета, вылетела повозка, гружённая бочками. Посередине улице, повозка сломалась, бочки посыпались на мостовую, отсекая карету, от передних рядов отряда Арманьяков. Жорж де Крусто отчаянно ругал незадачливого кучера. Таньги посмеивался. Никто из них не заметил, как из окна второго этажа, одного из домов, мимо которого проезжала не остановившая ход, карета, на её крышу прыгнул мужчина и сбросив кучера с козел, сам взялся за управление.
Филипп, скачущий позади всех, ещё издали заметил столпотворение посреди улицы. Сердце его сжала колющая боль. Появилось предчувствие неотвратимой беды. Он что есть силы пришпорил коня и полетел вперёд. Он не остановил бега коня и достигнув повозки, бросил его в свободный проход и на глазах изумлённого отряда и жителей столпившихся возле повозки, перемахнул через неё, едва не задев при этом людей. В следующее мгновение он уже мчался, вслед за каретой, которая свернула в одну из боковых улиц Осера. Филипп, на полной скорости влетел в эту улочку. Увидев, что карета стоит в двухстах шагах от него, он покрылся мертвенной бледностью. Через несколько мгновений, он осадил коня у задних колёс кареты и ещё не соскочив с коня, что есть силы закричал;
- Луиза!
Филипп спрыгнул с седла и замер при виде ног, торчавших из открытой дверцы кареты.
- Луиза! - вырвался у Филиппа сдавленный крик.
Сразу, вслед за этим криком из дверцы показалась голова Луизы, а в следующее мгновение, Филипп с чувством невыразимого счастья и невероятного облегчения взял её на руки и прижал к своей груди.
- Всё хорошо, они ушли! - шептала обнимая его двумя руками, Луиза.
- Никогда в жизни, мне не было так страшно,- шёпотом отвечал Филипп, прижимая Луизу всё сильнее к своей груди. Он не замечал, как сзади подскочили его люди. Он почти не видел выходящих из кареты Шарлоту и Капелюша, чей топор был весь в крови. Для него была только Луиза, живая Луиза. Когда он наконец начал приходить в себя и отпустил Луизу, то увидел как Капелюш взялся за ноги, торчавшие из кареты и вытащив уже мёртвый труп, бросил его на улице. Затем, он влез в карету и вытащил второй труп.
- Что произошло?- ещё не оправившись от волнения, спросил его Филипп.
- Бог его знает! - Капелюш пожал плечами, - я услышал глухой звук на крыше, а после этого лошади понесли. Потом карета остановилась, и я увидел двух человек, которые открыли дверцу и хотели войти внутрь. Вот и всё.
- Невозможно, чтоб их было двое,- словно разговаривая сам с собой, произнёс Филипп и заметив Де Крусто уже громко добавил,

обращаясь к нему, - останься и найди Одо. Пусть перевернёт весь город и найдёт сообщников этих убийц. И пусть задержит того, кто опрокинул повозку на улице. Посадите его в темницу до моего возвращения. Я сам должен с ним поговорить.
Де Крусто кивнул в знак понимания. Филипп обратился к Капелюшу.
-Поедешь верхом. А я поеду с Луизой в карете.
Капелюш с величайшей радостью воспринял слова Филиппа и вовсе не потому, что его пугали опасности, а единственно из- за того, что чувствовал себя неловко рядом с Луизой и Шарлотой.
Через четверть часа, отряд, разделившись на две части, первая ехала впереди кареты, а вторая позади её, выехал из Осера.
Конь Филиппа, бежал за каретой, к которой он был привязан.
Шарлота, так и не осознала весь ужас произошедшего, настолько быстро всё произошло, мерно покачиваясь в карете, смотрела на Филиппа. Она всё больше поражалась переменам, которые в нём происходили.
Филипп, молча смотрел в окно кареты. Бледность постепенно сходила с его лица. Шарлота посмотрела на Луизу, сидевшую рядом с ней. Она увидела взгляды полные любви и глубокой нежности, которые бросала на Филиппа, Луиза. Но едва, он поднимал на Луизу взгляд, как она тот час же опускала глаза. Шарлота чувствовала, что между ними двумя после произошедшего возникла незримая связь.
Луиза закрыла глаза, притворяясь спящей и предалась своим мыслям, вспоминая, сколько боли, звучало в голосе Филиппа, когда он звал её. Она не знала, полюбит ли он её, но не сомневалась ни на мгновение, что он беспокоится и переживает за неё. Луиза до сих пор ощущала его прикосновение. Какое счастье быть рядом с Филиппом,- мечтательно думала Луиза, совершенно забывая о том, что лишь чудом избежала смерти. Всё затмевал образ Филиппа, и она подумала, что стоит открыть глаза и ещё раз посмотреть на его красивое лицо, когда почувствовала прикосновение. Филипп, решил, что Луиза заснула. Он осторожно приподнял её и через мгновение, уже с ней на руках опустился на своё место. Филипп устроил поудобней ноги Луизы и обняв её как ребёнка, прижал к себе. Луиза, чувствовала такое счастье от прикосновений Филиппа, что так и не открыла глаза, притворяясь спящей. Если Шарлота и смотрела открыв рот на действия Филиппа, то заметив, как непроизвольно шевельнулись ресницы Луизы, улыбнулась. Притворяется - поняла Шарлота и снова улыбнулась, а ещё говорит, что не влюблена в своего супруга!

Глава 51

Вечером, того же дня, Монтегю, участвующий в поисках соучастников нападения на графиню Арманьяк, вошёл в убогую харчевню под громким названием «Король и принц». Он осмотрелся вокруг и увидел, что посетителей, внушающих, хоть какое то подозрение в харчевне не было. На всякий случай, он осведомился у хозяина насчёт незнакомых лиц. Хозяин ответил, что вчера

прибыл один. Прежде, он никогда не видел его. Узнав, в какой комнате находится постоялец, Монтегю отправился туда. Как и говорил хозяин, Монтегю застал там сухощавого человека с чёрными пронзительными глазами. Он стоял посреди комнаты и при появление Монтегю, совершил полуоборот и посмотрел на него.
-Вы опоздали! - властным голосом произнёс незнакомец.
-Послушайте! - заискивающим голосом ответил Монтегю, - я сделал всё, что в моих силах. Графиню невозможно убить. Её слишком хорошо охраняют. Я не могу помочь вам, пока этот де Вуален командует гарнизоном Осера!
- Так убейте де Вуалена!- коротко ответил незнакомец
Монтегю при этих словах отшатнулся назад, прижимаясь спиной к двери. В его глазах появился страх.
- Я не могу! Если граф Арманьяк узнает о том, что я причастен к убийству де Вуалена….
- А если он узнает, что вы служите ордену и организовали покушение на его супругу?- в упор спросил незнакомец.
- Вы не посмеете! - пробормотал Монтегю
Вместо ответа незнакомец вытащил из потайного кармана маленький бархатный мешочек и протянул Монтегю.
- Здесь порошок. Подсыпьте его де Вуалену в вино. Он умрёт быстро и безболезненно!
- Нет, я не сделаю этого, - отказался бледнея Монтегю, - я не буду убивать сам, если хотите, я могу передать этот порошок вашим
- Никто кроме вас не сможет подойти близко к де Вуалену! - жестко перебил его незнакомец, - вы с ним сидите за одним столом. Для вас не составит труда подсыпать порошок в вино!
-Нет! - более твёрдо повторил Монтегю.
Незнакомец вытянул вперёд правую руку и повелительно произнёс:
- Повинуйтесь!
Увидев перстень с символом главы ордена, Монтегю упал на колени и склонил голову перед незнакомцем.
- Я повинуюсь!

Глава 52

В то время, когда Арманьяки держали путь на юг, герцог Бургундский, в сопровождении не менее внушительной свиты, держал путь на север и прибыл в Реймс, где со всей торжественностью должно было состояться другая свадьба. Генрих Y, король Англии женился на Екатерине Валуа, наследной французской принцессе. Реймс, во все времена являлся местом, где короновались наследники французского престола. Поэтому, нетрудно было угадать намерение английского короля, выбравшего именно этот город для своего венчания. В Реймсе, предпринимались все необходимые меры для обеспечения безопасности короля, который не без причины опасался, что кое- кто может помешать ему.
Герцог Бургундский вместе с королевой Францией, около полудня прибыл к собору святого Петра. Хотя народу возле собора собралось немало. Радости, среди них не ощущалось. Большинство

людей настороженно наблюдали за процессией священников, позади которых шёл король Англии, держа руку Екатерины Валуа. За ним двигалась толпа из нескольки сот людей. Все они шли, в соответствии с рангом, который занимали при дворе. Герцог Бургундский и королева Франции, присоединились к герцогу Бедфорду, который шёл позади короля и будущей королевы Англии. Под почти полную тишину, исключая монотонное пение священников, они вошли в собор. Пение продолжалось до того момента, когда король и его будущая супруга, встали на колени перед епископом Реймский, который должен был венчать их. Все присутствующие заметили, каким растерянным выглядел епископ Реймский. Приглашённые гости остались стоять в ожидании начала церемонии венчания. Время шло, но к удивлению присутствующих, епископ оттягивал венчание. Он постоянно оглядывался, словно искал кого-то. Прошло несколько минут, с того момента, как новобрачные преклонили колени, когда к епископу подошёл один из священнослужителей и вручил письмо.

Епископ издал облегчённый вздох и быстро развернул письмо. В соборе раздался раздражённый голос короля Англии.

- Я жду, ваше преосвященство!

Епископ, уже успел прочитать письмо, и походил на бледную статую.

- Я не могу вас венчать! - раздался робкий голос Епископа.

- Что такое?- король Англии поднялся с колен, оставив руку Екатерины. Все заметили, что он покраснел от гнева.

- Папа отказал в благословении! - пролепетал епископ, - он издал буллу, где называет этот брак неугодным богу и повелевает всем служителям божьим, отказать вам в венчании!

- Папа должен заниматься делами церкви! - ледяным голосом ответил король Англии, - наши дела его не должны касаться. Если же он считает себя вправе решать мою судьбу, почему бы и мне не поступить точно так же?

Все поняли слова короля, в которых содержалась скрытая угроза папе.

- Ваше преосвященство будет венчать нас, или мне позаботится о том, чтобы вас сменил, более понятливый епископ?- осведомился король, в словах которого на сей раз прозвучала явная угроза епископу Рейнскому.

Последний понял, что у него не остаётся выбора. Венчание прошло почти без происшествий, но настроение короля Англии было вконец испорчено. Едва венчание закончилось, он оставил Екатерину и пошёл по проходу, направляясь к выходу из собора. Возле герцога бургундского, король Англии остановился и посмотрев на него, сказал так, чтобы все слышали.

- Вы знаете, что нас атаковали люди, именуемые себя Арманьяками?

- Да, ваше величество!- ответил герцог Бургундский.

- Впервые, они напали на нас в Руане. На них были надеты ваши плащи. Потом, по непонятным для меня причинам, они оказываются возле Реймса и трижды атакуют мою армию. Насколько мне помнится, вы говорили, что дорога до Парижа совершенна свободна, что она в вашей власти. Так как прикажете понимать происходящее? Как ради всего святого, я могу двигаться дальше. Если не знаю, откуда мне

нанесут удар в следующий раз. По вашей вине герцог, моя армия четырежды подверглась нападению и я требую объяснений. Что происходит? Как вы могли допустить появление Арманьяков в тылу моей армии?- с каждым словом голос короля звучал всё громче, - если вы неспособны справится с обязанностями, которые на себя возложили, будьте добры сказать об этом громко и ясно. Я должен знать герцог, где у меня враги, а где друзья. Я должен знать на кого я могу положиться и на кого не могу! Так я могу на вас положиться?- в упор спросил король Англии, герцога Бургундского.
- Конечно, ваше величество!- герцог Бургундский поклонился, хотя едва сдерживался, чтобы не ответить грубостью.
- Вы даёте слово, что впредь не будет подобных неприятностей?
- Да, ваше величество!
- Отлично! Надеюсь, в этот раз вы справитесь с Арманьяками и не допустите моего вмешательства. И ещё, я объявил награду за поимку графа Арманьяка. Надеюсь, это поможет вам, - король сделал несколько шагов, но остановился и снова обратился к герцогу Бургундскому, - но запомните, этот человек нужен мне только живым. Несмотря на то, что он является одним из самых опасных врагов Англии, мне трудно не признать, что этот человек необычайно умён и обладает неустрашимостью и храбростью. Качества, которые увы многим не хватает. Я желал бы видеть графа в числе своих друзей. Граф принадлежит к тем врагам, которые вызывают несомненное уважение. Помните об этом герцог, когда он окажется в ваших руках.
С этими словами, король покинул собор, а вслед за ним и новоиспечённая королева Англии. Герцог Бургундский ещё долго стоял в церкви и кусал губы от досады. Его только что, отчитали как мальчишку перед всеми. В эту минуту, если король Англии и не обрёл врага, то по меньшеё мере потерял друга.

Глава 53

Тем временем, Арманьяки, даже не подозревая о том, что произошло в Реймсе, приближались к Буржу. Произошедшее в Осере было окончательно забыто. Остальной путь, они проехали без происшествий. Если не считать многочисленных остановок. Порой, люди перекрывали им путь и требовали, чтобы перед ними показался граф Арманьяк. И ничего не могло заставить их освободить дорогу. Филиппу, волей неволей приходилось покидать карету и Луизе оставалось лишь смотреть и поражаться, какой популярностью пользовался её супруг. В конце пути, она была полна впечатлений. Ровно, как и Шарлота, которая с нескрываемым восхищением смотрела на Филиппа. Между ними во время пути возникли дружеские отношения, что очень радовало Луизу. И сейчас, она с улыбкой следила за разговором Шарлоты и Филиппа, ну а если быть совсем искренним, то надо признаться, что большей частью разговаривала Шарлота, а Филипп лишь изредка отвечал ей.
- Так вот вы какой оказывается, милейший граф? - говорила Шарлота с наигранным возмущением, - оказывается, что вся

Франция знает о ваших подвигах, а мы, находясь рядом с вами столько времени, даже понятия не имели о том, что вы совершили.
Филипп в ответ лишь улыбался, качая головой.
- Мы то считали, что вы охотитесь за нами, несчастными,- продолжала Шарлота, - а оказалось, что ваш интерес простирается гораздо дальше. Расскажите же, ну расскажите как всё было, не будьте таким скромным,- не унималась Шарлота, - кстати сказать, раньше за вами подобного не замечалось. А сейчас сидите, такой тихий и молчаливый. Со стороны посмотреть, можно подумать, что вы только закончили семинарию и готовитесь принять приход
- Так и есть!- с весьма серьёзным видом подтвердил Филипп.
- Правда! - Шарлота неприлично открыла рот от удивления, но заметив, что Луиза едва сдерживается, чтобы не рассмеяться, погрозила Филиппу пальчиком, - я вас отучу издеваться над женщинами
- Шарлота,- возмущённо воскликнула Луиза, как ты можешь говорить такие вещи?
- Она права! - заявил Филипп, - меня давно следует научить хорошим манерам.
Теперь настало очередь Луизе удивляться. А Шарлота радостно потирая руки, восклицала:
- Будьте уверены граф, лучшего учителя вы не найдёте!
- Сударыня, могу я узнать, кого вы имеете в виду? - поинтересовался Филипп.
- Кого же ещё, как не вашу супругу?! - удивилась Шарлота.
- В таком случае, я не возражаю,- ответил Филипп с довольным видом откидываясь назад. От него не укрылся румянец, возникший на лице Луизы после его слов. Не оставляло сомнений, что решение принятое без её участия, доставило радость Луизе.
- Впереди Бурж!
Раздался радостный голос Таньги. Филипп остановил карету.
- Здесь, я должен покинуть вас! - с заметным сожалением сказал он, а вслед за этим покинул карету. Он отвязал коня и вскочил в седло. Через минуту, движение возобновилось, но лишь с той разницей, что во главе Арманьяков, ехал Филипп.

Глава 54

А в Бурже, в это время, творилось нечто невообразимое. Особенно это касалось дворца на малой площади, где обитал Дофин. Гости съезжались отовсюду. Счёт уже давно шёл на сотни. Вся площадь и прилегающие к ней улицы, были буквально забиты народом. В самом дворце, царил полный переполох. Как всегда в таких случаях, не было сделано всего, что хотелось и надлежало сделать. Постоянно выплывали мелочи, о которых совершенно забыли. Кто- то спешил исправить ошибку. Венчание, было назначено на четыре часа. Время подходило к полудню, но до сих пор, не все гости успели появиться. Часть из них, застряла на полпути, по причине большего скопления народа.

Из дворца вышли около 20 вооружённых людей, которые просьбами и уговорами, а иногда и более внушительными доводами, стали оттеснять людей назад, освобождая проход ко дворцу, для подъезжающих карет. Послышались угрозы в адрес этих людей, со стороны горожан. Но те не обратили на них, ни малейшего внимания. Оттеснив толпу на достаточное расстояние, они вместе с подоспевшей к ним помощью, создали нечто вроде живой цепочки, огораживая собой, возможное нашествие толпы. Так как уговоры и угрозы на них не действовали, толпе пришлось довольствоваться тем положением, в котором они оказались. Хотя, каждый из них хотел как можно лучше рассмотреть прибывающих людей. Многих узнавали в лицо. Их либо радостно приветствовали, либо выкрикивали в их адрес угрозы. В такой обстановке и готовились к венчанию обитатели дворца. Ко всему прочему, принуждённые оставлять свои дела, дабы встречать и размещать во дворце, прибывающих гостей.

Огромный, сверкающий в мраморе, зал дворца, был почти наполовину заполнен гостями. Знать, прибывшая в качестве гостей, не теряла времени даром и заводила разговоры между собой, изредка отвлекаясь, для того, чтобы прильнуть к окнам и увидеть, кто в очередной раз подъехал к дворцу. Дамы отличались изысканностью манер и роскошью одежды. Создавалось ощущение при виде разнообразных одеяний, которые в изобилии были украшены золотом и драгоценными камнями, что устраивалось некое состязание. И победит та, чьё платье выглядит богаче и роскошнее всех прочих. Кавалеры так же старались не отстать, однако их попытки выглядеть красиво, просто терялись, рядом с разнообразием дамских нарядов. Именно это разнообразие, заставило Мириванду одеться просто и красиво. Она одела длинное голубое платье с голубой каймой и украсила его ожерельем из мелких жемчужин. В таком наряде, она и появилась среди гостей. Мирианда несомненно вызвала фурор своим появлением, ибо многие из тех, что пытались произвести впечатление на отдельных дам, незамедлительно поспешили к ней. Они окружили ее, рассыпаясь в комплиментах. Часть которых состояла в том, что смуглая кожа Мириванды в сочетании с голубым цветом, выглядела совершенно неотразимо. Что, несомненно, не было лишено истины. Понимая, что не сможет избавиться от назойливых поклонников, Мирианда сделала вид, что внимательно слушает, а сама только и думала о Филиппе и о том, появится ли он на торжествах. Мирианда успела перемолвиться с Дофином несколькими словами. На большее у Дофина не хватило времени. Несмотря на то, что торжества были его собственными, он вынужден был лично встречать гостей, дабы никто не затаил на него обиды. В душе Мирианда несомненно сочувствовала незавидному положению Дофина.

Очередной раз раздались громкие крики толпы. Гости большей частью прильнули к окнам и увидели Кастильские знамёна. Иоланта Арагонская вместе с сыном, прибыла в Бурж, в окружении пышной свиты. Горожане, с теплотой встретили её появление. Мирианда радостно приветствовала их из окна, махая рукой, а вскоре попала в объятия Иоланты и под острые насмешки своего кузена.

- Святой Педро! - смеясь говорил герцог Барский, - вас нельзя надолго оставлять одну, кузина. Вы только взгляните на этих молодых людей?! Они пожирают вас глазами. Признавайтесь, не завели ли вы часом роман, моё отсутствие?
На что Мириванда отвечала радостной улыбкой. Она так давно не видела кузена, что готова была стерпеть, всё что угодно. Иоланта поцеловала её в лоб, а затем, оставив их вдвоём, поспешила к своей дочери, которая готовилась к свадьбе. Присутствие герцога Барского, остудила некоторых поклонников. И лишь самые настойчивые из них, снова и снова пытались привлечь внимание Мириванды. Но она, почти не обращала на них внимания, наслаждаясь разговором с герцогом Барским.
- А вы кузен, неужто не нашли до сих пор никого, кто пришёлся бы вам по сердцу?- спрашивала Мириванда.
- Увы! - отвечал герцог Барский с наигранно печальным видом, - не нашёл. Любовь принимает все меры предосторожности, для того чтобы избежать встречи со мной, но будь уверена кузина, я всё равно отыщу её, где бы она ни пряталась.
К ним снова подошёл Дофин и извинился, что был занят и не смог как следует приветствовать тёщу и брата своей супруги. На что герцог Барский ответил, что прекрасно понимает, каково приходится Дофину.
- Ей богу вы правы, дорогой брат, клянусь святым Педро! - отвечал Дофин, покидая их.
Герцог Барский остался стоять с изумлением на лице и наблюдать за смеющейся Мириандой.
- Что ж такое происходит? - пробормотал герцог Барский, - французы крадут наших святых? Более я не стану повторять эти слова. Иначе могут подумать, что я подражаю Дофину, клянусь святым Педро.
Через множество растворённых окон дворца, донеслись крики. Среди них явственно различались угрозы и проклятия. Все снова бросились к окнам и увидели развевающиеся стяги с Андреевскими крестами. Под улюлюканье и свист толпы, прибыл граф де Невер с супругой. Не обращая внимания на поведение толпы, молодая пара-графу исполнилось тридцать лет, а графине двадцать один год, вошла во дворец и через несколько минут появилась в зале. Герцог Барский и Мириванда, с глубоким интересом наблюдали за графом де Невер, который всем своим видом показывал, что считает себя выше, чем те кто собрались здесь. Дофин поспешил обнять свою сестру. Он нежно поцеловал Мишель, затем принял приветствие и поздравление своего зятя и поклонившись в ответ, снова поспешил уйти к другим гостям. Так он переходил из одной группы гостей в другую, пока снова не оказался рядом с герцогом Барским и Мириандой.
- Где он? - с беспокойством произнёс Дофин, - большинство гостей в этом зале и почти вся толпа на улице собралась вовсе не ради меня. Они хотят видеть графа Арманьяк. И если он не приедет. Моя свадьба превратится в обыденное событие
Сказав эти слова, Дофин вновь отошёл от них и поспешил дальше.
- Он не хочет тебя видеть?- негромко спросил герцог Барский, пристально глядя на Мириванду.

-Не знаю! - Мирианда сразу погрустнела, - я отправила ему письмо, в котором, просила его приехать и позволить мне поговорить с ним. Если он приедет, значит, моя любовь жива, а если нет…
Герцог Барский ничего не ответил кузине. Он проследил за Дофином и улучив момент, когда тот остался один, оставил Мириванду и подошёл к нему.
- Друг мой, а ты не думал о том, что может произойти, когда Арманьяки прибудут сюда и увидят бургундцев и не только, а ещё и сына герцога Бургундского?
- Святой Педро, я только об этом и думаю! - отозвался Дофин.
- И что же?
- Доброе кровопускание, никогда не повредит здоровью!
Словно, в ответ на его слова, они услышали такой грохот, что почти все кто были в зале, невольно схватились за оружие. В одночасье, весь город взорвался криками. Создавалось такое впечатление, что все люди одновременно набрали воздух и кричали, кричали не переставая. Все снова прильнули к окнам, не понимая, что происходит. Они увидели как толпа, смяла вооружённую толпу, прижав их к железной ограде, что окружала дворец. Воздух потрясали восторженные крики, которые перекатывались словно волны. Недоумение и удивление царило среди тех, кто наблюдал из окон дворца, пока до них явственно не донеслись крики полные неудержимой радости и восторга.
- Арманьяки! Арманьяки!
Все сразу поняли причину этого переполоха. К дворцу приближались Арманьяки. Это их столь бурно приветствовала толпа. Каждый в зале старался протиснуться к окнам, предпочтение, разумеется в первую очередь отдавалось дамам. Мирианда, одной из первых подбежала к окну и сейчас горящими глазами следила за дорогой, где вскоре должен был появиться Филипп. Её Филипп!
- Слава богу! - с облегчением выдохнул Дофин, не замечая, каким бледным стало лицо графа де Невер.
Тем временем шум на улицах только усиливался. Площадь, наполненная людьми, бурлила и двигалась. Все, на площади кричали, даже не разбирая, где находятся Арманьяки. Но вот по дорожке ведущей во дворец, показались первые ряды всадников. Первым ехал Филипп. За ним Таньги и де Крусто. Вслед за ними десять рядов всадников по пять, в каждом. За ними следовала карета и снова десять рядов всадников, по пять в каждом. Восторженные крики в адрес Арманьяков усиливались с каждой минутой. Люди приветственно махали им руками. Движение Арманьяков замедлилось. Толпа загородила им дорогу, не давая пройти во дворец. Сердце Мирианды забилось с огромной силой, когда она увидела Филиппа во всём великолепии вступавшего в Бурж. Она едва сдержалась, чтобы не броситься немедленно вниз и не побежать ему навстречу. Глаза её неотрывно следили за Филиппом, чья фигура, словно плыла, среди окруживший его толпы.
- Да здравствует граф Арманьяк! - раздался мощный крик толпы.
- Да здравствуют Арманьяки!- последовал не мене мощный крик.

- Так это и есть тот самый граф Арманьяк? - раздался женский голос рядом с Мириандой, - А он действительно так хорош, как говорят! И он до сих пор не женат!
Мирианда едва сдержалась, чтобы не нагрубить ей.
Сопровождаемые ликующей толпой, Арманьякам удалось добраться до внешних ворот дворца. Один за другим, они въезжали внутрь.
Филипп неослабно следил за каретой. Едва, она въехала внутрь, он позволил себе расслабиться. Краем глаза, Филипп увидел, как из кареты вышли Луиза и Шарлота. Он дал им знак, что скоро присоединится к ним и развернув коня, под восторженные крики толпы, поскакал к ним.
Луиза проводила его счастливым взглядом и не дожидаясь возвращения, вошла в сопровождении Шарлоты во дворец.
Едва, Луиза вошла в зал, наполненный гостями, как сразу же услышала, возле себя гневный голос:
- Ты что здесь делаешь?
Филипп выехал через открытые ворота и поднял руку, призывая толпу к тишине. Его жест произвёл магическое действие. Толпа мгновенно успокоилась, ожидая, что скажет граф Арманьяк.
- Я хотел поблагодарить всех вас! - громко заговорил Филипп, - сказать, что тронут вашим приёмом. Честно признаюсь, я не ожидал такой встречи и не думал, что Бурж, такой прекрасный город, а его обитатели такие чудесные люди. Спасибо вам друзья мои и знайте, что большинство побед нас ждёт впереди! Слово чести Арманьяка!
- Да здравствует граф Арманьяк!- взорвалась криками толпа.
Шум за окнами не умолкал, но почти никто больше не наблюдал за толпой из окна. Все присутствующие в зале смотрели на юную красавицу, появившеюся невесть откуда и графа де Невер, стоявшего перед ней с грозным видом.
- Брат! - ошеломив своими словами присутствующих, Луиза радостно протянула руки вперёд.
- Блудница! - раздался в ответ гневный голос графа де Невер, - как ты посмела явиться сюда? Тебе мало, что ты опозорила наше имя, так ты пришла выставить нас на всеобщее посмешище?
- Что вы говорите?- Луиза мгновенно побледнела.
- Я говорю пошла прочь отсюда! - закричал граф де Невер, - тебе не место среди порядочных людей. Грязная блудница!
Глаза Луизы наполнились слезами. Она опустила глаза, не в силах уйти и не в силах посмотреть на людей вокруг себя, которые смотрели на неё с нескрываемым презрением. Вокруг неё начали перешептывается, осыпая едва слышными оскорблениями. Мириандy охватила жалость и она с мольбой посмотрела на герцога Барского, но тот отрицательно покачал головой.
Шарлота, не смея заговорить с графом де Невер, повернулась и бросилась со всех ног вниз.
- Ты не слышишь меня, я сказал, убирайся отсюда!
Луиза хотелось умереть на месте, лишь бы не чувствовать этого унижения. Лишь бы не слышать голос брата. Она последним усилием воли, сдерживала слёзы, рвущиеся наружу.

- Не выводи меня из себя!- в ярости закричал граф де Невер, убирайся отсюда, грязная блудница, пока я не потерял остатки терпения.

Глава 55

- Отойдите от неё!
Все присутствующие с удивлением смотрели на человека, осмеливавшегося встать на защиту этой падшей девушки.
Сопровождаемый Шарлотой, в зал вступил Филипп. Его лицо потемнело от гнева. Он слышал последние слова графа де Невер
- Сударь, не вмешивайтесь не в своё дело! - резко ответил на это де Невер.
Луиза обернулась к нему. Едва Филипп увидел её лицо, как его начала охватывать неудержимая ярость.
- Прочь, я сказал! - Филипп повысил голос, - отойдите прочь от неё!
Возле Дофина раздался голос.
- Я же предупреждал вас о том, что может случится!
- А я вам уже ответил- не оборачиваясь шёпотом бросил Дофин, пристально наблюдая за действиями Филиппа.
Мирианда, глазами полными любви следила за Филиппом.
Разве он мог позволить оскорблять беззащитную девушку?
- Сударь, что вы себя позволяете? - высокомерно заявил граф де Невер в лицо Филиппу. - Вас этот разговор не касается!
- А если я назову вас к примеру мерзавцем, или что ещё приятнее- негодяем, а правильнее будет сказать мерзким негодяем, - Филипп медленно надвигался на графа де Невер.
Граф де Невер мгновенно побледнел. Не раздумывая, он выхватил шпагу и закричал.
-Доставайте шпагу сударь. Даю слово, я вас отучу оскорблять бургундца!
- Мне это не впервой делать! - почти спокойно ответил Филипп, но все те кто знал его, понимали что стоит за этим спокойствием, как не впервой и убивать вас,- он выхватил шпагу, занимая позицию против графа де Невер.
-З ащищайтесь!- презрительно бросил граф де Невер, бросаясь в атаку на Филиппа.
Филипп отбил первые два удара и увернувшись от третьего вправо, молниеносно ударил рукояткой шпаги по лицу де Невера. Тот не удержав равновесия, упал на мраморный пол, но тут же поднялся и бросился на Филиппа. Несколько ударов и вновь Филипп ударил рукояткой по лицу де Невера. На этот раз удар попал в нос. Из него закапала кровь. Филипп ходил вокруг де Невера пока тот поднимался.
- Ещё хотите? - осведомился Филипп, - как насчёт руки, скажем на дюйм ниже локтя?
Едва успели отзвучать эти слова, как Филипп молниеносно атаковал де Невера и уколол точно в то место, куда и обещал. В глазах графа де Невер начал появляться страх. Никогда прежде, ему не

доводилось встречаться со столь грозным противником. Он зажал раненную руку, останавливая кровь, но потом снова предпринял атаку. Филипп даже не уклонялся. С лёгкостью отбив её, он немедленно атаковал графа в ответ. На этот раз удара не последовало, хотя острие шпаги Филиппа несколько раз оказывалось у горла де Невера. Де Невер отступил назад и обливаясь потом смотрел на невозмутимое лицо Филиппа.
- А сейчас, я убью вас! - голос Филипп прозвучал как смертельный приговор для графа де Невер.
Вслед за этим, Филипп атаковал де Невера и сделав каскад обманных движений в своей излюбленной манере, выбил из рук своего противника шпагу. Острие шпаги Филиппа коснулась горла де Невера, и в эту минуту раздался душераздирающий голос Луизы:
- Нет!
Вся в слезах, Луиза подбежала к Филиппу.
- Умоляю тебя, пожалуйста, это ведь мой брат!
Филипп колебался всего одно мгновение. Он убрал шпагу и вложил её в ножны. Прежде, чем отойти от де Невера, он презрительно бросил ему в лицо.
- Смотрите, вы оскорбили, унизили вашу сестру, а она в ответ спасла вашу жизнь! Помните об этом дне и никогда больше не смейте повторять того, что сказали сегодня. Это всех касается- Филипп отвернулся от Невера и обвёл грозным взглядом присутствующих.
- Любой, кто посмеет оскорбить графиню Арманьяк, станет моим смертельным врагом!
- Графиню Арманьяк?- повторил поражённый его словами граф де Невер.
Филипп обернулся к нему.
- Да, сударь! Ваша сестра - моя супруга!
Филипп взял за руку Луизу и под ошеломлённые взгляды присутствующих, подвёл к Дофину.
- Ваше высочество, счастлив, представить вам, графиню Арманьяк!
Дофин поцеловал руку Луизы. Его голос громко прозвучал громко и отчётливо на весь зал.
- Миледи, мы всегда рады приветствовать вас!
После этих слов, все постарались подойти и выразить своё почтение графине Арманьяк. Филипп видел, как постепенно расцветает лицо Луизы и в душе порадовался за неё. Луиза, улучив момент между представлениями, подошла к Филиппу.
- Спасибо! - прошептала Луиза так тихо, что её услышал только Филипп.
Филипп широко улыбнулся.
- Я и не собирался его убивать!
- Нет?- Луиза ошеломлённо уставилась на него, - но ведь ты…
- Всего лишь проучил его! Неужели, ты и вправду думала, что я способен убить твоего брата?
Эти слова разрушили последние сомнения, последние барьеры, что Луиза воздвигала между собой и Филиппом. Она почувствовала, как нечто неудержимое несёт её. Она отчётливо осознала, что он стал для неё самым дорогим, самым близким человеком. Она больше не

скрывала свои чувства и прежде, чем слова сорвались с её уст, Филипп понял, что она собирается сказать по её взгляду.
- Я люблю тебя! Люблю! Бог наградил меня величайшем счастьем, сделав твоей супругой!
Слова Луизы потрясли Филиппа. Он растерялся, не зная, что ему ответить. Он не мог открыть истину Луизе. Да он полюбил Луизу. Но полюбил как сестру и не более того. Опасность, угрожавшая ей и страдания, на которые он обрёк её, вызывали глубокую нежность и заботу у Филиппа. Он даже в мыслях не мог себе представить, что Луиза полюбит его. Но вот это свершилось. И он не знает, что ему делать. Как сказать, как объяснить всё то, что он чувствовал к Луизе. Но ему не пришлось ничего объяснять. Его сомнения и колебания не укрылись от Луизы. Её горящий счастьем взгляд начал потухать. Она помедлила ещё одно мгновение, потом бросила на Филиппа печальный взгляд и повернувшись отошла от него. Филипп не мог её остановить. Чтобы он сказал Луизе? У него не было слов.
Луиза больше не радовало происходящее. Она с трудом перенесла пышную церемонию венчания. Даже в церкви, глядя на то, как Дофин, вместе с Марией Анжуйской дают обет верности, она чувствовала щемящую тоску, сжимающее сердце. Все ей оказывали внимание, но Луизу это больше не радовало. Единственный человек, в чьём внимании нуждалась Луиза, находился рядом с другой. Луиза упрекала себя за слова, сорвавшиеся с её уст. Боже, молчание Филиппа причинило ей ещё большую боль, чем оскорбления брата. Она призналась ему в любви, а он, он даже не ответил. Луиза невыносимо страдала. Едва закончилась церемония венчания, он не в силах выносить происходящее, уединилась в покоях, отведённых для графа и графини Арманьяк, во дворце Дофина.
После венчания, Филипп осведомился у Шарлоты, где находится Луиза. Шарлота ответила, что Луиза чувствует себя не очень хорошо, поэтому ушла с торжества и сейчас находится в покоях. Филипп немедля нашёл Капелюша и отправил его, охранять Луизу. Даже здесь, он не мог чувствовать себя в полной безопасности. Успокоившись по поводу Луизы, Филипп присоединился к пирующим. Филипп пил мало, предпочитая иметь трезвую голову, чего нельзя было сказать о Таньги и Крусто, которые уже к полуночи были совершенно пьяны и в таком состоянии отправились в город.
- «Выпить за память несчастной королевы»- как выразился Таньги. Филипп лишь посмеялся над его словами. Королева, по всей видимости, не давала Таньги покоя.

Глава 56

Пир, был в полном разгаре, когда к Филиппу подошла Мария Анжуйская. Филипп ещё раз поздравил новобрачную. Поблагодарив его, Мария Анжуйская передала просьбу матери. Иоланта хотела встретиться с графом Арманьяк. Поколебавшись, Филипп принял предложение и отправился вместе с герцогом Барским, в одну из

многочисленных комнат дворца, что были отведены Иоланте. После короткого обмена приветствиями, Иоланта приступила к делу.
- Считаете ли вы нашим союзником?- задала первый вопрос Иоланта.
- Это зависит от того, что вы предполагаете сделать и кого вы имеете в виду, под словом «нашим»! - отвечал Филипп
- Наша цель, возвести Дофина на французской престол! - в свою очередь ответила Иоланта.
- Я считаю Дофина законным наследником престола, - сказал Филипп, - и следовательно любой кто считает так же, является моим союзником, однако,- добавил Филипп, - я намерен обсудить все важные вопросы, касающиеся каких либо действий, только в его присутствии.
- Справедливо! - согласилась Иоланта и продолжила, - я рада видеть в вас друга. Надеюсь, небольшое недоразумение, что имело место в недавнем прошлом…
- Я давно забыл об этом и не таю более обиды на вас!
- Ну что ж, - подытожила Иоланта, - надеюсь завтра мы поговорим более основательно, а пока позвольте принести вам мои поздравления, в связи с женитьбой и пожелать доброй ночи.
Филипп вернулся в зал и уже в десятый раз за весь день, обошёл его в поисках Мирианды. Но её нигде не было. Лучше, чем кто-либо он понимал, что могла чувствовать Мирианда, узнав о его браке. Так как поиски ни к чему ни привели, Филипп задумался. Дофина с Марией Анжуйской не было на торжестве. Таньги с де Крусто тоже ушли. Остальных, он либо вообще не знал, либо едва был знаком с ними. И хотя его появление всегда вызывало интерес у присутствующих, он почувствовал себя одиноко.
- Скучаете?- раздался рядом с Филиппом голос герцога Барского.
Филипп понял, кому принадлежит голос, прежде чем обернулся к говорившему.
- Да! - признался Филипп и выждав немного времени спросил, - вы не знаете где может быть герцогиня Мендос?
- Зачем она вам, граф?
- Я хотел бы поговорить с ней!
- Не думаю, что моя кузина захочет говорить с вами, после того, чему она стала свидетелем!- ответил герцог Барский и продолжал, - вы сделали свой выбор и будьте довольны тем, что сумели приобрести. Кузина же сделает свой и в ближайшее время. Я об этом позабочусь.
Филипп не нашёлся, что ответить на эти суровые слова. Он поклонился герцогу Барскому, и более не разговаривая ни с кем на торжестве, покинул его, а затем и покинул дворец. Вокруг дворца, так же были накрыты столы, где пировали все те, кому не удалось попасть внутрь. Филипп увидел своих людей рядом с бургундцами. Они пировали бок о бок. Впервые они встретились лицом к лицу и не испытывали жажды убийства, а сидели за одним столом, словно добрые друзья. Филипп не стал им мешать и пошёл было за своим конём, но передумал и отправился пешком. Он вышел на площадь, где так же вовсю шло пиршество и по прежнему было полно народу. Стараясь быть неузнанным, он стал пробираться через толпу. Филипп не знал куда направляется. Он лишь хотел уйти подальше от суеты, остаться один. Но почти все прилегающие к площади улицы,

были полны народа. Они распивали вино и пели весёлые песни. В одной из них, Филипп с удивлением узнал самого себя. Он побродил некоторое время по улицам, но видя, что не сможет найти уединения в эту ночь, собирался возвращаться, когда на глаза ему попалась маленькая церковь. Церковь стояла в стороне от улиц, немного возвышаясь над ними. Филиппа потянуло туда, Помедлив мгновение, он направил свои шаги в сторону церкви. Двери были открыты настежь. Невольно, Филипп вспомнил давно минувшую ночь, которая изменила всю его жизнь. Но на этот раз, воспоминания не остановили его, и он вошёл внутрь. Церковь выглядела весьма скромно, но отличалась чистотой и убранством. Колонны, несколько рядов скамеек, на которых сидела всего лишь одна женщина, в чёрной вуали и горячо молилась. Конусообразный купол, украшенный ликами святых и различными эпизодами из их деяний. Справа от него, в нише стояла статуя девы Марии, прямо напротив Иисуса Христа. Филипп медленно пошёл по проходу. Дойдя до переднего ряда скамеек, Филипп увидел священника, в руках которого находился какой-то сосуд наполненный водой. Филипп сел на край скамьи, возле прохода. В этот момент, священник обернулся. Глядя на этого невыразительного пожилого священника, с поредевшими на голове волосами, Филипп внезапно подумал, что лицо его кажется знакомым. Но где же он мог видеть этого человека? Филипп вспомнил, где он его видел, и вспомнил имя священника.
- Как поживаете отец… Себастьян?
Священник с глубоким удивлением посмотрел на молодого человека благородной наружности, который назвал его по имени. Его прихожанами, были большей частью горожане. Сюда, редко заходил кто-либо из знати.
- Мы знакомы?- удивление отца Себастьяна отразилось в голосе.
- Да!- последовал ответ.
Священник подошёл ближе к Филиппу, пытаясь получше разглядеть черты его лица. Но сколько он ни старался, не мог вспомнить сидящего перед ним молодого человека.
- Зрение моё слабеет, - сказал священник мягким голосом, - я не узнаю тебя сын мой. Разве, мы виделись раньше?
- Да!
- И где же мы виделись?
- В Шатле!
Священник некоторое время смотрел на Филиппа не понимая, но вдруг у него затряслись руки и глаза, глаза начали наполняться слезами.
- Ты тот мальчик, что отказался исповедоваться! - прошептал священник, - ты тот, кто защищал невинных на ступенях церкви святой Катерины. Господь услышал мои молитвы! Ты жив, он спас тебя!
- Меня спас палач! - перебил священника Филипп, - только ему одному я обязан своей жизнью!
- Нет, сын мой! - священник покачал головой, - тебя спас господь. Не сомневайся в его силе. Не подвергай сомнению его власть.
- Знаете святой отец, чем я занимался все 11 дней, которые провёл в тюремной камере, дожидаясь смерти?- тихо спросил Филипп

и тут же сам ответил на свой вопрос, - я смотрел из окна. Я смотрел, как по Сене проплывают мёртвые тела. Я видел сотни невинно убитых, от крови которых вода покраснела. А вы говорите мне, чтобы я не сомневался в его власти?
- Лишь одному господу ведомы его поступки. Он дал нам всем жизнь, и он вправе её забрать. Безвинные найдут счастье и покой в обители господа, тогда как убийцы обречены на муки вечные. Из всех чувств, лишь ненависть послана нам в наказание. Именно она заставляет людей совершать богопротивные деяния. Подумай, сын мой! Даруй нам господь одну лишь доброту, или же одну лишь любовь, чего бы стоила наша жизнь? Мы были бы счастливы, но разве вспомнили бы господа? Разве бы стали теми, кем являемся сейчас? Даруй он лишь одну ненависть или же алчность, кем мы бы стали? Господь дал нам ненависть и алчность, он дал нам любовь и доброту. И только нам, нам самим решать, как мы воспользуемся этими дарами.
Филипп не произнёс и слова, во время речи священника.
- Я помню тот день!- продолжал вдохновенным голосом священник, - когда ты отрёкся от бога. Тогда, я не мог тебя утешить, но сейчас, ты здесь, в его обители. Ты пришёл по доброй воле. А это значит, что ты отрёкся от него умом своим, но он живёт в твоём сердце.
- Мне тяжело на душе, потому я здесь, - признался Филипп и продолжал тяжело выдавливая из себя слова, - я в растерянности святой отец. Я запутался и не знаю, как поступить.
Священник сел рядом с Филиппом и положил свою руку на его колено.
- Расскажи, сын мой, расскажи, что тебя гнетёт.
Филипп долгое время молчал, потом решился и заговорил.
- Моя супруга призналась мне в любви сегодня!
- Но ведь это же прекрасно, сын мой!
- Нет, святой отец. Её любовь ко мне - худшее что могло произойти!
Священник отвечал с глубоким укором.
- Любить супруга- святая обязанность каждой женщины. Её любовь освящена господом, а ты ропщешь сын мой?
- Я люблю другую женщину. Она в моём сердце и останется там навсегда!
- Так почему же ты не женился на той, которую любишь? Почему выбрал другую женщину, уготовив ей боль и страдания?
В ответ на вопрос священника, Филипп слово за словом, не упоминая лишь об ордене, рассказал отцу Себастьяну всю историю, уже известную нам. Когда он закончил, отец Себастьян только и мог, что качать головой.
- Сын мой! - наконец сказал священник, - господь призывает нас к прощению. Попроси прощения у той женщины и обрати свою любовь на супругу, ибо отныне лишь господь вправе разлучить вас.
Ни Филипп, ни священник не замечали, как женщина в вуали поднялась со своего места и подошла к ним.
- Она простила его! - раздался голос, наполненный глубокой нежностью.

Филипп услышав голос, вскочил на ноги и с глубоким волнением смотрел на вуаль, что скрывало лицо женщины. Она откинула вуаль. Филипп с болью и радостью увидел одухотворённое лицо Мирианды.
- Ты поступил правильно Филипп. Я видела твою супругу и понимаю, как глубоко она страдала. Забудь всё что было. Отныне твоя обязанность любить свою жену
- Но…
- Помолчи!- Мирианда прислонила свой пальчик к губам Филиппа и он тут же прижался к нему губами, - не нужно слов. Она заслуживает любви. Ты не должен омрачать её жизнь. Поклянись же, что будешь её любить.
-Я люблю тебя Мирианда,- прошептал Филипп, - как я могу выполнить твою просьбу?
- Это просьба женщины, которая любит тебя. Которая будет любить тебя до последнего вздоха. Ради её любви, клянись Филипп!
- Клянусь! - мучительно выдавил из себя Филипп.
На лице Мирианда появилось лёгкое облачко радости.
- Благодарю тебя Филипп!- прошептала Мирианда, - а теперь мы расстанемся и никогда ты больше не увидимся. Я буду молиться за тебя и твою жену!
- А что будет с тобой?- воскликнул с глубокой болью в голосе Филипп, вслед уходящей Мирианде
Мирианда остановилась и повернула к нему лицо. На губах её появилась мягкая улыбка.
- У меня в жизни был, лишь мой возлюбленный и господь бог. Возлюбленного больше нет со мной. Остался лишь один господь.
Сказав эти слова, Мирианда накинула на лицо вуаль и вышла из церкви.
Филипп ещё долгое время с обречённым видом смотрел на дверь, через которую ушла навсегда- Мирианда.

Глава 57

Путь обратно во дворец, занял у Филиппа около часа. По дороге, он думал о всей своей жизни. Он думал о том, каким он был, когда вернулся во Францию и каким стал. Любовь к Мирианде научила его вновь радоваться жизни. Встреча с Луизой же, показала ему всю глубину пропасти, возле которой он стоял. Нельзя жить убивая друг друга - отчётливо понимал Филипп, - нельзя превращать жизнь в комок ненависти и жить этим. Мои предки враждовали с бургундцами и что у меня есть сейчас?- спрашивал себя Филипп и сам же отвечал на свой вопрос,- кровавое наследство, бремя которого несу не только я, но и все Арманьяки. Он знал, что должен убить герцога Бургундского, но после его смерти, эта война должна была закончится. Есть другие враги, чьё смертоносное жало ещё придётся вырвать - думал Филипп, я должен пересмотреть свои действия и направить удар против ордена. Если я не смогу уничтожить их, рано или поздно они своего добьются. Надо подумать, как я смогу это сделать. Ведь мне не известно

ничего, за исключением имени Гилберта де Лануа. Я не знаю, где их найти, я не знаю сколько их, но тем не менее придётся как то действовать.
Филипп, погружённый в мысли, сам не заметил, как оказался возле двери своих покоев. Капелюш, сидел, прислонившись возле двери. Хотя его глаз был закрыт, Филипп знал, что тот не спит. Он смотрел на дверь, не зная как поступить. Время было позднее. Стоило ли беспокоить Луизу?
За этой дверью его ждала новая жизнь, если он, конечно, осмелится войти внутрь. А как же Мириандa? Разве он не предаст её любовь? А разве ты не поклялся любить свою жену? - отвечал ему внутренний голос, - разве ты не видел, как печальна была Луиза, когда поняла, что ты не любишь её? Забудь всё, сейчас, здесь и смело входи внутрь. Тебя ждёт прекрасная жена. Только от одного тебя зависит, будет ли царить любовь в твоей семье, или ты будешь отворачиваться каждый раз, когда она будет смотреть на тебя. Ты сам выбрал себе супругу. Правильно ты поступил или нет, уже не столь важно. Важно то, что у тебя есть. Или оно у тебя будет, или ты снова потеряешь всё.
- Достаточно! - вслух прервал себя Филипп и более не раздумывая вошёл внутрь. Едва, он исчез за дверью, как Капелюш открыл глаз, в котором светилось неподдельное изумление.
Впервые, Филипп видел спящей Луизу. Возле широкой кровати с высоким пологом, догорала одинокая свеча. Она отбрасывала пламя на спящую Луизу. Луиза спала на левом боку, сжавшись в комок. Правая рука была выпростана из под шёлкового одеяла. Золотистые волосы разметались вокруг головы. На ней была ночная рубашка с кружевным воротником. Стараясь не шуметь, Филипп обошёл кровать, для того чтобы рассмотреть спящее лицо Луизы. Рядом с лицом. На подушке лежал сжатый в комок, платок. Под глазами виднелась краснота. Видимо, она долго плакала, прежде чем уснула. Филипп почувствовал укол совести. Опять по его вине она плакала. Но это в последний раз, - твёрдо пообещал себе Филипп. Достаточно слёз. Он разделся, и скользнул под одеяло, случайно задев ногу Луизы. Она заворочалась. Филипп замер. Он смотрел на спину Луизы и надеялся, что она не проснулась.
- Филипп!- сквозь сон пробормотала Луиза.
Филиппа охватила неудержимая нежность. Он дотронулся рукой до щеки Луизы и тихо произнёс:
- Я здесь!
- Не уходи, останься, мне так плохо без тебя! – сонным голосом пробормотала Луиза.
-Я буду рядом Луиза, я буду рядом!
Филипп обнял сзади Луизу и долго думал о женщине, которую сжимал в своих объятиях, прежде чем заснул.
Солнечный луч проник сквозь плотно завешенную занавесь на окне и упал на лицо Луизы. Она слегка поморщилась, пробуждаясь ото сна. Когда Луиза открыла глаза, она по привычке хотела потянуться, но не смогла, по той простой причине, что на её руке лежала другая рука и совсем не похожая на руку Шарлоты. Луиза осторожно оглянулась через плечо. Она едва сдержала крик, увидев безмятежно спящего Филиппа.

Луизу охватило смятение. Так это не был сон? Она действительно разговаривала с ним ночью?
Волнение Луизы нарастало. Она очень медленно убрала руку, собираясь встать из постели, но сонный Филипп снова обхватил её и прижал к себе. Луиза, не знала что делать. Как встать, чтобы не потревожить Филиппа. Но с другой стороны, она чувствовала себя так уютно в объятиях Филиппа. Ей доставляло такую радость и наслаждение чувствовать тепло его тела. Я полежу совсем немного, а потом встану, - пообещала себе Луиза. Она чувствовала, как нега постепенно охватывает её тело и сама не заметила, как снова уснула.
Время подходило к полудню, когда возле дверей покоев появилась Шарлота. Увидев капелюша, она поняла, что Луиза ещё не покидала покоев. Укоризненно качая головой, она без стука вошла внутрь. Капелюш широко улыбнулся.
- Да что с тобой происходит Луиза? На дворе полдень, а ты валяешься в постели! - ворча Шарлота подошла к окну и отдёрнула занавесь, пропуская поток солнечных лучей в комнату. После этого Шарлота повернулась и застыла на месте. Она только сейчас заметила, что Луиза не одна в постели. Больше того, Луиза лежала прижавшись к Филиппу и обнимала одной рукой его шею. Голос Шарлоты разбудил Луизы. Она сразу отстранилась и с испугом посмотрела на Шарлоту.
- Я не знала, прости! - Шарлота широко улыбнулась, - я подожду тебя снаружи.
Шелестя платьем, Шарлота покинула комнату. Луиза, быстро выскользнула из постели и постоянно оглядываясь на спящего Филиппа, сбросила ночную рубашку и быстро облачилась в платье. Она наскоро собрала волосы и уже взялась за ручку двери, когда услышала весёлый голос Филиппа.
- Я всё видел!
Луиза замерла. Щёки стали красными, как спелое яблоко. Она очень медленно повернулась. Увидев, лицо улыбающегося Филиппа, она покраснела ещё больше.
- Я… я … не знаю… как вы оказались здесь! - наконец сумела выговорить Луиза и сразу потупила глаза.
- Как я ещё мог оказаться?- удивился Филипп, - пришёл в свои покои, к собственной супруге. Лёг рядом с ней и…
-И?- на этот раз Луиза побледнела и не мигая смотрела на Филиппа.
- И… всё! - закончил фразу Филипп.
- Правда?- у Луизы вырвался вздох облегчения.
- Нет!
- Нет?
- Нет!- ничуть не стесняясь Луизы, обнажённый Филипп поднялся с постели и подошёл к Луизе, которая даже дышать не могла. Каждое движение Филиппа завораживало её.
Филипп взял её на руки, а в следующее мгновение, Луиза уже лежала на постели и смотрела на губы Филиппа, которые приближались с томительной медлительностью. Едва Луиза почувствовала прикосновение губ Филиппа, как тут же не осознавая, рванулась ему навстречу. Она обвила руками его шею и

со всей страстью, которая зарождалась в ней, разбрасывая по телу волны, отдалась поцелую. Луиза потеряла голову и не видела ничего, за исключением любимого лица Филиппа. Его движения были импульсивными… но раздавшийся стук в дверь, заставил их прекратить поцелуй. Луиза быстро поднялась с постели и не смея смотреть в глаза Филиппу, который, она чувствовала это, улыбался, поспешно набрасывая на себя одежду. Наконец, когда Филипп оделся, он подошёл и открыл дверь. Луиза встала спиной к двери, у окна. Она услышала голос Капелюша, который говорил Филиппу:

- Тебя хочет срочно видеть Дофин и ещё граф де Невер просит разрешения прийти.

- Граф де Невер?- удивлённо повторил Филипп. Он оглянулся на Луизу. Она по прежнему стояла у окна, но Филипп не сомневался, что она всё слышала.

- Отправь человека к графу. Пусть передаст, что я буду рад его видеть в любое время. А дофину… подожди, я сейчас…

Филипп прикрыл дверь. Он подошёл к Луизе и сзади обнял её, мягко целуя в открытую шею.

- Графиня,- прошептал Филипп, - будьте уверены, это всего лишь первое звуки музыки, которую нам предстоит познать.

Вслед за этими словами, Филипп вышел из комнаты. После его ухода, Луиза обняла руками свои плечи и счастливо улыбнулась.

Встреча состоялась в личном кабинете Дофина. Кроме него самого, находилась Иоланта и Мария Анжуйская. Она первой приветствовала появление Филиппа тёплой улыбкой. Филипп поцеловал её руку, поклонился его высочеству, поклонился Иоланте и сел на место, которое попросил его занять Дофин.

Иоланта начала с просторного разговора о том, какова обстановка на сегодняшний день во Франции. Каковы враги Дофина и что они могут предпринять. Всё это Филипп знал, лучше чем кто- либо и поэтому почти не слушал Иоланту. Он наблюдал в это время за Дофином и думал- каков из себя Дофин? Почему Иоланта постоянно берёт на себя руководство всеми вопросами? Не означает ли это, что более сильная духом тёща, прикрывает собой слабости наследника престола. Филипп намеревался выяснить это, прежде, чем дать какие либо обязательства. Законного наследника престола, Филипп мог и обязан был признать своим сюзереном. Но ни один человек, кроме дофина, включая Иоланту, не мог претендовать на такое право. Ни во Франции, ни где то бы ни было. Именно эта мысль и прозвучала в первую очередь, после того, как Иоланта закончила говорить.

- Позвольте, прежде всего спросить,- Филипп заговорил негромко, но с твёрдыми интонациями в голосе, - какова ваша роль мадам? Почему вы говорите, а его высочество молчит? Не значит ли это, что договор, который, как я понимаю вы предложите мне, обяжет повиноваться вам?

Филипп продолжил, не давая заговорить Иоланте.

- Я выскажусь со всей откровенностью! Мне не надо думать для того, чтобы поддержать законного наследника престола. Он мой сюзерен и я обязан служить ему. Но это вовсе не означает, что кто либо иной может приказывать мне, даже если это в интересах

Дофина. Надеюсь, мадам, я не был груб. Но если даже так, я попрошу у вас прощения, но мнение моё останется неизменным. Филипп не ожидал, что все трое будут улыбаться его словам. Иоланта снова взяла слово и обращаясь к Дофину, спросила:
- Что я вам говорила?
- Святой Педро, а разве я вам возразил матушка? - отозвался Дофин и уже обращаясь к Филиппу, продолжил, - мне по душе ваша откровенность граф. Скажу больше, мы предполагали, что именно так и вы поведёте себя. Прямота и честность присущи вам. Так слушайте и судите сами обо всём,- Дофин поднялся и убрал подсвечник со стола, за которым они сидели. Он провёл ладонью по столу, как бы разделяя его на две части.
- Это северные земли Франции - Дофин указал на половину стола, что была слева от него, - все они находятся под властью Англии. Это южные владения- он указал на правую от себя сторону стола, частью из них владеете вы, частью я, и частью герцог Бургундский. Я не считаю мелких владений, которые без сомнения примкнут к нам, ибо на юге Франции, мы представляем большую силу. Англия, со своей сорокатысячной армией вот, вот начнёт движение на юг, чтобы полностью овладеть Францией и присоединить её к своим территориям. Если прибавить пятнадцатитысячную армию герцога бургундского, то мы имеем перед собой врага с численностью войск, более пятидесяти тысяч. Вы как я знаю,- продолжал уверенно Дофин. Поражая Филиппа своими уверенными действиями и отличным знанием обстановки, - можете набрать около трёх тысяч конницы и не более пяти тысяч пеших воинов. Я могу набрать около пятнадцати тысяч. Итого мы сможем противоставить, нашим противникам, не более чем 25000 армию. Как вы понимаете, это вдвое меньше, чем имеют в своём распоряжении наши противники. Положение очень тяжёлое,- продолжал Дофин, - поэтому все ваши действия имеют такое важное значение. Не надо быть очень умным, чтобы понимать - первое же открытое сражение и нас разобьют. Но мы не вправе повторять случившиеся при Азенкуре. Мы не можем допустить поражения. Страна полуразрушена. Последние годы войны и эпидемия, лишили нас сил. Мы не оправимся, если потерпим ещё одно поражение. Есть ещё кое- что,- продолжал Дофин, - мы не должны забывать, что при желании, мой кузен, король Англии может удвоить свою армию, у нас же такой возможности не будет.
- И какой же выход предлагает ваше высочество?- спросил Филипп.
- Вы нам его показали граф! - ответил дофин, - мелкие сражения, лёгкие победы, которые смогут остановить продвижение английской армии, до тех пор, пока мы не сможем обрушиться на них с полными силами.
- Всё может изменится, если предположить, что к нам присоединится Бургундия. Тогда силы уравняться и мы сможем победить.
- Вы допускаете союз с герцогом Бургундским?- спросил поражённый его словами Дофин.
- Только не с нынешним! - коротко ответил Филипп.
-Что вы имеете в виду?- не понял Дофин.

- Я связан клятвой и рано или поздно убью герцога Бургундского. Но после его смерти, я намерен предложить мир его сыну, который станет следующим герцогом Бургундским.
- И вы прекратите вражду?- не поверил его словам Дофин.
- Да!- твёрдо ответил Филипп, - во имя Франции, во имя будущего короля Карла 7, я сделаю всё, чтобы прекратить вражду. Я сделаю это ради своей супруги. Ради людей, которые пресытились кровью и хотят жить в мире. Пусть мне придётся смирить свою гордость, но никогда больше, ни один из наследников Арманьяков, не получит такого кровавого наследства, как получил я.
- В добрый час! - Дофин радостно потирая руки, достал из ящика стола исписанную мелким почерком бумагу и поставил перед Филиппом.
- Здесь список земель и городов, которые вы получите после того, как я стану королём Франции. Кроме всего прочего, я назначаю вас командующим всеми силами, которые имеются и будут поступать в наше распоряжении. Вы получаете должность коннетабля, которая останется за вами пожизненно.
- Ко всему, я хотел бы добавить ещё одно! - сказал Филипп.
- Что же?- слегка помрачнев спросил Дофин.
- Жизнь герцога Бургундского. Это я хотел бы получить в первую очередь!
Лицо Дофина прояснилось и он многозначительно ответил:
- В этом пункте, дорогой граф, наши интересы полностью совпадают!
После ухода Филиппа, Дофин посмотрел на Иоланту и спросил, что она думает о состоявшемся разговоре. Иоланта ответила, что граф действует руководствуясь честью, а мы своими интересами и как ни странно, первое и второе совпадают. Совершенно довольный разговором с графом Арманьяк, Дофин подхватил свою новоиспечённую супругу и с видом, который часто служил маской истинной натуре наследника престола, повёл её на праздничный обед. Обед должен был состоятся с минуты на минуту.
Когда Луиза появилась в зале, пиршество было в полном разгаре. За длинными столами, уставленными яствам и винами сидели не менее пятидесяти человек. В самом центре восседали Дофин и Мария Анжуйская. Слева от Дофина сидел Филипп. Справа от Марии Анжуйской сидел граф де Невер. Видимо, они хотели восстановить некое равновесие, поместив их обоих, рядом с собой. Луиза заметила, что рядом с Филиппом пустует кресло, но не решалась подойти туда, пока не увидела взгляд Филиппа. Он недвусмысленно показывал, чтобы она подошла к нему. Преодолев, некоторую робость, Луиза направилась к нему. Филипп встал и услужливо пододвинул ей кресло. Он собственноручно налил в её кубок вина и вообще, с первой же минуты ухаживал за ней, оказывая явные признаки внимания. Граф де Невер молча следил за действиями Филиппа, изредка переводя взгляд на сестру, у которой был весьма счастливый вид. Гости вели себя шумно. Часто за столом слышались громкие выкрики. Но никто не обращал на них внимания. Дофин решил что пора привлечь всеобщее внимание. Он встал и громко призвал гостей к вниманию. Когда шум немного утих. Дофин громко сообщил, что хотел бы провозгласить тост, но передаёт это право

графу Арманьяку. Воцарилась тишина. Филипп встал и обвёл взглядом всех присутствующих.
Но тост Филиппу, так и не удалось сказать. В зал быстрыми шагами вошёл вооружённый человек, в котором Филипп узнал одного из своих людей. Человек подошёл к Филиппу.
- Монсеньор, срочное сообщение!
Филипп отошёл с ним в сторону. Луиза с тревогой следила за тем, как меняется лицо Филиппа, по мере того, как он слушал. Они поговорили не более пяти минут. Филипп вернулся назад и обратился к Дофину;
- Ваше высочество, я вынужден срочно покинуть вас. Могу я оставить свою супругу на ваше попечение?
- Я позабочусь о ней! Не беспокойтесь граф! - пообещала Мария Анжуйская.
- Благодарю вас! Могу я попросить ещё об одной услуге, ваше высочество?- спросил Филипп.
- Всё что угодно! - ответил Дофин.
- Позвольте, я заберу с собой Таньги дю Шастель?
- Поверьте граф, этим поступком вы окажете мне, величайшее одолжение!- улыбаясь, ответил Дофин.
Как раз в это время к ним подходил Таньги, который был всё ещё навеселе, после бурно проведённой ночи.
- Хочешь я открою тебе маленькую тайну Карл?- развязно предложил Таньги обращаясь к Дофину
- Какую ещё тайну? - Дофин подозрительно посмотрел на Таньги, не ожидая услышать ничего хорошего.
- Знаешь, как нарекут тебя твои поданные, когда ты станешь королём?
- И как же, интересно узнать?
- Карл седьмой «Неблагодарный»!
- Таньги, в тот день, когда я стану королём, ты станешь оберштальмейстером!
- Изверг! - пробормотал под нос Таньги.
Филипп не стал дожидаться следующей реплики Таньги. Подхватив его за руку, он повёл его к выходу. У выхода, он остановился, посмотрел на Луизу и ушёл. Жорж де Крусто, который уже был в курсе новостей, поднял всех людей, справедливо полагая, что предстоит скорый отъезд. Здесь же был Капелюш, который держал под уздцы двух лошадей, свою и Филиппа. Когда Филипп, вышел из дворца, то увидел, что почти всё готово к отъезду. Филипп встал, возле ступеней, у края дорожки, что вела к внешним воротам дворца. Капелюш подвёл к нему коня.
- Ты не поедешь! - коротко приказал Филипп.
Капелюш вопросительно посмотрел на Филиппа.
- Я не могу доверить её жизнь, никому кроме тебя,- ответил Филипп на немой вопрос, - и не возражай. Я не изменю решения.
Капелюш молча кивнул головой, в знак того, что понял Филиппа.
- Сударь!
Филипп обернулся и увидел как по ступенькам, выйдя из дворца, спускается граф де Невер. Филипп застыл в несколько напряжённой позе, ожидая его приближения.

- Я хотел попросить прощения,- обратился к нему дружеским тоном граф де Невер, когда оказался напротив Филиппа, - я вёл себя отвратительно и несомненно заслужил наказание. Надеюсь, вы не станете таить зла на меня?- граф де Невер протянул Филиппу руку.
Филипп отрицательно покачал головой.
- Я не таю на вас зла, но руку пожму лишь тогда, когда вы поймёте, почему я не делаю это сейчас.
- Филипп! - по ступенькам спешила Луиза. Не останавливаясь и ничуть не стесняясь брата, она бросилась к нему и прижалась к его груди, Филипп…
Филипп отстранил от себя Луизу и посмотрел в её глаза, которые снова были полны печали.
- Помни одно. Я всегда буду рядом, жена моя!
Филипп вскочил в седло.
- Береги нашего сына и жди!
Он пришпорил коня. Вслед за ним, отправилась и сотня всадников, которая сопровождала их из Осера. Луиза долго стояла и смотрела на ворота, откуда выехал Филипп. Через какое то время раздался голос графа де Невер.
- Так ты действительно любишь его?
- Больше жизни! - Луиза повернулась к брату, я люблю моего супруга, люблю его всем сердцем.
- Прости меня, Луиза! Я не должен был говорить тебе такие ужасные слова.
- Я уповаю на бога, что ты не станешь таким, как наш отец! - тихо ответила Луиза. - Я всегда считала Арманьяков убийцами, но по сравнению с тем, что им пришлось вынести, наши беды выглядят смешными. Это прекрасные люди. И самый прекрасный из них- мой муж. Знаешь, что сказал мне мой супруг? - Луиза посмотрела на брата, - он и не собирался тебя убивать. Он сказал «разве я смогу убить твоего брата». Мне интересно, если ты окажешься в таком же положении, и жизнь Филиппа будет в твоих руках, сможешь ли ты сказать то же самое?
Даже не оглядываясь, Луиза ушла, оставив брата раздумывать над её словами.

Глава 58

На третий день пути, то есть почти вдвое быстрее, чем он проделал путь до Буржа, Филипп въехал в Осер. Де Крусто и Таньги, покинули его чуть раньше. Они должны были сделать крюк и проведать посты, которые стояли по всему периметру границы владений Арманьяков. Горожане, как всегда с радостью приветствовали его появление на улицах города. Но, Филипп, галопом проделал путь до замка. Со стен замка, заметили появление отряда и поспешно опускали мост. Филипп, почти без задержки, проехал через мост и въехал во двор. Первое, кого он увидел, был Монтегю, дожидавшийся его посредине двора, с весьма печальным видом. Филипп осадил коня рядом с ним и соскочив с лошади, бросил поводья, подбежавшему конюху.

- Рассказывай,- без предисловий потребовал Филипп, обращаясь к Монтегю, который в это время отвешивал ему низкий поклон.
- Не знаю, что произошло монсеньор,- с недоумение, смешанным с печалью ответил Монтегю, - мы сидели за столом, как вдруг де Вуалену стало дурно. Я тот час побежал за лекарем. Но, пока лекарь пришёл, де Вуален был уже мёртв. Вот и всё. Мне нечего добавить.
Монтегю, из под опущенных глаз, зорко наблюдал за лицом Филиппа. Филипп, не замечая этого взгляда напряжённо думал над словами Монтегю. Скорее всего, это убийство имело связь с орденом.
- Нашли людей, которые покушались на мою супругу? - внезапно спросил Филипп, и этого, который опрокинул повозку. Вы нашли их?
- Нашли! - поспешно ответил Монтегю, но взять живыми не удалось. Они оказали сопротивление, и нам пришлось убить их, монсеньор!
- Всё же лучше, чем ничего!
- Монсеньор, кому прикажете передать командование гарнизоном? - осторожно осведомился Монтегю, - после смерти де Вуалена, я взял на себя смелость, заменить его!
- Я вижу в городе порядок, да и здесь, всё обстоит неплохо. Так что, принимайте командование гарнизоном города. В вашем распоряжении будет около пятисот человек. Кроме меня, лишь Жорж де Крусто сможет отдавать вам приказы,- ответил Филипп, не замечая тень злорадства промелькнувшую на лице Монтегю.
- Благодарю за доверие и за честь, монсеньор! - Монтегю поклонился и собирался уйти, но Филипп остановил его.
- Выслушай меня, Гийом,- после недолгого молчания сказал ему Филипп, - я всегда восхищался и уважал твоего отца. Он был с нами до последнего часа и умер как герой. Во имя него, я пощадил тебя, во имя него, я позволил тебе находиться рядом с нами. Сделай так, чтобы дальнейшая твоя жизнь, была такова, чтобы все могли сказать - вот сын храброго отца!
- Не сомневайтесь во мне монсеньор! У вас не будет более преданного слуги, чем я!
-Вот и хорошо! - подытожил Филипп отпуская Монтегю. Глядя, вслед Монтегю, Филипп прошептал:
- Перед смертью тебя мучила судьба твоего сына, Ги! Надеюсь, ты сейчас видишь его и радуешься!
Постояв немного, Филипп распорядился, чтобы весь отряд спешился и занялся обычными делами, потому что, в ближайшее время, никаких планов не было. После этого, он направился в сторону конюшни, за которой находился маленький домик, где устроил себе жилище Пьетро Виниджи. Филипп, без стука вошёл к нему. Лекарь, на открыто очаге варил какие то травы. Оставив, довольно внушительный котёл дымится, он поклонился Филиппу.
Филипп устроился, возле грубо сколоченного стола, на котором лежали несколько склянок с жидкостями. Бросив на них быстрый взгляд и удивляясь разнообразию цветов, которые содержали эти жидкости, Филипп коротко спросил. Вернее это был не вопрос, а предположение.
- Де Вуалена отравили, не так ли?
- Да, монсеньор! - уверенно ответил лекарь, - нет никаких сомнений в том, что в пище, или в вине, содержался

сильнодействующий яд. Я видел много смертей, подобно этой, поэтому, не могу ошибаться.
- Я так и думал! - как бы про себя, проговорил Филипп.
- Монсеньор, я почти уверен, что это снова рука ордена!
Филипп не мог скрыть удивления.
- Откуда вам известно про орден?
- А разве Мемфиза не говорила?- лекарь по виду Филиппа понял, что тот ничего не знает и со всей искренностью ответил на вопрос. - Я десять лет состоял в ордене. Но пришло время, когда я больше не мог выносить этих чудовищных преступлений и бежал. Мемфиза помогла мне укрыться. А после велела находиться рядом с вами. Она сказала, что только так, я смогу избежать возмездия ордена, который никогда не прощает предателей.
Новость, о том, что лекарь состоял в ордене привела Филиппа в состояние лихорадочного возбуждения. Он почувствовал, что напал на след своих врагов.
- Тебе известно, кто состоит в ордене? Ты можешь назвать имена, или что- то, что может помочь мне найти их?
Лекарь, неопределённо передёрнул плечами.
- В ордене, я занимался разработкой ядов, вместе с Николя Фламелем. Кроме него, я видел в лицо, лишь несколько человек. Все ходят с закрытыми лицами. Всех знает лишь один человек- глава ордена.
- Назови имена которые знаешь!- попросил с нетерпением Филипп.
- Я видел де Лануа, Пьера Кошена, де Патензака, Рималена, Женуа… пожалуй всё..
С каждым названием именем, Филипп всё больше бледнел.
- Астролог королевы, канцлер Бургундии, епископ Парижский, Прево Парижа… - прошептал в смятении Филипп, - как далеко ещё простираются щупальца этого чудовища? И как бороться с орденом, если лишь малая часть его членов, являются одними из самых влиятельных людей Франции?
Только сейчас, Филипп ощутил всю глубину пропасти, перед которой стоял. Он больше не был, в неизвестности, но дело, которое он задумал, казалось Филиппу, всё более безнадёжным.
Филипп надолго погрузился в молчание. Мысль одна, тяжелее другой, проносились в его голове. Более всего, он опасался за жизнь Луизы. Как он сможет её защитить, если повсюду орден имеет своих людей. Кто знает - думал Филипп, - а вдруг и в Осере у них есть свои люди? Если так, то Луизе нельзя возвращаться обратно. Они наверняка знают, что она приедет сюда, значит в Бурже Луиза будет в большей безопасности. Филипп почувствовал небольшое облегчение, приняв это решение. Остаётся решить, каким образом нанести удар по ордену, но прежде выяснить, как можно больше… здесь ход мыслей Филиппа был прерван появлением де Крусто и Таньги.
- Узнали, что произошло с Одо? - с ходу спросил де Крусто.
- Его отравили! - коротко ответил Филипп.
- Отравили?- непонимающе переспросил де Крусто и тут же от души выругался, - проклятье, известно кто это сделал?
- Известно! - ответил Филипп.

- Так чего же мы ждём? Следует жестоко наказать убийц! - гневно воскликнул де Крусто.
-Не так всё просто- с задумчивым видом ответил Филипп, - наверное, пора вам узнать кое- что.
Филипп коротко рассказал своим друзьям, все, что знал об ордене, от начала до конца. Они не прерывали Филиппа, а когда он закончил, оба одновременно воскликнули;
- Пламя Адово!
После этого возникло молчание, в течение которого слышался лишь звук потрескивающих поленьев в очаге, над котором по прежнему висел кипящий котёл.
- Чёрт бы побрал этих монахов! - нарушил молчание Таньги, - так дела обстоят и впрямь настолько серьёзно?
- Очень серьёзно, - подтвердил Филипп, - они пытались убить меня и ещё попытаются, они пытались убить мою жену и несомненно ещё попытаются это сделать. Они убили де Вуалена, а самое худшее из всего, что они убили человека, который извещал нас о готовящихся убийствах. Я словно ослеп. Я не знаю, откуда будет нанесён следующий удар.
- Мемфиза мертва?- спросил мертвенно бледный лекарь.
- Да, друг мой! - Филипп не мог скрыть грусть в голосе, - её убили. Мы остались без нашего ангела-хранителя!
- Кто такая Мемфиза?- поинтересовался Таньги, но не получил ответа на свой вопрос. Филипп снова замкнулся в молчании.
Жорж де Крусто думал недолго. Он жаждал действий и жаждал отомстить за друга.
- Известно, где они находятся?- спросил он, но вместо Филиппа неожиданно ответил лекарь.
- Я знаю, где находится логово ордена!
- Откуда?- де Крусто подозрительно уставился на него.
- Я десять лет подряд ходил на собрания!- ответил лекарь.
- Собрания? Какие собрания?- Филипп мгновенно отряхнулся от своих мыслей.
- Каждую субботу, в полночь, мы собирались в одном и том же месте. Это установленный обычай ордена. Собрание ещё ни разу не отменялось.
- И о чём вы разговариваете? - поинтересовался Таньги.
- Мы не разговариваем,- после короткой заминки ответил лекарь, - разговаривает только глава ордена, а все остальные должны молчать, или отвечать на вопросы!
- Неплохо устроился, глава вашего ордена, клянусь памятью нашей королевы! И что ж, по субботам, вы отчитываетесь в своих делах, или что?
- Мы поём!
- Поёте?- Таньги разинул рот от удивления.
- Да. Поём!
- И что же вы поёте?
- Одно и то же! Славься Анатас, отец наш!
Таньги закрыл рот и пробормотал, что эти слова кого хочешь приведут в ужас. Де Крусто показалось, что он нашёл выход.
- А если атаковать их, во время этих собраний?
Филипп посмотрел на него, как на безумца.

- Для начала, мы не сможем войти в Париж. Там всюду полки герцога Бургундского, да и английская армия рядом. Это верная гибель Жорж! Я сам люблю опасные предприятия, но эта, которую предложил ты - безнадёжна!
- К тому же, - добавил лекарь, - вы всё равно не сможете пройти туда. Убежище находится в подземелье и защищено множеством потайных ходов. Не зная их, вам не удастся даже приблизится к месту, где проходят собрания ордена!
- Но ведь ты там был!- удивился Таньги. - Следовательно должен знать, как туда проникнуть.
Услышав эти слова, лекарь позеленел от ужаса. У него был такой вид, как будто топор палача вот, вот опустится на его шею.
- Я не пойду туда, даже под страхом смерти! - выдавил из себя лекарь.
Таньги ощутил невольную дрожь в теле, как будто испуг лекаря частично передался ему. Что же творится в этом подземелье, если он согласен умереть, лишь бы не идти туда- подумал он.
- Бесполезно обсуждать эти вопросы, - сказал Филипп, - так или иначе, не в наших силах попасть в Париж. Будем думать, как бороться с орденом. Выкладывай какие у тебя новости,- добавил Филипп, обращаясь к де Крусто.
- Невесёлые! - отозвался де Крусто, - мои люди заметили скрытые засады, близ Бретиньи. Видимо, герцогу Бургундскому надоело терпеть наши выходки, и он хочет подловить нас.
- Близ Бретиньи?- почему то с радостью переспросил Филипп и тут же с досадой махнул рукой, - не будь этого проклятого ордена, мы бы показали герцогу Бургундскому, что такое настоящая ловушка. Но как я могу оставить город в такое тяжёлое время? Ничего не остаётся, кроме как ждать пока мы не придумаем способ противостоять ордену. Лишь после этого, я могу решиться на серьёзный поход.
- А если, если,- медленно заговорил Таньги, о чём то напряжённо думая, - а если я скажу, что могу избавить тебя от ордена?
-Таньги, сейчас не время для шуток,- раздражённо ответил Филипп.
- Клянусь честью, я не шучу,- ответил Таньги на губах которого появилась загадочная улыбка. - Просто у меня появилась чудесная идея, насчёт того, как раз и навсегда разобраться с этими колдунами.
- И?- и Филипп и де Крусто, и лекарь вытянули шеи, ожидая продолжения.
- Это моя тайна! Я не хочу говорить, как я это сделаю! Для вас достаточно будет знать, что в ближайший месяц, этот орден отправится к своему отцу, как они там его называют, не помню!
- Таньги, если ты это сделаешь, я буду твоим должником вечно, - выдохнул Филипп и тут же спросил, сколько ему нужно людей, денег.
- Немного денег, никогда не помешают! - отозвался Таньги, - а насчёт людей… я предпочитаю действовать один.
- Ты сошёл с ума! - одновременно воскликнули все трое.
Таньги расхохотался, ещё более убеждая их в своей правоте. В одиночку, против ордена- это было ещё больше, чем сумасшествие.

- Проклятье, дайте мне один месяц и я уничтожу этот орден- заявил с уверенностью Таньги, - если я это не сделаю, пусть господь дарует нашей королеве долгую жизнь!
- Это серьёзная клятва. Таньги не допустит такой несправедливости!- де Крусто расхохотался, Филипп вслед за ним улыбнулся. Они оба собрались уходить и посмотрели на Таньги.
- Ты идёшь?- спросил его Филипп.
- Нет, друг мой, здесь наши пути расходятся. Мне надо кое о чём поговорить с почтенным лекарем, а затем я сразу отправлюсь в Париж.
- Мы не будем предпринимать ничего, пока не услышим от тебя новостей! - Филипп подошёл и от всей души пожал руку Таньги, - тебе придётся нелегко. Береги себя друг мой!
Де Крусто тоже подошёл к Таньги и пожал ему руку, а затем они оба покинули жилище лекаря. Проследив за уходом друзей, Таньги повернулся к лекарю и улыбаясь попросил.
- Мэтр, нарисуйте ка мне, где находится это место и как попасть на это собрание?

Глава 59

Меньше, чем через час, Таньги выехал из Осера и пришпорив лошадь поскакал по направлению в Париж. В кармане, у него лежали две бумаги. Первая, была подписана королевой и служила пропуском, для въезда и выезда из Парижа и которая, как он надеялся, всё ещё имела силу. На второй была указана могила на кладбище «невинно убиенных младенцев» и подробный план подземелья, с указанием мест, где имелись секретные механизмы. Если прибавить к этому увесистый мешочек золотых монет, который Таньги получил перед дорогой и шпагу, которая висела у него на поясе, это было всё что имел Таньги, перед тем как бросить вызов ордену- чьё могущество, не раз заставляла клониться головы сильных мира сего. Или Таньги действительно был безумен, или мы не учли ещё одного весьма важного обстоятельства - ума, который часто решает вопросы недоступные силе и прочим методам воздействия.
Уже на следующее утро, Таньги без помех добрался до Парижа. Одинокий всадник, мало у кого, вызывал подозрения. Опасения Таньги так же оказались напрасными. Стража, увидев бумагу беспрепятственно пропустила в город. Таньги стал действовать незамедлительно, как только оказался на улицах Парижа.
Вначале он отправился на кладбище «Невинно убиенных младенцев». В течение двух часов, Таньги ходил среди могил, пока не нашёл ту, что описал ему лекарь. Увидев надпись, Таньги поразился. Как до сих пор никому не пришло в голову, прочитать её наоборот? Вероятно, никто не обращал внимания на безымянную могилу, которых здесь имелось предостаточно. С кладбища, Таньги отправился на улицу Бобов, где собирался навестить почтенного мэтра Крюшо, хозяина харчевни. Таньги преследовал две цели. Первая, состояла в том, что он нуждался в содействии почтенного мэтра, а вторая заключалась в животе, который призывал к

немедленным действиям. Справедливо рассудив, что голод, не лучший способ достижения цели, Таньги, меньше чем через четверть часа, привязал коня у харчевни, что по счастью находилась недалеко от кладбища. Таньги, сразу бросилась в глаза новая лестница. По всей видимости, почтенный мэтр, всё же сумел её достроить. Едва Таньги это подумал, как увидел самого мэтра Крюшо, который улыбаясь подходил к подножию лестницы. Радужно приветствовав гостя, мэтр Крюшо, самолично усадил его за один из столиков в углу, который выглядел несколько богаче, чем все остальные. Этим жестом, мэтр Крюшо подчёркивал, насколько желателен для него приход Таньги.
Таньги нарочито медленным движением, извлёк из кармана тугой кошелёк с деньгами. Так же медленно развязал тугой кошелёк и вытащив одну золотую монету, положил её на стол перед мэтром Крюшо. Таньги видел, с какой жадностью смотрел на монету почтенный мэтр и незаметно для него улыбнулся.
- А вы сударь, похоже разбогатели! - мэтр Крюшо без зазрения совести сунул монету в карман и посмотрел на Таньги с самым довольным видом.
- Тсс- Таньги приложил палец к губам, и опасливо озираясь по сторонам зашептал, - говорите тише мэтр, иначе нас могут послушать.
В харчевне, находилось не более десяти посетителей, которые никак не могли представлять опасность.
- Я ничего такого не говорил, клянусь вам сударь, - начал было оправдываться мэтр Крюшо, но Таньги перебил его с таинственным видом.
- Вы едва не выдали меня, мэтр!
- Правда?
- Разве, я лгал вам?
- Очень часто сударь, если позволено будет сказать, я могу напомнить случай, - но Таньги снова перебил мэтра Крюшо.
- О, это были всего лишь мелочи, сударь. Сейчас же речь идёт, об очень серьёзных вещах. Речь идёт о церкви!- последнее слово Таньги произнёс шёпотом.
- О церкви?- мэтр Крюшо смотрел на Таньги с выпученными от изумления глазами, - каким образом мои слова о том, что вы разбогатели, могут быть связаны с церковью?
- Тише! - Таньги совсем перешёл на шёпот, показывая мэтру Крюшо, чтобы тот садился напротив него, что тот и сделал, выдавая при этом весьма заметное волнение.
- Видите ли, дорогой мэтр,- шёпотом продолжил Таньги и при этом у него был такой вид, что он по меньшей мере, собирается свергнуть королеву, - эти деньги мне вручил некий епископ, не буду называть его имени, но скажу, что он был послан самим Папой.
Имя папы, подействовало на мэтра Крюшо, как и рассчитывал Таньги. Мэтр несколько раз перекрестился, а затем вновь обратился в слух, при этом с глубоким уважением взирая на Таньги.
- Вам интересно, за что мне дали эти деньги?
- Очень! - вырвалось у мэтра Крюшо.

- Я скажу, но вы должны знать, что это тайна! - предупредил Таньги.
Всем своим видом, мэтр Крюшо показал, что будет нем, как рыба.
- Я выловил одного из слуг дьявола!
К удивлению Таньги, его слова имели неожиданный результат. Мэтр Крюшо неожиданно нахмурился.
- Так это вы выдали беднягу Гоше, Буаленвилю?
- Гоше?- недоумённо переспросил Таньги, - какой Гоше? И кто такой этот Буаленвиль?
- Тише сударь!- на этот раз мэтр Крюшо опасливо осмотрелся по сторонам. – Буаленвиль, глава Парижской инквизиции. Он арестовал беднягу Гоше, из- за того, что тот осмелился утверждать, будто дьявола, прости меня господи, не существует! Буаленвиль говорит, что этими словами, Гоше пытается скрыть истинное лица зла, значит, он является его пособником!
Вот удача - в душе обрадовался Таньги. - Да этот Буаленвиль, как раз тот человек, который мне нужен. Я не ошибся, придя сюда. Но вслух он сказал другое.
- Я имею в виду, настоящего пособника дьявола, с отвратительным лицом и крыльями за спиной!
- Вы снова шутите?- мэтр Крюшо с недоверием смотрел на Таньги, но при этом непрестанно крестился.
- И не думаю,- со всей серьёзностью на которую был способен, ответил Таньги, - я видел его своими глазами. Больше того мэтр, я собираюсь убить его, во имя всемогущего бога и святой церкви,- на этот раз Таньги сказал почти чистую правду и оттого, почти не чувствовал угрызений совести.
Мэтру Крюшо понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя от слов Таньги. Когда, он немного пришёл в себя, то с невольным восхищением посмотрел на Таньги.
- А вы настоящий смельчак, сударь! Бороться против нечисти- мэтра Крюшо всего передёрнуло. Преодолев собственный ужас, Крюшо продолжал едва слышным голосом. -Признаться откровенно сударь, вы не первый, кто рассказываете мне это!
- Вот как?!- Таньги явно не ожидал, что его ложь приобретёт черты некой истины и потому не смог скрыть удивления.
- В Париже идёт молва, что по городу летают отвратительные чудища с длинными крыльями. Они крадут младенцев и пьют их кровь. Я думаю, что это чистая правда сударь. Не далее, как вчера здесь сидел несчастный отец, который рассказывал, что у него украли трёхлетнего сына, прямо из дома. Двери дома были затворены, так что они могли проникнуть только через окно. Я знаком с людьми, у которых произошли такие же несчастья. Господь видно отвернулся от нас, если позволяет этой нечисти безнаказанно творить зло.
Таньги очень внимательно выслушал мэтра Крюшо, отмечая про себя отдельные слова. Многое из рассказанного, очень близко напоминало услышанное от мэтра Крюшо. Таньги подумал, что возможно те же самые колдуны и творят все эти жестокие преступления. Но зачем им нужны малолетние дети?- задался было вопросом Таньги, но тут же отбросил от себя эту мысль, ответ на

который мог наверняка ужаснуть его. Потому что, рассчитывать на то, что они это делали с благими целями, не приходилось.
- А вот и жаренная оленина, приправленная чудесным соусом. Как вы любите сударь. И бутылка красного бургундского. Надеюсь, вы не изменили свои вкусы?
- Нет! - Таньги посмотрел на мэтра Крюшо, а потом на дымящееся жаркое перед ним, и внезапно спросил, - вы можете найти человека, у которого украли сына?
- Зачем он вам?- удивился мэтр Крюшо.
- Хочу узнать, когда похитили его сына?
- Да, вчера и похитили, - ответил мэтр Крюшо, - я слышал это собственными ушами.
- Возможно, его можно ещё спасти, если он конечно всё ещё там! - пробормотал Таньги себе под нос.
- О чём вы сударь? - не расслышал мэтр Крюшо.
- Я говорю, если он хочет найти тех, кто украл его сына, пусть будет здесь через два дня! Я знаю, где находится логово этой нечисти и в субботу, в полночь собираюсь пойти туда. Если кто-то хочет пойти со мной, я буду рад. Если же нет, я пойду один убивать эту нечисть!
- Сударь, если речь идёт о том, что должен сделать каждый добропорядочный католик, то я иду вместе с вами, - бесстрашно заявил мэтр Крюшо, - тем более, если вас благословил на этот путь, сам папа!
Знай он всё, непременно благословил бы- мысленно ответил Таньги.
- Значит решено, через два дня в полночь?- уточнил Таньги.
- Не сомневайтесь сударь, многие сочтут за великую честь пойти с вами! - заверил его мэтр Крюшо.
Его подозвал один из посетителей и он на время оставил Таньги, который немедля принялся за оленину, напряжённо размышляя о дальнейших действиях, которое он должен предпринять. Пока, всё шло как нельзя лучше. Оставалось предпринять ещё один самый важный ход, который мог сыграть решительную роль в достижении поставленной цели. Таньги рассуждал, не замечая, как в харчевне появились четыре гвардейца герцога Бургундского. Они пребывали явно навеселе. По опыту общения с гвардейцами, мэтр Крюшо знал, как опасно вызывать раздражение гвардейцев, в особенности, когда они немного пьяны. По этой причине, мэтр Крюшо лично принёс им несколько бутылей вина, в надежде, что они не станут беспокоить посетителей харчевни. Но чаяниям мэтра Крюшо, не суждено было сбыться. После того, как гвардейцы откупорили бутылку вина, один из них, заполнил им доверху два кубка и поднялся со своего места. Таньги с задумчивым видом поглощал пищу, когда услышал над собой хриплый голос;
- Сударь, не желаете выпить за здоровье герцога Бургундского?
Таньги перестал есть и снизу вверх посмотрел на здоровенного гвардейца, что нависал над его головой.
- Благодарю покорно сударь, но видите ли, я дал обет не притрагиваться к вину.- Таньги решил, что сказал достаточно, и вновь принялся за еду.
- Вы принимаете меня за полного болвана? - поинтересовался гвардеец, - а это что, позвольте спросить? - он указал на

откупоренную бутылку вина, что стояла перед Таньги, - скажите лучше, что вы отказываетесь пить за здоровье нашего доброго герцога.
Ну и назойливые эти гвардейцы,- с раздражением подумал Таньги, и собирался было грубо ответить, как увидел, что к нему приближаются ещё трое. Они окружили сидящего за столом Таньги и с весьма угрожающим видом ждали ответа. Таньги встал и принял кубок из рук гвардейца.
- Так то лучше- довольным голосом заявил гвардеец и поднял кубок, провозглашая тост, - за герцога Бургундского!
- За доброго герцога Бургундского! - повторил за ним Таньги и придав голосу печаль, добавил, - и за упокой души нашей несчастной королевы!
Таньги залпом осушил кубок, в то время, как гвардейцы застыли с кубками в руках.
Мэтр Крюшо, с опаской наблюдал за развитием событий. Он закрыл рот рукой, чтобы ненароком не расхохотаться.
- Королева умерла?- почему то шёпотом спросил один из гвардейцев.
- Сегодня утром, - с грустью ответил Таньги, - несчастны все мы, ибо потеряли святую из женщин, лучшую из королев, что когда либо сидели на троне Франции.
- Упокой господи её душу!
Гвардейцы одновременно опорожнили кубки и наконец, оставили Таньги в покое. Таньги быстро доел остатки еды и сделав знак мэтру Крюшо, который напоминал тому об уговоре, покинул харчевню. Выйдя из харчевни, он уже собирался подойти к лошади, когда увидел карету герцога Бургундского. Она двигалась по улице Бобов, в его сторону, сопровождаемая двумя десятками гвардейцев, которых возглавлял, хорошо знакомый Таньги, маркиз д, Антраг.
- Проклятье!- пробормотал Таньги и отвернувшись сделал вид, будто что- то уронил на землю. И надо же было, что в то время, когда герцог Бургундский проезжал мимо харчевни, из её дверей вышли те самые четверо гвардейцев.
- Плачьте люди! - закричал на всю улицу один из них, - наша добрая королева умерла.
- Господь упокой её душу, помолимся за королеву,- вторил ему второй.
Герцог Бургундский услышал эти крики и велел остановить карету. По знаку герцога Бургундского к окну кареты подъехал маркиз д,Антраг.
- Арестуйте этих предателей! - приказал герцог Бургундский и уже когда д,Антраг отправился выполнять его приказ, пробормотал себе под нос,- это же надо набраться такой наглости… королева умерла… мерзавцы!
Таньги с откровенным злорадством наблюдал за тем, как его знакомых схватили, повязали и куда то потащили, несмотря на попытки несчастных объяснить причину своей печали.
Настроение Таньги, после этого происшествия, значительно улучшилось. Насвистывая весёлый мотив, он взобрался в седло. Следовало закончить то, что он так хорошо начал. С этой целью,

Таньги направился на улицу Святых Мучеников, которую в Париже старался избегать всякий, по причине страха, которую она внушала.
Меньше, чем через час, Таньги стоял перед серым двухэтажным особняком, с одинаковыми четырёхугольными окнами. Он ощутил невольную дрожь, глядя на здание парижской инквизиции. Но, Таньги был не из тех, кого пугают опасности. Он смело вошёл внутрь особняка и сразу оказался в небольшом зале, где сновали несколько человек, облачённые в длинные чёрные костюмы, со строгими воротниками. Таньги приблизился к одному из них и спросил, как найти почтенного Буаленвиля?
- По лестнице наверх! - последовал лаконичный ответ.
Для начала неплохо- подумал Таньги отправляясь по адресу указанному инквизитором. Перед дверью главы инквизиции Таньги остановился, чувствуя лёгкую нерешительность. Но тут же прогнал её от себя и смело вошёл внутрь.
Буаленвиль, оказался сухопарым мужчиной лет сорока пяти. Он был маленького роста с большими, круглыми глазами, и острым взглядом. Буаленвиль сидел за столом, на котором лежала бумага и чернильница. Видимо, он что- то писал до прихода Таньги.
- Что привело тебя, сын мой?- голос у Буаленвиля неожиданно оказался слегка певучим, что едва не вызвало смех у Таньги. Но он вовремя сдержался, понимая, что своим смехом может разозлить инквизитора. А это в его планы не входило.
- Едва, я прознал про случай с неким Гоше, то решил немедля поспешить к вам! - Таньги принял, весьма необычную для себя, смиренную позу.
- Ткач Гоше, - глаза инквизитора сощурились, - уж не думаешь ли и ты, так же как он?
- Напротив, я считаю, что вы, святой человек,- Таньги набожно перекрестился.
- В самом деле?- приятно удивился инквизитор. Он даже не пытался скрыть, что ему польстили слова Таньги. - И что тебя привело к этой благочестивой мысли, сын мой? – почти ласково спросил инквизитор.
- Я видел его, видел собственными глазами!
- Кого?- инквизитор аж привстал со своего места.
- Нечисть! Я видел нечисть собственными глазами!
- Я так и знал, что услышу это! - вскричал в лихорадочном возбуждении инквизитор, - рассказывай сын мой, рассказывай всё как есть, перед богом и его слугами.
Таньги без приглашения уселся напротив инквизитора и приблизив к нему лицо, заговорил слегка дрожащим голосом, словно увиденное им, до сих пор внушает ему ужас.
- Как то в субботу, ближе к полуночи, я отправился на могилу своего брата, что умер в далёком младенчестве. Стою я у могилы моего любимого брата и слёзы глубокой печали капают из моих глазах и вдруг,- инквизитор при этих словах напрягся, - вижу, в воздухе большую птицу. Стояла луна и ясно увидел, как нечто, что я принимал за птицу, опустилась недалеко от меня, возле одной из могил. И тут,- Таньги перекрестился, инквизитор вслед за ним, - я увидел, что это вовсе не птица, нет святой отец, это было

отвратительное существо с крыльями за спиной, которое держала в руках младенца.
- Младенца?- вскричал инквизитор, - продолжай сын мой.
-На моих глазах существо приняло облик монаха и вместе с младенцем скрылось под могилой. Я вернулся домой и долго размышлял о том, что увидел и пришёл к мысли
- К какой же сын мой?- нетерпеливо спросил инквизитор.
- Существо могло привидится мне с горя!
Инквизитор не скрывал своего разочарования.
- По этой причине,- продолжал Таньги, не давая ему расслабиться,
- едва наступила полночь следующей субботы, я вновь отправился на кладбище и спрятался у той могилы, где видел это существо.
- И?- инквизитор вытянул голову, едва не ткнувшись носом в лицо Таньги, который немного отодвинулся назад и продолжал дрожащим голосом;
- Я вновь увидел эту нечисть. Но на сей раз она была не одна!
- Иисусе Всемогущий- инквизитор снова перекрестился, - рассказывай дальше сын мой.
- Вслед за первым, появились ещё и ещё… я насчитал их сотни и все делали одно и тоже. Они опускались на могилу и принимая облик монахов, исчезали.
- Принимают образ служителей божий?- инквизитор хищно сощурил глаза
- Да, святой отец! Я сотворил молитву господу богу, моля его указать мне, как следует поступить. Я стоял ночью, посредине кладбища у могилы, которая была полна пособниками дьявола и взывал к господу. И тут…
- Что?- закричал инквизитор.
- Я явственно различил голос, который произнёс «Буаленвиль». А вслед за этим словом, поднялся ветер и крест на могиле, под которой укрылась нечисть, начала поворачиваться,- инквизитор крестился не переставая, - я увидел, как могила сдвигается, открывая путь вниз.
- Сын мой, ты можешь указать, где эта могила?- вскричал в сильнейшем волнении, инквизитор.
-Разве, каждый добрый католик, не должен смиренно преклонять свою голову перед святой инквизицией, что является карающей рукой господа?! - смиренно спросил Таньги. - Приказывайте, святой отец и я сделаю всё, что вы скажете.
- Господь вознаградит тебя, сын мой!
Буаленвиль выбежал из своего кабинета, а ещё через несколько минут, Таньги в сопровождении инквизиторов, направился в сторону кладбища «Невинно Убиенных Младенцев».
На этот раз, Таньги сумел без особого труда найти могилу. Инквизиторы сгрудились возле Таньги, оглядывая могилу, в которой на первый взгляд не было ничего необычного. Это продолжалось до тех пор, пока взгляд Буаленвиля не упал на надпись, сделанную на кресте.
- Верному сыну, от Анатас!- громко прочитал он и почти сразу же закричал голосом полным неописуемого восторга.

- Анатас? Если прочитать в обратном порядке получается «Сатана». Вот оно пристанище дьявола! Пойдём сын мой, ты сегодня сослужил великую службу святой инквизиции!
Инквизиторы, с лихорадочной поспешностью покинули кладбище. Таньги ни на минуту не усомнился, что в указанное им время, а именно, через два дня в полночь, инквизиторы придут сюда и тогда, появится реальная возможность, уничтожить орден.

Глава 60

Таньги поразился скоплению народа, возле харчевни, на улице Бобов. Он предполагал, что могут прийти несколько десятков человек, но такое количество?! Вся улица Бобов была запружена людьми. Их было по меньшей мере, несколько тысяч. Все были вооружены чем попало. Вилами ,топорами, ножами, у некоторых Таньги даже заметил в руках железные ножницы. Многие, кроме оружия держали факелы в руках. Таньги смотрел с восхищением на колеблющийся, людской поток, который напоминал огромный костёр. Таньги шёл пешком, рядом с Буаленвилем, у которого был весьма торжественный вид. Вслед за ними, шли не мене полусотни инквизиторов. Не доходя, нескольких шагов до толпы, которая в полном смысле слова, перекрыла собой всю улицу, они остановились. В толпе раздались крики;
- Святые отцы с нами! Святые отцы с нами!
- Да поможет нам Господь!- громко закричал Буаленвиль, - расступитесь дети мои. Дайте пройти тем, кто послан господом, наказать зло!
В толпе раздались истошные крики;
- Смерть колдунам! Смерть пособникам сатаны!
Люди выкрикивали проклятия в адрес колдунов. Они были охвачены яростью и безумным желанием убивать!
Когда толпа расступилась, открывая для них проход, Таньги заметил почтенного мэтра Крюшо с весьма внушительного размера-ножом, который спешил к нему с незнакомым человеком. Они встали рядом с Таньги. процессия возглавляемая инквизиторами, двинулась к кладбищу «Невинно убиенных Младенцев». Толпа, издали напоминала огненную лаву, которая текла по улицам, постоянно разрастаясь. Часы на площади отзвонили полночь, когда первые ряды озлобленных горожан, появились на кладбище. Прошло несколько минут и всё кладбище было забито людьми с факелами. Первыми к могиле подошли Буаленвиль и Таньги. их сразу же обступили сотни людей.
- Да поможет нам господь! - вскричал Буаленвиль и подошёл к кресту. Он взялся за крест и к величайшему ликованию всего народа, начал поворачивать его. Раздался жуткий скрежет и на глазах у всех, могила начала отодвигаться, открывая путь в подземелье. Когда проход оказался достаточно широким, Буаленвиль оставил крест и первым бросился в подземелье. Вслед за ним бросился Таньги, а следом, с проклятиями на устах, в подземелье хлынул людской поток.

Почти сразу раздались ликующие крики:
- Вот он! Вот он исчадие ада!
Таньги услышал душераздирающий крик, а вслед за ним увидел, как над головами людей показалось растерзанное тело с остатками монашеской одежды.
- Отличное начало- подумал Таньги, - а теперь надо найти скрытый механизм о котором говорил лекарь.
По начертанной схеме лекаря, Таньги нашёл комнату и принялся за поиски механизма. Буаленвиль собственноручно освещал стену, помогая ему в поисках. У Таньги вырвался радостный крик, он нащупал в стене, скрытый механизм и надавил его. Стена начала отодвигаться.
- Сюда! - громко закричал Таньги. первым бросаясь в проход. На зов тут же сбежались люди. Увидев, проём в стене, они ринулись вперёд. Они пробежали по длинному коридору и стали собираться вокруг колодца. Вокруг них были глухие стены. Люди пытались найти выход, а Буаленвиль бегал вокруг них и кричал;
- Ищите бесовский механизм, он должен быть здесь!
- Не там ищите, святой отец!- закричал Таньги, показывая на колодец. - Проход здесь!
Не ожидая, пока люди вокруг него поймут смысл этих слов, Таньги наклонился и сунул руку в колодец. Нащупав механизм, Таньги потянул его на себя. Механизм подался. Все увидели, что вода с быстротой начала отступать. Пока она отступала, к ним подходили всё новые люди.
- Проделки Сатаны! - кричал Буаленвиль, - молитесь дети мои. Молитвой защитим мы души свои от сатаны!
Вода отступила, полностью освободив боковой проход. Не раздумывая, Таньги полез вниз.
В тот момент, когда Таньги достиг бокового прохода, возле уха Гилберта де Лануа раздался шёпот.
- Отец, они достигли колодца. Следует ли нам пустить воду и утопить их?
Гилберт де Лануа, восседал в кресле отца Вальдеса и следил за членами ордена, что стояли на коленях и затягивали монотонную песню. Возле него, склонив голову, стоял человек в монашеском одеянии и ждал ответа.
- Что проку?- едва слышно ответил Гилберт де Лануа, - они знают, где мы находимся, и будут приходить снова и снова. Они жаждут крови, вот и насытим их ею!
Гилберт де Лануа, что- то прошептал на ухо монаху, а вслед за этим незаметно покинул зал. Через несколько минут, около двадцати членов ордена вышли через ту же дверь, что и Гилберт де Лануа. Остальные, а их было не менее ста человек, по прежнему пели.
Таньги, ещё не вылез из второго колодца, когда услышал монотонное пение, напоминающее нарастающий гул. Мелькнула мысль, что колдуны и не догадываются об их появлении. Таньги осторожно выбросил тело из колодца.
- Они здесь, слышите? - шепнул Таньги. выползающему следом, Буаленвилю. Тот выбрался из колодца, и застыв рядом с Таньги, прислушался. Люди, один за одним, выбирались из колодца. Лицо

Буаленвиля, внезапно почернело от ярости, он, как и многие другие, явственно различил, слово «Анатас».
- Вперёд, братья и сёстры!- закричал Буаленвиль, что есть силы и одни из первых ринулся вперёд, не дожидаясь пока наберётся достаточно людей. Таньги сжал в руках шпагу и бросился за ним. Не оглядываясь назад, но чувствуя за собой набирающий силу, людской поток, Таньги пробежал две комнаты и вслед за Буаленвилем ворвался в зал. Он обомлел, увидев такое количество людей в монашеских капюшонах, которые, прекратив пение, вскочили на ноги. У многих в руках появилось оружие.
- Убивайте зло! Убивайте пособников сатаны!- что было силы закричал Буаленвиль.
Переборов страх, перед этими людьми, Таньги бросился на первого же монаха, стоявшего ближе всего к нему. Монах встретил его нападение со шпагой в руках. Между ними завязалась схватка. Тем временем, людской поток, с каждым мгновением увеличивался. Люди, с дикими криками врывались в зал и набрасывались на монахов. Монахи оказывали яростное сопротивление. В ход против монахов шло всё, топоры, вилы, колья. Несколько человек одновременно набрасывались на одного монаха и в мгновенье ока, буквально разрывали его на части.
- Проклятье! - вырвалось у Таньги, ему едва удавалось отбиваться от наседающего противника. Противник был силён и Таньги почувствовал, что ещё немного и тот одолеет его. Ему приходилось совсем плохо и он уже посчитал себя мертвецом, как вдруг его противник осел, упал на одно колено и повалился на пол. Таньги увидел вилы, торчавшие в спине его противника. Его спас, один из многих незнакомых ему людей. Спаситель Таньги, тут же выдернул вилы из спины мёртвого монаха и побежал помогать остальным.
Борьба на глазах Таньги закончилась. Началось всеобщее избиение сатанистов, многие из которых попытались спастись бегством. Один из них пытался пролезть в очень узкое отверстие, проделанное в одной из стен, но был настигнут ударом топора. Тело обмякло, повиснув наполовину в этом отверстии.
- Уничтожим пристанище дьявола, братья и сёстры! - кричал Буаленвиль. Он являлся наиболее яростным, в избиении монахов. Количество монахов с каждой минутой уменьшались, а поток людей всё увеличивался. Избиение продолжалось. На каждом монахе, висело по меньшей мере трое. Едва они расправлялись с ним, как незамедлительно спешили на помощь другим.
Стоило монаху упасть, как его немедля добивали кольями и вилами. Люди со звериной яростью уничтожали колдунов, при этом, они не переставая осыпали их проклятиями, из- за чего на месте схватки стоял невообразимый шум, усиливающийся глухими стенами подземелья. Наконец, после более чем часа избиения колдунов, люди остановились, ибо никого из них в живых больше не остались. Люди переводили дыхание, осматривая поле битвы и оглядывая все углы зала, в надежде, найти ещё колдунов в одеянии монахов.
- Ищите, ищите нечисть! - кричал Буаленвиль, - мы должны уничтожить её в корне!

Таньги заметил, как через какую- то дверь, люди проходили дальше. Он удивился. Лекарь не описывал ему ничего больше. Он поспешил за ними. Таньги оказался в узком коридоре, с потолка которого текла вода. Он пробрался по нему и когда упёрся в стену, решил на всякий случай поискать механизм, предполагая, что и здесь может оказаться проход. Рядом с ним, стояли несколько человек и освещали стену. После долгих и тщетных поисков, Таньги поднялся.
- Здесь тупик! - уверенно произнёс Таньги и вместе с остальными вернулся в зал. Там он увидел распростёртого на полу мальчика, в полуразорваной одежде, рядом с которым лежали мёртвые тела монахов. Мальчику было не более десяти лет. Он был мёртв. Таньги, даже на таком большом расстоянии, почувствовал, как от тела мальчика несёт нечистотами;
- Он висел вниз головой, - рассказывал один из стоящих рядом с телом мальчика людей. - Когда я нашёл его, он уже был мёртв. Один господь знает, отчего он умер!
- Здесь кто- то есть! - один из находящихся в зале людей, нагнулся, что- то рассматривая в углу, где была маленькая ниша. Возле него сразу же столпились десятки людей.
- Вытаскивайте его! - закричал Буаленвиль.
Несколько людей одновременно просунули руки к нише, внизу которой, было небольшое углубление и стали вытаскивать последнего, оставшегося в живых колдуна. Приходилось только удивляться, как он туда смог пролезть. Колдуна растерзали на месте, едва вытащили из ниши.
- Исчадие ада, плод сатаны- Буаленвиль пнул ногой мёртвую голову убитого колдуна. Капюшон скрывавший лицо раскрылся.
- Иисус! - вырвалось у Буаленвиля. Он быстро нагнулся и закрыл лицо мертвеца. Сделав это, он осторожно начал озираться по сторонам, пристально наблюдая, не узнал ли кто, это лицо. Но люди уже разбрелись по сторонам, в поисках очередной жертвы. Буаленвиль начал понемногу успокаиваться, когда наткнулся на насмешливое лицо Таньги. Осознав, что его разоблачили, он, озираясь, подошёл к Таньги и лишь убедившись что его никто не слышит, вкрадчивым голосом спросил:
- Сын мой, надеюсь, господь в ровной мере наградил вас молчанием, ровно, как и благочестием?
Таньги приложил палец к губам. Жест, означавший, что он сохранит молчание. Буаленвиль довольным взглядом посмотрел на него.
- В случае крайней нужды, помни сын мой, что покорный слуга божий, Буаленвиль, всегда готов оказать тебе посильную помощь!
Таньги молча поклонился и подумал о том, что дело сделано и ему пора возвращаться. Уже выходя из зала, он услышал голос Буаленвиля, который говорил;
- Уничтожьте вход, дети мои! Засыпьте его камнями, чтобы никогда больше, нечисть не могла сюда проникнуть!
Таньги провёл в Париже ещё некоторое время. Он внимательно следил за всем, что происходило в городе. На десятый день, после его отъезда из Осера, Таньги отправился в обратную дорогу.

Глава 61

В то время, когда Таньги возвращался в Осер, Бурж провожал последних гостей. Праздничные торжества минули и город входил в привычный ритм жизни. Обилие карет с гербами и знать, расхаживающая с важным видом, перестали быть постоянным атрибутом города. Да к тому же, горожане привыкшие к этому зрелищу, попусту перестали обращать на него внимание. Исключением стала лишь одна особа, которая вызывала повышенный интерес и неослабное внимание к своей особе. Это была Луиза. Каждое утро, она выходила из дворца и проделывала один и тот же путь. Она огибала дворцовую площадь и направлялась к величественному собору. Прежде, чем войти в собор, Луиза раздавала милостыню калекам и нищим, что всегда сидели на паперти, перед входом. В соборе Луиза проводила два часа, а после этого снова возвращалась во дворец. Горожане с умилением смотрели на юную графиню Арманьяк, которая отличалась столь высокой благочестивостью. В ней, они видели, любящую супругу человека, чьё имя произносили, не иначе, как с гордостью. К тому же, живот Луизы округлился, и не оставалось сомнения в том, что в скором времени появится наследник Арманьяков. Что, вызывало у горожан, своеобразное чувство трепета и глубокой нежности по отношению к юной графине. Даже Капелюш, который с весьма грозным видом постоянно следовал за графиней по пятам, начал вызывать у горожан дружеские чувства. Они понимали, что этот великан с лицом, которое могло внушить ужас любому, из числа тех, кто его не знал, всего лишь заботился об этом хрупком создании. И потому угрожающие взгляды Капелюша, в дополнение, с огромным топором, что висел неизменно у него на поясе, которые первоначально заставляли людей шарахаться в сторону, теперь воспринимались так как оно и было на самом деле.

Этим утром, по установившемуся обыкновению, Луиза снова вышла из дворца, в сопровождении Капелюша. У ворот Луиза остановилась и лёгким, почти незаметным движением поправила накидку на голове, что покрывала её волосы. Едва, она собиралась продолжить путь, как услышала голос Капелюша за спиной.

- Миледи, гонец из Осера!

Луиза немедленно обернулась влево от себя и увидела приближающего всадника с белой перевязью. Сердце, её наполнилось радостным трепетом. Она знала, она была уверена, что Филипп её не забудет. Гонец, осадил лошадь в нескольких шагах от места, где стояла Луиза. Соскочив с лошади, он подбежал к Луизе и преклонив колено, протянул письмо запечатанное латинской «А»- личной печатью Филиппа.

- Письмо от монсеньора!

Луиза с трепетом приняла письмо. И после этого мягким голосом обратилась к гонцу.

- Благодарю вас сударь!

- Монсеньор просил миледи ответить! - почтительно сообщил гонец.

- Вас проводят во дворец, где вы сможете отдохнуть с дороги. А я, тем временем, напишу ответ!
- Миледи!- гонец выпрямился и поклонился.
Капелюш подозвал одного из слуг, в большом количестве снующих по дворцу и передав гонца на его попечение, отправился следом за Луизой. От него не укрылось то, как Луиза прижимала письмо к своей груди и тихо шептала имя «Филипп». По пути в Собор, не раз Луизу встречали проходящие мимо горожане приветливыми и почтительными поклонами. Почти с каждым, Луиза приветливо здоровалась. Так продолжалось, пока они не достигли собора. Капелюш, уже забыл, в который раз смотрит, как Луиза раздаёт милостыню. Наконец, он увидел, что она входит в собор и последовал вслед за нею. Он увидел, что в этот раз, Луиза не заняла место на передней скамейке, предназначенной для знати, а проследовав по длинному проходу, мимо молящихся людей, направилась к богато убранной статуе девы Марии. По обе стороны божественного лика, стояли золотые подсвечники. Капелюш, не стал проходить дальше, он занял выжидательную позу у самой двери собора и смотрел, как Луиза зажгла три свечи и опустилась на колени перед святой, Божьей матерью.
Опустившись на колени, Луиза вскрыло письмо Филиппа.

«Дорогая супруга - писал Филипп. - Причины, побудившие меня покинуть вас, к сожалению слишком значительны и не позволяют мне, встретиться с вами в ближайшее время, как бы мне этого не хотелось. Так же, я запрещаю приезжать вам в Осер. Причины моего запрета, кроются в опасности, которая угрожает вам и нашему сыну. Я не стану спрашивать, понимаете ли вы мои поступки, ибо не сомневаюсь в вашем благоразумии и доверии ко мне. Я извещу вас, когда опасность минует, и вы сможете возвратиться домой. Это всё, что я хотел сказать вам, как своей супруге. Супруге, но не прекрасной женщине и другу, за которого я вас почитаю. Им обоим, я бы хотел открыться до конца. Искренне сказать о том, что у меня лежит на сердце. С ними, я хотел бы поделиться своими сомнениями и попросить помощи. Речь идёт, как вы, наверное, поняли о герцогине Мендос! Я хочу признаться вам. Я любил и люблю Мириванду. Именно ей я обязан изменениям, которые произошли во мне. Она научила меня улыбаться, она помогла мне расстаться с прошлым. Она принесла счастье и успокоение в мою душу. Признаюсь, с откровенностью вам Луиза. Если б не Мириванда, возможно, я бы не приехал в монастырь и обрёк бы вас на мучительную смерть. И не потому, что я желал вам смерти, нет. А по причине ненависти и злобы, что бушевала во мне, при одном упоминании «бургундцы». Я знаю, что эти слова могут отвратить вас от меня навсегда, но не собираюсь лгать. Я виноват, но что ещё можно было ожидать от человека, который одиннадцать лет жил надеждой отомстить за своих родителей, родных и близких. Я вовсе не оправдываюсь Луиза, поймите, я всего лишь пытаюсь быть с вами честным! Перед тем, как я приехал к вам, в монастырь, у нас случилась размолвка. Вина целиком лежала на мне. Мириванда не была виновата. Но даже это размолвка, ничуть не охладила мои чувства к ней. Я собирался жениться на Мириванде, после того, как

увидел бы вас. Но, увидев в вас, в положении, в котором вы оказались, я осознал, что не смогу быть счастлив, когда вы, по моей вине, невыносимо страдаете. Я ожидал от вас ненависти, но вместо неё получил понимание и прощение. Там, в вашей келье, я понял, насколько мы похожи друг на друга. Нас связывали страдания и боль. Вы, в одно мгновение стали мне, родным человеком и я полюбил вас… как можно любить дорогую сестру. В моей любви к вам не было того, что я чувствовал по отношению к Мирианде. Это чувство было иным. Меня охватывала к вам неудержимая нежность, я чувствовал, что должен оберегать и заботиться о вас. Ваши прекрасные глаза, были всегда полны печали, и я поклялся себе, что наполню их радостью и светом. Мне казалось, что и вы относитесь ко мне точно так же. И потому, ваше признание в любви привело меня в отчаяние. Я почувствовал себя растерянным. Я не знал, что вам ответить. Как объяснить те чувства, что я испытывал к вам! Я не знал, как объяснить Мирианде, мой внезапный брак. Как объяснить, что я не предавал её, а всего лишь оказался пленником своей ненависти. Простите за эти слова Луиза, но именно они с точностью обозначают истину. В тот день, когда вы признались мне в любви и внезапно покинули торжества, я искал Мириванду, для того, чтобы попытаться объяснить мой поступок и попросить прощения. Мне так и не удалось встретить её во дворце. Я встретил Мириванду в церкви. Она узнала всё. И знаете, что сказала Мирианда? Она сказала, что я поступил правильно и заставила меня поклясться, что я забуду её и буду любить только одну женщину - вас Луиза. Это прелестное создание, с удивительным сердцем и чистой душой, отказалась добровольно от того, что составляло смысл её жизни. От своей любви. С её уст не слетела ни единая жалоба, ни один упрёк. Она думала о вас Луиза. Она желала вам счастья! Мирианда, помогла мне понять, что отныне, моя жизнь- это вы Луиза. Вы мне очень дороги и если это письмо не вызовет у вас отвращения ко мне, я попытаюсь измениться. Вы уже заняли место в моём сердце, Луиза. Я постараюсь быть любящим супругом, я сделаю всё, лишь бы видеть вас счастливой. Я, как и вы, глубоко верю, что наши руки соединила святая дева Мария. И по своей воле, никогда не отпущу вашу руку. Но я приму любое ваше решение. Вам решать Луиза, останемся мы тем, кем являлись до сих пор, то есть любящими братом и сестрой, или же вы примете меня, как своего супруга. А я вас уже принял, как свою супругу! Последнее слово за вами Луиза!

Ваш……. Филипп!

P.S. Если вы решите не отвечать на это письмо, передайте гонцу, что ответа не будет. Я всё пойму, без слов. И ещё, я не поставил слово в середине. Сделайте это сами!

Глубоко вздохнув, Луиза сложила письмо. Она долго и горячо молилась, а когда вернулась во дворец, передала гонцу, что ответа не будет. И сразу после этого уединилась в своих покоях.

Глава 62

Филипп, лежал с закрытыми глазами в своей опочивальне и сотый раз задавался вопросом, правильно ли он поступил, написав письмо Луизе? Не легче было просто сделать вид, что он любит её и оставить всё, как было. Не было сомнений в том, что Луиза принимала его как супруга, но после его письма всё могло измениться. В любом случае, Филипп не хотел скрывать того, что произошло. Он не собирался прятать свои чувства и жить во лжи. Он боролся с собой, сколько мог. Чувство к Мирианде оставалось, но Филипп понимал, что Луиза начинает притягивать его. Если она сможет понять его, то возможно, со временем, он сможет забыть Мирианду. Нет, - поправил себя Филипп, он не сможет забыть Мирианду. Он, возможно, сможет забыть о чувстве, которое питает к ней. Если сможет, конечно.
Мысли Филиппа перешли на Таньги. Он и понятия не имел, что собирался предпринять Таньги. И конечно, Филипп в душе не верил, что ему удастся справиться с орденом. Надеяться на это мог лишь глупец, который не сознавал всей мощи этих людей. Главное, чтобы Таньги вернулся живым- думал Филипп, - достаточно смерти Одо и Антуана. Я не могу больше терять своих друзей. При этой мысли, Филипп невесело усмехнулся. Его преследовал рок. Все близкие люди, которые оказывались рядом с ним - погибали, а он оставался в живых. И когда это закончится? Филипп повернулся на бок и подложил руку под голову, намереваясь уснуть. Но как часто это бывало с ним, ему так и не удалось это сделать. Внизу раздался какой- то шум. Филипп услышал громкие голоса, а через некоторое время, в коридоре раздались шаги и дверь в его покои отворилась. В комнату влетел хохочущий Таньги, а вслед за ним Жорж де Крусто, который только и делал, что повторял;
- Расскажи Таньги, ну расскажи, как всё было, чёрт бы тебя побрал!
Луч надежды мелькнул в сознании Филиппа. Неужели, …- дальше он не успел подумать.
- Платите по счетам монсеньор! - вскричал хохочущий Таньги, - ваши враги в данное время находятся по пути в ад, где наверняка их примут с почётом!
- Таньги! - Филиппа в одно мгновение сдуло с кровати. - Таньги, неужели тебе удалось это сделать? Но как? Как возможно уничтожить таких могущественных врагов, за столь короткое время?
Таньги перестал смеяться и глядя на ошеломлённое лицо Филиппа, постучал пальцем по своей голове.
- С помощью вот этого приспособления, мой друг! Надеюсь, я не слишком разочаровал тебя, управившись с твоими делами, намного раньше, чем обещал?
- Мне не верится Таньги, просто не верится, - Филипп недоумённо покачивал головой.
Таньги улыбнулся обоим друзьям.
- За бутылочкой доброго вина, я пожалуй расскажу вам историю гибели ордена, который на поверку, оказался не столь

могущественным, если не считать моего противника, который едва не отправил меня на тот свет и несчастного Пьера Кошона.
- Ты видел его преосвященство?- вскричал Филипп.
- Я видел его преосвященство, а вернее, его мёртвое тело. Епископа растерзали на моих глазах.
- Спускайтесь в зал, я лично схожу в винный погреб.
- Вот это я понимаю, - весело закричал Таньги, - и поторопись мой друг, я с самого утра не пил даже глотка воды, надеясь сохранить достаточно жажды, чтобы опустошить твой погреб. И чувствую, что мне это по силам.
Филипп сбежал вниз. Пробежал мимо нескольких слуг. У самого погреба, он едва не свалил пожилого виночерпия, который и так едва держался на ногах, по причине весёлого настроения. Но Филипп не обратил не него внимания, что и было видно по его поведению и нырнул в открытую дверь погреба. Через минуту, он уже выбегал, держа в руках порядочное количество бутылей довольно внушительных объёмов. Когда, он прибежал в зал, Жорж де Крусто успел распорядиться на счёт еды. Не дожидаясь, пока еда появится на столе, де Крусто наполнил кубки вином. Таньги встал, собираясь провозгласить тост.
- Упокой господь чёрные души этих мерзких людишек и упокой господь, душу нашей королевы, - с пафосом произнёс Таньги и тут же, словно что- то вспомнив обратился к Филиппу, - ты как мне помнится, обещал выполнить любое моё желание?
- Обещал!- подтвердил Филипп.
- Надеюсь, граф, вас не надо спрашивать, сдержите ли вы своё слово?
- Ни в коем случае - улыбаясь, ответил Филипп и услышал над ухом шёпот де Крусто.
- Берегись Филипп, Таньги задумал какую- то подлость!
Сразу после этих слов, раздался печальный вздох Таньги и он коротко выразил своё желание.
- Закажешь упокойную мессу, в память о нашей доброй королеве!
- Таньги, она жива! Нельзя заказывать упокойную мессу, если человек не умер!
- Для королевы сделаем исключение, - отозвался Таньги, - она несомненно заслуживает этой чести. К тому же, мне так хочется услышать хорошие, добрые слова про нашу королеву, - Таньги снова вздохнул, - при её жизни, мне это не удастся услышать.
- Твоя взяла Таньги!- согласился Филипп и с явным нетерпение добавил, - а теперь рассказывай, что происходило в Париже?
Таньги опорожнил содержимое кубка и пока де Крусто наполнял кубки, он начал рассказывать. Филипп и де Крусто вначале слушали его молча, но потом всё чаще и чаще звучал смех. Нередко они перебивали Таньги вопросами, на которые он подробно отвечал. Рассказ Таньги длился до самого утра. На столе лежала дюжина пустых бутылок и почти столько же полных, когда он закончил свой рассказ.
Филипп, который был уже изрядна навеселе, встал со своего места, шатаясь подошёл к Таньги и обнял его. Де Крусто проделал то же самое, вслед за Филиппом.

- Клянусь честью! - слегка запинаясь заявил Филипп, - у королевы будет самая лучшая месса, которая только может быть.
Они не стали ограничиваться выпитым, так как Таньги справедливо предположил, что дюжина бутылок стоявшая перед ними заслуживает достойного внимания. Они продолжили веселье. Слуги, удивлённо косились на Филиппа, за которым прежде не наблюдалось подобных пристрастий. Когда, возле них появился лекарь, у которого возник вопрос к Филиппу, тот был уже изрядно навеселе и не стал его слушать, а попросту посадил рядом с собой и поставил перед ним, наполненный вином кубок. В полный разгар веселья, появился один из стражников с сообщением, что его хочет видеть некий цыган.
- Цыган?- несмотря на хмель в голове, он удивлённо посмотрел на стражника,
- Зови его, пусть выпьет с нами за упокой королевы! - пьяным голосом потребовал Таньги.
Стражник перекрестился и вышел из замка. А вскоре, после этого, вернулся в сопровождении цыгана средних лет, рядом с которым шла молодая девушка, с весьма привлекательным лицом. На вид ей было не более 18 лет. Судя по одежде, она тоже была цыганкой.
Филипп слегка пошатываясь встал, пытаясь хорошенько разглядеть лицо цыган, но как он не смотрел, людей подходивших к нему, узнать не мог. И мужчина, и девушка низко поклонились Филиппу.
- Кто ты и откуда меня знаешь?- Филиппа слегка пошатывало, и он не замечал лёгкого испуга в глазах девушки.
- Я Захир! - коротко ответил цыган, - я пришёл от имени Мемфизы!
- Мемфизы?- Филипп на мгновение протрезвел и хмуро посмотрел на цыгана,- должно быть, тебе неизвестно, что она умерла.
- Мне известно это!
- Я не понимаю твоих слов!
- Перед смертью, Мемфиза сказала мне: «Захир, если я умру, отведи мою дочь к графу Арманьяку. Он даст ей какую нибудь работу и она не умрёт с голода и не станет добычей плохих людей». Я привёл к вам её дочь!
Сказав эти слова, Захир повернулся и не оборачиваясь ушёл.
Смуглокожая девушка с большими карими глазами с надеждой смотрела на Филиппа.
Филипп подошёл к девушке и приложив руку к её щеке, ласково спросил как её зовут
- Нефиза!
Филипп поцеловал девушку в лоб.
- Ты будешь дорогой гостьей в моём доме! Ты сможешь жить, сколько хочешь и уйти когда пожелаешь! И знай Нефиза, никто не осмелится обидеть тебя, пока я жив.
- Спасибо!- девушка явно не ожидала таких слов от этого важного сеньора.
Филипп позвал слуг и велел передать управляющему, чтобы приготовил комнату для Нефизы. Лишь, когда он появился и увёл с собой Нефизу, Филипп вернулся к столу и продолжил веселье. Когда. На столе не осталось ни единой полной бутылки с вином, они отправились спать.

Пока они шумно храпели в своих комнатах, по городу с быстротой ветра начался распространяться слух о том, что монсеньор пребывает в печали по причине скоропостижной смерти королевы.
А вечером того же дня, жители Осера, воочию убедились в правдивости этих слухов. В одной из церквей города, прошла заупокойная месса, посвящённая памяти королевы. Церковь была забита народом. Люди проникновенно смотрели, на стоящего, молитвенно сложив руки Таньги. Таньги с весьма печальным видом, слушал трогательную речь священника. Месса прошла без особых происшествий, за исключением одного.
Когда священник закончил мессу, он подошёл к Таньги и громко, с той участливостью, что присуща всем священнослужителям, спросил:
- Сын мой, ты так убиваешься по нашей покойной королеве. Наверное, ты очень её любил?
Едва раздались эти слова, как в полной тишине церкви, раздался громкий хохот де Крусто, который присутствующие сочли кощунственным в данной обстановке и с умилением услышали ответ Таньги.
- Не спрашивайте, святой отец, ибо мою любовь к покойной королеве выразить словами, невозможно!

Глава 63

Филипп, по понятным причинам, отказался присутствовать на мессе. Он никогда не увлекался распитием вина, и оттого у него страшно болела голова. К моменту, когда Таньги и де Крусто вернулись из церкви, он сидел в кресле и кривясь от отвращения, пил нечто ужасное, как выразился сам Филипп. Отвар был специально приготовлен для него лекарем. Пока, он пожинал плоды вечерней попойки, Таньги и де Крусто завязали разговор о предстоящих планах. Ордена уже не было, так что они могли действовать без оглядки назад. Филипп не вмешивался в разговор. Он потихоньку пил настой и слушал Таньги.
- От Парижа до Бретиньи разъезжают конные отряды бургундцев- рассказывал Таньги, - их достаточно много. Кроме всего прочего, повсюду, вдоль дороги, расставлены пехотинцы. У меня создалось впечатление, что герцог Бургундский перебрасывает свои войска из Парижа в Бретиньи, где уже, судя по слухам, находится сильный гарнизон, направленный взамен того, что вы уничтожили.
- Какой смысл?- удивился де Крусто, - на пороге зима. Они не смогут предпринять каких либо действий. Неужели, герцог Бургундский надеется взять Осер?
- Не знаю, не знаю, - отвечал Таньги и обращаясь к Филиппу, спросил. -А ты что думаешь?
-Я?- переспросил Филипп, - я думаю, что всё намного сложнее, чем вы себе представляете.
- Иначе говоря, - спросил его Таньги, - ты предполагаешь, что герцог Бургундский попытается взять Осер?
Филипп отрицательно покачал головой.

- Ему не под силу взять Осер. Он это понимает, не хуже нас с вами. Но в таком случае, возникает вопрос, а почему зная это, он продолжает перебрасывать свои полки на юг? Ответ очевиден,- с глубокой задумчивостью продолжал Филипп, - он уходит из Парижа. Следовательно, в него, в скором времени войдёт английская армия. Это первое. И второе. По моему глубокому убеждению, готовится крупномасштабная кампания на юге Франции. Герцог Бургундский готовит некий плацдарм, откуда будет нанесён удар и в первую очередь по Орлеану, который находится ближе всего к Бретиньи, а после его захвата, они двинутся на Осер, а после него путь свободен. Они захватят юг и низвергнут Дофина. С такими силами, какими они обладают, задача вполне реальная.
- Не забывай, что на пороге зима! - возразил де Крусто.
- Все это понимают, - ответил Филипп, - поэтому и считают, что раньше весны наступления не будет. Но вы забываете, что король Англии, тот полководец, что разбил нашу армию при Азенкуре. Он очень умён и нанесёт удар тогда, когда мы меньше всего будем его ждать.
Таньги и де Крусто с серьёзными лицами слушали размышления Филиппа. Если он окажется прав, то впереди их могут ждать, весьма, не радостные события.
- Какой же выход?- после недолгого молчания спросил де Крусто
- Есть у меня одна мысль, - отозвался Филипп и продолжил с лёгкой улыбкой на губах, - герцог Бургундский ко всему прочему, наверняка спит и видит, как бы заманить нас в ловушку, иначе не стал бы расставлять их по всему пути, от Парижа до Бретиньи. Наверняка, едва мы появимся, как его сразу же известят об этом, а следовательно, он отправит против нас крупные силы. Что ж, если я прав и он действительно пытается заманить нас в ловушку, доставим ему это удовольствие.
- Что ты задумал?- в один голос спросили Таньги и де Крусто.
- В своё время узнаете, - ответил Филипп, - а пока Жорж, приготовь триста человек. Не спеши, они должны быть полны сил, а лошади хорошо откормлены. Отряд возглавлю я. Таньги поедет со мной, а ты останешься в Осере и будешь ждать моих распоряжений. Пока, это всё. Через неделю выступаем.
Разговор на том закончился. Все, в предвкушение новых военных действий, занялись приготовлениями к отъезду. Арманьяки, делали это столько раз, что подготовка проходила без излишней суеты. Филипп, лично следил за тем, как кормят лошадей. От их выносливости, часто зависела жизнь всадников. За этим занятием и застал Филиппа, гонец, которого, он отправил с письмом. Гонец коротко передал слова Луизы. А через несколько дней, после этого события, отряд из трёхсот всадников, под командованием Филиппа, выступил из Осера.

Глава 64

Дни, менялись один за другим. Погода, с каждым днём ухудшалась. Дожди и сильные ветры, стали обычным явлением. Живот у Луизы

округлялся с каждым проходящим днём и она больше не могла каждый день ходить в церковь, как прежде. Луиза проводила большую часть времени за вышивкой, которая успокаивала её, или в беседах с шарлоттой. С Капелюшем, который по прежнему неотступно следовал за нею, Луиза разговаривала редко, по той простой причине, что сам Капелюш не любил разговаривать. Она видела, что он мучается оттого, что не имеет вестей от Филиппа. Она сама этим мучалась. Она отвергла предложение Филиппа, потому что знала, невозможно жить счастливо, когда другие несчастны. Филипп и так проявил к ней великодушие. Могла ли она требовать большего? Эти мысли на время успокаивали её, но молчание Филиппа действовало на неё удручающе. Возможно, он больше не хочет её видеть.
Пока Луиза вышивая, предавалась грустным мыслям, Мария Анжуйская ходила по всему дворцу, в поисках Дофина. Она не могла понять, куда он исчез. Должна была состояться встреча с посланником папы, кардиналом Ринальдо Орсини, но Дофин так и не появился. Один из разосланных на поиски Дофина слуг, сообщил Марии Анжуйской, что его высочество видели, когда он спускался в винный погреб. Услышав это, Мария Анжуйская заспешила вниз. Когда она спустилась в винный погреб, он показался ей пустым. Зная склонность дофина к одиночеству, она решила обследовать весь обширный погреб. Поиски, привели её, к одному из деревянных стеллажей, за которым она увидела Дофина. Дофин сидел, оседлав бочку с кубком в руке. Он заметил появление Марии Анжуйской, но не обратил на неё внимания. Дофин вынул деревянную затычку из нижней части бочки и подставил под струю хлынувшего вина, свой кубок. Как только он наполнился, дофин воткнул затычку на место. Вино продолжало капать, а Дофин начал отпивать мелкими глотками из кубка.
- Может его высочество соизволит объяснить, что происходит?- поинтересовалась Мария Анжуйская.
- А разве, это нужно объяснять? - отозвался Дофин, - я пью вино. Он опустошил кубок и снова потянулся к затычке, повторяя предыдущие действия.
- Что случилось?- уже встревожено спросила Мария Анжуйская, поведение Дофина, не было ему свойственно.
- А что может случиться? - в словах Дофина послышалась глубокая горечь, - собственная мать пыталась меня убить. Собственный отец, предал меня. Да будет вам известно Мария, мой отец назвал меня ублюдком. Он отрёкся от меня и завещал французский трон, моему кузену Генриху, который женился на моей сестре Екатерине и который называет себя не иначе, как король Англии и Франции. Святой Педро, следует выпить за здоровье короля Англии и Франции! - Дофин отпил большой глоток из кубка.
- Ну и слава богу! - с облегчением произнесла Мария Анжуйская, - нам не нужен престол. Мы сможем оставаться в Дофинэ и наслаждаться жизнью.
- Мария! – гневно вскричал Дофин, - как вы можете говорить подобные слова? Я должен стать королём Франции. Генрих не имеет право на мой престол. Ни он, никто другой. И будь я проклят, если кому нибудь уступлю свой трон.
- Так что же, вы здесь сидите?- Мария Анжуйская улыбнулась

Дофин смотрел на неё и постепенно, лицо его разглаживалось, а под конец появилась улыбка.
- Святой Педро, а вы правы жёнушка. Пора заявить открыто о своём праве престолонаследия!
Дофин слез с бочки и нежно прижался к ручке своей супруги.
- Что бы я делал без вас, жёнушка?- прошептал Дофин.
- Напились бы, как школяр!
- Вы ответите мне за эти слова!- Дофин подхватил Марию Анжуйскую и они вместе вышли из винного погреба.
Дофин потратил на разговор с папским посланником, около часа и вернулся от него в отличном расположении духа. Папа обещал всячески поддерживать Дофина, в борьбе против Англии.
Однако, хорошее настроение Дофина продержалось недолго. После встречи с кардиналом прошло всего несколько часов, когда он получил послание. Прочитав его, Дофин стал ещё более мрачным, чем прежде. Прихватив, с собой Марию Анжуйскую, он поспешил к графине Арманьяк.
Луиза с недоумением встретила его высочества. Никогда прежде, они не заглядывали к ней. Они с Шарлотой поднялись со своих мест.
- Миледи,- заговорил без каких либо предисловий Дофин, - я прошу быть вас мужественной и стойко перенести новость, которую собираюсь вам сообщить!
- Его убили? - вскричала мгновенно побледнев, Луиза. Слова Дофина заставляли предполагать самое худшее.
- Нет! - ответил Дофин с весьма расстроенным видом, - его не убили. Ваш супруг окружён миледи. Как мне сообщили, вашего супруга окружил герцог Бургундский. Он загнал вашего супруга в Бретюнский лес. Понятия не имею, как ему это удалось, но истина в том миледи, что граф не сможет выдержать долго. У него нет продовольствия. Ему остается одно из двух- либо сдаться, либо выйти из леса и сражаться, что равносильно гибели.
- Филипп храбр, он…
- Миледи,- перебил её Дофин, - не стоит питать несбыточных надежд. Трёмстам людям вашего супруга, противостоит трёхтысячная армия герцога Бургундского. У него десятикратный перевес в силе. Каким бы храбрым и сильным не был ваш супруг, на этот раз, ему не удастся победить.
- Я поеду к отцу,- Луиза в волнение начала ходить по комнате, я поеду нему, я попрошу…
- Миледи!- вновь перебил её Дофин, - вы прекрасно знаете, что герцог Бургундский не послушает вас, так зачем же попусту тратить время? Да и кто знает, смогут ли они продержаться так долго, чтобы вы могли встретиться со своим отцом?
- Что же мне делать?- Луиза закрыла лицо руками.
- Молитесь! - посоветовала Мария Анжуйская, - молитесь за супруга.
После этих слов, они оставили Луизу наедине с Шарлотой и вышли. Луиза бросилась на постель и разрыдалась. Она плакала навзрыд и Шарлота никак не могла её успокоить. Облегчение пришло к Луизе, лишь тогда, когда она, обессиленная от горя и слёз, уснула.

Дофин, едва ли чувствовал себя лучше Луизы. После всех новостей, связанных с отрешением его от престола, новость об окружении Арманьяков стала последним ударом для него. Он терял не только преданного друга, но и верного союзника. И тем хуже становилось его собственное положение. Город, который узнал эту новость в тот же день, понимал насколько ослабли позиции Дофина с гибелью графа Арманьяка. Да и не только Бурж это понимал, но и все остальные во Франции. Все последующие дни, Дофин ходил мрачный и молчаливый. Никто не осмеливался заговорить с ним. Даже его супруга, порой воздерживалась потревожить его. Во дворце наступила пора уныния и скорби. Все ожидали, со дня на день услышать вести о смерти Арманьяков. Однако, дни протекали один за одним, но вестей никаких не приходило. Луиза снова замкнулась в себе. Она выглядела подавленной и измождённой. Как ни билась шарлота, доказывая ей, что она не должна себя вести подобным образом, ничего не получалась. Даже ребёнок, который всё чаще подавал о себе знать, не мог утешить Луизу. Мысли о Филиппе не покидали её ни на минуту. Она с нетерпением ждала новостей, но в то же время страшилась их.
Неизвестность мучила Луизу. А тяжелее всего было оттого. Что никто не понимал её. Ей не с кем было поговорить о Филиппе. Все только и знали, что утешали её. И тогда Луиза решилась сделать то, что намеревалась сделать ещё в первые дни своего приезда и после того, как она получила письмо от Филиппа.
В один из дней, она попросила Капелюша запрячь карету и отправиться вместе с ней. Капелюш, который переживал не меньше Луизы за Филиппа, был удивлён просьбой Луизы. Последние месяцы, она не покидала своей комнаты и вдруг, такое странное желание. Он попытался отговорить Луизу, но она была тверда в своём намерении. Ни отвратительная погода, ни опасность, что могла встретиться им по пути, не могла изменить решения Луизы. И капелюшу, волей, неволей пришлось подчиниться. Капелюшу, пришлось сопровождать Луизу в окрестности Буржа, где находился женский монастырь.
Оставив Капелюша, дожидаться снаружи, Луиза вошла в монастырские ворота. Одна из монахинь проводила Луизу в небольшую комнату, где не было никаких предметов мебели. Оставив Луизу, монахиня ушла. Чтобы как то скрасить ожидание и справиться с неутихающим волнением, Луиза стала рассматривать фрески, на одной из стен. Там был изображён апостол Петр, с посохом в руке. Над его головой сиял ореол. Он вглядывался куда то вдаль, стоя на склоне горы. Внизу стояли люди. Одна из них- женщина, держала за руку ребёнка и показывала ему на то место, где стоял святой Петр. Луиза так увлеклась этими фресками, что не услышала, как отворилась дверь.
- Вы хотели видеть меня?
От звука прозвучавшего голоса Луиза вздрогнула и резко обернулась. Перед ней стояла Мириада. Она была облачена в монашеское одеяние. Лицо выглядело бледным и спокойным.
- Да,- Луиза, никак не могла унять волнение, - я хотела видеть вас.

- Я рада вам- негромко, но с искренней доброжелательностью ответила Мирианда.
Луиза смотрела на Мирианду и понимала, почему Филипп влюбился в неё.
- Я хотела поговорить с вами и… попросить вашего совета!
- Разве, я могу помочь вам?- Луиза уловила в её голосе грусть. Она вытащила письмо Филиппа и протянула его Мирианде. У неё мелькнуло удивление на лице, но письмо она всё же взяла. Пока Мирианда читала, Луиза следила за выражением её лица. Оно менялось несколько раз, по мере того, как Мирианда читала. Закончив читать, она вернула письмо Луизе.
- И что же вы ответили?
- Ничего!- Луиза с мольбой устремила взор на Мирианду, - не осуждайте меня, Мирианда. Я встала между вами, я стала причиной вашего несчастья, я отняла у вас обоих любовь. Как я могла согласиться, если он любит вас!
- Вы хотите стать ему супругой?
- О, Мирианда, как вы безжалостны ко мне.
- Луиза,- с невыразимой грустью заговорила Мирианда, - Филипп, чист сердцем и душой. Я поняла это, сразу же, как только увидела его. С ним нельзя играть. Его нельзя обманывать. Филиппа можно только любить. Любить всей душой. Во имя этой любви, я отказалась от своего счастья. А вы бросили его, когда он более всего в вас нуждался. Неужто, вы желаете ему страданий? Подумайте, Луиза. Отказав ему в том, на что он имел право и надеялся обрести, вы обрекли Филиппа на страданья. Ибо, он будет всегда помнить меня. А во мне, любовь, которую потерял и вас, которая лишила его счастья и надежды, обрести любовь вновь.
Мирианда с нежностью сестры дотронулась до руки притихшей Луизы и продолжила говорить
- Или вы дадите ему любовь и семью, о которой он всегда мечтал. Выбор за вами Луиза! Но помните, отказав ему в любви, вы уничтожите всё то, что нам троим пришлось выстрадать, чем пожертвовать.
- Сестра моя! - Луиза бросилась в объятия Мирианды. Они долго стояли обнявшись. У обеих стояли слёзы в глазах. У одной были слёзы печали. Она оплакивала свою несчастную любовь. У другой были слёзы счастья, ибо она обрела супруга!
Когда они отстранились, стараясь скрыть свои слёзы, друг от друга, Луиза прошептала;
- Вы святая Мирианда!
- Нет, Луиза! - украдкой вытирая слезы, ответила Мирианда, - я не святая и у меня есть просьба к вам.
- О, если я только смогу отплатить вам, за счастье, что вы подарили мне… я сделаю для вас всё, не задумываясь.
- Обещайте Луиза, обещайте, что получив Филиппа живого, вы отдадите его мне мёртвого!
- Что?- Луиза побледнела и отшатнулась от Мирианды.
- Я говорю, что в тот день, когда Филипп умрёт, я приду за ним, и вы отдадите мне его тело! Молю вас Луиза. Обещайте мне это! У вас будет вся жизнь, так позвольте мне, хотя бы в смерти быть с ним рядом

- Это справедливо, я обещаю вам!
Заключив, этот страшный договор, Луиза и Мирианда расстались. Луиза поехала обратно во дворец. Ей не давала покоя просьба Мирианды, которая возможно знала больше, чем она. Но как она могла отказать в просьбе той, кто ради неё пожертвовал своей любовью?

Глава 65

После возвращения из монастыря, Луиза острее почувствовала тягу к жизни. Ей начало казаться, что дни пролетают слишком быстро. Она больше не уединялась в своих покоях, стараясь как можно больше времени, провести в беседах, где главной темой по прежнему оставался Филипп, от которого до сих пор не было вестей. Вечера, приносили Луизе воспоминания и тяжёлые мысли. Чтоб как то отвлечься от них, она взяла за привычку ужинать с Дофином и Марией Анжуйской. Они всегда рады были видеть её. Ужин затягивался до полуночи, переходя в душевные разговоры.
И сегодня, Луиза ужинала вместе с его высочествами. Скромный ужин, был сервирован на троих. В середине стола стояли два позолоченных подсвечника, на которых ярко горели свечи. Все трое сидели в удобных креслах и нехотя ужинали. Рядом с ними, стоял слуга в почтительной позе, готовый немедленно выполнить любой приказ. Дофин, который в последнее время, вообще потерял аппетит, ковырял вилкой, сочный кусок мяса. Он отрывал от него мелкие кусочки, а затем отправлял их в рот и долго после этого жевал. Все трое молчали, поэтому вздрогнули, когда возле них раздался неожиданно, громкий голос.
-Карл, ты от бездействия, стал ленивым. Оставь в покое эту достойную пищу, или лучше отдай тому, кто действительно в ней нуждается!
Выговорив эти слова, Таньги без излишних церемоний забрал мясо из тарелки Дофина и без зазрения совести отправил себе в рот.
- Чего стоишь, принеси ещё одно кресло, не видишь я голоден!- эти слова Таньги были адресованы слуге. Тот немедленно выполнил его распоряжение. Пока, на него взирали три пары удивлённых глаз, Таньги уселся как ни в чём ни бывало рядом с Луизой и с аппетитом принялся поглощать всё, что только лежало на столе.
- А вы пополнели миледи! - с набитым ртом заметил Таньги, оглядывая Луизу и добавил, обращаясь к Дофину, - Карл, ты что совсем обнищал? Я не вижу на столе вина.
- Может тебе и мой дворец передать? Или скажем всю провинцию?- поинтересовался Дофин.
- Бутылочки вина достаточно, - отозвался Таньги, - у меня не такие аппетиты, как у некоторых наследников престола.
- Да что ты себе позволяешь?- Дофин выпустил сдерживаемое раздражение наружу, в то время, как обе женщины с серьёзным видом смотрели на Таньги, догадываясь, что он привёз долгожданные новости. - Явился без приглашения, сел за мой стол и ко всему прочему смеешь обвинять меня в жадности?

- Я справил по твоей матушке упокойную мессу!
- Что?- дофин вначале не понял, а потом с удивлением уставился на Таньги. - Матушка умерла?
- Эх, Карл, если б она умерла, разве я стал бы утруждать себя мессой?
И Мария Анжуйская, и Луиза, не смогли сдержать улыбок. Таньги покорял своей жизнерадостностью.
- Я убью тебя! - пообещал дофин, - и убью прямо здесь и сейчас.
- Не убьёшь Карл!
- Почему это?- угрюмо поинтересовался Дофин.
- Потому что, убив меня, ты не услышишь о новостях, которые я тебе привёз!
- Значит, ты привёз мне новости?- уточнил с посветлевшим лицом Дофин.
- Карл, перестань переспрашивать, иначе я подумаю, что ты ещё больше поглупел с моего отъезда!
- Таньги!- грозно предостерёг Дофин.
- Хорошо, хорошо. Успокойся Карл, а не то, я не стану ничего рассказывать… всего лишь маленькая шутка,- Таньги добавил эти слова, увидев, как Дофин встаёт с места.
- Прошу вас сударь, скажите… он жив?
Таньги с участием посмотрел на Луизу.
- Миледи, право мне очень жаль говорить вам эти слова.
- Он убит?- Луиза покрылась мертвенной бледностью и не мигая смотрела на Таньги.
- Нет, он жив,- успокоил её Таньги, - но поверьте, после всего что он пережил в последний месяц, ему будет нелегко оправиться.
У Луизы отлегло от души. Главное, он жив. А всё остальное не имело значения. Она почувствовала необычайное облегчение.
- Расскажи, как всё происходило,- тихим голосом попросил Дофин, английская армия тоже участвовала в схватке?
- Один полк лучников прибыл на помощь герцогу Бургундскому, да только толку от них в лесах,- ответил махнув рукой Таньги, - всё было продумано просто великолепно. И они угодили прямиком в ловушку.
- Они?- переспросил Дофин изумлённо переглядываясь с женой и Луизой, которые то же не поняли слов Таньги, - ты кого имеешь в виду?
- Кого же ещё, как не бургундцев?- удивился Таньги, - что с тобой Карл? Ты что не слышал, какая битва произошла близ Бретиньи?
- Нет!
- Нет?- изумился Таньги, - помилуй тебя бог, Карл. Это известно каждому во Франции, а ты ничего не знаешь?
-Скажешь ты наконец, что там произошло, или нет? - вскричал дофин.
- Мы их разгромили Карл! Мы их разгромили при Бретиньи! Уничтожили семь полков герцога Бургундского и полк английских лучников. Весь юг, за немногим исключением, находится в наших руках, вплоть до Парижа. Английская армия застряла в Реймсе. Она остановила все наступательные действия и отменила намечавшуюся кампанию. А ты спрашиваешь, что происходит?

- Таньги, друг мой! - Дофин порывисто обнял его и отстранившись стал вглядывался ему лицо. - А ты не шутишь?
- Карл, какие шутки. Всё так, как я тебе говорю. Клянусь богом! Таньги набожно перекрестился, чем убедил Дофина окончательно. Луиза, радостно улыбалась. Мария Анжуйская весело поглядывала на своего супруга, чьё лицо разительно отличалась от того, что она видела последнее время.
-Как такое могло случится Таньги? - радостным голосом спрашивал Дофин, - ведь мы получили известие, что вы окружены.
- Окружены?- Таньги расхохотался, - это была уловка, которую придумал Филипп. Когда он узнал, что герцог Бургундский устраивает западни, чтобы выловить его, Филипп решил использовать это. Мы, - возбуждённо продолжал Таньги, - снарядили отряд из трёхсот человек и поскакали в сторону Бретиньи. Наделав там немного шума, мы разбили лагерь неподалеку от Бретюнского леса, предварительно выслав людей, чтобы следили за дорогой на Париж. Ещё не наступило утро, когда нам доложили, что со стороны Парижа на нас двигается несколько полков. Мы быстренько собрались и дождавшись их появления, изобразили бегство. И сделали это столь искусно, что следующие две недели нас называли трусами. Мы углубились в лес, который сразу окружили бургундцы. Признаться, я и сам не знал, что задумал Филипп. Мы разбили лагерь в глубине леса,- продолжал Таньги, - бургундцы решили, что голод, выгонит нас из леса и тогда они смогут расправиться с нами. Они окружили нас и ждали, пока мы выйдем из леса. А мы даже не собирались. Мы проторчали в этом чёртовом лесу полтора месяца, пока бургундцы, наконец, не сделали то, на что надеялся Филипп.
- Чем же вы питались, всё это время?- недоумённо спросил дофин.
- Из леса, в Осер, вёл потайной ход!
- Святой Педро, вот оно в чём дело!- вскричал Дофин, - говори мой друг, кажется, я начинаю понимать затею графа.
- Слава богу! - отозвался Таньги и продолжил, - ей богу, на голову, я никогда не жаловался, но даже для меня стало неожиданностью, когда Филипп приказал привезти большие кувшины с маслом, а затем приказал привязывать их к верхушкам деревьев, по всему лесу.
- Зачем?- с недоумением спросил дофин.
- Вот и я задавал себе подобный вопрос,- ответил Таньги, - но всё выяснилось однажды ночью. Филиппу доложили, что бургундцы, которым надоело ожидание, решили войти в лес и уничтожить нас. Филипп позвал меня и сказал, показывая на кувшины маслом. « останешься здесь, как только увидишь первые ряды бургундцев, поджигай масло и уходи». Той же ночью, он покинул лес и через подземный ход ушёл в Осер. Утром бургундцы. Думая, что мы всё ещё в лесу, вошли в него. Я сделал, как мне говорил Филипп. Лес запылал. Многие бургундцы погибли от огня и дыма, а те кто выжили и выходили из леса, попали под удар Филиппа. Он во главе двух тысяч всадников успел выйти из Осера и ударить в спину герцогу Бургундскому. Герцогу удалось бежать.. простите, - добавил Таньги обращаясь к Луизе, - я всё время забываю, что он ваш отец!

Луиза ничего не ответила. Она была счастлива оттого, что вопреки всем ожиданиям Филипп остался в живых. А что касается отца? Он пытался убить Филиппа, вот и получил по заслугам.
- Миледи, ваш супруг желал, чтобы я привёз вас домой! - послышался голос Таньги, Луиза встрепенулась.
- Он так сказал?
-Да!- подтвердил Таньги, - он хочет, чтобы его первенец родился в родовом замке. Но если вы не в состоянии перенести дорогу…
-Я в состоянии!- быстро ответила Луиза, - когда мне надо быть готовой к отъезду?
- Мы будем ждать сколько необходимо!
- Я буду готова завтра утром! – сказала Луиза и извинившись оставила их.
Мария анжуйская последовала её примеру, оставив дофина наедине с Таньги. Таньги вытянул ноги и зевнул, искоса поглядывая на дофина. Тот покосился на него. Оба после этого одновременно засмеялись.
- Скучал, без меня а Карл?
- Скучал! - откровенно признался дофин, - хоть ты и говоришь одни гадости!
- А кто их тебе ещё скажет?- спросил Таньги и продолжал, - разве мало во дворце людей, которые повторят любую сказанную тобой глупость? Карл, возможно, я иногда и подтруниваю над тобой, но при этом я всегда глубоко верил в твой характер. Верил, что ты станешь таким, как твой великий дед, иначе меня бы просто не было бы, с тобой рядом! Я вижу короля, короля мудрого и смелого, который не боится бросить вызов своим врагам! Будь таким Карл и я всегда буду рядом с тобой!
Дофин с чувством пожал руку Таньги.
- Так ты действительно веришь в мою звезду, Таньги?
- Верю. И многое уже для тебя сделал Филипп. Ты не знаешь главного, Карл. Герцог бургундский готовил Бретиньи, для вторжения английской армии на юг. Филипп расстроил их планы и теперь они уже точно до весны не станут воевать против нас. У тебя есть несколько месяцев, чтобы достойно встретить своих врагов. Используй это время и постарайся первым нанести удар.
- Генрих, так просто не уступит захваченные земли!- задумчиво проговорил Дофин.
- Для начала, надо не допустить его продвижения на юг, а дальше видно будет. В любом случае, нас ждёт долгая война.
-Ты прав! - согласился Дофин и на этом они разошлись.
Таньги отправился готовиться в обратную дорогу, а Дофин устроился у горящего камина и долго наблюдал за потрескивающими огоньками.

Глава 66

Несколько дней ранее, поспешно, собранный военный совет в Реймсе, среди которого находился и герцог Бургундский, слушал

бормотание короля Англии, который расхаживал с задумчивым выражением лица.
- Он нападает на нас в Руане, затем ещё раз близ Реймса. Мы посылаем за ним погоню, думая, что он ушёл на юг, а он нападает на нас с севера. А после всего этого, попадает в окружение с ничтожным отрядом и не только выходит из него, но и начисто разбивает наши полки. Какова наглость? И есть ли предел наглости графа? Он несомненно заманил вас в ловушку, зная ваше стремление поймать его! - слова короля были адресованы герцогу Бургундскому.
- Меня не удивит, если следующий раз, мне доложат, что он захватил Руан, а может нам вообще не стоит продолжать эту войну, а герцог? Да и как скажите на милость можно воевать, если не знаешь, откуда воткнут нож в спину. Из- за действий графа Арманьяка, мы теряем возможность начать кампанию в этом году.
- Ваше величество!- подал голос герцог Бургундский, случившиеся лишь лёгкое недоразумение. Арманьяки- отныне не ваша забота. Я с ним покончу. Они бросили мне вызов и будут уничтожены. Мне и раньше доводилось расправляться с ними, сделаю это и сейчас.
- Если вы не заметили герцог,- насмешливо ответил король, - Арманьяки давно бросают вам вызов.
- Они последний раз одержали вверх!
- Надеюсь, что вы окажете правы,- ответил король, - я не позволю никому нарушать своих планов. По всей видимости, кампанию придётся отложить до следующей весны. Если к тому времени, вы не уладите вопрос… со своим родственником,- среди людей присутствующих на военном совете, раздался приглушённый смех, - мне придётся пересмотреть наши общие планы. Я не могу иметь дело с человеком, который не справляется с горсткой бунтовщиков,- король направился к выходу, но возле двери остановился.
- И ещё! Я надеюсь, мне не придётся договариваться с графом Арманьякам, к тому времени, когда начнётся кампания!
Герцог Бургундский резко встал из- за стола и покинул совет. Его оскорбили, а он этого никому не прощал.

Глава 67

На следующее утро, тепло поблагодарив его высочества за длительное гостеприимство, Луиза, в сопровождении Капелюша и Таньги, отправилась в обратную дорогу. Путь был не близкий. А из- за плохих дорог и состояния Луизы, приходилось двигаться медленно. По этой причине, они прибыли в Осер, почти через три недели, после того, как покинули Бурж.
Первая неприятная новость, которая ждала Луизу по прибытию домой, состояла в том, что Филиппа не было в замке. Он уехал днём раньше, не дождавшись их приезда. Никто, даже Жорж де Крусто, не знал, куда он уехал. Филипп взял с собой лишь десять человек и не объясняя ничего уехал. Луиза почувствовала

недоброе, но долго ей думать об этом не пришлось. На следующий день, после своего приезда, она внезапно почувствовала себя плохо. Испуганные слуги позвали лекаря. Лекарь тот час же прибежал. Едва взглянув на бледную Луизу, которая лежала в постели и стонала, он приказал принести горячую воду. Все поняли, что настало время родов. В тот момент, когда лекарь засучив рукава суетился над Луизой, Филипп подъехал к Дофину, который стоял в окружении своих приближённых на небольшой возвышенности, близ города Монтеро. Дофин взирал на мост, находившийся в двухстах шагах от места, где он находился. Филипп спешился. Приближённые Дофина расступились, давая ему место. Филипп встал рядом с Дофином.

- Вот здесь должна произойти эта встреча! - Дофин указал рукой на мост.

В ответ Филипп коротко кивнул, давая знать, что понимает смысл слов Дофина.

Воды Йонны, мирно протекали под мостом, уходя всё и дальше, в места, куда не охватывал взгляд. Филипп наблюдал за рекой и думал. Река похожа на вечного странника, который совершает один и тот же путь, зная, что её милость позволяет людям не умирать от жажды. Кто мог указать реке этот путь, если не господь бог?!

Услышав, отдалённый топот, Филипп оторвался от созерцания Йонны и обратил взгляд на мост. С другой стороны, к нему подъехала кавалькада всадников. Помахав издали им рукой, один из всадников, отделился от других и въехал на мост.

Дофин повернулся к Филиппу.

- Я выполнил своё обещание! - торжественно произнёс он, - он твой!

Филипп, не говоря ни слова, снова вскочил на коня и пустил его рысью, по направлению к мосту. Оба всадника встретились посередине моста.

- Кто ты?- удивлённо спросил герцог Бургундский, увидев вместо Дофина незнакомое лицо.

- Тот, кто пришёл выполнить свою клятву!- последовал ответ и прежде, чем Филипп выхватил кинжал, герцог Бургундский понял, кто перед ним.

- Умри убийца! закричал Филипп, вонзая кинжал ему в горло.

Сделав это, Филипп развернул коня и поскакал обратно. Он слышал позади себя проклятия бургундцев, которые спешили к своему герцогу. Прежде чем они подошли к нему, тело герцога осело и опрокинулось с лошади на мост. Вокруг тела расплывалась лужа крови. Герцог Бургундский испустил дух, сказав единственное слово.

- Я знал!

Именно в этот момент, все церкви Осера, громко зазвонили в колокола. В городе началось ликование, ибо звон колоколов, означал появление на свет наследника Арманьяков!

Глава 68

Филипп вернулся домой, через десять дней, после рождения своего сына. Бросив коня во дворе, он бегом направился в покои своей супруги. Открыв дверь, он увидел самую прекрасную картину в своей жизни. Луиза сидела в кресле и кормила его сына. Подле её на коленях сидела цыганка Нефиза. Мать и младенец выглядели совершенно. Филипп сделал один шаг и остановился не в силах отвести взгляда от этого чудесного видения. Луиза подняла на него взгляд и смотрела на Филиппа, пока ребёнок не насытился. Застегнув платье, она поднялась со свого места и подошла к Филиппу. Не сводя с него взгляда, она молча передала младенца-отцу.
- Мой сын! - с глубокой любовью прошептал Филипп, бережно принимая в свои руки младенца, - мой сын- Жан!
Он всматривался в каждую чёрточку ребёнка. Маленький носик, пухлые щёчки, глаза, которые были точно такие, как у него. Неужели он стал отцом?
- Спасибо господи, - прошептал Филипп, - спасибо за всё, что ты мне дал. Благодарю тебя, жена моя, ты подарила мне чудесного сына!
- Ему пора спать!
Луиза бережно взяла ребёнка и передала его Нефизе. Сияя радостью, девушка приняла младенца и прижав его к груди вышла из комнаты.
- Нефиза, души в нём не чает. Стоит малышу заплакать, и она весь замок разбудит, лишь бы малыш успокоился. Она любит нашего Жана, словно собственная мать!
Филипп сделал движение к Луизе, но сразу же остановился и склонившись к её руке, горячо поцеловал её.
- Благодарю тебя Луиза, благодарю! - с чувством произнёс Филипп и тут же не глядя на неё добавил,- и прости меня, прости за боль, которую я причиняю тебе!
Луиза собиралась ответить, но Филипп ушёл так же внезапно, как и появился. А ведь ей так много надо было ему сказать. Ничего-успокоила себя Луиза, - вечером, вечером, я обо всём с ним поговорю.
Вечер наступил намного быстрее, чем думала Луиза. Филипп за ужином собрал самых близких людей. Капелюша, Таньги, де Крусто и Шарлоту. Все они были в приподнятом настроении. Позади славный год, а впереди весна.
Первый тост провозгласил Таньги. Жорж де Крусто попытался его остановить, подозревая, что речь снова пойдёт о королеве, но Таньги лишь улыбнулся.
- За Жана! За наследника Арманьяков!- громко провозгласил он.
Все встали со своих мест и подняв наполненные кубки, шумно выпили за эти слова.
 Ужин протекал чередуясь с шутками и смехом. Чаще всего причиной становился сам Таньги, которого де Крусто подозревал в том, что тот питает некие нежные чувства по отношению к Шарлоте.

- Ты ошибаешься! - отказывался Таньги под общий смех присутствующих, при этом украдкой бросая взгляд на покрасневшую Шарлоту, - я даже не помышлял о таких вещах. Любовь, чувство совершенно не совместимое с моим характером.
- Сколько угодно можешь отказываться,- улыбаясь говорил Филипп, - я всё равно женю тебя на Шарлоте.
Шарлота молчала. Следовательно можно было предположить, что слова Филиппа, пришлись ей по душе.
- Свадьба?- одно это слово приводило Таньги в ужас, - да ты ещё хуже, чем Карл. Тот хотел сделать меня оберштальмейстером, а ты пытаешься меня женить. Я начинаю думать, что вскоре могу остаться без друзей.
Общий смех, был прерван появлением Монтегю. Он сообщил, что у ворот города стоит бургундский всадник и требует отвести его к вам.
- Пригласите его! - коротко приказал Филипп. При этом он бросил виноватый взгляд на Луизу. Чем несказанно удивил её. Если кто и должен чувствовать вину, так это она.
Разговор стал отрывистым. Все думали о причине появления бургундца в Осере. Ждать долго не пришлось. В сопровождении Монтегю, он вошёл в зал и без каких либо знаков уважения, обратился к Филиппу;
- Мой господин, герцог Бургундский, призывает тебя встретиться через два дня, вблизи Орлеана. Он хочет заключить с тобой мир, ибо не желает больше кровопролития!
- Передайте герцогу, что я приеду!
На этот раз бургундский посланник поклонился Филиппу и сразу же удалился. Воцарилось молчание, которое нарушило удивлённый голос Луизы.
- Мой отец, хочет встретиться с тобой?
Филипп не знал, как ей сказать, но понимал, что молчание лишь оттянет неизбежное и он ответил Луизе.
- Твой брат Луиза! Я убил твоего отца!
Кровь отхлынула от лица Луизы. Она побледнела. Все с глубоким сочувствием смотрели на неё. Луиза встала со своего места и тихо произнесла.
- С вашего позволения, я пойду в церковь, помолиться за моего отца!
Филипп покорно кивнул головой. Что он мог поделать? Он дал клятву убить герцога, когда даже в мыслях не допускал, что женится на его дочери. К тому же преступления герцога, в глазах Филиппа, не могли иметь прощения. Луиза снова стала далёкой. Что ж, у него есть прекрасный сын! Разве этого недостаточно, чтобы радоваться жизни?
- Выходит, мы победили?- голос де Крусто прозвучал удивлённо.
- Мало чести в такой победе, но иначе не могло быть!- ответил Филипп, с той глубокой задумчивостью, что была ему присуща, - если новоиспечённый герцог Бургундский хочет мира, я приму его предложение. А если это снова хитрость, он последует за своим отцом! Пока я жив, ни один предатель не уйдёт от наказания. Он может ненавидеть меня, но Францию защищать обязан, как и любой

другой в нашей стране! Так и будет! Хочет мира, пусть откажется от союза с Англией, который заключил его отец!
- Ладно, друзья мои. Я устал с дороги. Надеюсь, вы простите моё отсутствие!
Филипп встал и отправился в свои покои.
- Что будем делать?- спросил Таньги у де Крусто, после ухода Филиппа.
- Готовится к встрече, - отозвался де Крусто, а пока, думаю нам следует пройтись по городу и поискать нечто…
Шарлота, бросив на них презрительный взгляд, встала с места.
- Духовное,- подхватил Таньги, от которого не укрылся взгляд шарлоты.
- Вот почему, ты мне так нравишься Таньги, - Шарлота послала ему обольстительную улыбку и покинула зал, вслед за Филиппом.
- Чёрт меня побери!- вырвалось у Таньги.
- Я тебя предупреждал Таньги, это девушка огонь. Дотронься до неё и она сожжёт тебя в пламени своей любви.
-Я прихвачу две бутылочки бургундского и потушу это пламя- усмехнулся Таньги.
- Вино, лишь разжигает огонь!- многозначительно заметил де Крусто.
- Чёрт, об этом я не подумал!
Капелюш, лишь головой качал, слушая эту болтовню. Плотно поужинав, он подумал о том, что неплохо было бы отоспаться, как следует. Он знал, что опасности больше не было, значит можно наконец расслабиться.
Филипп скинул с себя одежду и не удосуживаясь поднять её с пола, бросился в постель и забылся тяжёлым сном. Он видел во сне своего отца, который, почему то был наряжён в нищенскую одежду. Отец танцевал, пристукивая о землю босыми ногами и вертелся вокруг себя. Скоро, скоро- бормотал он танцуя.
Затем, он неожиданно вспарил в воздух и начал злобно хихикать. Рука его начала двигаться по воздуху и песок, что был под ним, стал подниматься наверх. Отец снова начал хихикать и указал ему рукой вниз. Филипп посмотрел на то, что показывал ему отец. Под отцом была могила. Он указывал на неё. Затем появился герцог Бургундский.
Он диким голосом закричал;
- Беги Филипп, беги!
А после этого герцог Бургундский достал топор и погнался за его отцом. Отец бежал, вслед за ним бежал герцог Бургундский и позади всех он. Филипп кричал герцогу бургундскому. чтобы он не убивал отца, но тот не слышал его. Отец достиг какой то лестницы и прыгнул на её ступени. Герцог Бургундский замахнулся и швырнул в него топор. Филипп закричал от испуга. Топор попал в его отца, но… не причинил ему ни малейшего вреда.
- Прочь! - кричал на него герцог Бургундский. Вместо ответа, отец страшно оскалил лицо и начал приподниматься в воздухе. При этом он снова хихикал и показывал на могилу. Неожиданно всё исчезло. Он оказался в темноте и начал блуждать в ней. Появился свет и Филипп увидел, что находится в лесу. Прямо напротив места где он стоял, лежал его сын. Он лежал на каком- то покрывале

голый и громко плакал. Филипп собирался подойти к нему, чтобы успокоить, но вдруг увидел человека в тёмной одежде, у которого не было лица, но был топор. Человек без лица встал над головой его сына и взмахнул топором. Филипп дико закричал и бросился вперёд, чтобы защитить сына, но топор опускался быстрее и он понял, что не успеет спасти сына и снова, что есть силы закричал и… тут, он увидел Мемфизу. Она выхватила его сына из под топора и прижала к груди. Потом посмотрела на него добрыми глазами и сказала:
-Иди с миром!
После этого, она забрала ребёнка и ушла, оставив его одного в лесу. Он смотрел на удаляющуюся Мемфизу и слышал, как кто- то зовёт его.
- Филипп! Филипп! Проснись, проснись Филипп!
Пробиваясь сквозь дремоту сна, Филипп открыл глаза. Над собой, он увидел лицо Луизы, которая вытирала струившийся пот с его лба.
- Успокойся!- нежно шептала Луиза, - успокойся любимый мой, это был сон. Всего лишь сон!
- Ты здесь?
- Я услышала, как ты кричал и прибежала!- ответила Луиза, гладя одной рукой его по голове.
- Я убил твоего отца, поверь, я не мог поступить иначе- Луиза приложила свой пальчик к его губам, я люблю тебя и это ничто не изменит.
- Останься! - внезапно охрипшим голосом попросил Филипп, - останься со мной Луиза.
Луиза, поднялась с постели и вышла на середину комнаты, в которой царил полумрак. Она медленно сбросила с себя ночную рубашку и оставшись обнажённой протянула руки к Филиппу:
- Мы больше не потеряем ни единого дня, ни единого мгновения - прерывающим от страсти голосом прошептала Луиза, - мы будем любить друг друга, в то время, что отведено нам господом.
- Луиза!
Филипп поднялся с постели и подошёл к ней. Ещё мгновение и его губы ринулись вперёд, покрывая лихорадочными поцелуями лицо Луизы. Луиза издала стон. Её губы потянулись к губам Филиппа и слились, смешивая дыхание воедино. Филипп оторвался от губ Луизы и начал целовать её шею. Губы Филиппа накрыли грудь Луизы. она пошатнулась от охвативших её чувств и схватилась за Филиппа, который не переставал целовать её груди.
- Филипп! - едва слышно шептала Луиза, - Филипп, возлюбленный мой, люби меня, люби.
Филипп взял её на руки и отнёс в постель. Луиза, даже не пыталась скрыть свою наготу, которая казалась ещё прекраснее, оттого, что луна, через открытое окно отбрасывала свои призрачные блики. Луиза, лежала согнув одно колено, к которому прижимались губы Филиппа. Он покрывал поцелуями ноги Луизы, её бёдра, живот. Губы Филиппа блуждали по её телу, вызывая в ней, потоки неистовой страсти, которая сокрушала её ум, сокрушала понимание происходящего, оставляя лишь безумный, дикий инстинкт. Луиза прижала со всей силой голову Филиппа и стала страстно

целовать его в губы. Едва, он отрывался от её губ, как она вновь притягивала и вдыхала в него новые потоки своей страсти. Филипп ворвался в неё и начал быстро двигаться. Луиза, лишь на мгновение оторвалась от его губ, издавая протяжный стон, но сразу же прижалась к губам Филиппа, ещё более страстно, чем прежде. Филипп ускорял движения и вскоре они превратились в несущийся огненный поток, который сжирал Луизу в огне. Луиза вытянула своё тело, извиваясь под Филиппом. Ещё мгновение и Оба издали протяжный стон. Филипп, весь мокрый упал на подушку, рядом с Луизой, чувствуя себя совершенно обессиленным. Луиза возвращалась назад. Ещё не придя в себя до конца от испытанной страсти, она положила голову на обнажённую грудь Филиппа.
- Так будет всегда! – прошептала Луиза, - я буду любить тебя Филипп, любить так, как не любила не одна женщина. Ты мой возлюбленный, мой супруг, моя жизнь и…
- Что?- прошептал с нежностью Филипп, увидев, что она запнулась.
- Ничего, мой возлюбленный- тихо ответил Луиза, - только моя любовь и больше ничего!
Они заснули, так и не разомкнув своих объятий. Утро показалось прекрасным Филиппу. Он опёршись на локоть, смотрел на обнажённую спину Луизу, на её белокурые волосы и удивительно красивые бёдра. Рука Филиппа легла на спину Луизы, а вслед за ней, он губами прижался к тому месту, куда коснулась рука. Поцеловав Луизу, он собирался встать, но не смог. Поцелуй, разбудил Луизу. Она удерживала его за руку и при этом медленно переворачивалась на спину, обнажая красоту своего тела. В глазах Луизы нарастал страсть. Она мягко коснулась, подушками своих пальцев, плоского живота Филиппа, и начала нежно гладить кожу. Филипп напрягся. Не вовремя раздался стук в дверь.
- Послание от Дофина! - за дверью раздался голос Капелюша.
- Иду! - откликнулся Филипп.
- Не тяни слишком долго с возвращением! - прошептала Луиза, не сводя с него страстного взгляда, - я буду ждать тебя в постели.
Слова Луизы, вызвали у Филиппа новые волны страсти.
- Я скоро вернусь!- пообещал Филипп, слегка хриплым от страсти голосом.
Наскоро одевшись, он спустился вниз, где увидел гонца. Гонец с почтительностью протянул ему запечатанное письмо. Филипп взял письмо и сломав печать Дофина, начал читать.
В письмо содержались весьма неприятные известия. Дочитав письмо до конца, Филипп помрачнел. Когда же наступит покой?- с раздражением и злостью думал он.
Он велел вызвать Таньги и Жоржа де Крусто. Те немедленно явились, хотя, чувствовали себя скверно, после ночной попойки.
- В Дофинэ бунт! - коротко сообщил Филипп, - кто- то пустил слух, что мы стали врагами Дофина. Мятежные силы окружили Бурж. Дофин нуждается в немедленной помощи.
С каждым словом, произнесённым Филиппом, оба трезвели всё больше.

- Немедленно соберите все наши силы и отправляйтесь в Бурж. Раскидайте мятежников и пусть все знают, что мы с Дофином за одно!
-А как же твоя встреча с герцогом Бургундским?- недоумённо спросил де Крусто, не можешь же ты один поехать на встречу?
- У меня есть 20 человек из моей личной охраны. Этого достаточно. К тому же, я еду заключать мир. Большое количество людей может оскорбить герцога Бургундского, а это ни в коей мере, меня не устраивает. Я хочу мира, больше чем кто- либо, Только вместе с бургундцами мы можем противостоять предстоящей кампании английской армии. Надеюсь, вы всё правильно поняли?
- А если это ловушка?- спросил с беспокойством Таньги.
- Не думаю. Я знаком с нынешним герцогом Бургундским. Он мне показался достойным человеком!
- Не забывай, ты убил его отца! - предостерёг Таньги, - он может жаждать мести.
- Достаточно разговоров. Принимайтесь за дело, а с герцогом бургундским, я разберусь сам. Спешите, иначе Дофин может пострадать.
Отправив, своих друзей, Филипп навестил своего сына. Который мирно почивал в объятиях Нефизы, а после этого вернулся в свои покои, откуда больше не вышел до следующего утра. А утром, нежно поцеловав спящую Луизу, он покинул замок и во главе 20 всадников, отправился в Орлеан.

Глава 69

Новоиспечённый герцог Бургундский восседал на коне, посредине луга. Рядом с ним, находилось не мене полсотни всадников. Все они сдерживая нетерпение своих лошадей, всматривались в бегущую, слева от них дорогу, на которой должны были появиться Арманьяки.
- Терпение и уважение- в который раз произнёс герцог Бургундский, предостерегая своих людей, - забудьте, что это наши враги, а помните лишь то, что мы приехали заключить мир.
Вслед за этими словами, герцог издал нечленораздельные звуки, после этого пробормотал себе под нос.
- Ничего не боится!
Эти слова вырвались у герцога, после того, как он увидел Филиппа, направлявшегося к нему, с неизмеримо малым, для такой встречи окружением.
Арманьяки остановили своих коней в десяти шагах от бургундцев. Некоторое время, обе стороны окидывали друг друга враждебными взглядами. Герцог Бургундский видел, что обстановка накаляется по мере молчания, тронул коня. Подъехав к Филиппу, герцог Бургундский спешился, приглашая Филиппа последовать его примеру. Филипп спешился и встал напротив него. Несколько минут, они молча смотрели друг на друга испытывающими взглядами, а после этого герцог Бургундский заговорил первым, нарушая молчание.
- В тот день, вы не пожали мне руку, зная, что убьете моего отца?

- Да! - коротко ответил Филипп, - я не мог пожать руку человека, чьего отца собирался убить.
- Честно и откровенно! Хотите сказать ещё по поводу смерти моего отца?
- Мне нечего сказать!
- Выслушайте меня- попросил герцог Бургундский, столь мягким голосом, что вызвал у Филиппа непроизвольное удивление.
- Я прекрасно осведомлён о том, сколько горя причинил вам мой отец! Я всегда осуждал его за это и всегда осуждал за союз, который он заключил с Англией. Признаюсь честно, - голос и облик герцога Бургундского наполнились гордостью и гневом, - я считал его предателем, продавшим свою страну. Я ненавидел его и поэтому, не могу не признать вашу месть справедливой и заслуженной! Я не хочу повторять его ошибок. Я хочу жить в мире с тобой и если бороться, то только с врагами Франции. Я люблю Луизу, несмотря на то, что однажды несдержался. Я люблю её и меньше всего на свете, хотел бы причинить ей страдания. Что бы мы не говорили, а отрицать факт нашего родства мы не можем. Я не хочу быть вашим врагом граф, я хочу быть вашим другом, я хочу быть вашим братом. И если вы в состоянии забыть прошлые обиды и простить зло, причинённое вам, то вот вам моя рука! - герцог Бургундский протянул свою руку.
Филипп, без колебаний, пожал руку герцога Бургундского. Вокруг них раздались радостные крики.
- А теперь позвольте обнять вас как брата и пусть все видят, что отныне мы вместе! - герцог Бургундский открыто улыбнулся Филиппу, а после этого они обнялись. В воздухе всё сильнее и сильнее раздавались приветственные крики.
- Ну вот мы и принесли мир! - улыбаясь сказал герцог Бургундский, - а теперь неплохо бы отпраздновать это, без сомнения великий день.
-Прошу вас в Осер, герцог- дружелюбно предложил Филипп, - разумеется, если вы не сомневаетесь в моём слове!
-В слове своего брата? Вы оскорбляете меня одним предположением граф! - обиженным голосом ответил герцог бургундский, - едемте в Осер и вы убедитесь, что я безгранично доверяю вам. Кроме того, признаюсь вам граф, что очень хотел бы увидеть Луизу.
Филипп улыбнулся. После последних слов герцога Бургундского, у него отпали последние сомнения.
Они вскочили в седло и поехали бок о бок, как старые, добрые друзья. Так же поступили и воины, сопровождающие их. Бургундцы, мирно беседующие с Араманьяками, кто бы мог себе это представить? Только не горожане Осера, которых просто потряс приезд герцога Бургундского. Все, открыв рот глазели на своего монсеньора и герцога Бургундского, которые разговаривали словно никакой вражды и не было.
- Неужели наступил мир?- с надеждой спрашивали друг у друга горожане и возносили молитвы к богу. Прося, чтобы это действительно оказалось правдой.
Луиза встретила брата горячими объятиями. Из глаз бедняжки выкатились слёзы, ибо она даже не надеялась, на то, что действительно происходило.

- Что ты милая сестра, - нежно шептал герцог Бургундский прижимая её к груди, - разве я был так плох, что ты принимала меня, таким как отца?

После трогательной встречи брата и сестры, Филипп объявил, что по случаю установления мира между двумя кланами, весь замок, весь город будет пировать. Едва отзвучали эти слова, как всё вокруг задвигалось, засуетилось. Стали поспешно накрывать столы. Не прошло и часа, как главный зал замка, заполнило множество людей, среди которых не было разделений на своих и чужих. Столы завалили едой и вином. Все шумно наслаждались праздником. Сам Филипп, рядом с которым сидели с одной стороны Луиза, а с другой стороны герцог Бургундский, веселился больше всех. У него была прекрасная жена, прекрасный сын, лучшие друзья. Он установил долгожданный мир. Чего ещё можно было желать?

За время пира, не было произнесено, ни одного оскорбительного слова, ни единого упрёка. Люди веселились от души, понимая, что вражда окончена. Пир продолжался до поздней ночи. И лишь тогда, с радостным настроением, все начали расходиться на ночлег.

Глава 70

В то время, как в Осере все отходили ко сну. Таньги и де Крусто, во главе полутора тысяч всадников, въехали в Бурж. Оба постоянно озирались по сторонам с недоумённым видом. Они не замечали даже намёка на мятеж.

Когда Дофина разбудили и сообщили, что в Бурж прибыл крупный отряд Арманьяков, он набросив на себя халат выбежал из покоев. В кабинете, его ждал Таньги.

- Что случилось?- беспокойно спросил Дофин.

- Ты у меня спрашиваешь?- Таньги поразил этот вопрос. Он вытащил письмо и протянул его Дофину. Дофин бегло прочитал письмо. Его лицо выглядело весьма изумлённым, когда он обратился к Таньги.

- В Дофинэ, нет никакого мятежа. Всё, что написано здесь- ложь, от начала до конца!

- Ложь?- Таньги покрылся мертвенной бледностью, - так это письмо не ты писал?

-Нет! - ответил Дофин и прежде, чем отзвучали его слова, Таньги бросился к двери.

-Что происходит, Таньги? - вслед закричал ему Дофин, но он не слушал его. Таньги буквально вылетел из дворца и побежал к отряду, который не успел даже спешиться.

- Измена!- закричал Таньги, - нас обманули. Скорей назад, граф Арманьяк в опасности!

Меньше, чем через минуту, отряд Арманьяков галопом вылетел из дворца и понёсся по улицам Буржа. Пугая на своём пути одиноких прохожих.

Ветер засвистел в ушах Таньги. он нагнулся к шее своей лошади и шептал:

- Быстрее милая, быстрее!

И лошадь, словно понимая слова Таньги, начала вырываться вперёд.

Рассвет застал многих, спящими во дворе, прямо на земле. Основательно, напившись, они уже не разбирали, что и где находится, поэтому и повалились прямо на земле. Впрочем, некоторым следует отдать должное, потому что они успели подложить под голову сёдла. Ворота замка, так и остались отворёнными с ночи. Никто, больше не думал об опасности. А зачем было о ней думать? Наступил мир. Но, тем не менее, в уже знакомой нам харчевне, было полно людей. Лица их выражали мрачную решимость и ожидание. Все эти люди стояли на ногах, и лишь один из них сидел у окна и нетерпеливо постукивал пальцем по столу, видимо дожидаясь кого то. Наконец, дверь отворилась и в харчевню вошёл Монтегю, у которого был весьма таинственный вид. Он подошёл к сидящему человеку и тихо сказал:
- Наши люди заняли посты на охрану замка. Все спят. Можем идти!
- Час Анатаса пробил! – ответил с мрачной торжественностью, Гилберт де Лануа, ибо это был он, - вперёд братья, уничтожьте Арманьяка и его семя!
Один за другим, люди начали выходить из харчевни. Под полами плащей, у них сверкали ножи. Сбившись в кучу, они проследовали к воротам замка, которые по прежнему оставались открытыми. Монтегю первым прошёл через ворота. За ним последовали все остальные, включая Гилберта де Лануа. Едва, они оказались внутри, как Монтегю приказал двум стражникам, стоявшим подле ворот, закрыть их и поднять мост. Крадучись, около сорока человек, стали пересекать двор. Они разделились по двое и рассыпались в разные стороны, стараясь двигаться как можно тише. По знаку Лануа, они начали убивать одновременно всех тех, кто мирно спал во дворе. Один зажимал спящему рот, другой втыкал в него кинжал. Лишь тогда, когда тело переставало дёргаться, они отпускали его и переходили к следующей жертве. Несколько минут понадобилось, чтобы вместо мирно спящих Арманьяков, на земле лежали их мёртвые тела. Убив всех, кто находился во дворе, они направились к дверям замка.
Капелюш услышал странный шум. Мелькнула мысль о ловушке. Он наспех оделся в комнате, где имел обыкновение спать в последнее время. Она находилась рядом с комнатой прислуги, на первом этаже. Одевшись, он схватил топор и открыв дверь выскочил наружу. Почти сразу же он получил сильный удар чем то тяжёлым по голове и на него набросились несколько человек. Ещё не понимая, что происходит и пытаясь отбиться от нападающих, Капелюш во всю силу своих лёгких закричал:
- Филипп! Берегись!
Его повалили на пол и связали, при этом заткнув рот тряпкой. Капелюш не мог говорить, но он видел и слышал. Над ним нависло лицо герцога Бургундского.
-Не убивайте его! - приказал герцог Бургундский, находившийся в окружении своих людей, - он станет моим подарком английскому королю.
Герцог Бургундский в окружении четырёх человек, появился в холле замка. Он встал посредине холла и смотрел, как к нему один за одним подходят его люди, с окровавленными шпагами. Чуть позже, в

дверях замка появился Гилберт де Лануа, вместе со своими людьми. Вместе, в холле собрались не меньше девяносто вооружённых людей.
- Мы нашли ещё десять человек,- тихо доложил герцогу один из его людей, - всех убили. Слуги тоже мертвы!
Герцог одобрительно кивнул и повернулся к Гилберту де Лануа.
- Замок в наших руках монсеньор. Остался лишь один человек… но Лануа не договорил, потому что на лестнице появился Филипп в расстегнутой рубашке и со шпагой в руке. Взгляд его метал молнии.
- А вот и он! - герцог Бургундский злорадно усмехнулся.
- Негодяй, вот какова цена твоим клятвам!- закричал Филипп в ярости, - да ты во сто раз хуже своего подлого отца. Тот хоть имел смелость открыто сражаться.
- Ты и вправду надеялся, что я прощу тебя?- злобным голосом осведомился герцог Бургундский, - после того, как ты уничтожил половину нашей армии? После того, как ты опозорил меня перед сотнями людей? Ты издевался надо мной и оскорблял меня и после всего этого, ты думал о мире? Глупец! Я снесу твой замок. Я уничтожу твой город. Я убью всё то, что носит имя Арманьяк!- герцог Бургундский хищно сощурил глаза.
За спиной Филиппа появилась Луиза, в одном ночном халате. Она сбежала по лестнице и бросилась к своему брату. В глазах Луизы стоял ужас.
- Кто эти люди брат?- закричала Луиза, - почему у них в руках оружие?
Герцог Бургундский притянул Луизу к себе и поцеловал её в лоб со словами;
- Спасибо тебе за помощь, дорогая сестра!
И тут же обратившись к своим людям, указывая на Филиппа спокойно добавил;
- Убить его и мерзкое отродье Арманьяков. Я не допущу той же ошибки, что мой отец!
Люди ринулись по лестнице.
- Будь ты проклята Луиза! - яростно закричал Филипп, - будь проклята! Не будет тебе прощения на этой земле, убийце мужа и собственного сына!
Против Филиппа лавиной двинулось около сорока человек. Понимая, что на широкой лестнице, у него нет шансов, Филипп отбежал назад и помчался по коридору. Вслед ему доносились душераздирающие крики Луизы.
- Нет Филипп. Не верь ему! Я не предавала тебя!
Луиза рыдая пыталась вырваться из цепких объятий своего брата, но тот не отпускал её.
- Ты чудовище! - закричала Луиза и изо всех сил ударила его по лицу. В ответ герцог Бургундский ударил её кулаком. Луиза упала на пол, из носа хлынула кровь.
-А ты подстилка Арманьяка, блудница! - спокойно ответил он и оправил рукав костюма.
Луиза встала на ноги, и попыталась было бежать, но герцог Бургундский приказал связать её и бросить на пол. Луиза не могла ничем помочь Филиппу. Она навзрыд плакала и умоляла брата

пощадить хотя бы её сына, но герцог Бургундский был глух к её просьбам.
Тем временем, Филипп достиг узкой винтовой лестницы. Которая вела в одну из башен замка. Он поднялся на несколько ступенек и обернулся, в ожидании, когда враги набросятся на него. Весь облик Филиппа полыхал яростью. Глаза горели неописуемой ненавистью. Увидев облик Филиппа, который напоминал им самого дьявола, убийцы на мгновение остановились, но потом набросились на Филиппа. Одновременно, на лестнице умещались лишь два человека, Филипп воспользовался этим обстоятельством. Первый же натиск, оставил два трупа на ступенях лестницы. Филипп действовал с неумолимой быстротой. Его шпага мелькала, среди нападающих, сея среди них смерть. Филипп отражал удары. Шаг за шагом, отступая назад. Едва выдавалась хоть малейшая возможность, он немедленно атаковал и очередной человек падал на ступенях. Идущим следом, приходилось переступать через трупы. Один из атакующих с резким воплем бросился с кинжалом на Филиппа. Шпага Филиппа, по рукоять вошла ему в живот. Тело зависло у него в руках. Филипп решительно обрушил его на поднимающихся убийц. Первые двое не удержали равновесия. Воспользовавшись этим, Филипп ударил одного ногой в грудь и тот покатился. Увлекая за собой остальных. Седлав это, Филипп не успел быстро отскочить и на бедре появилась рана, от удара кинжалом.
- Он ранен! Он ранен!- раздались радостные крики.
- Ранен, но не убит! - закричал Филипп, перескакивая через ступеньки вниз и раздвоенным ударом, укладывая двоих на ступени. Сделав это, он отскочил назад.
- Что там происходит? - раздражённо спросил герцог Бургундский у одного из своих людей стоявших наверху.
- Монсеньор, его ранили! - последовал ответ, - но он уже убил по меньшей мере 10 наших людей.
-Все наверх! - скомандовал герцог Бургундский, - убейте наконец Арманьяка.
Все бросились выполнять приказ.
Филипп чувствовал, что силы его на исходе. Слишком много врагов было против него. От кровоточащей на бедре ране, начало мутиться сознание. Он ожесточённо дрался, но с каждой следующей минутой понимал, что его силы скоро иссякнут. Очередная атака и он снова убил двоих. Их тут же заменили другие. Один за другим, Филипп получил два удара. Один в плечо, другой в ногу. Кровь заструилась со всех ран. Напрягая остатки сил и понимая, что у него осталось всего несколько минут, чтобы совершить невозможное, Филипп, быстро подобрал у рухнувшего тела, кинжал и двинулся вниз на своих врагов. Стремительно размахивая шпагой и кинжалом, он начал сеять смерть и опустошение в рядах врага. Атака привела врагов в ужас. Он один, окровавленный, противостоял не менее полусотне вооружённых людей. И эти люди отступили перед ним. Они со страхом смотрели, как среди груды трупов, возвышался так и не побеждённый человек с гордой улыбкой. Филипп сделал несколько шагов вниз, выбираясь из горы трупов. Враги с ужасом начали отступать назад. Филипп сделал ещё

шаг и бессильно опустился на одну из ступенек. Во время последней атаки, он получил не меньше десятка ран и теперь медленно умирал, но не переставал гордо улыбаться. Усилием воли, он поднял голову и посмотрел потухающим взглядом на своих врагов. Даже видя, что Филипп сидит на степенях лестнице и истекает кровью, они не решались подойти к нему. Это сделал герцог Бургундский. Он пробрался вперёд и подошёл к Филиппу.
-Где твой сын?- закричал он, - отвечай. Где твой сын? Куда ты его спрятал?
В эту минуту, к нему пробрался Гилберт де Лануа, лицо которого полыхало от бессильной злобы.
- Мальчика нигде нет, - сообщил он, мы обыскали весь замок, но нигде его не нашли.
- Где он? - закричал Гилберт де Лануа в лицо Филиппу, - говори где твоё отродье?
Голова Филиппа поднялась в последний раз.
- Вы опоздали, Мемфиза забрала его… я поверил ей и этим спас своего сына.
- Мемфиза мертва- закричал Лануа, - я сам, собственными руками убил её. Отвечай, где твой сын.
Филипп тихо покачал головой.
- Он придёт за вами, придёт… мой сын!
Эти слова стали последними. Филипп испустил дух.
- Получай,- завопил в бешенстве Гилберт де Лануа, вонзая множество раз кинжал в мёртвое тело Филиппа.
- Достаточно! - остановил его герцог Бургундский, - надо уезжать, а то не ровен час, появятся Арманьяки. Он подозвал к себе Монтегю, который всё это время, стоял в стороне и наблюдал за происходящим.
- Ты получишь награду, как я обещал! - сказал ему герцог Бургундский и продолжал, - но после того, как отправишься к королю Англии и расскажешь, что графа Арманьяка больше нет. Да. Забери заодно и одноглазого, авось пригодится королю. И кто-нибудь освободите мою сестру.
Герцог Бургундский в сопровождение Монтегю, покинул замок, а следом и Осер. Арманьяки, охранявшие ворота города, приветствовали своего начальника со всей учтивостью. Они даже не подозревали, какая трагедия разыгралась в замке, и беспрепятственно выпустили всех из города.

Таньги и де Крусто, первыми ворвались в город. Они не останавливали бег лошадей, вплоть до моста, но там им пришлось не только остановиться, но и спешиться. Множество людей, стояли на мосту и вокруг него. Все они были необычно тихи. Оба почувствовали недоброе. Расталкивая толпу, они перебрались через мост и вошли в ворота. Чтобы сразу же остановиться при виде ужаса, представшего перед их глазами. Двор был полон мертвых тел. Таньги и де Крусто бросились со всех ног внутрь. Они бегом поднялись на второй этаж и вошли в покои Филиппа. Они были пусты. Они вышли из покоев Филиппа, и в это мгновение, услышали тихий плач. Бледнея, с каждым шагом всё больше, они двинулись туда, откуда он доносился. Дойдя до лестницы, оба замерли, а

потом с глухими стонами рухнули на колени. Перед ними, на лестнице, сидела Луиза, из глаз которой непрерывным потоком текли слёзы. Она раскачивалась, из стороны в стороны, словно убаюкивая мёртвого Филиппа, голова которого покоилась у неё на коленях.

Эпилог

Пятью днями позже, король Англии, созерцал перед своими очами, раболепную позу Монтегю, рядом с которым лежал связанный Капелюш.

Когда короля спросили, что делать с пленным? Он посмотрев, на могучее телосложение Капелюша, сказал два слова:

-На галеры!

Капелюша, тут же уволокли. Король, после этого обратился к Монтегю.

- Признаться сударь, я завидую герцогу Бургундскому- сказал король, - ему удалось сделать то, что не удалось сделать покойному герцогу и даже мне. Расскажите, как всё происходило?

Монтегю подробно описал королю, все предыдущие события. Он в подробности описал смерть графа Арманьяка. Король внимательно выслушал Монтегю, затем долго думал и в конце произнёс:

- Мой казначей выдаст вам тридцать Серебреников, отдадите их от моего имени герцогу Бургундскому, он их вполне заслужил. А что касается вас,- король покопался в кармане и вытащив оттуда медную монету, бросил её в лицо Монтегю, - вот то, чего заслуживаете вы.

В то же самое время, когда король Англии бросил медную монету в лицо Монтегю, в монастыре близ Буржа, отворилась дверь и в усыпальницу вошла Мирианда, облачённая в чёрное платье. В середине усыпальницы, на невысоком пьедестале, лежало тело Филиппа. Вокруг него горели сотни свечей. Мирианда подошла к коленопреклонённой Луизе, которая горячо молилась у тела Филиппа и положила ей на плечо свою руку.

- Пора Луиза! Я не мешала твоему счастью, так и ты позволь остаться наедине с моим горем!

Луиза медленно поднялась с колен. Изнеможенное лицо, с печатью глубоко страдания. Луиза подняла безжизненный взгляд на Мириванду.

- Ты оказалась счастливее меня! Я провела лишь несколько мгновений, рядом с ним, тебе же предстоит вечность! Ты отдала мне своего возлюбленного! Я же отдаю тебе своего супруга! Прощай Мирианда! Прощай Филипп!

Луиза склонилась и поцеловала Филиппа в лоб, затем не оглядываясь покинула усыпальницу.

После её ухода, Мирианда коснулась губами, руки Филиппа и прошептала:

- Я не покину тебя, мой прекрасный возлюбленный!

Конец первой книги